

В. И. ШАХОВСКИЙ

ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ
ЭМОЦИЙ

МОНОГРАФИЯ

Москва
2008

Шаховский В.И.

Ш32 Лингвистическая теория эмоций: Монография. – М.: Гнозис, 2008. – 416 с.
ISBN 978-5-94244-019-0

Данное издание является результатом многолетней работы автора в рамках проблематики научно-исследовательской лаборатории ВГПУ «Человеческий фактор в языке: язык и личность». Новая книга продолжает разработку концепции лингвистики эмоций, впервые сформулированной в монографии «Категоризация эмоций в лексико-семантической системе языка» (1987 г.) и развиваемой в ряде других изданий: «Язык и эмоции» (1995, 2004 гг.), «Эмоции в деловом общении» (1998 г.), «Текст и его когнитивно-эмотивные метаморфозы» (1998 г.), «Эмотивный код языка и его реализация» (2003 г.), «Лингвокультурология эмоций» (2005 г.) и др.

В настоящей монографии обосновываются положения сложившейся лингвистической теории эмоций, которую автор представляет широкой научной общественности, а также всем интересующимся новыми парадигмами современного языкознания.

Библиогр.: 349 назв.

ББК 81.2

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	5
Часть I	
ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ЛИНГВИСТИКИ ЭМОЦИЙ	
Глава 1. ЧТО ТАКОЕ ЛИНГВИСТИКА ЭМОЦИЙ	13
Глава 2. ЭМОЦИИ КАК ПРОБЛЕМА АНТРОПОЦЕНТРИЧЕСКОЙ ЛИНГВИСТИКИ	31
Часть II	
ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ РЕАЛИЗАЦИЯ ЭМОЦИЙ	
Глава 1. КАТЕГОРИЗАЦИЯ ЭМОЦИЙ В ЯЗЫКЕ	53
Глава 2. ВЕРБАЛИЗАЦИЯ ЭМОЦИЙ В РЕЧИ	127
Глава 3. ТЕКСТОЛИНГВИСТИКА ЭМОЦИЙ	180
Часть III	
КОММУНИКАТИВНОЕ ПРОСТРАНСТВО ЭМОЦИЙ	
Глава 1. ЭМОЦИИ В АКТАХ МЕЖЛИЧНОСТНОГО И ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОГО ОБЩЕНИЯ	259
Глава 2. ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЯ ЭМОЦИЙ	282
Глава 3. ЭМОЦИИ В ИГРОВОМ КОММУНИКАТИВНОМ ПРОСТРАНСТВЕ	353
Заключение	383
Список литературы	389
Терминологический указатель	409
Подробное оглавление	414

ВВЕДЕНИЕ

Эмоции сегодня в моде. Они охватили всё коммуникативное пространство *Homo loquens*: СМИ, политику, бытовое и художественное общение. Эмоции стали важнейшими компонентами разума, мышления и языкового сознания современного человека, принадлежащего к любой лингвокультуре.

Различные эмоциональные переживания, представленные в словах и высказываниях, понятны всем говорящим на данном языке. Это объясняется тем, что эмоции данной языковой общности социологизированы и психологизированы, т. е. обобщены видовым национальным опытом данного народа потому, они не только являются формой оценивания среды обитания того или иного языка, но и составляют значительный фрагмент этой среды обитания и картины мира. В этом плане эмотивность как лингвистическая категория является имманентным свойством языка выражать психологические (эмоциональные) состояния и переживания человека через особые единицы языка и речи — эмотивы [Шаховский 1984; 1987].

В настоящее время в эмотиологии сложился целый комплекс теоретических подходов, составляющих основу лингвистических исследований. Проблематика данной научной области активно разрабатывается в трудах отечественных лингвистов: в докторских диссертациях (Л. Г. Бабенко, В. И. Болотов, С. Г. Воркачев, В. И. Жельвис, С. В. Ионова, Н. А. Лукьянова, Ю. М. Малинович, Э. А. Нушикян, Р. С. Сакиева, О. Е. Филимонова, З. Е. Фомина, В. И. Шаховский, И. А. Щирова и др.), многочисленных кандидатских диссертациях (И. В. Быдина, А. А. Водяха, Т. А. Графова, П. А. Долгих, Н. А. Намталишвили, Н. Н. Панченко, Я. А. Покровская, И. В. Томашева, Э. А. Трофимова, И. И. Чесноков и мн. др.), в лексикографической теории и практике (Ю. Д. Апресян, В. Ю. Апресян), в сборниках научных трудов и монографиях. За рубежом внимание эмоциональному аспекту языка уделяют А. Вежбицкая, Б. Волек, Дж. Эйчисон и др.

В общем виде суть лингвистического подхода к изучению эмоций выглядит так: есть мир (объект), есть человек (субъект), способный

отражать мир. Но отражает этот мир человек не механически, а страстно, избирательно: только то, что ему необходимо в данный момент или по каким-либо причинам интересно. Эмоции этот процесс отражения регулируют, выступая в роли посредника между миром и его отражением в языке человека: эмоции выражают значение объектов мира для человека. Эмоции как психическое явление отражают (то есть воспроизводят) в сознании человека его эмоциональные отношения к миру. Эти эмоциональные отношения являются хотя и субъективными, но социально осознанными и потому в определенной степени типизированными. Эмотивы категоризируются по объему эмоций в их семантике (аффективы, коннотативы и потенциативы), по модусу их существования (языковые, речевые), по типу эмотивной семантики (подробнее см.: [Шаховский 1987; 1987а]), по параметру эксплицитности/имплицитности выражения.

Фиксирование эмоциональных процессов проходит посредством психического механизма их отображения в семантике слов, используемых для вербализации эмоциональных отношений. Отображение видового опыта эмоционального состояния локализуется в смысловой структуре соответствующих слов — образов тех объектов, с которыми они соотносятся. Это отображение кодируется в слове специфическими компонентами его семантики, которые и формируют эмотивность слова, то есть его семантическую способность репродуцировать в соответствующих типизированных условиях видовой опыт вербального (оязыковленного) выражения определенных эмоциональных отношений субъектов. Эмоция «хранится» в слове в виде идей о ней, эта идея может «оживать» и «разворачиваться» до соответствующей данному моменту переживаемой человеком эмоции. Так эмоции «проникают» в слова, закрепляются в них, «хранятся» в них и при необходимости манифестируются, выражаются и опознаются с помощью этих слов.

К этому перечню теоретических положений можно добавить данные лингвистики прототипов, провозглашающую оценку прототипом эмоции: «мы испытываем какую-либо эмоцию к X, что ассоциируется с положительной, отрицательной или нулевой оценкой» [Noth 1992: 72], ибо эмоция — это форма оценки субъектом объекта мира. В связи с этим сторонники прототипического подхода считают, что структура естественных категорий в целом отражает структуру реальностей, хотя и в огрубленном виде. Поэтому принципиально возможно определять эмоции в терминах прототипической ситуации и прототипической

реакции на нее [Мягкова 2000]. Отсюда и важность лингвистического подхода для осуществления феноменологической категоризации эмоций. Посредством данного тезиса можно подчеркнуть исключительную роль языка и языкознания как науки о вербализации, аккумуляции, структуризации и межпоколенной трансляции знаний вообще и знаний об эмоциях, полученных человеком через его языковое сознание и со-осознание своего эмоционального опыта.

Сегодня названные концептуальные положения пополняются новыми фактическими и теоретическими данными: новое освещение получает проблема определения понятия эмоциональной картины мира, проблема номинации эмоций средствами разных языков, национально-культурной специфики выражения эмоций, соотношения лингвистики и паралингвистики эмоций. Разностороннему изучению подвергается система эмотивных знаков и способов «упаковки» концептов с разным эмоциональным наполнением. Важным этапом в достижении новых знаний о концептуализации и вербализации сферы человеческих чувств стало изучение текстообразующего потенциала эмоций, их мотивирующей и реализующей функции.

В то же время, являясь прежде всего объектом психологии, физиологии и философии, эмоции по-прежнему в большей степени являются предметом исследования данных дисциплин и в меньшей степени — лингвистики. Это объясняется самой природой научного объекта: данные об эмоциях, полученные в этих областях, являются тем фоном, который помогает в разработке лингвистических проблем эмоций. То, что в номенклатуре концепций долгое время отсутствовала лингвистическая концепция эмоций, объясняется также следующим: лингвистика позже всех осознала, что эмоции являются ее предметом, и из-за отсутствия должного объема знаний о нем долго не формулировала основных подходов своего исследования в сфере эмоций. Помимо этого, тот факт, что мы, языковеды, являемся одновременно эмоциональными людьми, делает лингвистику эмоций сложным делом: исследователю эмоций в языке невозможно быть отстраненным, беспристрастным при описании единиц наблюдения.

Современные работы по теории эмоций отражают существующее положение дел в этой области знания, характеризующееся как сосуществование многочисленных концепций эмоций. В связи с обилием теоретических подходов и разнообразия методов работы с эмотивным материалом напрашивается вывод о том, что ни одна из существующих концепций не является исчерпывающей, а работы ученых,

представляющих различные отрасли науки о человеке, отражают индивидуальное видение проблемы. И все же, как замечает В. К. Вилюнас, «формулируемые в них положения при всей внешней несхожести иногда оказываются больше взаимодополняющими, чем противоречащими» [Вилюнас 1984: 5]. При всех различиях их объединяет единый объект — эмоции как явление действительности, а предлагаемые концепции эмоций представляют собой исследования, абсолютизирующие для себя одну из подструктур изучаемого объекта. Высокая степень понимания и лингвистического осмысления всех сторон эмотивности языка является предпосылкой построения адекватной ей теории.

Предшественниками теорий обычно являются пробные концепции, отрабатываемые в ходе экспериментов и исследований. По мнению Г. Гийома, именно так формируется наука, это ее единственный путь развития: опыт, представляющий собой наблюдение, ценен только тогда, когда он ведет к новому, не достигнутому у этого времени пониманию. Научная деятельность — это колебание от наблюдения к пониманию, превосходящему наблюдение, и от этого понимания к наблюдению на новом уровне [Гийом 1992]. В случае лингвистики эмоций в основу теории, по нашему мнению, может быть положена уточненная и расширенная концепция, предложенная нами в 1987 г. и разрабатываемая учеными волгоградской лингвистической школы в многочисленных трудах, в которых обосновываются положения лингвистической теории эмоций.

В рамках тематики разработок научно-исследовательской лаборатории «Человеческий фактор в языке: язык и личность», действующей в Волгоградском государственном педагогическом университете, выработан последовательный, теоретически обоснованный подход, развивающий основополагающие положения лингвистической концепции эмоций, впервые сформулированные в монографии «Категоризация эмоций в лексико-семантической системе языка» [Шаховский 1987] и развиваемые в ряде других работ: «Язык и эмоции» [1995; 2004], «Эмоции в деловом общении» [1998], «Текст и его когнитивно-эмотивные метаморфозы» [Шаховский, Сорокин, Томашева 1998], «Эмотивный код языка и его реализация» [2003], «Лингвокультурология эмоций» [Шаховский 2005] и др.

Данное издание обобщает результаты многолетней работы автора над проблемой «Язык и эмоции» и предлагает собственную лингвистическую теорию эмоций, которая основана на единой методологии,

объединяющей разные подходы, и апробирована в многочисленных работах учеников и последователей.

Глубина новых работ, посвященных исследованию этих и других проблем, решаемых отечественными учеными, в том числе волгоградскими эмотиологами, проявляется в детализации понятия эмотивности, в отражении результатов кодирования социально типичных и субъективных, личностных, индивидуальных эмоций, в описании эмоциональных компонентов семантики языковых единиц и коммуникативных особенностей эмоциональных речевых актов.

Для целей категоризации эмоций в лексико-семантической системе языка наибольший интерес представляет концепция эмоций как формы оценочного отражения действительности (в парадигме философии) и концепция эмоций как особого психического пласта, надстраивающегося над познавательным образом (в парадигме психологии). В данной работе предлагается их модификация, полученная в результате взаимодействия этих двух концепций. Причиной их использования при разработке лингвистической теории эмоций явилось признание обеими из них факта участия эмоций в процессе познания / когниции (см.: часть I данного издания).

В центре научных интересов представителей лингвистики эмоций на данном этапе находятся проблемы динамики языкового кода, развития и реализации его скрытых возможностей; вопросы эмоциональной специфики речи в разных условиях общения, механизмов распознавания чужих эмоций и управления собственными эмоциями в процессе коммуникации, согласования эмоций разного качества, стимуляции положительных и нейтрализации отрицательных эмоций в актах межличностного, институционального и межкультурного общения. Современное состояние эмотиологии характеризуется также переходом от исследования унифицированных, типизированных эмоций и семантического пространства языка к изучению эмоционального смыслового пространства языковой личности [Эмотивный код языка и его реализация 2003]. Данные вопросы нашли отражение во II и III частях предлагаемой монографии.

Сегодня проблема «эмоции в языке» является одной из наиболее актуальных лингвистических задач: защищаются сотни диссертаций, в которых исследуется эмоциональная составляющая разных языков, появляются статьи и монографии, которые позволяют говорить о существовании мощного и разветвленного научного направления — отечественной лингвистики эмоций. Методологический аспект катего-

рии эмотивности заключается в том, что она может служить ключом к анализу внутренней формы слова (языка).

Мы, лингвисты-эмотиологи, предполагаем: в начале было не Слово, в начале была Эмоция, поскольку в основе первичных и вторичных номинаций всегда, с самого начала лежали эмоции человека, еще не *Homo loquens*, но уже *Homo sentiens*. Ни одного слова не родилось без эмоций человека — этого самого решающего психологического фактора биологического и социологизированного индивида. Это объясняется тем, что «сугубо личный эмоциональный элемент... несмотря ни на что, постоянно просачивается в выражение чистой мысли» [Балли 1961]. Многочисленные исследования волгоградских лингвистов (около 500 публикаций) и мои собственные многочисленные исследования подтверждают это предположение.

Надеюсь, что знакомство читателей с этапами, основными положениями, терминологией сложившейся лингвистической теории эмоций, представленными в данной работе, будет способствовать лучшему пониманию ее проблем, активизации их исследований и дальнейшему развитию этой отрасли языкознания.

Часть I
ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ
ЛИНГВИСТИКИ ЭМОЦИЙ

Что такое лингвистика эмоций

Эмоции как проблема антропо-
центрической лингвистики

Глава 1

ЧТО ТАКОЕ ЛИНГВИСТИКА ЭМОЦИЙ

§ 1. Лингвистика эмоций: от концепции к теории

Профессор Оксфордского университета Джин Эйчисон в одной из своих работ [Aitchison 1985] сетует на то, что лингвисты боятся эмоций и мало о них пишут. До середины 70-х годов проблема языковой концептуализации и вербализации, равно как и категоризации эмоций, действительно была довольно экзотической и опасной: работы, изредка появлявшиеся в лингвистике на эту тему, чаще вызывали неприятие, чем интерес.

Своими корнями лингвистика эмоций восходит к давнему спору большой группы лингвистов (например, М. Бреаль, К. Бюлер, Э. Сепир, ван Гиннекен, Г. Гийом, Ш. Балли и др.) о том, должна ли лингвистика заниматься эмоциональными составляющими. Долгое время ученые расходились в оценках и мнениях по данному вопросу. Часть из них считала, что доминантой в языке является когнитивная функция, и потому они исключали изучение эмоционального компонента из исследований о языке (К. Бюлер, Э. Сепир, Г. Гийом). Другая группа ученых (Ш. Балли, ван Гиннекен, М. Бреаль) выражение эмоций считали центральной функцией языка.

По мнению С. Kerbrat-Orecchioni, место эмоций в лингвистике XX века минимально, так как проблема выражения эмоций не является основной [Kerbrat-Orecchioni 1977]. Действительно, язык служит прежде всего для передачи актуальной информации, для рациональной обработки полученных знаний и для их межпоколенной трансляции, но все эти процессы не могут не сопровождаться чувствованиями, переживаниями, желаниями и потому не могут не учитываться лингвистикой. Подобные мнения ученых, видимо, появились под влиянием устаревшего в наше время мнения Э. Сепира, который считал язык инстинктивным средством (ср.: [Pinker 1994]). По Э. Сепиру, «образование *идеи* для языка имеет большее значение, чем проявление воли и эмоции» [Sapir 1921]. С этим мнением сегодня согласиться нельзя, поскольку в человеке все движимо эмоциями, в том числе его

креативное мышление, его аксиологическое поведение, все его вербальные рефлексии, в том числе и эмоциональные.

Признавая, что большинство слов во всех языках имеет эмоциональную составляющую, которая является результатом получаемого человека удовольствия или боли, некоторые французские лингвисты (см. [Kerbrat-Orecchioni 1977]) утверждали, что эта составляющая, однако, не входит в семантику слова, а представляет собой нарост, ассоциацию, входящую в концептуальное ядро. Это положение противоречит достижениям отечественных психолингвистов, по мнению которых деление словарного состава языка на эмоциональный и нейтральный неоправданно, поскольку любое слово дискурсивно и может быть эмоционально заряженным [Сорокин 1998; Мягкова 2000; Шаховский 1998].

Об этом же писали в свое время Ш. Балли, и Э. Станкевич, Д. Гоулман и Э. Стивенсон, да и сам Э. Сепир фактически признавал, что эмоции могут быть выражены языком. С. Kerbrat-Orecchioni [1977] отмечает, что эмоции могут быть выражены и телом, и в этом можно согласиться с автором, как и в том, что эмоции субъективны и они «подкрашивают» действительность. Но, по мнению данного исследователя, и эмоции, и язык, и тело являются неизменными формами демонстрации всего лишь инстинктов, присущих животным, поэтому они не могут быть рассмотрены как культурный концепт языка. С этим мнением современная лингвистика, в частности лингвокультурология и психолингвистика, согласиться уже не может.

Отечественная лингвистика эмоций сегодня далеко ушла от того времени, когда были актуальны заявления, подобные следующим: «эмоциональной лексики в языке нет» (Е.М. Галкина-Федорук), «эмоции не входят в структуру языка» (В.А. Звегинцев) и т. п. С тех пор, как начали зарождаться контуры новой, гуманистической лингвистической парадигмы (с ее пристальным вниманием к создателю, носителю и пользователю языка, к его психологии), лингвисты уже не могли обойти сферу эмоций как самый человеческий фактор в языке. На смену общеизвестному категоричному Звегинцевскому «это не язык» приходит осознание того, что Ш. Балли во многом был прав, утверждая, что в языке все движимо эмоциями, и провозгласив приоритет аффективного в языке. Теперь бесспорны утверждения иного типа: «в языке все эмоционально» (Ш. Балли), «все высказывания эмоциональны» (В.Г. Гак), «вся лексика языка/речи эмоциональна» (Е.Ю. Мягкова и др.).

В результате все увеличивавшегося интереса западных ученых (работавших в различных областях знания, в том числе и в области языкознания) к данной проблеме при Гарвардском университете в 1985 г. был создан Международный центр по исследованиям эмоций. В 1987 г. на пленарном заседании XIV Международного конгресса лингвистов в Берлине прозвучал доклад Ф. Данеша об эмоциональном аспекте языка [Danes 1987], в котором открыто и убедительно говорилось о тесной взаимосвязи когниции и эмоции, была показана огромная лингвистическая значимость изучения этой стороны языка. По мнению Ш. Балли, эмоциональные компоненты существуют на всех этих уровнях языка (что подтверждается современной лингвистикой эмоции [Goleman 1997; Шаховский 2001; Филимонова 2001 и др.]). Решением конференции проблема «Язык и эмоции» была названа в числе пяти приоритетных направлений современных лингвистических исследований. Этот факт побудил многих отечественных и зарубежных лингвистов перенести проблемы языкового выражения и коммуникации эмоций в центр исследовательской тематики.

Немецкие лингвисты, которые особенно плодотворно разрабатывали проблемы текстолингвистики, обратили внимание на то, что любой художественный текст облигаторно воспроизводит эмоциональную жизнь людей. В художественном произведении особенно очевидно, что целью их речевой деятельности в абсолютном большинстве случаев является эмоциональный контакт (фатическая функция эмоций) или аффектация чувств (прагматическая функция эмоций). В художественном тексте эмоции наблюдаются не прямо, а через специфические языковые знаки, которые материальны, наблюдаемы и служат для манифестаций эмоций [Nischik 1992: 190]. Именно благодаря текстолингвистике, привлекая внимание языковедов к эмоциям в тексте, из 35 докладов, прочитанных в 1991 г. на конференции Anglistentag в Дюссельдорфе (ФРГ), 18 было посвящено языку эмоций, эмоциональному лексикону, синтаксису, пунктуации, метафоре, а также многочисленным проблемам межкультурной специфики вербальной и невербальной манифестации эмоций [Anglistentag 1991].

В настоящее время в отечественной эмотиологии сложился целый комплекс теоретических подходов, составляющих основу лингвистических исследований и разработок в смежных областях. С тех пор, как в 1970 г. академик А.А. Леонтьев отметил, что в отечественной науке отсутствует лингвистическая теория эмоциональной стороны речи [Леонтьев 1970], в языкознании и психолингвистике сделано

очень многое для разработки подобной теории, теории, которая оказывает существенную методологическую помощь исследованию перечисленных выше и многих других проблем эмотологии и лингвистики в целом.

§ 2. Достижения и проблемы современной лингвистики эмоций

Всемирная гуманитарная наука накопила огромный багаж знаний об эмоциональном мире человека. Лингвистический аспект человеческой эмоциональности сегодня стал неотъемлемой частью научных изысканий в разных областях знания. Именно благодаря языковым данным были обоснованы и уточнены важнейшие положения теории человеческой эмоциональности и лингвистической теории.

Сегодня уже практически нет сомнений в том, что эмоции являются мотивационной основой сознания, мышления и социального поведения. Отечественные лингвисты Э. С. Азнаурова, И. В. Арнольд, С. Б. Берлизон, Е. М. Галкина-Федорук, М. Д. Городникова, В. А. Мальцев, Н. М. Павлова, О. И. Быкова, Н. М. Михайловская, автор этих строк и др., опережая западноевропейских и американских лингвистов, стояли у истоков нового, эмотологического направления в лингвистике, еще замкнутой в ее тесных рамках системно-структурной парадигмы. Именно поэтому в отечественной традиции уже сложились подходы к разработке проблемы эмоциональной концептосферы, культуры, толерантности, эмоционального поведения, эмоциональной / эмотивной лакуарности во внутри- и межкультурной коммуникации.

Установлено, что эмоции включены в структуру сознания и мышления, что они сопряжены с когнитивными процессами и с *mental style*. Каждая эмоция имеет свои характерные знаки, каталог которых формирует семиотику эмоций человека. В то же время эта корреляция не является моделью типа *one-emotion-one-style*. Эмоции тесно связаны со знаниями: меняются знания, мысли, и это влечет за собой изменение эмоций человека.

Чрезвычайно интересным для современной лингвистики эмоций является утверждение о том, что чем более эмоционально нагружен знак, тем он менее лингвистичен; чем больше он становится лингвистичным, тем больше эмоциональности он теряет (Ш. Балли, цит. по: [Kerbrat-Orecchioni 1977]). Это мнение Ш. Балли нетрудно оспорить с

позиции современной коммуникативистики. В эмоциональном типе коммуникации, в эмотивных речевых актах эмоциональные знаки несут (выражают) вершинные смыслы именно потому, что они остаются лингвистическими (см., например, междометия, эмоционально-усилительные наречия, прилагательные, восклицания, инвективы и т. п.). Приведенное заявление Ш. Балли требует экспериментальной проверки, поскольку эмотивность выражения напрямую зависит от типа дискурса и от эмоционального состояния коммуникантов. Если Ш. Балли имел в виду дискурсивное и индивидуальное употребление лингвистического языкового знака, то можно с ним согласиться. Однако его противопоставление лингвистичности и эмоциональности языковых знаков с позиции современной психолингвистики представляется ошибочным: с точки зрения современной науки, семантика всех слов всегда ингерентно или адгерентно эмоционально нагружена.

Напомним, что аналогичные противопоставления делал и Р. Jakobson, выделяя знаки, выполняющие экспрессивную (междометия) vs репрезентативную функции [Jakobson 1963]. Как отдельные функции языка эти две функции действительно следует выделять. Но в речевой деятельности (особенно в художественной) репрезентативные знаки могут выполнять экспрессивную функцию, поэтому такое деление с позиции лингвистики эмоций является условным.

Современно звучит мысль М. Бреала о том, что речь была создана не для описания, повествования и непредвзятых рассуждений, а для того, чтобы выражать желание, делать предписания, а все это не может быть произведено без эмоционального сопровождения (ср. с вышеприведенным мнением Р. Jakobsona). Сегодня большая часть лингвистов признает наличие в слове эмоционального и рационального компонентов и соглашается с тем, что стилистика речи задается эмоциональным выбором говорящего (ср.: бытовая речь, художественная коммуникация и др.).

Установлено, что эмоции меняются во времени — разному возрасту человека «приписаны» свои эмоции, различным поколениям людей свойственны более или менее различные доминантные эмоции (сравним XVIII век сентиментальности и сенсуальности с XX — веком прагматизма и жестокости). Являясь частью естественного развития человеческой расы, эмоции универсальны и узнаваемы во всех культурах. Выделяются фундаментальные эмоции, количество которых (инвентарь), однако, различается в разных научных школах. Признается, что все эмоции конституируются социокультурными параметрами

[Diller 1992: 26], поэтому, помимо универсальных эмоциональных переживаний, наблюдаются и специфические для определенной культуры эмоции. Напомню, что культура находит свое отражение в языке [Язык. Сознание. Этнос. Культура 1994; Язык и культура 1992], а так как эмоции являются составной частью культуры любого народа, то они облигаторно концептуализируются и вербализуются в его языке.

Нормы выражения эмоций тоже нестабильны и меняются от культуры к культуре, от эпохи к эпохе внутри одной культуры, от одного социального класса к другому. Со временем они предписывают использование различных средств (vocal / nonvocal, verbal / nonverbal) и способов выражения эмоций. Так, в XVIII в. — веке эмансипации эмоций — было модным падать в обморок (см. сенсуальные романы западноевропейских писателей), запрещено было произносить и печатать инвективы, знак «носовой платок» входил в семиотику горя, разлуки. В середине XIX в., судя по данным художественной литературы того времени, англоговорящие народы демонстрировали холодность и безразличие друг к другу, сменившиеся в XX в. выражением сочувствия и теплоты. Известно также, что в XVIII в. сентиментальность была и привлекательна, и модна, а в XX — нет. Соответственно и языковые (равно как и неязыковые) средства выражения сентиментальности потеряли актуальность и прагматичность.

В настоящее время выпущено большое количество специализированных словарей нецензурной лексики (например, [Dictionary of Russian Obscenities 1980; Флегон 1973] и др.), общие толковые словари свободно включают инвективы, в том числе и предельно нестандартные, а художественная литература, театр и телевидение сняли все преграды на пути вербальной эмоциональной агрессии и self expression. Этические нормы, шлюзовавшие вульгарные аффективы, либерализовались в современной русской языковой общности, и отрицательная эмоциональная энергия, которая соотносит человека с нашим реальным миром, обрушилась на голову и душу русской языковой личности.

Известно также, что эмоции имеют разные формы физиологической экстерниоризации (смех, слезы, тремор и т. д.) и разные способы вербализации — название, выражение, описание [Шаховский 1987в]. Другими словами, имеются как минимум две семиотические системы эмоций — Body language и Verbal language, находящиеся в соотношениях, которые науке еще предстоит изучить и описать. В общих чертах уже установлено, что первичная семиотическая система превосходит

вторичную (вербальную) по надежности, скорости, прямоте, степени искренности и качества (силы) выражения и коммуникации эмоций, а также по адекватности их декодирования получателем. Многие аспекты человеческой жизнедеятельности просто не передаются словами: язык беднее действительности, его семантическое пространство не полностью покрывает весь мир. Каждый из нас не раз испытывал «муки слова» при выражении и коммуникации своих эмоций: степень аппроксимации языка и сиюминутно переживаемых эмоций далека от желаемого всегда. Кроме того, эмоции никогда не проявляются в чистом, отдифференцированном виде, и потому их вербальная идентификация всегда субъективна [Diller 1992: 26–27]. Одна и та же эмоция выражается разными языковыми личностями по-разному в зависимости от множества факторов, в том числе и неязыковых (например, от фона общения). По меткому замечанию А. Хеллера, эмоции всегда когнитивны и ситуативны [Heller 1979; Bonheim 1992: 182], а следовательно, и выбор языковых средств их выражения тоже ситуативен.

В качестве семантической универсалии лингвистами отмечается тот факт, что в лексиконе эмоций всех языков наблюдается дихотомия по типу оценочного знака. Если сравнить эмотивную лексику с этой точки зрения, то можно обнаружить, что во всех языках эмотивов с отрицательной оценочной семантикой в количественном отношении больше, чем эмотивов с положительной оценкой, но употребляются они при общении значительно реже, чем положительно оценочные эмотивные знаки. Это позволяет сделать вывод о том, что эмоциональные системы разных народов и культур похожи: негативность, превалируя в их лексиконе, уступает позитивности в употреблении и синтагматическом комбинировании (*cp.: happy and sad, sad and happy*), что объясняется психологическим стремлением человечества к позитивности. Другим сходным моментом для различных языковых культур является то, что положительные эмоции выражаются всеми народами более однообразно и диффузно, чем отрицательные, которые всегда конкретны, отчетливы и многообразны [Noth 1992: 83].

В настоящее время в лингвистике эмоций можно выделить следующие аспекты, определившие развитие нескольких приоритетных направлений:

- типология эмотивных знаков, служащих для фиксации различных проявлений эмоций;
- влияние эмоционального типа *mind style* на формирование языковой картины мира, понятие эмоциональной языковой картины мира;

- коммуникация эмоций;
- корреляция лексиконов эмоций различных языков мира;
- национально культурная специфика выражения эмоций;
- критерии эмотивности языка и его знаков;
- соотношение лингвистики и паралингвистики эмоций;
- влияние эмансипации эмоций на языковые процессы;
- эмоциональная окраска текста;
- эмотивное семантическое пространство языка и эмотивное смысловое пространство языковой личности;
- лексикография эмотивности;
- прагматика описания и выражения своих сиюминутных, прошлых и чужих эмоций, сокрытие, имитация, симуляция эмоций.

Естественно, что это далеко не полный перечень основных направлений и проблем: это то, что давно лежит на поверхности и настойчиво стучится в двери эмотиологии.

Достижения эмотиологии, как отечественной, так и зарубежной, только за последние 10 лет довольно внушительны:

- доказано существование эмоционального дейксиса у языковой личности, эмоционального тренда / индекса национальной лингвокультуры;
- установлено наличие семантических признаков и конкретизаторов как составляющих мельчайших эмотивных смыслов;
- установлены факты эмоциональных доминант текста, высказывания;
- установлена процедура (языковой механизм) эмоциональных приращений к языковой семантике;
- выделен специфический тип валентности — эмотивной валентности — языковых и речевых единиц, благодаря которой происходит эмоциональное приращение смыслов;
- установлена категориальность эмотивности языка и ее полистатусность;
- выделен ряд новых направлений в эмотиологии: «Лингвокультурология эмоций», «Концептология эмоций», «Гендерная эмотиология», «Голос эмоций в политической лингвистике», «Когнитивно-дискурсивная эмотиология», «Эмотивность текста», «Эмотивная лакунарность в межкультурной коммуникации» и др.

Теоретические проблемы лингвистики эмоций, которые были поставлены на международных конференциях в конце XX века (о них говорилось выше), сегодня получают свое теоретическое обоснова-

ние и дальнейшую разработку. В центре внимания современной эмотиологии находятся проблемы динамики языкового кода, развития и реализации его скрытых возможностей; вопросы эмоциональной специфики речи в разных условиях общения, механизмов распознавания чужих эмоций и управления собственными эмоциями в процессе коммуникации, согласования эмоций разного качества, стимуляции положительных и нейтрализации отрицательных эмоций в актах межличностного, институционального и межкультурного общения, декодирования личностных, эмоциональных доминанты чужих текстов как отражения иных концептосфер и других культур.

§ 3. Взаимодействие концепций в лингвистике эмоций

Эмотиология — междисциплинарная отрасль науки. Она основывается на данных ряда концепций и теорий эмоций: философской, биологической, когнитивной, психологической, социальной, физиолого-активационной, мотивационной, неврологической, информационной, познавательной, функциональной, энергетической, экзистенциальной, трехфакторной (подробнее см.: [Шаховский 1987б: 44, 48]).

На жизненно важную роль эмоций в деятельности человека указывает функциональное поле следующих понятий, отражающих определенные аспекты и компоненты мира человека: *эмоциональное (-ая/-ые/-ый) мышление, функция, значение, смысл* и мн. др. Эти понятия отражают многофункциональность эмоций. Современной наукой установлены следующие их функции: положительного/отрицательного оценивания, санкционирования; сигнальная, приспособительная, регулятивная (Н. В. Витт, К. Е. Изард, Ж. Пиаже, Я. Рейковский), познавательная (В. З. Панфилов), эвристическая (В. К. Тихомиров), функция отражения (Г. Х. Шингаров, Р. Якобсон), (ауто) суггестивная, экспрессивная, оценивающая (В. К. Виллонас, К. Е. Изард), информационная (П. В. Симонов), мотивационная и др.

Сравнительно недавно, благодаря когнитивной парадигме в лингвистике (см.: [Шаховский 2001]), был установлен когнитивный характер категории эмотивности. Тогда же стало возможным и проникающее изучение категории эмотивности [Филимонова 2001]. Когнитология как наука о структуре знаний, их формировании, материализации и трансляции тесно связана с эмотиологией — наукой о вербализа-

ции, выражении и коммуникации эмоции. Это объясняется тем, что все когнитивные (мыслительные) процессы сопряжены с эмоциями: «...когниция вызывает эмоции, так как она эмоциогенна, а эмоции влияют на когницию, так как они вмешиваются во все уровни когнитивных процессов» (перевод авт. — В. Ш.) [Dapeš 1987: 280]. Лингвистика эмоций использует данные когнитологии об эмоциях и пытается разработать свою — лингвистическую концепцию эмоций (подробнее см. в следующем параграфе данной книги).

В рамках лингвокультурологической парадигмы особый интерес представляет проблема культурной перспективы в лингвистической презентации эмоций и эмоциональных событий (причин тех или иных эмоций у языковых личностей). Установлено, что существует определенная культурная регуляция вербальных взаимоотношений между эмоциональными языковыми личностями в различных этносах. Культурные перспективы языковых личностей варьируют вербалику их эмоционального поведения следующим образом: в тех культурах, в которых ценятся взаимоотношения и взаимозависимости языковых личностей в качестве языковых маркеров эмоций и эмоциональных ситуаций, их провоцирующих, используются конкретные термины. В тех же культурах, в которых акцентируется индивидуальность языковых личностей, превалируют абстрактные номинации эмоций (например, через прилагательные) [Semín 2002: 11–28].

Эмоции культурно обусловлены, они «навязываются» языковому коллективу этноса различными когнитивными сценариями, ассоциирующимися с тем или иным терминопонятием эмоции [Вежбицкая 2001: 118]. При этом следует учитывать, что когнитивные сценарии эмоций сформированы не универсальной человеческой биологией и психологией, а культурой конкретного этноса и его национально обусловленными рефлексам (см. о рефlekсах: [Вепрева 2002]). Мнение интересное и небесспорное, поскольку переживаемая эмоция и ее вербальный конгруэнтный коррелят, номинирующий и выражающий ее, не обходятся и без биологической рефлексии. Таким образом, эмоция — это комплексно обусловленная референция к обобщенному конструкту — определенной эмоциональной ситуации, безотносительно к конкретной языковой личности. Эта референция регулируется знанием-рецептом, т. е. видовым когнитивным опытом конкретного этноса и варьируется индивидуально-личностным когнитивным опытом (знанием-рецептом), который в свою очередь участвует в формировании эмоционального дейксиса языковой личности.

Коммуникативный аспект исследования эмоций акцентирует внимание на том, что коммуникативная эмоциональность, в отличие от некомуникативной, носит осмысленный характер. Способность человека как языковой личности управлять вербальным выражением эмоций и пропускать их через ситуативные, социальные и пр. фильтры в процессе общения и, в зависимости от них, «упаковывать» одни и те же эмоции в различные языковые формы или вообще не «пропускать» их в язык указывает на интеллектуальность коммуникативной эмоциональности. Коммуникативная парадигма исследования эмоций и эмоционального поведения позволяет добыть новые данные относительно природы человеческой психики, сознания и их лингвистических коррелятов.

Для более тонкого эмоционального общения, кроме вышеперечисленных знаний, партнеры должны иметь еще не один компонент общего (видового) фонового знания, как внутрикультурного, так и межкультурного. Проблема эмоционального межкультурного общения является отдельной проблемой эмотивной интерлингвистики (подробно об этом см.: [Шаховский 1997а: 138–152; Димитрова 2001]).

В коммуникативном поведении лингвокреативная функция эмоции *Homo sapiens* совмещается с эмотивно-адаптивной функцией. Есть мнение, что вся его речевая деятельность есть языковая игра, поскольку все когниотипы этой деятельности базируются на языковой / ментальной игре, мотивированной эмоциями языковой личности. И это еще один аспект и направление в исследовании эмоций. Особый интерес у лингвистов в настоящее время вызывает проблема соотношения категории эмотивности и категории игры в аспекте гедонистической функции (*скажи мне, кто твой друг, и я сразу же скажу ему, кто ты такой; папуас папуасу друг, товарищ и корм; экзаменов не будет, все билеты проданы*).

Варьирование эмотивных смыслов в реальной и в художественной (отраженной) коммуникации безгранично. Языковые знаки открывают в речи *Homo sentiens* всё новые эмотивные валентности, так как «human heart is almost always in conflict with itself» и так как «никакому воображению не придумать такого множества противоречивых чувств, которые обычно уживаются в одном сердце» (Ф. де Ларошфуко). Эмотивно-когнитивные метаморфозы языковых знаков в речевых актах бесконечны, как космическая библиотека (В. Лейч) и как бесконечный, безграничный текст (Ж. Деррида). Именно поэтому речевой и текстовый аспекты изучения эмоционального интеллекта и эмо-

ционального поведения личности сегодня развиваются особенно активно.

Проблема вербализации эмоций человека как *Homo sapiens* является в современной лингвистике тем исследовательским фокусом, в котором перекрещивается ряд ее парадигм: коммуникативная, когнитивная, текстовая, прагматическая, культурологическая, категоризационная и др. Эта полипарадигмальность эмотиологии (лингвистики эмоций) является логическим развитием психологически ориентированной лингвистики, которая давно установила и объявила, что эмоции пронизывают всю ментальную и (а)вербальную деятельность человека, включая и язык тела (*body language*), что в языке все движимо эмоциями. Теперь это не тезис и не гипотеза, это — аксиома.

§ 4. Эмотиология в свете когнитивной парадигмы языкознания

Термин «когнитология» и его дериват «когнитивный» стали модными в современной лингвистике. Проводятся конференции, обязательно содержащие в своей проблематике различные когнитивные аспекты, публикуются статьи, книги [Кравченко 1996; Лебедев, Мионов 1998; Когнитивная семантика 2000; 2001 и др.].

В контексте (парадигме) когнитологии стали рассматриваться объекты многих наук: религия, политология, литературная критика, экономика, педагогика, психология, социология, грамматическое и семантическое описание языка, методика его преподавания и др. Ю. А. Сорокин считает, что сочетание «эмоция и когниция» является nonsensom на том основании, что «козя и трепетную лань вместе запрячь не удавалось еще никому. Тем более, что лань — когниция — испещрена неразборчивыми пятнышками сверху донизу. И неизвестно никому, в какой вольер научного зоопарка ее следует поместить» (из дискуссионной переписки с автором 2002 года). Такая эмоционально-образная рефлексия известного филолога, переводоведа и писателя на проблему соотношения эмоций и когниции является мнением, мотивированным его личностным опытом и его эмоциональным дейксисом.

Практика же теоретических штудий указывает на прямо противоположное [Шаховский, Жура 2002]. Лингвистический мейнстрим — когнитивные аспекты эмоций, их концептуализация и оязыковление (лексикализация) проявляется в большом количестве публикаций (см.,

например, библиографию в работах: [Мягкова 2000; Филимонова 2001]). В США выпускается специальный журнал «Cognition and Emotion», проводятся конференции, создан научный центр по изучению проблемы «Language of Emotions». Лингвистам-когнитологам уже давно известна роль слова в ментальных процессах концептуализации знания, в том числе и об эмоциональном мире (космосе) человека, включая его эмоциональный интеллект [Goleman 1997]. Именно слово указывает на смысловое содержание концепта и является его материальным знаком — символом, который замещает эту абстракцию, изреченную с помощью этого слова. Изречение концептуального знания о той или иной эмоции как об эмоциональном концепте осуществляется с помощью процесса лексикализации.

Е. В. Лукашевич под этим процессом понимает «приобретение словом специфических формальных и/или семантических признаков, не выводимых из внутренней формы слова или его словообразовательной структуры» [Лукашевич 2000: 87]. Форма слова, в семантике и словарной прагматике которого содержатся знания обо всех его психологических, культурных, ситуативных, сигнификативных и других экстралингвистических референциях, а также знания о коммуникативных языковых (сочетаемостных и др.) референциях, становится статическим графическим фиксатором, опредмечивающим конгруэнтный эмоциональный концепт и позволяющим всем членам данной языковой общности дифференцировать один эмоциональный концепт от других.

Прагматика значения у такого языкового знака не всегда будет совпадать с его прагматикой у пользователей языка — отправителя и рецептора. Однако такое варьирование прагматики формального знака лексикализованной эмоции в конкретных эмоциональных коммуникативных ситуациях не препятствует опознанию эксплицируемого знака (зоны) кластерных эмоций или даже конкретной эмоции. Это опознание проводится за счет домысливания при наличии у реципиента соответствующих знаний и эмоциональной компетенции [Шаховский 2002]. Знания об эмоциях формируются линейно, постепенно на основе личностного, видового (социального) опыта и биологической памяти. Они включают в свою концептуальную структуру знания-рецепторы (базовые, одинаковые, для семантической памяти всех коммуникантов) и знания-ретуши, различные для разных коммуникантов. И те, и другие формируют концептуальное значение лексикализованной (ословленной и означенной) эмоции в форме ментального кон-

структа. Именно поэтому слово, называющее или выражающее ту или иную концептуализованную и лексикализованную эмоцию, является кодированным хранителем всех лингвистических и экстралингвистических знаний *Homo sapiens* о ней, входящих в его эмотивную /эмоциональную компетенцию. В случае определенных лагун в этой компетенции можно говорить об эмоциональной проблеме конкретного речевого партнера, так как от этой лагуны зависит значение его прагматики, которая может расходиться со значением прагматики одного и того же эмотива у другого партнера (особенно если он из другой лингвокультуры).

На авербальном уровне тоже можно говорить о концептуализации и семантизации эмоций, но не о ее лексикализации. В известной степени можно говорить об их концептуальной визуализации (в проксемике, жестах, позах, мимике и пантомиме) и об их концептуальной аудизации (просодии и фонации), так как способы и средства авербальной экспрессии эмоций кодировано семантически не в меньшей, если не в большей, степени по сравнению с лексикализованными формами эмоций.

Таким образом, концептуализация эмоций осуществляется и на языковом, и на параязыковом уровнях. На обоих уровнях они отражаются, конструируются и выражаются (эксплицируются) в соответствующих формах, лексикализованных или экстралингвистических, но обязательно, семантизированных и потому коммуникативно релевантных. В любом случае эмоции человека всегда в процессах общения являются смыслонесущими факторами. А. Вежбицкая отмечает, что «emotions are a semantic domain» [Wierzbicka 1995: 235], и это подтверждается многочисленными исследованиями эмотиологов и концептологов.

В роли концептуализатора знаний об эмоциях выступает человеческое сознание / мышление, которое накапливает, обобщает и конструирует (реконструирует) знание о них, т. е. концептуализирует их и присваивает им лексикализованную или паралингвистическую символику (код). *Homo sapiens* регулярно вступает в различные отношения с другими людьми и объектами мира в многообразных коммуникативных ситуациях. При этом почти всегда он испытывает к ним сиюминутные или устойчивые эмоции (психологи насчитывают их более 5000). Социальная и биологическая эмоция — неперемнная величина мышления. Практика показывает, что эмоции и мысли могут воспроизводиться в сознании одновременно: эмоциональная память, как и

эмоции, является одной из подсистем сознания. Об этом же говорит и гипотеза А. Бине, выдвинутая около 100 лет назад, о первоначальном возникновении мысли в форме эмоционального образа, формирующегося до ее речевой выраженности.

Исследования показывают, что эмоциональная активация является необходимым условием продуктивной интеллектуальной деятельности. Признавая большую роль эмоций в мыслительной деятельности, некоторые научные направления выделяют эмоциональное мышление в качестве самостоятельного типа, что представляется убедительным, так как деятельность личности, ее сознание, мышление, эмоции (как часть ее психики) и язык социально и неразрывно взаимосвязаны. Поэтому истинность человеческого мышления проявляется в речевых поступках, в том числе в эмоциональных.

Языковое выражение и ощущение эмоций невозможно без работы сознания. Работы по функциональному базису речи подтверждают, что при считывании «сенсорного кода» сознания перерабатывается вся поступающая в мозг через органы чувств информация и продуцируются образные представления на основе эмоциональных процессов, связанных переживаниями или внутренней интерпретацией «сенсорной картины» [Алефиренко 2002].

Когнитивные исследования категоризации эмоций на основе знаний о них и на основе сходства эмоций [Robert 1996: 27–46] показали, что категоризация на основе знаний более плодотворна, поскольку принцип сходства / несходства эмоций размыт и многие эмоции легко переходят друг в друга и даже в противоположные состояния. Их ассоциации по сходству легко превращаются в диссоциации, что, естественно, препятствует их четкой категоризации. Кроме этого эмоции могут быть категоризованы на основе их лексических решений по трем измерениям: ценность, активность и потенциальность [Wurm 1996: 409–424].

Известно, что все языковые личности различаются по своему эмоциональному опыту в том плане, что одни из них точно распознают разнообразные положительные и отрицательные эмоции (внутри каждой из этих зон), другие языковые личности переживают эмоции в относительно нечеткой дифференциации, воспринимая их и лексикализуя как взаимозаменяемые. Установлено, что первый тип языковых личностей более внятно способен регулировать свои и чужие эмоции по сравнению с людьми второго типа, которые слабо разграничивают испытываемые эмоции внутри каждой из оценочных зон. Особенно

это заметно на примере интенсивных отрицательных эмоций: ярость, бешенство, буйство и т. п., где язык явно оказывает давление на эмоциональное регулирование поведения коммуникантов.

Такого типа когнитивные основания оценки, лежащей в основе той или иной эмоции, не позволяют ее вербальным коррелятам легко и безболезненно для коммуникативного эффекта взаимозаменяться и расшатывать их узуальные эмотивные валентности.

Видовой и индивидуальной когнитивный опыт языковой личности в сочетании с ее эмоциональным дейксисом определяют содержание культурного референта той или иной социальной эмоции, концептуализированной и лексикализованной в данном этносе, в отличие от его содержания в других этносах. Данные факты подтверждают гипотезу об эмотивности как всепронизывающей когнитивной категории, мотивирующей всю номинативную деятельность человека и являющейся внутренней формой языка [Волкова 1997]. Отсюда ее полистатусность и многообразие когнитивных репрезентаций.

§ 5. Полистатусная природа эмотивности

Как показали рассуждения о природе эмотивности, человек всегда выражает свое эмоциональное отношение к миру и к себе в этом мире. Эмотивная функция присуща любому языку и потому в любом языке имеются специальные эмотивные знаки, входящие в когнитивно-эмотивную структуру его культурно-языкового кода.

Вне зависимости от различий категория эмотивности представлена во всех языках на всех уровнях его системы и предстает в фонетическом, лексическом, фразеологическом, словообразовательном, морфологическом, синтаксическом, стилистическом, сверхфразовом, текстовом, гипер-, мега-, межтекстовом статусах.

В коллективной монографии «Эмотивный код языка и его реализации» [2003] представлено обобщение некоторых результатов исследований в сфере эмотиологии: речевой и неречевой коммуникативной деятельности человека, опосредуемой эмоциями, которые, с одной стороны, являются предметом означивания, с другой, предметом выражения, с третьей — способом (средством) эмоционального мировидения, получившим отражение в эмотивных кодах всех языков. В ней показано, что проблемы противопоставления рационального эмоциональному, а вместе — интеллектуальному, в языке больше нет, поскольку и внутренняя форма слов, и их семантика, и синтак-

сические конструкции являются эмоционально опосредованными, а процессы имяназвания и процессы функционирования всех имен в различных коммуникативных фокусах являются эмоционально мотивированными.

Психолингвисты давно уже утверждают, что весь язык эмотивен и что не существует эмотивно нейтральной лексики. Следовательно, и все высказывания человека эмотивно маркированы (эксплицитно или имплицитно) в соответствующей ситуации общения / сообщения степенью градации силы и яркости чувственности говорящего и эмотивности его вербем. Именно ее интегральность уверенно доказывает существование эмотивного кода у языка. В процессе языкового опосредования эмоциональность как психологическое явление трансформируется в эмотивность, которая является уже языковым явлением. Поэтому в когнитивной лингвистике эмотивность рассматривается не как аномалия и отклонение от языковых норм, а как импонентное свойство самого языка, без которого уже невозможно описание самого человека и эмотивно-дискурсивных контекстов его поведения.

Несмотря на то, что в разных лингвокультурах эмоции вербализуются в соответствии с национально-специфическими языковыми и культурными нормами и правилами, эмоциональная сущность человека, который является *Homo sapiens*, признана когнитологией в качестве психологической универсалии (см.: [Fehr, Russel 1984 et all]).

Эмотивная фасцинация языка, эмотивно-адаптирующая функция языка, эмотивная интерпретация лингвокультуры, глобализация правил эмотивного общения, их смысловая деривация осуществляются через когнитивную и эмотивную речевую деятельность «Я»-говорящего. Отсюда исключительная важность его эмоционального дейксиса, эксплицируемого через дейктивы: интенция, тональность, модальность и направленность, которые варьируют картину мира «Я» в зависимости от адресата, объекта, субъекта, хронотопа и т. п., формирующих когнитивно-эмотивный дискурс. Такое количество варьирующих стимулов объясняет бесконечные эмотивные смысловые валентности языковых и речевых единиц и плодотворность комбинирования и умножения эмотивных смыслов как в речепорождении, так и в имяназвании. Таким образом, лингвистическое изучение эмоции требует антропоцентрического подхода, при котором категория эмотивности получает ситуативно-личностное звучание.

Эмотивность в статусе языковой категория образует внутрисловные и межсловные парадигмы.

Внутрисловная парадигматика эмотивов основана на следующем принципе: если слово эмотивно, то оно имеет либо эмотивное значение, либо эмотивную коннотацию, либо эмотивный потенциал в каждом из этих вариантов (ингерентный или адгерентный), причем если эмотив имеет один из этих компонентов, то в его логико-предметной семантике облигаторно должен быть оценочный либо экспрессивный компонент или оба одновременно. Обратное соотношение парадигмы не образуют: оценочный, экспрессивный, оценочно-экспрессивный компоненты могут и не сопровождаться эмотивным. В зависимости от того, какой из этих семантических компонентов эмотивной триады является в слове вершинным, различаются три эмотивные парадигмы: эмотивно-экспрессивно-оценочная, экспрессивно-эмотивно-оценочная и оценочно-эмотивно-экспрессивная. При этом парадигматические отношения в триаде строятся по правилам: а) если вершина триады — оценочный компонент, то он может быть автосемантическим либо сопровождаться экспрессивным и эмотивным компонентами или одним из них; б) если вершинный компонент — экспрессивный, то он или автосемантичен, как и оценочный, или сочетается с эмотивным и оценочным компонентами, либо только с оценочным; в) если в вершине триады эмотивный компонент, то он всегда и облигаторно синсемантичен, так как обязательно сопровождается оценочным и экспрессивным компонентами.

Межсловная эмотивная парадигматика основана на следующих принципах; каждый эмотив имеет незмотивный коррелят; единицы дескриптивной номинации находятся в системных связях с единицами эмотивной номинации через синонимические, антонимические ряда, ЛСГ и ЛСП, в которых эмотивы образуют периферию; возможно вычленение лексико-семантического поля эмотивов.

Существование эмотивной парадигматики на внутрисловном и межсловном уровнях убедительно свидетельствует в пользу теоретического обоснования тезиса об эмоциональном типе коммуникации как одной из форм коммуникации, через которую наиболее ярко проявляется человеческий фактор в языке.

Таким образом категория эмотивности — явление полистатусное и она должна рассматриваться в соответствии с выделяемым аспектом исследования.

ЭМОЦИИ КАК ЦЕНТРАЛЬНАЯ ПРОБЛЕМА АНТРОПОЦЕНТРИЧЕСКОЙ ЛИНГВИСТИКИ

§ 1. Эмоции в языке и сознании: биологический аспект

Биологическая концепция языка трактует язык как поведение в консенсуальной области, покрываемой сложным конгломератом синхронно взаимодействующих феноменов: общей памятью коммуникантов, коммуникативной ситуацией, вербальным и невербальным контекстом, их эмоциональными дейксисами вкупе с личными сиюминутными мотивами, ориентирами и эмоциональными состояниями [Матурана 1978].

Язык как особого рода инстинкт [Дарвин 1953] тесно связан с эмоциями человека, которые тоже являются биологическими инстинктами. В науке общепринят тезис о единстве сознания и мышления: если что-то мыслит, то оно обладает сознанием. Однако в работах выделяются разные подходы, в том числе и те, которые его отрицают (ср.: «Сознания не существует» [Pinker 1994]), так как доказать его существование невозможно из-за эфемерности невидимой природы и из-за вербальной невыразимости и самого понятия, и его непредметного референта.

Сознание, как известно, является непредметной областью, которая представляет собой исключительно ментальную активность мозга. Эмоции тоже являются непредметной областью и теперь уже общеизвестно, что они тесно связаны с ментальной деятельностью человека: они могут ее сопровождать, провоцировать, запускать, блокировать и оценивать. В этом плане ученые говорят об эмоциональном сознании / мышлении / мозге [Хомская, Батова 1998]) и об эмоциональном интеллекте [Вайсбах, Дакс 1998].

Мышление среди своих разнообразных активностей неоспоримо включает эмоции, поскольку и рефлексирование, и антиципация, и воображение, и намерение, и воспоминание, и понимание, и, тем более, интроспектирование (как и все остальные активности мышления) осуществляются на базе эмоциональных мотивов *Homo sapiens* (по аналогии с фрейдovým «либидо»).

Язык объявляется лишь одним из пятнадцати модулей сознания, эмоции тоже входят в этот список модулей. И если, согласно биологической концепции языка, он — врожденный инстинкт, то и сознание, и эмоции тоже являются врожденными инстинктами, а не рефlekсами на мир. И тогда эмоция является не формой отражения действительности, как утверждают такие философы, как Г. Х. Шингаров, С. Пинкер и др., а мотивационной системой сознания / мышления / речевого поведения. Вся эта система корректируется видовыми национально-культурными нормами (см. выше консенсуальная область взаимообуловленных поведений).

Как следует из концепции пропозиций Л. Витгенштейна, язык «переодевает» мысль, а мысль — это картина какого-то факта реальности, которая является совокупностью возможных ситуаций (фактов). Их промышление всегда субъективно и осуществляется через личную заинтересованность, через эмоциональный дейксис, поэтому и все пропозиции (картины мыслей) изначально эмоциональны, поверхностно или глубинно. А поскольку мы изъясняемся не с помощью слов или их комбинаций и не с помощью текстов, а с помощью пропозиций, то все наше речевое поведение / сознание / мышление движимо оцениванием ситуаций и фактов действительности, которое всегда эмоционально.

С. Пинкер [Pinker 1994] считает, что люди при помощи языка создают подробные картины (пропозиции по Л. Витгенштейну.— *В.Ш.*) в сознании других людей и что благодаря этим картинам и происходит процесс коммуникации. В этом процессе эмоции не только рождаются и извлекаются ситуациями, но и сами порождают все новые и новые коммуникативные ситуации. Получается, что язык — это биологическое приспособление для передачи информации, для адаптации человека в мире, для репрезентаций в процессе общения, которое всегда эмоционально мотивировано.

§ 2. Эмоциональная основа языкового сознания: психологический аспект

Проблема сознания в отечественной лингвистике уже второй век исследуется в основном на методологической базе деятельностного подхода, предложенного А. Н. Леонтьевым [Леонтьев А.Н. 1974; 1975]. Судя по необозримому количеству работ, психолингвисты не могут выйти за пределы тезиса о единстве языка и сознания, интерпретации

сознания только с помощью языка, который через свои инструменты, в частности через слово, опосредует сознание. Уже аксиоматичен вывод о том, что якобы единственным плодотворным путем изучения сознания является раскрытие структуры значений и смыслов, поскольку детерминантами сознания являются семиотические конструкции (знак, значение) (см. об этом: [Уфимцева 2000а]).

К настоящему времени получено много знаний о единстве речи и мышления, языка и сознания. В свете современной когнитивной парадигмы адекватным представлением о языковом сознании человека является его единство не только с языком и с деятельностью, но и с образом мира, с картиной мира, с менталитетом, с культурой, языковой / речевой личностью [Горошко 2001].

Фактически в большинстве последних по времени работ о сознании до сих пор речь идет о языковом сознании, и даже понятия «образ мира» и «картина мира» основаны на вербалистском толковании сознания. Однако всем психолингвистам известно, что «мысль изреченная есть ложь», поскольку мысль динамична и мегафонична. Будучи трансформированной в семиотический знак, она останавливается, огрубляется, омертвляется, сужается, то есть подвергается искажениям.

Слово действительно может считаться инструментом сознания, но оно вряд ли ему изоморфно (как и язык). Д. С. Деннет упоминает в своем труде психолога Франка Кейла и его коллег из Корнелла, которые нашли подтверждение тому, что определенные «концепты высокого уровня абстракции — такие, например, как “жить”, “обладать” — генетически заложены в инструментарий мозга маленького ребенка» (выделено мной. — В.Ш.); когда в мозг ребенка «входит специальное слово для обозначения действий “брать”, “давать”, “иметь”, “хранить”, “прятать” и др. из этой же категории, оно находит там уже отчасти созданную для него нишу» [Денет 2001: 195]. Думается, этот факт нельзя объяснить вербальностью мышления и единством языка и сознания. Кто же в инструментарии мозга создал эти (и им подобные) ниши, как, например, в случае человеческих представлений о конструктах месторасположения объектов: «на», «рядом», «позади» и др., которыми человек оперирует инстинктивно? Для ответа на эти вопросы у человека «должна существовать генетическая предрасположенность для усвоения... преднамеренной позиции в отношении чего-то» [там же]. Теория Н. Хомского о глубинных врожденных структурах, теория мыслительного модуля А. Лесли, изыскания Ф. Кейла и др. о генетически заложенных в мозг человека определенных концеп-

тах говорят о том, что питаться «исключительно мыслью о включенности языка в процесс мышления» [Денет 2001: 196] дольше нежелательно, поскольку это уже больше не способствует продвижению вперед изучения сознания. Пора перейти «к рассмотрению деталей взаимодействия <...> довербальных информационных структур (выделено мной.— В.Ш.) и языка» [там же: 195].

Данный призыв считаю и давно своевременным, и плодотворным, так как отечественные работы последних десяти лет по исследованию сознания в основном методологически повторяют друг друга и мысли ранних отечественных психологов, вплоть до их сакрализации, что довольно опасно, как об этом предупреждает Р. М. Фрумкина (см.: [Фрумкина 2000]). Более или менее интересными являются новые данные о различиях в ядрах языкового сознания разных национальных культур. С другой стороны, «любой достаточно большой список слов-стимулов «приводит» к одному и тому же для данной культуры ядру языкового сознания, т. е. к их системности (выделено мной.— В.Ш.)» [Уфимцева 2000а: 218–220].

Одними из довербальных информационных структур сознания неоспоримо, на мой взгляд, являются эмоции человека. Какие аргументы можно извлечь в пользу этого тезиса из современных знаний об эмоциях как психологическом и физиологическом кодах?

Формирование сознания, по А. Н. Леонтьеву, происходит в процессе деятельности. Эта деятельность, будучи активной и производительной, не может быть беспристрастной. Мотив такой деятельности всегда эмоциональный — стремление к успеху. Хотя некоторыми учеными и подвергается сомнению предположение теории эволюции о том, что «в природе личности изначально заложено стремление к соперничеству, а не к совместной деятельности» [Денет 2001: 194], жизненная практика убедительно указывает, что такой эмоциональный тренд человеку, и социуму, увы, присущ. И это не рациональная, а эмоциональная доминанта сознания.

Психологи и физиологи приводят бесспорные доказательства того, что эмоции являются частью интеллекта человека. Когнитивная теория эмоций рассматривает их как функцию разума [Isard 1980], эмоции предшествуют и «сопровождают» когнитивные процессы [Шаховский 2001]. Сегодня уже можно взять слово «сопровождают» в кавычки, так как, по сведениям ряда источников, *эмоции являются довербальным компонентом когниции* [Goleman 1973] и одной из подсистем сознания (см.: [Isard 1980: 121–123; Gray 1973]).

У. Грей утверждает, что всё познание кодируется эмоциями. Он считает, что эмоции собирают и организуют когнитивные элементы в эмоционально-когнитивную структуру, а повторение этого процесса с помощью развития иерархических уровней организации, по его мнению, образует развитие разума [Gray 1973]. К. Изард настаивает на том, что эмоции детерминируют мысли [Изард 1980: 247]. Р. Браун, а вслед за ним и многие другие ученые экспериментально подтверждают, что человек до осознания предметно-логической (фактуальной) информации, содержащейся в любом высказывании, осознает его эмоционально-оценочный компонент. А. Бине выдвинул и верифицировал гипотезу о первоначальном возникновении мысли в форме эмоционального образа, формирующейся до ее речевой выраженности. А. Бине не был лингвистом, а Ш. Балли им был, и он уверенно провозгласил: «Мы никогда (выделено мной. — В. Ш.) не думаем и не говорим абсолютно рассудочно» [Балли 1961].

Такая внешняя экспликация внутренних психологических и физиологических процессов более симптоматична. Имеются и многие другие симптомы: эмоционально окрашенная информация запоминается быстрее и прочнее по сравнению с безразличной информацией, доказано существование эмоциональной памяти у человека и эмоциональной антиципации. В. Пенфильд и Л. Робертс различают три типа памяти, и на первое место они ставят память переживаний, т. е. эмоциональную память [Пенфильд, Робертс 1964: 209–210]. При этом они поясняют, что эмоциональная память — это оживление эмоциональных следов ранее пережитого человеком, т. е. перенос его эмоционального опыта из одной ситуации в другую. Понятно, что речь идет о множественности такого переноса в течение всей жизни человека.

Отечественные психологи, крупнейшие авторитеты в данной области знания — Л. С. Выготский, С. Л. Рубинштейн, А. Н. Леонтьев — по-разному соотносили эмоцию, интеллект и мышление (см. об этом: [Шаховский 1983: 44–45]). Они видимо интуитивно осознавали, что эти феномены представляют собой определенное единство. Мысль о том, что решением этой проблемы может быть признание существования *эмоционального интеллекта*, долгое время витавшая в воздухе, получила, наконец, фиксацию в вербализованной форме благодаря работе Даниэля Гоулмана [Goleman 1973].

Концепт, который давно уже существовал в менталитете ученых-психологов, получил вербальное опредмечивание, и благодаря этому наука приблизилась к ответу на вопрос о том, как соотнести, соеди-

нить эмоциональную жизнь человека с его интеллектом, как привнести интеллект в эмоции. Интересно, что статистика выделяет непонятную тенденцию к меньшему успеху в жизни людей с более высоким IQ, в то время как со средним IQ люди более приспособляемы и успешны. Д. Гоулман объясняет этот факт *эмоциональным* интеллектом человека, специфической способностью человека управлять эмоциональными импульсами, считывать с вербалики и авербалики (body language) чужие эмоции и переживания, регулировать более деликатно (smoothly) свои эмоциональные взаимоотношения, способность мотивировать свои эмоции, со-чувствовать, способностью включенно картировать человеческое сердце, со-страдать.

Здесь уместно привести слова Аристотеля о том, что самое редкое качество человека — уметь рассердиться именно на того человека, рассердиться до правильной степени и в правильное (right) время, с правильной целью и правильным образом. Другими словами, дело не в самой эмоции, а в ее соответствии конситуации (эмотивно-когнитивному дискурсу) и форме ее канализации.

Квинтэссенцией интерпретации концепта «эмоциональный интеллект» могут послужить следующие слова Д. Гоулмана: «This expanded model of what it means to be “intelligent” (см. предыдущий абзац.— *B. III.*) puts emotions at the center of aptitudes for living» [Goleman 1973: xiii]. Нечто аналогичное мы констатировали в [Шаховский 1991] до знакомства с работами Д. Гоулмана.

Поскольку когнитивная лингвистика настаивает на том, что базовыми функциями языка являются адаптирующая и регулирующая, логично предположить, что эти же жизнеобеспечивающие функции присущи и эмоциональному сознанию. Эта мысль просматривается в разных разделах труда Д. Гоулмана: «Heart start» (is.— *B. III.*) the emotional equivalent of the Head start programs [Goleman 1973: 192–194]; «it is with the heart that one sees rightly: what is essential is invisible to the eye» [ibid.: iii]. Весь контекст книги Д. Гоулмана подчеркивает эмотивно-дискурсивную синонимичность терминов «душа», «сердце», «эмоции», «эмоциональный интеллект». Концепт «эмоциональный интеллект» многоингредиентный: к тем из них, что были названы выше, добавлю — confidence, curiosity, intentionality, self-control, relatedness, capacity to communicate, cooperativeness [ibid.: 194].

Эмоции наблюдаются и непосредственно через язык тела и опосредовано — через язык слов. Оба эти канала эксплицируют и эмоциональный ментальный стиль человека и его эмоциональный дейк-

сис [Шаховский, Жура 2002]. На роль того и другого в эмоциональном общении указывает фактор эмоциональной проблемы речевого партнера, ибо от него зависят значения воспринимаемых и используемых слов, а следовательно и взаимопонимание. Если у собеседников отсутствует общий центр эмоциональной координации общения, то наблюдается эмоциональный диссонанс и неуспех в общении на контекстуальном лоне эмоций. Наше мышление базируется не столько на языке, сколько на субъективных, в том числе и эмоциональных, понятиях, которые задаются эмоциональным дейксисом говорящего и его эмоциональным ментальным стилем, входящих в его эмоциональный интеллект.

Роль вербального и авербального эмоционального кодов двоякая: эксплицирование в разной степени аппроксимаций внутренних переживаний говорящего и, синхронно, направление понимания реципиента в определенное эмоционально-интеллектуальное русло. Это особенно ярко проявляется в художественном типе общения (см.: [Пищальникова 1999]). Главное, что характеризует эмотивную вербалику, — это аппроксимативность фиксации «эмоциональных состояний речевых партнеров, ибо “языковое одеяло” никогда не может покрыть всё “эмоциональное тело” человека: оно — уже, с дырками, беднее, примитивнее» [Шаховский 1998а]. В то же время в эмоциональном сознании эта бедность отсутствует, и на авербальном уровне эмоциональное общение людей вполне адекватно и по форме, и по содержанию. Здесь эмоции транслируются не только посредством слов, но и посредством памяти, звуков, света, ткани и другой формы.

Всё это говорит о том, что эмоции — неотъемлемый компонент сознания, что они континуальны; эмоции не дискретны, а зонны [Винарская 2001], как и все сознание, и в переживании, и в канализации. Другими словами, эмоциональное сознание является способом деятельности индивидуума и социума. Отсюда понятие «эмоциональная константа лингвокультурного сообщества» и признание национально (не)труднопроницаемости эмоционального сознания в межкультурном общении (см., например: [Werzbicka 1985]). Сознание равно пониманию, различие в эмоциональных константах разрушает это равенство: эмоциональное понимание и понимание эмоционального при этом затруднено, если не невозможно.

Биологическая природа сознания проявляется в его адаптирующей функции: «там, где прекращают действовать врожденные законы поведения, вступает в силу врожденная способность приспособлять-

ся к условиям окружающей среды» (цит. по: [Деннет 2001: 191]). А это приспособление всегда сопряжено с переживаниями, эмоциями: вначале была эмоция, она первопричина, мотив всей деятельности человека, всех его потребностей.

Современная психосемантика рассматривает эмоции как операторы категоризации объектов, операторы размерности семантического пространства [Хомская, Батова 1998: 14]: эмоции входят в устойчивые структуры бытия человека. Известны случаи, когда краткое известие, «порой выраженное одним словом, вызывало смерть человека» [Канке 2002: 189] за счет внезапного взлета аффективно-чувственной температуры реципиента.

Противопоставление аффективно-чувственных комплексов как открытых (внешних) классов состояний и эмоций как класса скрытых, неопределенных, расплывчатых состояний (Ю. А. Сорокин отказывает им в праве существования как единичностей [Сорокин 2002]) только подтверждает тезис об эмоциях как мотивационной природе сознания.

Л. С. Выготский в свое время предупреждал исследователей, изучающих природу сознания (мышления), ограждая от неизбежных ошибок: «Кто оторвал мышление с самого начала от аффекта, тот навсегда закрыл себе дорогу к объяснению причин самого мышления, потому что детерминистский анализ мышления предполагает вскрытие *движущих мотивов мысли потребностей и интересов, побуждений и тенденций* (выделено мной.— В. Ш.), которые направляют движение мысли в ту или иную сторону» [Выготский 1968: 14]. Следует сказать, что мысль, верная для начала XX в., остается актуальной и для начала XXI в.: этими движущими мотивами сознания являются эмоции.

§ 3. Эмоциональный интеллект

Неоспоримо, что эмпирический опыт человека соотносится с его познавательной деятельностью, а она чаще всего провоцируется, мотивируется, сопровождается, усиливается эмоциональными переживаниями, ощущениями, представлениями. Все они, увы, не только наивны и обыденны, не только индивидуальны (личностны), но и социологизированы. Все, что *Homo sapiens* познает, он оценивает с позиций своего эмоционального дейксиса, угла зрения, видения, понятийной точки зрения, в которых отражаются отношения *Homo sentiens*

к значениям бытового познания для своей жизни. Знание, которое им не переживается через осознание, оценивание, т. е. отношение к нему, трансформируется в активный опыт *Homo sapiens* и формирует семантическую перспективу в понимании Ч. Филлмора. Эмоции вменяются во все уровни когнитивных процессов [Балли 1961].

Онтологическая взаимосвязь когниции и эмоций отражена и многократно описана не только в когнитивной, но и в коммуникативной теории эмоций. Если исходить из признания тезиса о том, что человеческие эмоции ментальны и что такие ментальные состояния всегда направлены или от чего-то, или к чему-то во внешнем мире человека, то отвращение, гнев, печаль, страх, счастье¹ как состояния человека, обладают двойной коммуникативной функцией: внешней для общения эмоциональных языковых личностей и внутренней — для внутримозговой инференции языкового мышления / сознания *Homo sentiens* [Johnson-Laird, Oatley 1989; Fehr, Russel 1984]. Эти пять эмоций, согласно коммуникативной теории эмоций Дж. Джонсон-Лэрд и Кейт Оутли, являются прототипами всех остальных производных от них эмоционально-ментальных состояний *Homo sentiens*. А термины этих базовых состояний содержат полный набор семантических примитивов, являющихся эмоциональными для семантики остальных терминов.

Адекватное использование терминов эмоций для трансляции или их коммуникации возможно только в одном случае — через прямой и собственный эмоциональный опыт. Так же, как слепому от рождения невозможно через пересказ семантических примитивов терминослова «зеленый» объяснить, как выглядит зеленый цвет, эмоционально слепому человеку невозможно объяснить адекватно через семантику термина-коррелята, что такое, например, «отвращение». Этот факт указывает на то, что посредством собственного переживания эмоций у языковой личности формируется структура знаний о них, включающая их причины, дифференциальные признаки эмоционально-ментальных состояний и их последствия на фоне специфических для каждой эмоции ситуаций.

Такие структуры знаний об эмоциях должны быть познаны, осмыслены, поняты, усвоены, согласованы с эмоциональными сигналами тела и мозга и с вербальными знаками — их субститутами в реальной

---

¹ Замечу, что все исследователи эмоций называют разное количество базовых терминов эмоций. Причины этого известны, но здесь не рассматриваются.

коммуникации. Без последнего — без правильной атрибуции вербальных знаков эмоций — эффективная коммуникация (лишенная ситуаций помех и провалов) невозможна.

Познание является высшей формой отражения объективной действительности. Отечественная философия исходит из познания единства отражения, предметно-практической деятельности и коммуникации [ФЭС 1983: 506]. Под отражением понимается воспроизведение в сознании и самосознании человека признаков, свойств и отношений отражаемого объекта мира [там же: 470], которое может протекать в форме непосредственной пристрастного переживания, обусловленного отношением объективных свойств объектов мира, ситуаций и явлений к потребностям субъекта, т. е. значимостью для него. Эта значимость — опытная. Определенные объекты, явления и ситуации, предшествовавшие непосредственному возникновению соответствующих эмоций в прошлом, приобретают способность вызывать их в последующей жизни конкретного человека и всего социума. Посредством эмоций человек получает специфический видовой опыт, который закрепляется в сознании, мышлении и языке, вербально обозначающем объекты мира, явления, ситуации и их эмоциональные оценки человеком. Слова становятся их заместителями в сознании человека и, согласно учению И. П. Павлова о взаимодействии первой и второй сигнальных систем, также способны эмоционально переживаться человеком, так же значимы для него, могут быть носителями этих переживаний и их выразителями, как и те объекты, ситуации, явления, которые этими словами замещаются.

Мысли и чувства в модели взаимодействия нашего сознания с миром являются двумя способами его восприятия. Отражение имеет две сферы — интеллектуальную и аффективную. Взаимодействие этих способов и сфер, рационального и эмоционального в сознании и мышлении, проявляется в том, что человек может эмоционально переживать то, что отражает. Это переживание проявляется в эмоциональном отношении языковой личности к предмету речи. Эмоциональное отношение (состояние) может само стать предметом отражения в языке и, следовательно, быть осознаваемым членами языкового коллектива. Поэтому эмоции могут быть более или менее адекватно выражены языком и тем самым включены в коммуникацию — общение языковых личностей друг с другом.

Эмоциональное отражение действительности в языке происходит через эмоциональный вид познания, при котором субъект отражает

мир и его предметы в форме эмоциональных образов. Последние, в отличие от рациональных представлений и понятий о действительности, выражающих объективное значение предметов и их независимых от субъекта связей и взаимоотношений, отражают действительность в ее отношении к потребностям и интересам субъекта. Это отражение всегда пристрастно, поскольку осуществляется с помощью заинтересованной в нем языковой личности. Возникающая в ее сознании внешняя картина мира в проблемной ситуации как бы совмещается с интерцептивной картиной тех эмоциональных переживаний, которые вызывает данная ситуация. В результате создается «эмоционально окрашенное и обладающее побудительной силой поле отражения воспринимаемой действительности» [Запорожец, Неверович 1974: 70].

Таким образом, эмоции, познание и отражение взаимодействуют друг с другом следующим образом. Эмоции участвуют в познании, но они ему нерядоположены. Они сопровождают и окрашивают познание, и поэтому познание предстает в таком виде: знание + отношение к его содержанию. Это отношение эмоции выражают в виде субъективной значимости содержания знания для языковой личности. Отражение в таком случае выступает как воспроизведение в слове эмоционального оценивания объекта мира, явления, свойства, ситуации и как условие для возникновения эмоции (субъективной значимости объекта эмоционального наименования для языковой личности). В этом заключается качественная специфика эмоциональной формы отражения действительности в отличие от познавательного отражения: эмоции отражают не сами объективные предметы и явления реального мира, а субъективные отношения, в которых предметы мира находятся к потребностям, целям и мотивам речевой деятельности человека.

Отражение — процесс психический. Эмоциональная сфера человека является отдельным пластом психического образа, который как бы надстраивается над познавательным и потому занимает положение между этим образом и внутренними психическими образованиями (потребностями, опытом и т. п.). При такой «локализации» эмоции легко вписываются в строение образа как носителя субъективного отношения к тому, что, в нем отражается, и тем самым формируется эмоциональный образ объекта мира [Вилюнас 1984: 9].

Двойная обусловленность эмоций (потребностями субъекта и ситуацией), а также указанные выше взаимоотношения эмоций с процессами познания и с их языковым опосредованием придают большую адекватность внелингвистическому обоснованию природы эмо-

ций, одна из целей которой — устранить недооценивание роли эмоций в языке. Говоря словами Ю. М. Лотмана (сказанными по другому поводу), «пространство, лежащее за языком, попадает в область языка и превращается в содержание только как составной элемент дихотомии содержание — выражение... Можно говорить о противопоставлении области языка с его содержанием и выражением вне языка лежащему миру» [Лотман 1992: 8].

Однако следует оговориться, что формулировка «язык выражает эмоции» является метафорой, т.к. «выражение принадлежит только речи, которая выражает на основе представленного (в языке.— В. Ш.) и с помощью средств, которые предлагает представление» [Гийом 1992: 96]. Язык, как общеизвестно, ничего не выражает, он представляет, он овеществляет и кодирует эмоции в своем лексико-семантическом пространстве. Акт эмоциональной речевой деятельности начинается не с произнесения слов, предназначенных для передачи эмоций, а с «более ранней, лежащей в его основании операции, представляющей собой сигнал, с которым мысль в момент своего выражения обращается к языку», находящемуся в постоянном распоряжении мышления» [там же: 81]. По мнению Г. Гийома, в этом и заключается главная функция языка — находиться в постоянном распоряжении мышления.

Подтверждением этого является лексическое решение номинаций в эмоциональных речевых актах. Приведу пример из романа С. Шелдона «Обнаженное лицо»:

«Are you and your husband compatible, physically?»

«Yes.» Embarrassed.

«Do you suspect him of having an affair with another woman?»

«No.» Amused.

«Are you having an affair with another man?»

«No.» Angry.

«Do you suspect your husband of being Homosexual?»

A low warm laugh. «No.»

He pressed on, because he had to. «Have you ever had a sexual relationship with a woman?»

«No.» Reproachful.

Одна из пациенток психоаналитика посетила его шесть раз, но он никак не мог вникнуть в проблему, за решением которой она приходила к нему. Он чувствовал, что этому мешает эмоциональная блокировка ее чувств, приводящая их общение к коммуникативному провалу. В сравнении со всеми другими пациентами доктора Джада только про-

содия и фонация миссис Блэк позволяла опытнейшему психоаналитику фиксировать и номинировать эмоциональные нюансы этой блокировки. Борьба когнитивного и эмотивного в их речевой коммуникации вначале остается на уровне институциональной контраверзы «внешняя – внутренняя речь»:

«I would like you to come back once more,» he said.

She looked at him quietly. «Why?»

Because I can't bear to let you go so soon, he thought. Because I'll never meet anyone like you again. Because I wish I had met you first. Because I love you. Aloud he said, «I thought we might — round things out. Talk a little to make sure that you really are over your problem.»

Эмоциональное сопротивление пациентки, явно нуждающейся в помощи психотерапевта, так и не позволило ему поставить диагноз и найти выход. Изошренные когнитивные потуги врача не смогли преодолеть этого сопротивления, но помогли ему осмыслить его фрагментарные компоненты, которые в будущем сыграют прогностическую функцию в когнитивном определении проблемы пациентки и путей ее решения. Этот когнитивный поиск выполняет мотивирующую функцию в его эмоциональной эмпатии, а потом и симпатии к миссис Блэк.

Проблема взаимодействия эмоций и когниции для лингвиста решается и через исследование номинации, дескрипции и экспрессии эмоций. Такое изучение дает новые знания о человеческих эмоциях, перераспределяющих и вербализующих структуру всех знаний о них. Категориальная организация этих знаний постепенно приближает лингвистов к осмыслению лингвистической концепции эмоций [Шаховский 1995].

Подводя итоги рассмотрению сложнейшей междисциплинарной проблемы взаимодействия когниции и эмоций в процессе коммуникации (а это взаимодействие запрашивается именно нуждами эмоционального общения), можно согласиться с выводами тех ученых, которые признают за эмоциями когнитивную и коммуникативную функции. Роль языка и его концептуального аппарата в презентации этих двух функций заключается в том, что он через языковую когницию вербализует эмотивное пространство эмоций. Однако в отличие от цитированных выше К. Оутли, Дж. Джонсона-Лэрда, Б. Ферра, Дж. Рассела, Е. Ю. Мягковой и др. ученых, мы считаем, что языковое пространство неспособно полностью покрыть многомерное эмоцио-

нальное пространство *Homo sentiens*, и поэтому эмоциональная коммуникация между ними осуществляется только с помощью разной степени приблизительных номинаций. Разумеется, правило «*what is a cat cannot be a dog*» распространяется только на базовые, рекуррентные эмоции, но не на их многообразные дериваты (ср. *happiness, bliss, delight, love, adoration, awe, etc*), семантико-ассоциативное различие которых размыто: в реальном общении они легко взаимозаменяемы.

Судя по социальным исследованиям (Й. Хейзинга, В. З. Санников, М. А. Гридина, Е. Ф. Болдарева и др.) почти вся речевая деятельность человека является или стереотипной, или креативной, но на основе стереотипов. А это значит, что она всегда обусловлена ситуацией и является всегда условной (конвенциональной). Основываясь на теории универсальных глубинных структур языка, Н. Хомский предположил, что способность к языковой игре является одной из *a blue print for language*. По Н. Хомскому, дети с рождения владеют глубинными грамматическими структурами, как ходьбой (если они физически и ментально полноценны). При этом практика показывает, что эти структуры универсальны для всех или, по крайней мере, для большинства языков в области грамматики. Свидетельством этого предположения является тот факт, что детям можно внушить любой неродной язык, а также тот факт, что, не зная правил и не используя их, дети до учения в целом правильно говорят на данном языке [Farb 1993: 280]. А тот факт, что у детей разных лингвокультурных сообществ долгое время превалирует эмоционально-образное мышление в восприятии мира и себя в этом мире (что выражается в соответствующей лексике, грамматике и интонации), говорит об эмоциональной доминанте врожденных глубинных структур как компоненте врожденного эмоционального интеллекта человека [Goleman 1997]. Этот интеллект остается с человеком на всю жизнь, при этом эмоциональная доминанта у разных людей с возрастом ослабевает, уравнивается рациональным компонентом интеллекта, уступает ему либо продолжает превалировать, но со значительно меньшей долей по сравнению с детским возрастом. Это соотношение рационального и эмоционального в интеллекте взрослого человека зависит от его сформировавшегося эмоционального дейксиса [Шаховский, Жура 2002] как точки отсчета в его (а)вербальном поведении, в его индивидуальной шкале ценностей, в восприятии мира и в эмоциональном картировании этого мира, в том числе и в карнавальном (игровом) картировании мира (подробнее: [Шаховский и др. 1999]).

§ 4. Языковая личность: эмоциональный аспект

Благодаря коммуникативному подходу к языковым явлениям различных уровней вновь возобновился интерес психологов, лингвистов и философов к проблеме языковой личности. Еще в прошлом веке В. фон Гумбольдт писал о том, что нельзя изучать человека без языка, а язык без человека. В связи с этим подходом в лингвистических исследованиях появился ряд новых акцентов, в частности, ориентация на экстралингвистические факторы человеческого общения, например, на знания человека о мире.

На современном этапе развития отечественной науки о языке в ней сосуществуют, не отрицая друг друга, одновременно несколько парадигм: антропоцентрическая, функциональная, коммуникативная, когнитивная, текстоцентрическая, прагматическая, эмотиологическая и другие парадигмы в понимании Т. Куна [1977]. Поэтому права Е. С. Кубрякова, характеризуя такое состояние лингвистики как полипарадигмальное и считая полипарадигматизм показателем зрелости этой гуманитарной науки. Прогресс, наращивание гуманитарного знания в стадии полипарадигматизма «обеспечивается анализом объекта сразу же по разным направлениям, в разных парадигмах знания» [Кубрякова 1994: 4; 2004].

Общественная природа языка, связь языка с мышлением и коммуникативная предназначенность как глобальная функция языка указывают на его несомненную психологичность, т. е. его человечность. Поэтому введение различных аспектов человеческой личности в названные выше лингвистические парадигмы не может обойтись без ее ядерного — эмоционального — аспекта. Язык одинаков для всех и различен для каждого, прежде всего в сфере его эмотивности, где диапазон варьирования и импровизации семантики языковых единиц в сфере их личностных эмотивных смыслов наиболее широк и многообразен. Проблема изучения речевого «Я» тесно связывает лингвистику с психолингвистикой и социолингвистикой (в сфере различных социальных статусов этого «Я»). Общеизвестно, что нельзя познать функциональную сторону языка до конца, не обратившись к его создателю пользователю во всем многообразии его исторических, социальных, национальных и др. особенностей. Это объясняется тем, что действительность «не отражается, а преломляется в нас, т. е. подвергается искажениям, причина которых кроется в самой природе нашего Я» [Балли 1961: 23].

Любая языковая личность знает, что такое эмоция, но ее научная дефиниция еще никому не удавалась из-за расплывчатости самого концепта, принадлежащего ряду смежных с лингвистикой наук. Если принять более-менее наивное понимание эмоций как специфической формы человеческого отношения к миру и к себе в этом мире, а также его языкового отражения в лексиконе и речевой деятельности человека, то возникает довольно занятная проблема: а как эмоциональный мир языковой личности соотносится с ее национально-культурной спецификой?

Специальные исследования показывают, что все люди являются одновременно языковыми и эмоциональными животными. Это означает, что речь, мысли и эмоции языковых личностей в процессе общения тесно переплетены, и баланс между *ratio* и *emotio* довольно часто нарушен эмоциональным перевесом. Этот путь одинаково справедлив и для отдельной языковой личности, и для всего языкового общества данной культуры.

Языковых личностей всех культур объединяет то, что все они испытывают универсальные эмоции: гнев, радость, страх, счастье, горе, ненависть и др. Однако распределение этих универсальных эмоций, их интенсивность, акцентирование в речевых актах различно как на уровне языковой личности, так и на национально-культурном уровне.

Сопоставление индивидуальных и национальных эмоциональных индексов американцев и россиян вскрывает интереснейшие языковые параллели и контрасты. Америка как страна-метафора будущего мира ярко и эксплицитно маркирована стабильными эмоциями «патриотизм» и «гордость» («This is America!», «Only in America!», «Made in USA!»). Россия же свой эмоциональный тренд меняла неоднократно — «энтузиазм», «счастливые надежды», «патриотизм», «гордость», «воодушевление», «неудовлетворенность», «разочарование», «безверие», «негодование», «презрение», «депрессия», «унижение». Индивидуальные эмоциональные индексы американцев и россиян созвучны их хронотопным национальным трендам. У американцев преобладают «счастливость», «самодовольство», «дружественность», а у сегодняшних россиян — «отчаяние», «страх», «обозленность», «неуважительность».

Сопоставление человеческих эмоций в русской и американской культурах позволяет установить их вербальные корреляты и большую словообразовательную и словопреобразовательную активность русского языка как эмоциональную реакцию на динамику эмоционального

индекса русской социокультуры. Эмоция как важнейший компонент культуры вербализуется как в общественном, так и в индивидуальном эмоциональном индексе / тренде через соответствующие эмотивные знаки языка.

Индивидуальность, личность, как известно, проявляется в деятельности, в делах, в том числе и в речевой деятельности, ибо слово — тоже дело. Кроме того, одной из функций языка является регуляция социально-группового поведения людей [Карасик 1992] как одна из ипостасей прагматической функции языка.

Социологизированные эмоции языковой личности как типизированные эмоциональные отношения к миру оязыковляются, т. е. перерабатываются, объективизируются, опосредуются языком и семантизируются в определенных языковых единицах — эмотивах (аффективах, коннотативах), которые фиксируют и воспроизводят эти взаимоотношения коммуникантов друг с другом и с миром в эмоциональных речевых актах [Шаховский 1995].

Через вербальные эмоциональные оценки происходит отражение языковой личности в лексико-семантической системе. Выбор эмотивов в конкретных эмоциональных ситуациях отдельными языковыми личностям различен: это — всего лишь один из множества параметров человеческого фактора в языке, характеризующих языковую личность. Н. Д. Арутюнова пишет, что вне человека нет оценок [Арутюнова 1988]. Оценка, в том числе и эмоциональная, является собственно человеческой категорией, касается человека и всего того, что каким-либо способом связано с ним, затрагивает его физическую, психическую и социальную сущность. Оценивается то, что нужно человеку; в оценку входит целиком и полностью сам человек. Оценка представляет человека как цель, на которую обращен мир.

В доязыковый период люди-дикари общались жестами. Поскольку эмоции существовали у человека и тогда, то можно предположить, что уже на жестовом уровне происходило выражение оценок-эмоций. По мнению ряда лингвистов, тот дикарь, который первый при выражении своей оценки эмоции возмущения вместо удара бульжником употребил бранное слово-инвективу, положил начало цивилизации, а заодно и инвективизации языковой личности.

Слово, которое выражает ту или иную эмоцию, вне зависимости от его внешней формы (она может быть и специфической и стандартной), должно в своей содержательной части иметь такие компоненты, которые соотносились бы с выражаемыми эмоциями одинаково для

всех носителей данного языка. Другими словами, эти компоненты должны быть частью принятого в данном социуме значения языковой единицы, а сама языковая единица должна быть внешним знаком конкретной эмоции или группы эмоций так же, как сама эмоция является внутренним знаком того или иного оценочного отношения человека к предметам и явлениям мира. Так, выражение «Дождь!» является знаком эмоции. Значение этого вербального знака в системе языка неэмотивно, амбивалентно. Конкретная эмоция или ее зона (радость, ликование (как, например, в романе Ч. Айтматова «Буранный полустанок») или раздражение (как, например, в рассказе С. Мозга «Дождь») обнаруживается в конкретной ситуации. Один и тот же знак эмоции, даже если он стандартный, таким образом, может иметь в потенции несколько референций, не говоря уже о личностных смыслах знаков эмоций, идущих от индивидуальных референций у различных языковых личностей.

Принято считать, что смысловые пространства знаков эмоций индивидуальны и поэтому субъективны. За исключением крайних случаев, однако, все они лишь относительно индивидуальны: в каждой субъективности все равно имеются элементы обобщенности, как и в каждом конкретном имеется элемент абстрактности, а в каждом абстрактном — элемент конкретности. Всякое слово — уже обобщает, каков бы субъективно-личностный смысл говорящий в него ни вкладывал. Этот смысл имеет отношение к категоризации, имплицитной обобщением. Здесь можно привести известное мнение Л. С. Выготского, который считал, что для того, чтобы передать какое-либо переживание или содержание сознания другому человеку, нет другого пути, кроме отнесения передаваемого содержания к известному классу, к известной группе явлений, а это — непременно обобщения. Психолингвистикой установлено, что ассоциативные тезаурусы разных индивидов данного социума и даже разных социумов принципиально совпадают. На этом совпадении основано межязыковое и внутриязыковое общение разных языковых личностей. Не зря известный физиолог А. А. Ухтомский утверждал, что субъективные показатели столь же объективны, как всякие другие, для тех, кто умеет их понимать и расшифровывать.

Эмоция является ядром языковой личности, равно как рефлексия — ядром ее сознания, поэтому проблема «Человек в языке», а следовательно, и проблема «Эмоции человека в языке» — это не только лингвистическая проблема. Это и дидактическая проблема, которая

требует пересмотра традиционных методов обучения родному и неродному языку и перехода к новым направлениям в методике (коммуникативному, социо семиотическому, когнитивному). Любая эмоциональная коммуникативная ситуация характеризуется специфической коммуникативно-целевой семантикой используемых языковых знаков. Эти знаки выполняют функцию эмоционального фатического или динамического взаимодействия коммуникантов. С другой стороны, они являются инструментом для изучения динамического эмоционального взаимодействия языковой личности с ее окружением и инструментом для обучения ее эмоциональному речевому взаимодействию. Отсюда дидактическая задача — тщательный отбор эмотивного фонда русского (или иного) языка и его эксплуатация в обучающих речевых актах.

Обучающее речевое действие говорящего (т. е. высказывание и рефлексия) в эмоциональной коммуникативной ситуации всегда, в конечном счете, является социальным, т. е. все-таки надличностным, а не индивидуальным действием, направленным на коммуниканта. Однако в художественной и в иной (реальной) эмоциональной коммуникации могут превалировать сугубо личностные эмотивные смыслы, которые невозможно предусмотреть и смоделировать в обучающей коммуникации (см.: *ксива, красноперые, семибанкирщина* и мн. др.). Дело в том, что эмотивный потенциал может быть как собственным, так и наведенным извне, поэтому практически любое слово в зависимое от речевой / текстовой ситуации может быть употреблено для выражения эмоционального отношения, и обучаемые должны об этом знать. Именно благодаря этому факту возникающая у незмотивного в языке слова эмотивная валентность [Шаховский 1984] речевой / текстовой единицы «разрешает» некодированные эмотивностью, невозможные с точки зрения логики языка и денотативных смыслов словоупотребления и сочетания типа *челноки, верблюды, наварить, комок, колеса* и др.

Для развития эмотивной языковой компетенции в процессе обучения языку необходимы специальные занятия по интерпретации эмотивных смыслов. Это относится и к такому широко используемому в настоящее время средству эмотивизации речевого акта, как закавычивание и раскавычивание.

Важной теоретической и практической (дидактической) задачей является установление этапов формирования эмотивной компетенции языковой личности, например, когда необходимо обучать человека эмотивным средствам языка: после того, как даны нейтральные средства выражения или параллельно с ними. С нашей точки зрения здесь

не может быть проблемы, поскольку лингвистические исследования указывают на несомненную важность, неотъемлемость эмотивности от любого речевого акта, о неразрывности рационального и эмоционального в системе языковой личности, поэтому в научающей коммуникации средства эмотивности должны вводиться и объясняться через систему упражнений одновременно со всеми другими средствами выражения.

Понятие языковой личности развивает и углубляет психологическое и философское понятия личности [Караулов 1987] и позволяет в типологии языковой личности вычленить тип русской эмоциональной языковой личности [Вежицкая 1996] и учитывать ее специфические черты в процессе обучения языку, а в номенклатуре полипарадигмальной отечественной лингвистики выделить дидактическую парадигму, аккумулирующую лингвометодические знания и совершенствующую методику обучения языковой личности [Мурзин 1984].

Часть II
ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ РЕАЛИЗАЦИЯ
ЭМОЦИЙ

Категоризация эмоций в языке

Вербализация эмоций в речи

Текстолингвистика эмоций

КАТЕГОРИЗАЦИЯ ЭМОЦИЙ В ЯЗЫКЕ

§ 1. Эмотивное значение слова и понятие

Мысль о возможности выразить человеческие эмоции через язык не нова. Поскольку эмоции в этом процессе получают языковое оформление, представляется необходимым разобраться в том аспекте эмотивной семантики языка, который соотносит ее с обобщающей функцией сознания. Для этого необходимо решить три задачи: 1) выяснить, как рассматривается в лингвистике вопрос о самом факте эмотивного значения; 2) вскрыть взаимосвязь слова, понятия, мышления и эмоций; 3) обосновать гипотезу о возможной понятийной соотнесенности эмотивной семантики слова и подойти к разработке лингвистической теории эмоциональной стороны речи [Леонтьев 1970: 343].

Многочисленные проблемы и задачи, стоящие перед коммуникативной лингвистикой, настоятельно требуют исследования роли эмотивного значения как человеческого фактора в осуществлении речевого общения. Мнений об эмотивном значении слова высказано уже немало. Суть этого явления до конца не выяснена, хотя ясно, что такой феномен (может быть, и не под таким словесным обозначением) существует и с ним надо считаться.

Наличие эмотивного значения у слова не всегда признавалась лингвистами. Так, существовало мнение о том, что для выражения эмоций важна функция слова, а не его значение; эта функция задается контекстом и условиями коммуникации (см.: [Language, thought and culture 1958: 142]). Среди наиболее сложных (в том числе в настоящее время) проблем, связанных с эмотивным значением, можно назвать следующие: каким образом эмотивный компонент лексической семантики слова соотносится с понятием и мышлением; как он соотносится с денотативным компонентом значения; в чем его самостоятельность или коннотативность; как он соотносится с экспрессивным значением; как он представлен в языке на различных его уровнях; в чем специфика эмотивной номинации по сравнению с дескриптивной; как изменяются нормы реализации и содержание эмотивного компонента

в синхронии и в диахронии; как осуществляется межъязыковая эмотивная коммуникация (аспект эмотивных универсалий) и др.

В результате длительных споров по поводу отнесения эмотивного компонента к лексической семантике (как в отечественной, так и в зарубежной лингвистике) было установлено, что этот компонент входит в семантическую структуру языковой единицы (ср.: [Резников 1958: 4, 406]) и противоположное мнение (см.: [Новиков 1982: 104]). Но вопрос о роли эмотивного значения в составе семантики слова (микро-, макрокомпонент, аспект, вариант, окраска значения, коннотация и пр.) не является решенным, как и вопрос о структуре этого компонента (моноструктура или полиструктура). Неясна до конца и типология предельных составляющих компонентов эмотивного значения.

Некоторые лингвисты пытались предложить более или менее строгие критерии для выяснения внутренних параметров, формальных маркеров эмотивного значения и составляющих его микроэлементов (ср. компонентный анализ У. Вайнрайха и Э. Бендикса и метод семантического дифференциала Ч. Осгуда). К сожалению, указанные методы в большой мере были основаны на интуиции исследователя и поэтому не могут быть признаны вполне доказательными.

В связи с тем, что эмотивное значение не поддается формальной экспликации, предлагалось даже «отменить» его как нечто неустойчивое, диффузное, зависимое от множества факторов, находящихся как внутри, так и за пределами его формы. Так, в ряде источников цитируется мнение о том, что эмоциональные элементы речи не могут быть описаны «конечным числом» абсолютных категорий и рассматриваются им как «смутные, неуловимые, переменчивые явления», как внеязыковые элементы (см., например: [Якобсон 1975: 197]). Ч. Стивенсон [Stevenson 1948] предположил, что эмотивное значение зависит от первичного концептуального содержания, от изобразительного значения, от ассоциаций и от импликаций слова, от личных взаимоотношений говорящего и воспринимающего. Такое обилие зависимостей, по его мнению, делает эмотивное значение словарно нефиксируемым феноменом, тем более, что, как и сами эмоции, эмотивное значение обладает множеством оттенков, которые не всегда можно объяснить, выразить или описать словами.

Нельзя не признать, однако, что эмотивное значение слова не является отражением эмоций только данного говорящего. Оно не индивидуально, а представляет собой обобщенное отражение «социальной эмоции». В этом отношении эмотивное значение носит такой же со-

циальный характер, как и логико-предметное значение: оно соотносимо с соответствующими эмоциями любого носителя данного языка. В стандартных эмоциональных ситуациях люди данной языковой общности испытывают и выражают принципиально одинаковые эмоции. Каждый индивид, естественно, варьирует типизированную эмоцию, подгоняет ее под то или иное слово (знак этой эмоции) в зависимости от своего индивидуального опыта, но в пределах социального (обобщенного) опыта. Это и обеспечивает дифференциацию эмоций при их языковом выражении через эмотивное значение того или иного языкового средства.

Можно отметить, что обилие случаев использования нейтральных языковых единиц для выражения эмоциональности как будто бы подтверждает приведенное ранее мнение об эмотивности как следствии использования слова в той или иной функции. Но абсолютное большинство отечественных и зарубежных лингвистов настаивает на существовании словарного эмотивного значения. Приведем некоторые аргументы, доказывающие это положение.

1. Два слова могут иметь одинаковое логико-предметное значение, но различаться по наличию (отсутствию) эмотивного компонента (ср.: англ. *poet* :: *rhymester*; *obstinate* :: *ass*; *bad* :: *terrific* и др.). К одному или нескольким синонимичным по логико-предметному значению словам в языке есть эмотивные параллели с противоположными оценочными знаками: *girl* :: *bunny/bint*; *child* :: *kid/brat*; *woman* :: *duck/crow*. Эти слова имеют приблизительно одно и то же денотативное содержание, но различаются по ассоциируемым понятиям, по выражаемым эмоциям, по эффекту воздействия, по ситуациям употребления и пр., что ведет к различиям и в их глобальных значениях.

2. Эмотивное значение может развиваться отдельно от логико-предметного внутри лексического значения слова: так, англ. *imp* в значении 'ребенок' во времена Шекспира употреблялось как ласкательное, игривое название ребенка и ласкательное обращение к взрослым людям, а его современное значение толкуется словарями как 'mischievous child' (эмоция неодобрения). Аналогично в русском языке слова *ребенок*, *ребеночек* по отношению к взрослому человеку являются ласкательными по форме, но уничижительными по содержанию.

3. Эмотивные значения слов осознаны, дискретны, адекватно идентифицируются и дифференцируются говорящими, одинаково соотносится всеми говорящими с понятиями, признаками объектов,

детерминирующими эмоциями, одними и теми же типами эмоций, а также идентифицируется с определенными языковыми единицами их выражения — носителями эмотивной семантики — и с типизированными эмоциональными ситуациями их употребления в речи. Например: *He said you were the stud of the year, you had all the girls chasing you. The word «stud» had always annoyed him and it sounded particularly provocative coming, accented, from Mrs. Heggner's lips (Shaw I. At the Top of the Hill).*

В связи с этим эмотивные значения, несомненно, коммуникативны. Эмотивная лексика сознательно отбирается говорящими в рамках существующего кода, т. е. ее отбор контролируется сознанием говорящих в зависимости от ситуации общения. Коммуникативность эмотивов — единиц языка с эмотивным типом семантики — заключается в том, что они сообщают о душевном волнении: говорящего, передают некую эмоциональную информацию (одновременно с фактуальной или независимо от нее), вызывают ответную эмоциональную реакцию; например осознанное обеими сторонами общения чувство отвращения, презрения, ненависти и др. В абсолютном большинстве случаев использование эмотивного значения коммуникантами смоделировано. На этом факте основаны сценическое искусство (например, известная система К. Станиславского), художественная литература, воспроизведение прошлых эмоций при пересказе событий, демонстрация и симулирование эмоций и многое другое.

4. Эмотивное значение может быть вычленено при измерении смысловой информации контекстуального слова [Частные вопросы автоматизированного анализа текстов 1972: 16]. Рассмотрим следующий английский пример: *«No», — said the girl, but it's dreadful to be hungry (Dreiser Th. Sister Carrie).* Если провести диагностирующую трансформацию, т. е. заменить слово *dreadful* на слово *bad* (явно нейтральное в эмотивном отношении, рационально-оценочное слово), то такая замена выявит сему оценочности в семантике слова *dreadful*. Однако смысловая информация высказывания при этом будет далеко не адекватна вертикальному контексту, за ее пределами останется выражение сильных эмоций девушки. В связи с этим необходимо признать, что сема оценочности слова *dreadful* является периферийной, вершиной же является сема эмотивности (ее маркеры — «feeling», «emotion», «horror», «fear»). Сема «эмоция» с комплексом семантических признаков и семных конкретизаторов («ужас», «страх») составляет эмотивное значение данного слова — информацию, передающую

чувство страха, ужаса говорящей, наряду с отрицательной оценкой голодной жизни в чужом городе.

5. На факт существования эмотивного значения указывает также то, что оно быстрее схватывается (понимается, осознается), чем логико-предметное значение. До осознания логико-предметного значения слова, как показали психолингвистические эксперименты [Шаховский 1982], человек осознает его эмоциональный смысл (что-то хорошее, что-то плохое: оскорбление, гнев, ласка и пр.). Факт более быстрого воздействия эмотивного значения (по сравнению с логико-предметным) на сознание человека говорит, по нашему мнению, в пользу признания так называемого «эмоционального мышления».

В литературе приводится, в частности, такой факт самостоятельности эмотивного значения: больные афазией затрудняются вспомнить дескриптивное слово, обозначающее тот или иной предмет, но зато оперируют эмотивами, характеризующими их отношение к этим предметам и выражающими эмоциональные ощущения. Например, кусок торта и протухший сыр больной афазией называть не может (не помнит слова), но, указывая на торт, говорит: «*Good!*», а на сыр: «*It stinks!*» [Language, thought and culture 1958: 159]. Аналогичные факты находим в [Носенко 1979; 1981; Витт 1983; 1984] и в исследованиях других лингвистов и психологов.

Всё изложенное позволило сделать вывод о том, что слово, понятие и мышление оказываются тесно сопряженными. Поэтому наличие в словарном корпусе любого языка так называемой эмотивной лексики, а также потенциальная способность словарных незмотивов быть употребленными в эмоциональных целях указывает на связь этой лексики с эмоциональным мышлением. Эмоциональное мышление давно признается психологами как объективно существующий психологический феномен [Тихомиров 1969; 1984 и др.]. Мы исходим при этом из того, что эмотив — это слово, а слово является, несомненно, элементом сознания. Дж. Лайонз резко противопоставляет понятия и эмоции, разводя их по противоположным полюсам мыслительной деятельности [Лайонз 1978: 473]. Однако заметим, что эмоциональное состояние (гнев, радость, печаль, страх и пр.) действительно не может считаться понятийным, но его языковое выражение является осмысленным, кодифицированным, т. е. поднятым до понятийного уровня сознания (например, понятие ужаса и эмоции ужаса передаются одним и тем же словом) (см., например, категориально-семантическую типологию эмоционально-оценочной лексики: [Фомина 2006]).

Проблема семантики эмоций — это проблема отношений объекта мира (O) и субъекта (S). Эмоции существуют только там, где есть отношение этих параметров. Эмоция — это реакция субъекта на стимул, который заставляет человека по-иному группировать объекты мира и их свойства. Понятия об этих объектах и их свойствах создаются в результате взаимодействия S и O [Лекторский 1980]. Влияние O на S и активное отражение объекта субъектом вызывает в S определенные психические изменения, т. е. эмоциональные реакции. Другими словами, осмысление человеком отношений SRO может сопровождаться эмоциями. Приведем несколько иллюстраций: 1) *Старый замок в двери упорно не открывается: «Чертов замок!»*; 2) *Целый день в квартире звонит телефон, не давая ничего делать: «Проклятый телефон!»*; 3) *Подвел каким-то образом приятель: «Ну, и свинья же!»*; 4) *Получила неожиданный подарок: «Ой! Что за прелесть!»* и т. д. Эти и им подобные типизированные реакции должны находить выражение, т. е. быть как-то закрепленными в структуре понятий об объектах мира и спроецированными на семантику слов и высказываний, называющих эти объекты или описывающих их взаимоотношения. Ср. англ. сленг: *fink* — «*undesirable person, one who is not trustworthy (an informer, a strikebreaker or worse), a term of abuse or disrespect*». Формирование понятий об отражаемых словом объектах реального мира зависит от познающего, отражающего и говорящего субъекта. А поскольку «без человеческих эмоций никогда не бывало, нет и быть не может человеческого искания истины» (В. И. Ленин, цит. по: [Рубакия 1913]), то на некоторые формируемые понятия «набрасываются» эмоционально-субъективные сетки отношений к тем предметам (в лингвистическом смысле термина), которые стоят за этими понятиями. Эти отношения попадают в сигнификат соответствующих слов в виде социально закрепленных компонентов, т. е. смысловых долей — рациональных или эмоциональных оценок.

Оценочные понятия являются общепризнанной категорией: модальная логика включает модальность в содержательную структуру понятия, а оценка — компонент модальности. Примерами слов, отражающих оценочные понятия, являются: англ. *scoundrel* 'подлец', 'мерзавец', 'негодяй', *blackmailer* 'вымогатель', *liar* 'лжец', *to snake* 'пресмывать', *to ape* 'обезьянничать', *hypocrite* 'лицемер', *rotten* 'гнилой' и др. Но оценочное отношение может быть и эмоциональным, поскольку в процессе сигнификации эмоции могут играть значительную роль. И в случае рациональной, и в случае эмоциональной оцен-

ки при окончательном оформлении понятия сознание человека как бы выводит за скобки маркеры эмоций основного (логического) содержания понятий. Но эти маркеры эмоций присутствуют виртуально в сознании носителей языка и манифестируются в определенных контекстах речевого общения.

Предполагается, что социальные эмоции могут через соответствующие понятия проецироваться на семантику слова, проникать в нее, закрепляться в ней и воспроизводиться в типизированных ситуациях. С другой стороны, предполагается, что не только понятия о том или другом предмете задают содержание соответствующих им слов, но и, наоборот, отдельные семантические компоненты могут индуцировать в соответствующих данным словам понятиях те или иные признаки, обогащающие их содержание. Так, например, обстоит дело с эмоционально-оценочно-экспрессивными признаками, которые возникают в «официальном» содержании понятия за счет эмоциональных ассоциаций и представлений говорящих, ср. англ.: *Euroshima, Reaganomics, mafia, junter, Pentagonese*. Исследование материала приводит нас к мысли о том, что лексическое содержание слова является результатом взаимодействия двух видов понятий: дедуктивно-логического и индуктивно-прагматического. Первый вид понятий общеизвестен и общепринят (понятие с определенной совокупностью существенных признаков). Эти признаки формируют основу прямых, так называемых предметно-логических значений слов. Второй вид понятий включает в себя потенциальные и субъективно приписываемые предмету признаки. Среди этих признаков могут быть и оценочные, носящие эмоциональный характер. Именно эти последние лежат в основе эмотивной семантики слова. При таком подходе традиционное двухчастное деление семантики слова (денотативная и коннотативная) получает понятийную детерминацию, а оба компонента значения — понятийную онтологию, что, видимо, и объясняет однозначную интерпретацию эмотивов всеми коммуникантами определенного социума. Отличие этих двух видов понятий заключается, в частности, в том, что первое, т. е. дедуктивно-логическое, имеет более жесткие границы. Этому последнему соответствует семантический инвариант того или иного слова. Границы индуктивно-прагматического понятия «размыты», они содержат изменяющиеся и субъективные признаки, варьирующие семантику слова, в том числе и по эмотивным парадигмам. Индуктивно-прагматические понятия являются производными и вторичными по отношению к дедуктивно-логическому понятию.

Рассмотрим два примера индуктивно-прагматических понятий. При объяснении содержания понятий мы исходим из того, что словарные дефиниции отражают понятийное содержание слова, и из понимания понятий как свернутых суждений, разворачиваемых для обнаружения их интенционала, экстенционала и импликационала. В содержание интенционала понятия входят существенные, главные признаки, в содержание экстенционала — несущественные, второстепенные, а в импликационал — ассоциативные, потенциальные, вероятностные и пр. Все эти признаки подвержены оценочной квалификации, рациональной или эмоциональной. Ср. англ. *gate-crusher (one who attends without an invitation)* [WDE: 402]. Это значение можно представить следующим образом: *незванный гость* = «человек, приходящий в гости» (интенционал) + «неожиданно, без приглашения» (кваликативно-атрибутирующая рамка интенционала) + «это не является нормой и потому нежелательно» (оценочный атрибут), т. к. «приносит неудобства хозяину, нарушая его планы» (экстенционал) + «что вызывает у него недовольство (эмоциональный атрибут), социально и узуально закрепленное и воспроизводимое в типизированной ситуации».

Как отмечалось выше, эмоция есть отношение S R O. Традиционно считается, что предметно-логическое значение слова совпадает с понятием. Именно поэтому то, что дано в словарной дефиниции слова, якобы и есть само понятие. Для говорящего обыденное понятие и слово, таким образом, тождественны, они — лишь две стороны одного листа. Любая дефиниция — это логическая операция, которая раскрывает в какой-то степени (никогда — в полной) содержание понятия, и через него — обобщенное, но не исчерпывающее знание о предмете. С этих позиций эмоционально окрашенное содержание понятия есть несколько иное знание о мире. Поясним сказанное на таком примере: *Петя — тигр*. Среди сущностных признаков, характеризующих тигра, имеется признак «жестокость». Поэтому приведенное высказывание имеет смысл ‘Петя жестокий, как тигр’ (как если бы был тигром). Признак жестокости тигра закреплен в социальном опыте говорящих коллективов однозначно и получил эмоциональное осмысление. Он вызывает эмоцию страха, что нашло эмоциональную оценку осуждения в соответствующем понятии. Через многочисленные контексты употребления этот признак возвратился во вторичную семантику слова *тигр* как эмотивно-окрашенное созначение, т. е. коннотация.

Сама по себе «жестокость» является понятийной дескрипцией. То, что эта дескрипция ассоциируется со страхом, и ведет к тому, что эмо-

циональное отношение к обозначаемому словом *тигр* является вершинной семой в его значении. Сема «эмоциональное отношение» окказывается в высказывании *Петя — тигр* в «коммуникативном фокусе». Но когда мы говорим *Петя — тигр*, то мы можем выражать не только осуждение, но и восхищение, что зависит от ситуации и вертикального контекста. Эмоция восхищения при этом ассоциируется с другими признаками, характеризующими тигра — «ловкость», «смелость», «изящество», «грация» и пр. Их эмоциональная оценка также отражена в импликационале понятия о тигре.

Во всех рассмотренных здесь случаях основой эмоциональной окрашенности содержания понятия являются определенные логические признаки — характеристика объекта мира. В этом отношении права В. Н. Телия, которая считает, что без когнитивной «подкладки» невозможно оценить все стороны означаемого [Телия 1981; 1985 и сл.].

Ю. С. Степанов подчеркивает, что «значение слова стремится к понятию как к своему пределу» [Степанов 1975: 12]. Эмотивы — слова, выражающие эмоции говорящего, — на наш взгляд, также «стремятся» быть понятийно обусловленными. Мы говорим об эмоционально окрашенных понятиях только в том смысле, что содержание некоторых понятий через семантику слов — их носителей — может вызывать адекватные эмоциональные реакции, социально закрепленные за соответствующими словами и репродуцируемые при их употреблении в речи. И в случае эмотивов, и в случае неэмотивов понятие является кодовым ключом для их адекватного восприятия и употребления в речевом общении. Наиболее полно и точно эту мысль высказал А. Н. Савченко: «...При помощи языка осуществляется и закрепляется сочетание определенных эмоциональных отношений с определенными понятиями в соответствии с социальным опытом народа или социальной группы, и, таким образом, чувства, являющиеся неотъемлемым элементом сознания, становятся неотъемлемым элементом языковой формы мышления» [Савченко 1972: 30].

Вопрос о сути эмотивного значения тесно связан с вопросом о том, как оно соотносится с понятием. Эта проблема подробно обсуждается в ряде зарубежных работ, но ни к какому убедительному решению авторы пока не приходят. Какие же аргументы выдвигаются учеными против понятийности эмотивного значения? Ч. Огден, А. Ричардс и другие исследователи относят междометия, бранную лексику, инвективы (нецензурные слова), непосредственно выражающие эмоциональные состояния, к непонятийным на том основании, что сами

эти состояния непонятны. Насколько данное положение аргументировано? Привлечем для рассмотрения междометия наиболее ярких представителей эмотивной лексики любого языка. Споры об этой категории имеют очень долгую историю и восходят к античности. Суть возникающих здесь проблем может быть сведена к трем основным: языковая природа, семантическая маркированность и коммуникативная релевантность междометий. Интересно отметить, что в связи с этой проблемой как в отечественном, так и в зарубежном языкознании имеются прямо противоположные точки зрения (см. обзор в монографии И. С. Торопцева [1985] и учебном пособии А. С. Дыбовского [1983]).

Тезис о семантической маркированности междометий и их способности выражать понятия выдвигался и аргументировался и ранее в ряде работ (см. [Травничек 1956; Искоз, Ленкова 1958; Виноградов 1972]). Суть этих аргументов заключается в следующем: междометия, несомненно, являются словами, так как они отвечают критерию цельности этой языковой единицы. А. С. Дыбовский указывает на способность междометий к номинализации, адвербиализации, вербализации [Дыбовский 1983: 29], к синтаксической ассимиляции: номинализованные междометия выступают в предложении в функции подлежащего, сказуемого, дополнения [там же: 49]. В качестве аргумента в пользу словности междометия, а следовательно, и его обобщающего характера, указывается и на павловское учение о сигнальных системах. При этом делается вывод, в соответствии с которым первой сигнальной системы «в чистом виде» у человека якобы не существует [там же: 24]. И. С. Торопцев в связи с этим замечает, что междометие — не произвольное высказывание. Неучастие сознания и воли при воспроизводстве междометий — кажущееся ввиду автоматизма речи. Только непосредственная звуковая реакция (т. е. нефонематическая) на раздражения (первая сигнальная система) свободна от мышления и воли [Торопцев 1985: 101].

Нам представляется, что эти факты могли бы послужить аргументами в пользу понятности междометий. Еще одним подобным доводом является их единообразное и адекватное понимание говорящими (они обладают общим языковым значением), а следовательно, и их воспроизводимость.

А. И. Смирницкий считал эмоциональное содержание междометий непонятным, поскольку «оно не осмысливается, не анализируется, а непосредственно выражается, не будучи, так сказать, пропущен-

ным через мышление» [Смирницкий 1955: 80]. Мнение такого выдающегося отечественного ученого, несомненно, авторитетно. Но ведь если междометия не осмысляются, не анализируются и не пропускаются через мышление, тогда зачем в словаре любого языка имеется довольно большое количество дискретных междометий на все случаи эмоциональной коммуникации, как говорящие узнают правила их употребления и как они эти междометия различают и понимают? За счет сознания, не достигающего понятия? Такое толкование, на наш взгляд, мало что объясняет, так как проблема непонятнейшего сознания еще более сложна. Другое дело, если А. И. Смирницкий имел в виду нефонематические звуки (выкрики, «мычание», стоны и т. п.). Они действительно «не осмысляются, не анализируются и не пропускаются через мышление» и представляют всего лишь уровень эмоциональной рефлексии.

Видный американский ученый Э. Станкевич [Stankiewicz 1964], специально занимавшийся проблемами «эмотивного языка», полагал, что понятийное содержание междометий диффузно, свернуто до минимума, но оно есть. Именно поэтому он считал неправомерным относить междометия к неязыковым единицам, тем самым отрицая их языковую сущность. Близок к этой точке зрения и Ч. Стивенсон, ставящий эмотивное значение междометий в зависимость от тех понятий, которые они передают [Stevenson 1948].

Сравнивая высказывания «*Я осуждаю этого человека за его изворотливость и угодливость*» и «*Он проныра и подхалим*», А. Н. Савченко замечает, что второе предложение якобы ни под какое понятие не подводится, так как слова *проныра* и *подхалим* являются непосредственным выражением эмоции отвращения и в этом смысле равноценны междометиям (в первом высказывании, по А. Н. Савченко, выражено понятие осуждения [Савченко 1972]). Если с ним согласиться, то окажется, что в языковых системах имеется огромное количество лексических единиц, выражающих эмоции непосредственно. Тогда вся эмоционально-оценочная лексика языка попадает под эту категорию и объем непонятнейшей лексики значительно расширяется. С таким мнением и неожиданными выводами трудно согласиться.

В качестве аргумента в пользу непонятнейности эмотивного значения некоторыми учеными [Stierle 1975] используется тот факт, что эмотивное значение может варьироваться независимо от того дескриптивного значения, к которому оно «прикреплено». Но такой аргумент также вызывает возражение, потому что тогда становится непонят-

ным сам принцип «прикрепления» эмотивного значения к тому или иному дескриптивному значению той или иной конкретной языковой единицы. Имеющее в языке место относительно независимое варьирование дескриптивной и эмотивной частей семантики слова, на наш взгляд, объясняется социолингвистическими и психологическими причинами: логическое содержание понятия и его эмоциональное осмысление могут изменяться в разной степени. По нашему мнению, аргумент К. Штирле и Дж. Коэна [Cohen 1966] говорит именно о связи эмотивного значения с понятием, которое бесконечно и постоянно изменяемо, что влечет за собой изменение и его эмоционального осмысления. Но поскольку эмоциональность, в принципе, более лабильна, чем рациональность, изменение эмотивного компонента семантики слова может опережать развитие его логико-предметного компонента или отклоняться в неожиданную сторону, а затем закрепляться в опыте говорящих и «возвращаться» в семантику соотносительных слов, ср. англ. сленг: *cool* 'kill'; *bleeder* 'a very stupid, unpleasant or contemptible person'; *cow* 'loosely woman'; *dish* 'an attractive person, esp. a woman'.

Еще один довод против понятийной отнесенности эмотивной семантики: оттенки эмотивного значения не всегда можно выразить словами и описать в терминах понятий (т. е. логических дескрипций), а в речевом общении на формирование этих оттенков могут оказывать влияние совершенно случайные факторы, например, звуковой эффект [Language, thought and culture 1958: 159]. Конечно, при рассмотрении любого вопроса можно найти аргументы «за» и «против». Но в данном случае — при изучении эмотивного значения — целью должно быть установление тех факторов, которые задают эмотивную функцию слова, и определение статусов эмотивного компонента в семантике слова, а не отрыв его от логико-предметного компонента последнего.

Известно, что язык есть практическое сознание и поэтому «не может не включать в той или иной форме всех сторон целостного отражения действительности» [Резников 1958: 124]. Сознание включает и рациональные, и эмоциональные моменты, соотносящиеся или ассоциируемые с понятиями и с соответствующими им эмоциями. Каким бы самостоятельным ни представлялось эмотивное значение, оно ассоциируется с теми или иными эмоциональными представлениями, а последние, как известно, сопровождают понятия. Так что отрицать вообще какую бы то ни было связь эмотивного значения с понятием нельзя.

Конечно, признать, что эмотивное значение является продуктом только чистого интеллекта и что оно происходит только от понятий, было бы упрощением сложного механизма его формирования и соотносительности с понятием. Однако полностью отрицать факт его некоторой зависимости от понятийного содержания слова — значит переводить всю эмотивную семантику языка в область стихийности психики.

Что же, по нашему мнению, говорит о понятийной сопряженности эмотивного значения? Во-первых, в абсолютном большинстве случаев все слова с эмотивным значением имеют логические корреляты (это и слова, и описательные словосочетания, передающие те же понятия). Даже междометия можно представить в понятийных терминах: *Hurrah!* = *I'm pleased very much, overjoyed about something*. Легко заметить различие в информации и прагматике того, что стоит справа и слева от знака равенства. Аналогично можно семантизировать любое междометие, бранное, нецензурное слово, равно как и другие эмотивы. У них есть первичное понятийное содержание (то же, что и в их нейтральных коррелятах), хотя их понятийные ассоциации, конечно, различны. Так, у эмотива *frightful* первичным понятийным содержанием было «*full of fright*», у эмотива *awful* — «*full of fear*». Отрицать, что эмотивное значение междометия имеет несколько аспектов и хотя бы в одном из них остается понятийным, как нам представляется, нельзя. Можно, видимо, признать, что в принципе существует и непонятийное эмотивное значение как разновидность понятийного. Но если эмотив может получить социальную понятийную интерпретацию, закреплен за определенной ситуацией, то его эмотивное значение может быть понятийно обусловлено.

Представляется важным напомнить, что языковое (словесное) выражение эмоций в конечном счете всегда является намеренным, даже если оно, на первый взгляд, и спонтанно: ведь в любом случае эмотивы отбираются на сознательном или подсознательном уровнях. Всё зависит от скорости их осмысления, которое может быть и незаметным для коммуникантов, находящихся в состоянии сильной эмоциональной напряженности.

Некоторые ученые предполагают, что поскольку эмоции и понятия — различные явления, эмоции должны выражаться только непонятийно (ритм, интонация, просодия и пр.) [Benson 1967: 346]. На это можно возразить следующим образом. Многие понятия, как мы уже отмечали выше, сами по себе имеют определенную эмоциональную ценность, которая в речевом опыте переносится на слово, семантика

которого, таким образом, получает понятийную детерминацию. Например, в английском языке имеется большой фонд зоолексем, во вторичных (метафоричных) значениях которых присутствует эмотивная коннотация уничижения или одобрения. Говорящие четко дифференцируют употребление конкретного зоонима в целях той или иной эмоциональной характеристики человека, ср. в уничижительном значении: *fox* 'хитрый', *parrot* 'болтливый', *ass* 'глупый', *wolf* 'пожирающий других', *dog* 'злой', *weasel* 'проныра, пролаза', *stow* 'уродливый (о женщине)', *cow* 'неповоротливая и толстая (о женщине)', *monkey* 'копирующий других, не имеющий своего ума', *crab* 'раздражительный' и др. А зоонимы *chicken*, *kitten*, *kid*, *sprat*, *pussy*, *bird* и др. выражают дифференцированную ласкательность. Аналогично обстоит дело и с аффективами-междометиями: *damn*, *deuce*, *darn*, *blimey*, *faugh*, *gosh* и др., и с аффективами-обращениями: *lousy*, *darling*, *sweetheart*, *honey*, *kitten* и др.

Прежняя деятельность человека, его опыт формирует наборы фреймов (по М. Минскому) или прототипных сцен (по Ч. Филлмору), включающих эмоциональные консоциации (по Г. Шперберу) и представления. Представления, как и их словесные знаки, вызывают в психике человека эмоции. В этом проявляется связь первой и второй сигнальных систем: при восприятии слова мы «переживаем» образ и потому как бы ощущаем сам объект наименования. Этот процесс можно назвать сенсуальным воздействием слова [Китерман 1909: 170], при котором значение данного слова одновременно вызывает у коммуникантов и представление о предмете, названном данным словом, и определенные эмоции, сопряженные с ним.

Таким образом, эмоции могут переноситься с предмета на представление о нем, а с представления о предмете — на слово и его семантику. Из этого следует, что связь между представлением и эмоцией довольно тесная, «субъективная связь превращается тогда в нашем мышлении в объективную категорию» [там же: 169]: слово, «принявшее» в свое значение объективную эмоциональную окраску представления о предмете, начинает само ни себе производить такое же воздействие на наше сознание, как и сам предмет или представление о нем. Это, несомненно, объясняется тем, что понятия и представления отражены в семантике слов, в том числе и в эмотивной. Ср. рус. *канючить*, *хайло*, *втюриться*, *общага*, *приспешник*, *молодчик*, *деточка*, *миленький*, *лапочка*, *котенок*, *славянько*; англ. *monster*, *brute* ('исключительно жестокий и подлый человек'); нем. *der Hitzkopf* 'горячая го-

лова (о человеке)', *der Schreiberling* 'борзописец', *der Soldner* 'наемник, наймит'. Понятийностью лексического значения, видимо, является соотнесенность (непосредственная или опосредованная) семантических компонентов с соответствующими понятийными признаками, проецируемыми на значение слова и формирующими его семантическую конфигурацию, т. е. переход одного качества признаков (предметного) в другое (понятийное) и далее в третье качество (семантическое). Поскольку принципиально возможна передача эмотивных компонентов лексического значения на иностранный язык [Гак 1968; Комиссаров 1973; Швейцер 1973], то возникает вопрос: как был бы возможен перевод эмотивов, если бы они никакого отношения к понятиям не имели?

В языке, несомненно, есть эмотивная семантика (как результат отражения эмоций в языке), однако она не однородна. Одним из ее видов является эмотивное значение, причем в этом случае эмотивность в слове самостоятельно значима и обязательна. Но каким бы самостоятельным эмотивное значение ни представлялось, оно всегда соотносится как минимум с определенными представлениями, а последние, когда они уже сформированы и социологизированы, не могут быть независимыми от понятий.

В заключение отметим, что признание эмоционального аспекта мышления и эмоционально окрашенных (индуктивно-прагматических) понятий указывает на следующие факты: 1) на неправомерность противопоставления интеллектуального и эмоционального в слове; 2) на необъективность отнесения всех эмотивных компонентов семантики к непонятийным; 3) на ошибочность выведения всего эмоционального в языке за пределы лингвистики. Эти выводы дают возможность с иных позиций рассматривать структуры семантики языковых единиц и место эмоций в этой структуре и вообще в системе языка.

§ 2. Отражение эмоций в семантике слова

Мышление, протекая в форме понятий, требует опоры на слово. Отсюда ясно, что слова — носители понятий, в том числе и слова с эмотивным значением. Выразить эмоцию — значит как-то охарактеризовать отражаемый объект, показать свое эмоциональное отношение к нему (любая осмысленная эмоция есть, прежде всего, отношение, т. е. оценка, а эмоция возникает только при оценивающем мотиве). Отношение (в том числе и эмоциональное) имеет определенную

содержательно-концептуальную базу, благодаря которой и возможны интерпретации эмотивных значений.

По И. П. Павлову, слова и психические состояния человека связаны следующим образом: слова — одна из форм высшей нервной деятельности, а эмоции — одно из ее проявлений [Павлов 1951]. Поэтому отражение эмоций человека в слове имеет и психофизиологическое, и социальное обоснование, так как эмоции отражают через слово типизированные психические состояния человека, как компоненты реального мира в его языковой картине.

Как известно, понятия об объектах действительности (т. е. мира) создаются результатами взаимодействия этих объектов с отражающими их субъектами. Диалектическая философия и логика признают активную позицию мира и его воздействие на познающего субъекта [Азнаурова 1973: 138]. Влияние объекта на субъект и активное отражение субъектом объекта мира вызывает определенные психические изменения в субъекте (его отношения-реакции). Осмысление этих отношений и воздействий может сопровождаться эмоциями. Вот почему психологи включают эмоции в структуру мыслительной деятельности человека [Новиков 1982; Якобсон 1975]. По этой же причине тезис «мышление без эмоций невозможно» является для языкознания методологически значимым (ср. с теорией чувственного познания действительности В. фон Гумбольдта и А. А. Потебни).

С одной стороны, человек и его эмоции являются для языка частью объективной действительности и, следовательно, ее объектами, отражаемыми с помощью языка. С другой стороны, эмоции активно участвуют в формировании языковой (или модельной) картины мира. При этом человек рассматривается в качестве активного отражающего субъекта, его язык — средством отражения, — а эмоции человека — формой отражения оценочного отношения человека к миру, т. е. формой его семантической интерпретации. С этой точки зрения, эмоции человека являются ведущим компонентом так называемого аксиологического фактора в языке.

Говоря о предметном мире языкового содержания, безусловно, необходимо «включить сюда и все объекты интроспекции (эмоции, психические состояния и т. д.), поскольку они в этом случае также становятся объектом по отношению к познавательной деятельности» [Language, thought and culture 1958: 10]. Отсюда следует, что эмоции человека являются частью предметного мира языкового содержания, т. е. довольно специфическим предметным миром.

Если исходить из тезисов об эмоциональном аспекте мышления, о понятии как единице мышления, о слове как форме существования понятий (слово обобщает, называет и сигнифицирует т. е. означает, в том числе и эмоционально), то представляется вполне правомерным вывод о принципиальной возможности существования некоторых понятийно-содержательных категорий, окрашенных эмоционально.

Следовательно, в том плане, в котором лингвисты говорят об импликационале понятий [Stevenson 1948: 27], представляется возможным говорить об их эмоциональных импликациях. Под ними понимается та часть содержания понятий, в которой социальным опытом обобщены и закреплены типизированные эмоциональные ассоциации и реакции, или эмоциональные выражения субъектно-объектных отношений, основанные на типизированных эмоциональных состояниях субъектов и их эмоционально-оценочных отношениях к объектам мира. Эта часть содержания понятий находит отражение в эмотивном компоненте семантики слова. Под *эмотивностью* здесь понимается отраженность эмоций в слове, обуславливающая его семантическую способность выражать эмоции, по сравнению с его способностью называть, именовать, описывать их. Соответственно под *эмотивным компонентом семантики слова* подразумевается то ее структурное подразделение, которое специально предназначено для адекватного выражения эмоциональных отношений всеми говорящими на данном языке. Словозначение с таким компонентом в его семантике мы называем эмотивным словом, или *эмотивом*.

Таким образом, эмоциональные реакции говорящего человека оказываются социально закрепленными в некоторых понятиях и спроецированными на лексическую семантику слов, соотносимых с этими понятиями.

Поскольку понятие определяется как совокупность суждений, образующих теорию (теория, как известно, отражает явление), а отражение может сопровождаться эмоциями, т. е. быть эмоциональным, то и понятия через соответствующие им языковые единицы (как формы существования этих понятий) могут выражать или называть адекватные эмоции у коммуникантов данного социума. Ср.: *мымра, уродина, кляча (о человеке); blockhead — туница*; *smashing — сногшибательный; bloody — чертов, проклятый*.

Рассмотрим несколько примеров. Пример первый: эмотивное слово *stinking (вонючий)* соотносится с таким содержанием соответствующего ему понятия: «говорящий воспринимает объект отражения как

противный, отвратительный, т. е. очень неприятный, каузирующий сильную эмоцию уничтожения, презрения с резко отрицательным отношением в силу определенных свойств объекта отражения, как его денотата, так и ситуативного референта в конкретном высказывании (о референциальных аспектах семантики слова и предложения подробно см. в: [Шаховский 1982 и сл.; Носенко 1979 и сл.]), и говорящий хочет, чтобы получатель / слушатель узнал об этом его мнении и как-то отреагировал на него. Заметим попутно, что реакция получателя не всегда интересуется использующего данное слово для внешней экспрессии своих эмоций: главное — высказаться, дать эмоциональную оценку референту вслух. В такой экспликации нетрудно установить зависимость между логическими признаками содержания понятия данного слова и каузируемым признаком или его эмоциональным импликационалом.

Рассмотрим другой пример. Эмотивное слово имеет три значения: *урод* — 1) человек с физическим уродством; 2) человек, некрасивый до безобразия; 3) человек с какими-то дурными, отрицательными свойствами [Носенко 1981: 69]. Это словарная дефиниция данного слова, понятийное же содержание денотата *урод* таково: *человек, который имеет определенные отклонения от нормы во внешности или в поведении*. Существенный дифференциальный признак этого понятия — «ненормальный», имеет два логических конкретизатора: 1) во внешности, 2) в поведении.

Аксиологический параметр данного понятия оценивает этот признак и оба его конкретизатора негативно: «все, что не норма — плохо». Поэтому данное понятие онтологически является оценочным. Оценка на данной стадии анализа содержания понятия — рациональная. Но эта оценка имплицитно и каузирует возможность не только рационального, но и субъективно-эмоционального отклонения к факту отклонения от нормы: «Мне это не нравится, т. к. это мне неприятно, потому я осуждаю такое (уродское) поведение, ибо оно вызывает у меня возмущение, и я хочу, чтобы об этом знал получатель (объект отражения, названный этим словом) и другие получатели». В роли получателя высказывания выступает не только непосредственный адресат, но и слушатели, как, впрочем, и сам адресант.

В кавычки взята та часть развернутого суждения, которая и составляет, по нашему мнению, эмоциональный импликационал понятия о данном денотате. Ср.: *безобразная / страшная, ужасная уродина*, где эмоциональная оценка является вершинным компонентом со-

держания этого понятия, с такими сочетаниями, как *великолепная, красивая /прекрасная уродина*, где главенствует «негиппликационал» — отрицательная импликация понятия *уродина*, который не разрешает логические валентности этого слова, но может имплицировать его эмотивные валентности [Витт 1983]. Эмоции через соответствующие этим и подобным словам понятия проникают в их семантику, закрепляются в ней и воспроизводятся по мере необходимости в типизированных ситуациях или, консоциациях [Витт 1984].

Подобная концепция понятия позволяет нам говорить о неправомерности регидного противопоставления когнитивного и эмотивного в языке и, следовательно, о неправомерности отнесения всех эмотивных компонентов семантики слова к непонятным. От этого положения до признания у эмотивной семантики языковых единиц неязыковой онтологии — один шаг. На таких позициях стояли в начале XX в. сторонники модной в то время теории «эмотивизма» (Ч. Огден, А. Ричардс, Д. Дьюи, П. Блекмур, Дж. Остин и др.).

Мы предполагаем, что эмотивные компоненты семантики слова, подобно логико-предметным, тоже понятийно обусловлены. В этой связи эмотивный компонент семантики слова можно рассматривать как специфический способ указания на мир и как специфический способ представления понятия об эмоционально оцениваемом фрагменте объективного мира в слове, а через него — в языковой, т. е. модельной картине мира.

Вышеизложенное позволяет выделить несколько типов соотношенностей эмотивной семантики слова.

А. Понятийная соотношенность. Она закреплена в обобщающей функции эмотивного слова (процесс отражения, обобщения и означивания — процесс синхронный: логическое и эмоционально-оценивающее отношение человека к миру отражаются в семантике слова одновременно). Как указывает Ю. С. Степанов [1975], значение слова стремится к понятию, а эмотивные слова, несомненно, являются частью словарного корпуса любого языка и потому тоже стремятся к понятию.

Б. Денотативная соотношенность. Эмотивная семантика слова в любом случае есть указание, хотя и специфическое, на мир. Поясним сказанное. Эмоции человека, как часть мира, обусловлены определенными объективными или субъективными (т. е. приписываемыми) признаками денотата — своего или чужого для данного слова. Сопоставим эти «свои» и «чужие» признаки для данных ниже слов: *trap* — 1) *мышеловка*, 2) *рот*; *shouter* — 1) *крикун*, 2) *невица*; *filthy* — *мерз-*

кий, развращенный 1) (*about*) person; 2) *weather*; а также *lousy* — вишневый (*coffee*); *bloody* — чертов, проклятый (*telephone*); *beastly* — ужасная, противная (*stairs*); балаган — 1) старинное народное театральное зрелище комического характера с примитивным сценическим оформлением; 2) перен.: нечто грубое, шутовское, пошло-несерьезное (разг.) [Носенко 1981: 35]. Денотат последнего значения — «уголок ораторов в Гайд Парке Лондона» — описывается в следующем примере так: *По опустевшему балагану демократии бродили лишь полицейские* (Стуруа М. Балаган). В словосочетании «балаган демократии» реализуется актуальная эмотивная валентность словозначения «балаган» и потенциальная (виртуальная) эмотивная валентность словозначения «демократия». Аналогично объясняется возможность эмотивных словосочетаний типа «разгул демократии», «скоропостижно женился» и т. п.

Как видно из данных примеров, денотативная соотнесенность эмотивов может быть прямой или смещенной, но она одинакова для всех говорящих.

В. Эмоциональная соотнесенность. Под ней понимается соотнесение конкретного эмотивного слова с конкретной социальной эмоцией отражающего субъекта: *horrible* вызывает и выражает синтетический, иконический образ эмоции ненависти у всех говорящих; *bloody* соотносится с эмоциями раздражения, возмущения; *darling* — с эмоциями ласки, любви; *sissy* — с эмоцией уничижения; *bullshit* — с эмоцией отвращения, презрения. Например, ср. следующие эмотивные высказывания: *And I love Tracy ... She is a tremendous girl* (любовь, восхищение) (Shaw I. *At the Top of the Hill*); *I offer you my most abject apologies for my idiotic behaviour* (осуждение) (Shaw I. *Ibid*).

Г. Функционально-стилистическая соотнесенность эмотивной семантики слова проявляется в типизированных и социально осознанных ситуациях и консоциациях употребления эмотива. Анализ эмотивов английского языка показал, что все они стилистически отмечены — всегда прикреплены к тому или иному стилю и к той или иной сфере употребления. Это либо общие коллоквиализмы: *pig, cop, bobby* (о полицейском); *damned, hell, anti, ex* (бывший муж или жена); *bastard*, либо специальные коллоквиализмы: *crow (sl.)* — уничижительное название старой и уродливой женщины; *bunny (sl.)* — о молоденькой, привлекательной девушке; *nutdoctor* («*нцух*», о *враче-нцухатре*), либо вульгаризмы: *bloody, horse-shit, stud, son of a bitch, fart, whore*; либо поэтизмы: *steed, maiden*.

В процессе речевой деятельности главным является человеческий фактор, в котором эмоции занимают важнейшее место. Этот факт очевиден, так как в качестве коммуникативно-значимых смысловых компонентов слова, высказывания и текста могут выступать эмотивные компоненты их семантики (ср.: *famous* :: *notorious*; *kitten* :: *sweetheart*). Оба первых слова в данных парах значат 'известный', 'знаменитый', но слово *famous* значит 'известный в хорошем, приятном смысле слова', а *notorious* — 'известный в плохом, неприятном смысле слова', т. е. 'имеющий дурную славу'. Следовательно, в зависимости от употребления в речи того или иного слова смысл высказывания будет противоположный. Слова *kitten* и *sweetheart* являются эмотивными адресативами, выражающими эмоции ласки и любви. В нижеследующем примере слова *шахматы*, *короли*, *королевы*, *слоны*, *пешки*, *кони* употреблены не в денотативном (логико-предметном значении), а в эмотивно-коннотативном значении, что и создает планируемый автором прагматический эффект: *Все общество на шахматы похоже: / В нем есть и короли и королевы, / Слоны и пешки, есть и кони тоже. / Ведь жизнь всегда игра (Байрон Дж. Дон Жуан)*. Таким образом, авторская интенция реализуется только благодаря эмотивной семантике данных языковых единиц.

Мы полагаем, что изложенные в данном разделе аргументы дают положительный ответ на вопрос о том, существуют ли объективно языковые единицы со словарной эмотивной семантикой.

§ 3. Статусы эмотивной семантики

Среди современных теоретических допущений о природе лексической семантики наиболее плодотворными для построения ее модели являются следующие: семантика слова членима на макрокомпоненты, компоненты и микрокомпоненты, взаимодействие которых образует структуру; эта структура организована по принципу поля, т. е. признается ядро и периферия как структурные элементы словной семантики; всякое употребление слова есть семное варьирование его семантики и т. д. [Isard 1980: 36–40].

При анализе эмотивности как семантического компонента слова мы исходим из того, что ее мельчайшие смыслы — эмотивные семы — объективно существуют в семантической системе языка, как и другие типы сем. Интерпретация эмотивной семантики в терминах сем есть методическая категория, а установление семантического статуса эмо-

тивности — категория онтологическая. В центре внимания нашего исследования находятся обе категории. Они являются основой для лексико-семантической категоризации эмоций в различных типах семантических компонентов слова и в лексических разновидностях единиц языка, обозначающих, выражающих и описывающих эмоции.

Эмотивные семы возникают на базе некоторых логико-предметных оценочных и экспрессивных компонентов семантики слова, т. е. в диахроническом смысле они вторичны. Сущность эмотивных сем такова: это специфический вид семантических микрокомпонентов, соотносимых с эмоциями говорящего и представленных в семантике слова как совокупность семантического признака «эмотивность» и семных конкретизаторов («любовь», «презрение», «уничтожение» и др.), список которых открыт и которые варьируют упомянутый семантический признак в разных словах по-разному.

Лингвистами замечено, что для процесса номинации безразлично, какую действительность — субъективную или объективную — обозначать. Эмотивные семы отображают субъективную (эмоциональную) действительность, которая, однако, для слова является объективной. Внутри лексического значения слова эмотивная сема (далее — эмосема) всегда противопоставлена другим семам, образуя тем самым внутрисемемную парадигму. Как и другие типы сем, эмосемы могут быть интегральными или дифференциальными. Они могут быть вершинными (самыми общими для индивидуальной лексической семантики), слабыми, актуальными, виртуальными, собственными или «наведенными». Таков, в принципе, инвентарь эмотивных сем, входящих в семантическую структуру различных эмотивов [Колшанский 1976; Henie 1954].

Анализ многочисленных единиц с эмотивной семантикой и их функционирования в речевом общении выявил три семантических статуса эмотивности.

1. Статус обязательной (денотативной) эмотивности. Это, собственно, и есть *эмотивное значение слова*, оно является единственным компонентом его лексического значения.

2. Статус факультативной, по отношению к логико-предметному компоненту значения слова, эмотивности, который составляет собственно *коннотацию слова*.

3. Статус потенциальной эмотивности. Она составляет *эмотивный потенциал слова*.

Как видно из этой категоризации эмоций, в первом случае, т. е. когда эмотивность является эмотивным наименованием определенного объекта мира, она представлена в слове эмотивным значением. Эмотивная семантика может быть представлена в денотативном макрокомпоненте и составлять единственное содержание семантики слова. В этом случае она и с точки зрения диахронии первична. Такая эмотивная семантика имеет статус значения, она облигаторна для слова-аффектива.

Известно, что вид или тип лексического значения определяется особенностями организации сем, входящих в его структуру. Конституентами эмотивного значения являются преимущественно эмотивные семы.

Это значение для таких единиц обязательно, так как их единственной семиологической функцией является выражение сильных эмоций говорящего. Эта категория эмотивности может быть проиллюстрирована междометиями, бранными словами, вульгаризмами, эмоционально-оценочными наречиями и прилагательными, адресативами, т. е. лексикой, тип которой мы определяем термином «аффективы»: *мамушка, бабушка, ласточка, касатик, золотце, голубушка, головотяп, кабацкий, дерьмо, тьфу* и др.; примеры в английском языке: *sugarpie, chicken, sweetheart, honey, terrific, bloody, stinking, smashing, horrid, awful, old girl/boy, confounded, blast, Oh*. Например: *And then she said «Oh!» in that choked kind of way. And when a woman says «Oh, I like that», it means all the bad words she'd love to say if she only knew them (Wodehouse P. My Man Jeeves)*.

Эмотивное значение в аффективах является основным, обязательным значением слова и может быть приравнено к денотативному. В связи с этим при категоризации компонентного состава денотативного макрокомпонента лексического значения слова, традиционно выделяемого всеми исследователями семантики, по-видимому, необходимо различать логико-предметный и эмотивный компоненты. Таким образом, представляется возможным говорить о двух типах денотации: логико-предметной и эмотивной, которые в «чистом» виде реализуются в семантике слова порознь.

Другим статусом эмотивной семантики слова является коннотация, которая формируется эмотивными семами, находящимися за пределами логико-предметного макрокомпонента семантики слова. Эти семы — эмотивные — могут быть сопряжены с определенными логико-предметными ядерными семами, ассоциироваться с ними. Такая

эмотивность в слове является вторичной в отличие от эмотивности в статусе эмотивного значения, эмотивность в значении слова является не единственным семантическим компонентом, а соозначает совместно с логико-предметным, она имеет коннотативный характер, т. е. реализуется в статусе коннотации. Слова с эмотивной коннотацией, которые мы определяем термином «коннотативы», служат для выражения эмоционального отношения говорящего к называемому в логико-предметном компоненте значения объекту отражения или через его наименование к другому объекту отражения, обладающему сходными объективными или приписываемыми эмоциональным говорящим признаками (перенос, смещение денотата или отрыв от своего денотата, например, при использовании зооморфа): *лик* (*Не сходит улыбка с милого лица ее, и прелестен цветок у богини* (Ефремов И. *Таис Афинская*)); *берлога* (*о своей квартире*); *пресмыкаться*; *околачиваться* (*о человеке*); *отжившие свой век динозавры*; *bejewelled*; *bemedalled*; *womanish*; *infernal* («*extremely unpleasant*»); *daddy*; *laddie*.

Коннотативные слова, т. е. коннотативы, в отличие от аффективов имеют двухсоставную структуру их лексического значения: называние объекта отражения через логико-предметный семантический компонент денотации + эмоциональное отношение к нему через коннотативный (эмотивный) семантический компонент. Такие слова в основном всегда имеют нейтральный коррелят: *lousy* — *bad*; *individual* — *tan*; *pot* — *head*; *воздыхатель* — *ухажер*; *кипятиться* — *сердиться*.

В статусе коннотации эмотивность сопровождает логико-предметный компонент семантики слова и является по отношению к нему факультативной. Эмотивный компонент в таких случаях участвует в означивании совместно с логико-предметным, т. е. он соозначает в отличие от его денотативного статуса, где эмотивный компонент является единственным означиванием, и потому он там облигаторен и является значением.

Кроме этого, эмотивность имеет еще один семантический статус — статус потенциала в ингерентной и адгерентной разновидностях. В первом случае периферийная эмотивность является языковой (виртуальной). Речь идет, например, об экспрессивных символических названиях товаров (духи «Контакт», «Диалог», «Однажды», «Быть может», «Грезь», «Восторг» и т. п.), магазинов («Малютко» и т. п.), кафе («Сирень» и т. п.), кинотеатров («Родина» и т. п.), а также в ассоциативных словах типа *гроб*, *смерть*, *мать*, *березка* и т. п., словах-символах, которые различны для отдельных языковых общностей, а также

«красивых» — «некрасивых», «добрых», «ласковых» — «злых» словах типа *тепло*, *справедливость* и, с другой стороны, *ненависть*, *месть*. Во втором случае эмотивность «наводится» на семантику нейтрального слова эмоциональной ситуацией: «репетиция» (В. Шукшин), «шкаф» (А. Чехов), «стена» (У. Шекспир), «дождь» (С. Мозм; Ч. Айтматов) и т. п.

Речевые контексты художественных произведений показывают, что в определенных ситуациях практически любое слово может приобрести эмотивную коннотацию или за счет актуализации скрытых, вероятностных сем эмотивности, их семантических признаков или семных конкретизаторов, потенциально закодированных и свернутых в семантике слова, или за счет наведения сем эмотивности из консоциации на семантику нейтрального слова. Поэтому мы соответственно выделяем еще один статус эмотивности — эмотивный потенциал слова или текста [Шаховский 1984; 1985 и сл.].

Текст может наводить эмотивные семы на совершенно нейтральные слова. См. слово *son* в данном примере: «*Oh! my son — my son!*» *Mrs. Morel sang softly, and each time the coffin swung to the unequal climbing of the men. «Oh, my son — my son — my son — my son — my son» (Lawrence D. All my Son's Lovers)*. Сюда же относятся текстовые словосочетания такого типа: *дорогой, многоуважаемый шкаф* (Чехов. *Вишневый сад*), *ласковая, любимая стена* или *злая стена* (Шекспир. *Ромео и Джульетта*).

Эмотивный потенциал семантики слова объясняется тем, что если объект вызывает у говорящего и отражающего субъекта определенный интерес, то несущественные признаки содержания понятия об этом объекте могут становиться существенными и получать эмоциональное осмысление. Соответственно потенциальные и вероятностные семы из периферии, соотносительных с этим понятием лексических значений, могут становиться вершинными [Степанов 1975] и менять свой статус, а именно из нейтральных становиться эмотивно коннотирующими (*woman, mother, death, home*): *He would make everything up to him. He would never let him suffer again. He would be mother and father for him (O'Connor F. Short Stories)*. Сюда же относятся и названия эмоций — *love, hatred, joy, fear, sadness, anger, rage, etc.*, которые в определенных консоциациях также могут стать эмотивно коннотирующими.

Полученные в результате многолетних исследования данные об эмотивности позволяют по-иному решать проблему моделирования

лексической семантики слова. Теперь известно, что она может формироваться из трех компонентов: логико-предметного, эмотивного и функционально-стилистического. *Логико-предметный компонент* обозначает (называет) денотат, его функция — номинативно-идентифицирующая (*ребенок, осел* (о животном), *дерево* и т. п.). *Эмотивный компонент* варьируется в двух языковых статусах: значение и сознание. Функцией *эмотивного значения* является самостоятельное выражение типизированного эмоционального состояния или отношения говорящего к миру (например, все нецензурные слова, а также слова типа *тьфу, ах, ура, ого, фу, сногшибательная* (блондинка), *жуть, кошмарно* и т. п.), а функцией *эмотивной коннотации* является эмоциональное сопровождение логико-предметной номинации, передающее эмоциональное отношение говорящего к объекту наименования в целом или к его отдельным признакам (например, *ребенок* (о взрослом человеке), *осел* (о человеке), а также *девчущечка, рифмолет, старый, жалкий, борзописец, наймит, молодчик, приспешник* и т. п.). *Функционально-стилистический компонент* регулирует выбор и употребление слова, семантика которого соответствует конкретной ситуации речевого общения в наибольшей степени. Эта ситуация выступает в роли денотата данного компонента, со всеми соответствующими ему признаками (сфера общения, взаимоотношения коммуникантов, их эмоциональные позиции, интенции и пр.). Функционально-стилистический компонент регулирует соотносительность употребления слова с ситуацией общения, с линейным и вертикальным стилевым контекстом, т. е. этот компонент относит определенное название объекта (с эмоциональной или нейтральной семантикой) к соответствующей типизированной речевой ситуации. Ср.: *информатор — осведомитель, сексот — стукач — провокатор*, а также *хайло* ('рот'), *зенки* ('глаза'), *чердак* ('голова') и т. п.

Различие трех перечисленных семантических компонентов слова можно увидеть и в источниках их формирования. Для логико-предметного компонента — это мир отражаемых в значении слова объектов реальной или идеальной действительности. Эмотивный компонент заложен в сфере переживаний (факты эмоциональной оценки) человека, в сфере денотатов объективного и субъективного миров и их отдельных признаков. Источником формирования функционально-стилистического компонента не является ни предметная действительность, ни сфера переживаний человека. Данный компонент привносится в семантику слова социальной функцией языка, его реальным

функционированием. Все это находит формальное закрепление в функционально-стилистических маркерах слова.

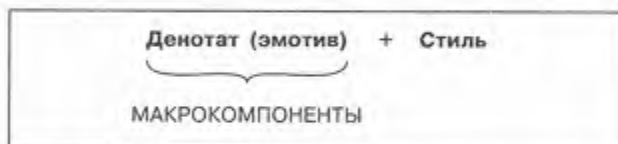
Таким образом, семантические компоненты, восходящие к разным источникам, как бы «связываются» в лексической семантике слова в один узел, которым в синхронии и располагает носитель языка. Их различие заключается в источниках их формирования, в соотносительных связях и в целенаправленности. Эти источники охватывают все сферы объективной действительности — мир предметов, мир эмоций человека и мир его языка.

Различные комбинации трех указанных компонентов формируют варианты лексической семантики отдельных типов слов. Таким образом, данное слово в зависимости от трех параметров может означать предмет отражения, отражательный образ, цель его именованя и условия его использования в речи. Если эта семантика представлена только логико-предметным и соответствующим ему функционально-стилистическим компонентами, то лексическое значение слова немотивно. Когда в семантике слова представлены все три компонента, то лексическое значение слова эмотивно-коннотативно, а если только эмотивный и соответствующий ему функционально-стилистический компоненты — то эмотивно-аффективно. Собственно эмотивными являются два последних типа слов.

В свою очередь и внутренняя структура лексического значения различных типов эмотивной лексики неодинакова. Она зависит от тех комбинаций, в которые вступают друг с другом логико-предметные (в том числе оценочные и экспрессивные), эмотивные и стилистические семы. Различие комбинаторики названных сем можно продемонстрировать на примере аффективов и коннотативов — двух разновидностей словарной эмотивной лексики. Кстати, сопоставление этих двух разновидностей с третьей — речевой (потенциальной) эмотивностью — убедительно показывает, что эмотивность не сводима лишь к метафоре, она значительно шире метафоричности, особенно за счет аффиксации: ср. рус. *змея, соловей, обезьянничать* (о человеке) и *тисулька, мамочка, солнышко, дочушка* и т. п. [Тихомиров 1969]. У аффективов (бранная, междометная и т. п. лексика) структура эмотивного лексического значения состоит из двух макрокомпонентов — эмотивного (эм.) и стилистического (ст.) [Тихомиров 1984]. Эмотивный макрокомпонент семантики аффективов является первичным. Он соотносится непосредственно с определенной эмоцией, которая выражается в речи и выступает в роли его специфического денотата. В связи с

этим эмотивный макрокомпонент аффективов фактически является денотативным (Д). Поэтому модель такой эмотивной семантики слова может быть представлена следующей двухчастной структурой:

Модель 1

Иное содержание и, соответственно, иную структуру лексического значения имеют коннотативы:

Модель 2

Денотативный и стилистический макрокомпоненты, как видно из схем, участвуют в формировании коннотации (эмотивности) у значения такого слова. Эмотивность в статусе коннотации является не макрокомпонентом, как в случае эмотивного значения, а компонентом, так как она окрашивает эмоциональное соответствующее наименование объекта, отраженного в логико-предметном компоненте значения. Оценочные и экспрессивные семы совместно с вещественными (предметными, номинативными) формируют денотативный макрокомпонент лексического значения коннотативов. Еще одним составляющим лексического значения коннотативов является obligatory стилистический макрокомпонент, который относит слово к определенному пласту лексикона, к сфере его узуса и дает ему временную характеристику.

Состав лексического значения коннотативов может быть трехчастен: денотативный компонент + эмотивный компонент + стилистический макрокомпонент.

Таким образом, семантическая структура аффективов (междометий, инвективов, бранных слов, эмоционально-оценочных при-

лагательных), т. е. слов с эмотивным значением, отличается от семантической структуры слов с эмотивным компонентом значения. Последний входит в значения слов всех частей речи в метафорическом употреблении, а также в значения дериватов с аффиксами эмотивно-субъективной оценки.

Сравнительный анализ эмотивной тропеизации и аффиксации показал: сущность эмотивности и ее функций, хотя она и формируется эмсемами различного ранга, в обоих случаях совпадает. Ее сущностью является отображение в семантике слова типизированного эмоционального отношения говорящего к миру (объекту речи), а ее функцией — выражение этого отношения, его доведение до сведения адресата через соответствующую вербальную форму. При различии форм тропеизованная и аффиксальная эмотивность в статусе коннотации имеют одну и ту же содержательную структуру. Ср. *поэтишка* = поэт 'тот, кто пишет стихи' → [(логически-предметный макрокомпонент) + *-ишка* 'плохой' (оценочный компонент) и 'поэтому вызывающий презрение' (эмотивный компонент) + 'разговорный, сниженный компонент' (стилистический макрокомпонент)]; *осел* (о человеке) = 'глупый; упрямый' → [(логически-предметный макрокомпонент) + 'плохо' (оценочный компонент) + 'и поэтому вызывает презрение' (эмотивный компонент) + 'разговорный, сниженный компонент' (стилистический макрокомпонент)].

Чем же отличается семантика слова *осел* в метафорическом значении от эмотивного значения у междометия *фу* и от эмотивных дериватов типа *поэтишка* и *девчущечка*? Во-первых, эмотивная семантика слов типа *осел* и *девчущечка* является коннотацией, а не значением, как в случае междометий. А это различие, как видно из изложенного выше, задается иными наборами и иным качеством семантических компонентов, формирующих эмотивную семантику аффективов и коннотативов. Так, например, в семантической структуре аффективов оценочные и экспрессивные семы являются эмоциональными, коннотативов — рациональными; эмотивность в семантике аффективов «работает» в статусе макрокомпонента, а у коннотативов — в статусе компонента; денотативный макрокомпонент семантики аффективов эмоционален, а у коннотативов рационален (логико-предметен).

В коннотативах эмотивность является совмещенной, а в аффективах — самостоятельной. Так, слово *осел* имеет два значения: 1) 'животное, которое...'; 2) 'человек, который...'. Это второе слово-значение, обозначающее глупого или упрямого человека, является тро-

пеизированным. Закономерен вопрос: где локализована коннотация в семантике такого типа — в первом или во втором его значении, т. е. куда «наслаивается» коннотация — на слово-значение «животное» или на слово-значение «человек»? Ответ на этот вопрос дают контексты и ситуации употребления этих слов-значений. При употреблении в речи могут возникать ассоциации, граничащие с символичностью. Если говорящие называют человека ослом, они синхронно редуцируют всю семантическую структуру этого слова до символического компонента 'глупый', 'упрямый'. Сходные семантические процессы наблюдаются при употреблении таких слов, как, например, *медведь* 'неуклюжий', *зусь* 'важный', *ворона* 'ротозейка', *свинья* 'грязная' и т. п. При этом глобальное значение «животное» как бы отбрасывается совсем и не реализуется. Поэтому рассуждения лингвистов [Тихомиров 1984] о двуплановости в семантической основе образности метафорических слов нам представляются дискуссионными.

Лексическое значение слова *осел* (о человеке) может быть представлено в следующей модальной рамке, в которой зафиксированы социальные эмоциональные оценки таких качеств или свойств, как глупость и упрямство, выражаемые значением: *осел* = «такой X, который ведет себя глупо или упрямо» (компонент «рациональная оценка») + «как осел, как если бы был ослом» — сравнение, интенсифицирующее оценку и формирующее образ упрямства и глупости (компонент «экспрессия») + «это вызывает у всех говорящих, в том числе и у меня, эмоциональное состояние раздражения, возмущения, и я высказываю свое презрение к X» (компонент «эмотивность») и «хочу, чтобы об этом знали X и другие» (компонент «прагматика») + «сниж.», «груб.» (функционально-стилистический макрокомпонент) [Никитин 1983].

Данная модальная рамка, как нам представляется, дает четкий ответ на поставленный выше вопрос о месте коннотации в структуре лексического значения слова: она сопровождает *метафорическое* значение в виде эмотивной семы, соотносящейся с определенной эмоцией, которая вызывается у говорящего соответствующим объектом действительности.

У дериватов же с аффиксами эмотивно-субъективной оценки коннотация локализована в семантике аффиксов: эмотивность слов *девчушечка* и *поэтшика* является вторичной, но не метафорической по отношению к значениям «девочка» и «поэт». Таким образом, в случае тропеизированных (*осел* — о человеке) и в случае аффиксальных эмо-

тивов коннотация сопровождает вторичные значения. Поэтому она в обоих случаях является всего лишь компонентом их лексического значения, а не самим значением. Эти два случая различаются не типами коннотации, а типами деривации: в метафорических словах это семантический тип деривации (их преобразование), а в аффиксальных — морфологических (словообразование).

Коннотацию лексического значения слова формируют, как уже было сказано выше, эмотивные семы, которые, вопреки традиционному представлению, являются семантическими примитивами. Их структура включает в себя два и более примитива: семантический признак «эмотивность» + семные конкретизаторы: «любовь», «презрение», «восхищение», «возмущение», «пренебрежение» и т. д., всю шкалу эмоциональных отношений и состояний человека, включающую до 5000 наименований. При этом конкретная эмотивная сема представляет собой комбинацию семантического (инвариантного) признака «эмотивность», соотносящегося с психическим феноменом внутреннего мира человека — эмоцией, и одним из огромного числа семных конкретизаторов, соотносящихся с определенной эмоцией или ее оттенком. Отсюда следует, что количество возможных эмотивных сем практически неисчислимо, как неисчислимо и количество эмоций и их оттенков [Шаховский 1983; 1987 и сл.]. Семантический признак «эмотивность» относит сему к *роду* эмотивных сем, а различные семные конкретизаторы варьируют *виды* эмотивной семы.

Данные рассуждения показывают, что проблема лексико-семантической категоризации эмоций, т. е. распределение эмоций по семантическим компонентам слова и по семантическим типам слов того или иного языка, представляет собой актуальную общезыковедческую проблему в рамках теории языковой модели. Поворот к исследованию деятельностного аспекта языка естественно и неизбежно сочетается с изучением содержательной стороны языка, которая включает в себя и эмотивную семантику. Поэтому данное направление — исследование категориально-семантических основ лингвистики эмоций — является чрезвычайно перспективным как для отдельных языков, так и для их контрастного изучения, которое, по мнению В.Н. Ярцевой, «можно считать наиболее универсальным способом исследования материала языка» [Ярцева 1986: 6].

§ 4. Виды эмотивной номинации

Е. С. Кубрякова считает, что основу номинации в любом языке составляют понятийные или ономазиологические категории [Кубрякова 1986 и след.]. Но факты языка показывают, что нередко процесс номинации не останавливается на рождении слова, эквивалентного в своем лексическом значении содержанию понятия о денотате, обозначенного этим словом, т. е. на уровне понятийной номинации.

Анализ речевых поступков людей по английским текстам обнаруживает, что не только собственно-понятийные, но и эмоциональные явления также получают свое языковое обозначение.

Это обозначение осуществляется благодаря способности языка к эмотивной, т. е. экспрессивно-эмоционально-оценочной номинации, с помощью которой человек выражает свои психические состояния, играющие в его жизни неоспоримо важную роль. На стадии эмотивной номинации называющие знаки имеют более осложненную семантическую структуру независимо от того, осложнена ли их морфологическая структура суффиксами или нет (ср.: *bird* и *birdie*, *hog* (боров, о человеке), *dud* (скукота), *sinker* (неприятный человек)).

Как уже отмечалось, эмотивные слова имеют в своей семантике, помимо денотативного, коннотативный компонент, поэтому экспрессивно-эмоционально-оценочная номинация в отличие от понятийной номинации, которая составляет основу номинации вообще, будет вторичной и, следовательно, более осложненной. Подчеркнем также, что этот тип номинации обеспечивает лексическую и семантическую динамику языка. Как показывает анализ ряда словарей неологизмов, довольно большое количество семантических и лексических инноваций, например в английском языке, объясняется активизацией в последние годы экспрессивно-эмоционально-оценочной номинации.

В отличие от понятийной номинации, у эмотивной номинации превалирует экспрессивно-эмоционально-оценочная установка, а именно: называя объект речи, эмотивная номинация характеризует его, т. е. обозначает отношение говорящего к нему. Одновременно с наименованием объекта речи такой вид номинации обозначает психическое состояние автора речи, его отношение к адресату речи, и, кроме этого, лексико-семантической единице придается стилистический статус — коллоквиальность. Вся эта информация эксплицитно или имплицитно заложена в семантике языковой единицы или модели, по которой она создана, что во многом объясняет факт сознательного и

адекватного использования эмотивных средств языка коммуникантами [Скребнев 1976].

Предлагаемый подход к интерпретации номинации эмоций как экспрессивно-эмоционально-оценочной имеет психолингвистическое основание. В психолингвистике, как известно, под лексическим значением слова понимается весь набор сведений, получаемый адекватно пользующимися данным языком через это слово, в том числе и перечисленные выше компоненты эмотивной информации. В результате экспрессивно-эмоционально-оценочной номинации порождаются экспрессивные знаки, назначением которых является сознательное усиление поражающей способности языка.

Предлагаемый вид номинации сопровождается такими процессами, как словообразование и словопреобразование. Среди категорий и типов словообразовательной эмотивной номинации наибольшей активностью отличаются аффиксация, конверсия, словосложение. Использование ономаσιологического знака во вторичном, характерологическом (т. е. предикатном) значении, обозначающем эмоциональные переживания, мы рассматриваем как семантическую деривацию (словопреобразование).

Как показывает анализ фактического материала, экспрессивно-эмоционально-оценочная номинация не имеет оригинальных категорий и типов дериваций, свойственных лишь ей одной. В основной своей массе и аффиксы, и модели ее являются би- и полифункциональными (подробнее см.: [Шаховский 1987]), т. е. участвуют и в понятийной, и в экспрессивно-эмоционально-оценочной номинации. В этом мы усматриваем один из факторов проявления принципа экономии в языке.

Активность экспрессивно-эмоционально-оценочной номинации во второй половине XX века объясняется прагматическими мотивами языкового сообщества. Деривационный «взрыв», наблюдаемый на протяжении последних десятилетий, привел к тому, что традиционно малопродуктивные аффиксы английского языка *-dom*, *-nik*, *-ish*, *-able*, *-ness*, *-ee*, *-ship*, *-ese*, *un-*, *dis-*, *anti-*, *out-*, *be-* и др. активно участвуют в современных словообразовательных процессах и образуют новые эмотивные единицы: *Macouberish* (скряга), *uncle Tommich* (не протестующий), *showmanship* (умение себя показать); *unkissable*; *unruidownable*, *blackmailee* (жертва шантажа) (см. также большое гнездо эмотивных номинаторов с суффиксом *-nik*: *sittingnik* (зорожащии); *(no)goodwillnik* (не)хорошо расположенный человек); *getalongnik*,

sexnik, awarenik, etc; *TV-ese; plannerese* (с коннотацией презрительности)).

Среди модных суффиксов эмотивной номинации большой активностью и продуктивностью отличается новый для английской словообразовательной системы суффикс *-in*: *love-in, puff-in, talk-in, paint-in* (с коннотацией 'демонстрация с целью протеста'); суффикс *-rama* (с эмоционально-усилительным значением увеличительности 'в очень больших, громадных размерах'): *tomatorama, cleanarama, horrorama*; суффикс *-athon* (с эмоционально-усилительным значением 'большая длительность действия'): *danceathon, talkathon, etc*. Возобновили активность в сфере эмотивной номинации старые суффиксы: *-ie*: *indee/die, quickie, white, Mr. Charlie*; *-dom*: *filmdom, teacherdom, freckledom, musicdom*, etc; *-ness*: *twinness, pigheadedness, hardupness*, etc.

В сфере префиксальной эмотивной номинации стали популярными префиксы *anti-*, *be-*, *out-*. Значения префикса *anti-* 'недостаток чего-л.', 'лишенные характерных черт явления' приобретают эмоционально-усилительную коннотацию уничижительности («и это плохо»): *antieverthing; anti-novel* (*-hero, -sense, -play, -emotion, -writer*), *antiTom* (*борющийся против тех, кто не сопротивляется злу, ср. uncle Tommish*). Семантика дериватов с *out-* маркирована эмотивной коннотацией одобрения или неодобрения в зависимости от ситуации: *outwit* (*превзойти кого-л. в хитрости, ловкости*); *to out-Churchill* (*превзойти самого Черчилля*): «*He outcrummed Crum though of a sanguine and rather beefy type which lacked the latter's fascinating languor*».

Особого внимания как средство эмотивной номинации заслуживает префикс *be-*, который означает «*about, around, all over and hence, having an intensive and often disparaging force* (выделено мною.— В. Ш.) и используется для образования глагольных лексем (и их производных) от имен существительных, прилагательных и непереходных глаголов с значением «*to make; cause to become*»: например, *bejewelled* (*увешанная драгоценностями, при драгоценностях*); *bemedalled* (*омедаленный, при медалях*); *bewiskered* (*при бакенбардах, ср. whiskered*); или *to affect, cover, or provide*. — Ср.: 1. *Otherwise, I reflected gloomily as I made a stiff-legged circuit of the floor with a mousy-haired and bespectacled girl from the library* (J. Brain); 2. *His second-in command, a thin spectacted youth, said uneasily: «You are not nervous?»* (A. Christie).

При сравнении семантики, префиксального деривата *bespectacled* с беспрефиксальным словом *spectacled* обнаруживается следующее различие: на фоне общего для семантики этих единиц ономастиологи-

ческого признака: *one wearing spectacles (specs)*, дериват с *be-* имеет коннотацию неодобрения, на что указывает и перевод: «очкастая библиотечарша», в других случаях «очкарик», «очкастый», «при очках»; как представляется, во втором случае *a thin spectacled youth* (букв. «юноша в очках») какая-либо коннотация отсутствует.

Во всех приведенных здесь словарных и ситуативных примерах дериватов с префиксом *be-* эксплицитна эмотивная коннотация преувеличения, усиления, иронии или уничижения. Этим объясняется, что, отправитель речи в зависимости от коммуникативной установки употребляет или эмотивные дериваты с *be-*, или их нейтральные беспрефиксальные синонимы.

В основном все эти аффиксы в когнитивной номинации являются классифицирующими. Выполняя классифицирующую функцию, они являются носителями ономаσιологического базиса, а когда они выполняют функцию средств экспрессивно-эмоционально-оценочной номинации, они «переквалифицируются» в носителей ономаσιологического признака. Таким образом, эти аффиксы характеризуются бифункциональностью, репрезентируя в дериватах то базис, то признак и, следовательно, порождая знаки различной номинационной установки. Исходя из анализа фактического материала можно констатировать, что некоторые аффиксы в современном английском языке «усовершенствовались» свою словообразовательную семантику и приобрели вторую специализацию — служить средствами эмотивной номинации, а с ней и «вторую молодость», что подтверждается появлением всё новых и новых эмотивных дериватов с этими аффиксами.

На уровне словосложения стала активно использоваться эмотивная номинация по аналогии: *braindrain⁰ → doctorbrain+*; *bestseller⁰ → topseller+*; *commander-in-chief⁰ → dentist-in-chief+*; *anglosaxon⁰ → afro-saxon+ etc.* Эмотивный эффект усиления значения и приобретения коннотаций в случае этого типа эмотивной номинации создается за счет неожиданной стыковки денотатов: *breakthrough* (открытие, прорыв), *windbag* (пустомеля, уничиж.), *cabb-gehead* (тыпуца, презр.). На словообразовательном уровне конверсия описываемой номинации также дала большое количество лексических инноваций: *to sit on the fence⁰ — the fencesitter+*; *to crack jokes⁰ — jokecracker+*; *pussycat⁰ — to pussycat+*; *the crab⁰ — to crab (two fingers)⁰ — to twofinger+*; *(red pencil)⁰ — to red-pencil, etc.* Наблюдения показывают, что конверсия является наиболее продуктивным способом эмотивной номинации в современном английском языке, особенно в спонтанной речи. Поро-

жденные слова маркированы эмотивной коннотацией иронии, шутливости, одобрения, неодобрения и т. п. и являются разговорными словами.

Словообразование способом конверсии (на базе зооморфизмов) является наиболее экономичным способом выражения образа, характеристики человека по его действиям, сходным с действиями определенных животных: *to ape* (кривляться); *to peacock* (важничать); *to hawk* (налетать на к.-л. коршуном, т. е. стремительно).

Данный способ эмотивной номинации является семантической трансформацией исходной единицы путем совмещение двух процессов — словопреобразования и словообразования без словоизменения.

Плодотворным способом эмотивной номинации является перенос некоторых названий на другой денотат (ксеноденотативная направленность наименования): *trap* (пом); *banana* (предатель); *fox* (хитрец); *shark* (цулер), etc. В результате ксеноденотативной направленности наименований животных, растений, частей тела, предметов одежды создается актуальная двусмысленность за счет одновременного соотношения слова с двумя понятиями, объединенными симилятивной связью. Оба значения-названия введены в оперативную память данного языкового коллектива, что и объясняет прозрачность мотивировки семантического деривата. К этому же способу номинации относятся и многочисленные случаи сленговой номинации: *egg* (авиабомба), *bug* (луноход), *pig* (полицейский), *Mickey-Mouse* (что-то ненужное, второсортное), *chutzpah* (наглость), *klutz* (неуклюжий человек), *to shoot* (впрыскивать наркотики).

В отличие от словообразовательной эмотивной номинации этот тип номинации является словопреобразовательной. Словообразовательная эмотивная номинация функционирует и в сфере семантического фразообразования, когда в результате смены денотата нейтральные знаки превращаются в эмотивные знаки. Например: *long-hair* → ученый (западноевропейский) → художник → современная молодежь (патлатая); *hardhat* → рабочий, строитель в каске → социальный элемент, противодействующий движению протеста; *Black Power* → негритянская организация борцов за гражданские права, и образованные по аналогии с этим полусвободным-полуустойчивым словосочетанием следующие названия организаций: *Red Power*, *Brown Power*, *Flower Power*, *Green Power*, *Student Power* и др. Диффузная семантика этих мистических наименований сопровождается богатыми эмотивными коннотациями.

Исследователи лингвистики текста отмечают важную роль порождающей функции текста во вторичной номинации. Формирование эмотивных номинативных знаков может происходить в тексте / речи за счет неожиданного, на первый взгляд, сцепления лексем: *a slice of a human being, a frying pan of life, a yellow face of a moon, milk hangs in the sky, transplantation of maidens*, etc. Порождающая функция текста является неиссякаемым источником эмоционально-экспрессивно-оценочных экспромтов.

Семантической основой экспрессивно-эмоционально-оценочной номинации во всех рассмотренных здесь случаях являются потенциальные семы знаков языка, которые представляют в семантике слов побочные / возможные характеристики денотатов. Эти семы реализуются в процессе поворачивания объекта речи различными сторонами к отправителю информации.

Эмотивные номинационные знаки, как видно из вышеизложенного, семантически более осложнены, чем сугубо понятийные. Поэтому мы предлагаем различать *семантический* потенциал знаков понятийной номинации и *информационный* потенциал знаков экспрессивно-эмоционально-оценочной номинации.

Под семантикой знака понимается совокупность признаков данного понятия о данном денотате, а под информацией, которую несет знак, понимается вся совокупность сведений (лингвистических и экстралингвистических) о нем. В случае эмотивного знака такой информацией является характерологическое отношение к обозначаемому, закрепленное в коллективном сознании коммуникантов.

Таким образом, информативное содержание лингвистического знака шире его семантики. Эмотивность как компонент лексического значения слова является частью информации, т. е. экстралингвистических сведений о денотате и об отправителе речи.

Различие между информацией и семантикой легко прослеживается, если сравнить, например, содержание слова «fox₄» и содержание его дефиниции: *crafty man (cunning, trickery; skill in deceiving)*.

Дефиниция в логических терминах объясняет семантику данного слова в переносном значении. Информация же, передаваемая словом «fox₄», несколько больше по сравнению с содержанием словосочетания «crafty man», так как при более экономичном в линейном плане обозначении одного и того же денотата слово «fox₄» вызывает определенные эмотивные коннотации, и, следовательно, это слово в большей мере воздействует на его получателя. Отсюда вполне логичен

вывод о том, что фактическая семантическая информация эмотивного слова как знака и его лексическое значение, кодируемое в дефиниции, далеко не полностью эквивалентны по содержанию: ассоциативное окружение эмотивного слова несет больше информации, чем семантика расчлененного лексического понятия. Таким образом, ассоциативные признаки, т. е. эмотивный импликационал, оказываются при эмотивной номинации семантически релевантными.

Как видно из материалов, предоставляемых современной художественной английской и американской литературой, а также стилистических помет словарей неологизмов, диалекты, сленг и молодежные жаргоны являются наиболее активным полем излучения эмотивных дериватов. Эмотивная номинация в большинстве случаев вызвана стремлением оригинально, по-новому обозначить какие-либо предметы и явления. Это стремление иногда приводит к игре с языком, в результате чего происходит повышение выразительности языковых средств (*an unkissable girl*, *twinness unputdownableness*). Значительное число эмотивных инноваций указывает на процесс «эмоционализации» английского языка.

Общезвестно, что речь человека управляется не только языковыми, но и психолингвистическими факторами. На примере экспрессивно-эмоционально-оценочной номинации особенно четко видна роль психики и ассоциативных приемов в процессе речепорождения. Вот почему в современных работах лингвисты предлагают выделить в семасиологии раздел психосемантики как объекта тщательного изучения разрешающих и запрещающих факторов эмотивной номинации, от которых зависит, быть или не быть тому или иному эмотивному деривату. Представленные в данной работе и имеющиеся иные факты о разновидностях эмотивной номинации подтверждают предположение о том, что данная разновидность номинации системна и является областью психосемантики, поскольку в ее основе лежат ассоциативные связи, влияющие на источники индуцирования и эксплицирования эмотивных сем. Этим, вероятно, и объясняются многие неожиданные эффекты в эмотивной номинации словом представлений человека, пропущенных через его субъективное видение мира.

§ 5. Эмотивность и экспрессивность слова

За термином «экспрессия» стоят различные явления, помноженные на различные, порой противоположные понимания этих явлений исследователями. Так, говоря, что научный язык экспрессивен, имеют в виду совсем другое явление по сравнению с экспрессивностью поэмы, которая вся целиком, по мнению Т. Элиота, является развернутой метафорой. Экспрессивны и эмоциональный текст, и логическое усиление отдельных его частей. Именно поэтому единственно правильное и общее для всех рассматриваемых случаев определение экспрессивности в научной литературе сегодня отсутствует.

С другой стороны, исследователи солидарны в том, что экспрессивность — многоликий феномен, представленный на всех уровнях языка, текста и речи, создаваемый множеством средств и способов и имеющий неопределенно много вариантов комбинаторики его предельно составляющих. Всё это делает изучение экспрессивности интересным и непредсказуемым. Доказательством тому является множество фактов, и главный из них — несовпадение результатов исследования экспрессивности по данным разных языков, а внутри одного языка — по его уровням, и даже внутри одного уровня — по средствам и способам ее формирования. Экспрессивность, несомненно, относится к области нечеткой семантики [Sadeh 1971: 159–170]. В. Н. Телия считает, что экспрессивность — это и эмоциональное (*денечек*), и квалификативно-оценочное отношение (*болтовня*), и социальная реакция (*светоч*), и многое другое [Телия 1981]. Именно поэтому, видимо, материал, получаемый многочисленными исследованиями, не умещается в прокрустово ложе строгих и четких классификаций. До сих пор не создано универсальной типологии экспрессивности и, соответственно, — экспрессивов.

Типы экспрессивности могут быть различными в зависимости от единицы, ее содержащей; от способа и средства, ее представляющих; от национально-специфичных черт разных языков. Так, в современном английском языке очень популярен способ телескопической экспрессивности: *recomember* < *recollect* + *remember*; *happenstance* < *happy* + *instance*; *bedventure* < *bed* + *adventure* по аналогии с давно существующими *smog*, *motel*, *brunch*. Эти слова Л. Кэррол, один из самых знаменитых создателей таких экспрессивов в английском языке, назвал «портманентными» словами: *slithy* < *lith e* + *slimy*; *mimsy* < *miserable* + *flimsy*, etc. Продуктивна в английском языке и конверсив-

ная экспрессивность, создающаяся на основе сложных слов, свободных словосочетаний и слов, от которых традиционно словообразование по конверсии было невозможно: *to auther, to effect, to redpencil, to thofinger, to crab* [Шаховский 1981]. Кроме того, в качестве оригинального средства экспрессивизации в английском языке используется инфиксация. Наиболее продуктивными инфиксами являются эмоционально-усилительные модные слова, редуцированные до уровня служебных морфем: *bloody, damned, goddamn, etc.* Эти средства экспрессивизации встраиваются в середину слова, семантика которого становится экспрессивной, т. е. выделенной и прагматической. Например, в одной из книг персонаж описывается автором *as being so drunk that he could be swinging from the chander-bloody-lier* (*chandelier* — канделябр, люстра). Издатель нью-йоркской газеты «Уорлд» Франк Коб характеризуется одним из журналистов как *his most indegoddampendent editor* (*independent* — независимый, свободный) (НСУ: 380). В этих примерах инфиксация осложняет морфологическую и семантическую структуру слов экспрессивным компонентом. Следует заметить, что перевод этих инфиксационных производных на русский язык затруднен из-за отсутствия аналогов в русском языке на словообразовательном уровне и возможен только на уровне дескрипции, например: [Этот персонаж] был так пьян, что качался, как чертов канделябр или [Франк Коб, издатель «Уорлд»] является самым дьявольски, как тысяча чертей, независимым издателем (в обоих примерах перевод наш. — В. Ш.).

Перейдем к рассмотрению сути экспрессивности как компонента денотации, а не компонента коннотации, предприняв двусторонний подход — с ономаσιологической и семасиологической точек зрения.

Семасиологический аспект предполагает изучение экспрессивности со стороны знака (это лингвистический аспект), а ономаσιологический — со стороны денотата/референта, представляющих экстралингвистическое основание экспрессивности. С этих позиций, по нашему мнению, *экспрессивность* слова связана со значением, типом денотата, а *экспрессия* денотата — со способом обозначения денотата в языке. Ономаσιологическая система, т. е. система номинативных средств языка, — пишет М. В. Никитин, — имеет двухступенчатое строение: уровень прямых обозначений и уровень переносных, производных от прямых. Во втором случае обозначение денотата является побочной функцией уже занятого десигнатора (обозначателя). «Это значит, что наименование в переносном значении реализует свое соб-

ственное понятие, отличное от понятия, которое это же наименование реализует в переносном значении» [Никитин 1979; 1983: 49]. Такое строение ономазиологической системы дает возможность языку при выражении понятийной и эмотивной информации не увеличивать число лексических единиц, а обогащать семантическую мощь уже имеющихся, в нашем случае — обогащать их экспрессивностью.

Экспрессия большого числа словарных единиц и русского, и английского языков указывает на явление, которое можно было бы назвать «вектором экспрессивности», поскольку экспрессивность может идти от денотата и от говорящего. Например, экспрессивность слова *кляча* идет от денотата, от понятия об особом типе лошади, признаками которого являются немощность, неказистость, изношенность, старость. Мифолексема *русалка* (*химера*, *сатир* и др.) является изначально экспрессивной, обозначая необычный и потому экспрессивный денотат; здесь экспрессивность мифолексемы тоже идет от денотата. Аналогично в парных примерах: *руководитель* — *главарь*, *одевать* — *облачать*, которые имеют различные денотаты — нейтральный и экспрессивный, выделяется денотат, признаки которого получают в языке экспрессивное осмысление.

Экспрессивность таких слов, как *драндулет*, *хмырь*, *фифа* и др. идет от говорящего, так как в природе нет таких денотатов вообще, их субъективные характерологические признаки, реально существующие в картине мира, приписываются говорящими не какому-то определенному классу повозок, людей, или действий (поступков), а любому, в зависимости от ситуации: — *Где Николай? — Уехал на своем драндулете в совхоз* (это могут быть и последней марки «Жигули», и старенький «Запорожец»); — *Тут без тебя приходил какой-то хмырь и спрашивал тебя* (просто незнакомый человек называется хмырем, как говорится, ни за что, ради экспрессивизации, самовыражения говорящего).

Мотивом употребления таких экспрессивов являются эмоции говорящих. Как правило, этим эмоциям соответствует целая серия экспрессивов, синонимичных нейтральному наименованию денотата. Например, для обозначения денотата *хороший* в английском языке имеется около 500 экспрессивных наименований: *jolly*, *nicey-nice*, etc. [Маковский 1982]. У русского слова *сказать* находим более 26 экспрессивных синонимов: *пробормотать*, *промолвить*, *изрекать*, *обронить*, *выпасть*, *ляпнуть*, *сказануть*, *сморозить*, *выдать*, *сбрендить* (*про*)*рыцать*, *орать*, *восклицать* и др. [ССРЯ 1969: 488]. Суще-

ствование в языке более одного экспрессивного синонимичного повтора нейтрального наименования чешский исследователь Я. Зима объясняет психологическими факторами речевого общения, а Б. А. Серебренников — особым типом человеческого мышления, в котором задействованы эмоции человека. Р. Карнап также указывает на наличие в метафорических пропозициях эмоциональных и волевых установок, в силу чего эти формы не могут рассматриваться ни как истинные, ни как ложные. Эта специфика экспрессивной номинации дала повод Б. А. Серебренникову утверждать, что *экспрессивность* — это *всегда некоторое искажение действительности*. Под искажением он подразумевает непараллельность значения и звучания, когда, план содержания, более широкий по объему и многомерный по структурной организации, не имеет однозначного соответствия, например: *пойти поесть и выпить пивка* [Серебренников 1983: 247]. В этом примере формы *поесть*, т. е. немного съесть чего-либо, и *пивка*, т. е. немного пива («маленькое пиво») не соответствуют актуальному смыслу высказывания: «принять пищу и выпить пива». Это несоответствие планов выражения и содержания представляет собой тот случай, когда план выражения сам по себе значим отдельно от его нормативного значения в терминах семантического кода. Характерно, что и говорящий, и слушающий адекватно понимают это искажение действительности, что и обеспечивает процесс их коммуникации.

Итак, ономасиологической базой экспрессивной номинации являются экстралингвистические признаки денотата или конкретного референта, реальные и приписываемые, получающие специальное обозначение, отличное от уже имеющегося. Отличие экспрессивного наименования от нейтрального осознается говорящим коллективом, так как оно бывает узусным или, если не является нормированным, имеет достаточно прозрачную мотивировку. В любом случае общий смысл экспрессива всегда понятен, особенно в коммуникативном акте: *холостяк*, *зеленка* (из разговора таксистов), *пропешочиться*, *поросята* (от *бегать по росе*), *обижальный*. Следовательно, говоря об экстралингвистическом обосновании экспрессивности, необходимо иметь в виду упомянутые признаки денотата, сознание, эмоции и интенции говорящего.

Для того чтобы выявить отличие семантики экспрессива от его нейтрального соответствия, рассмотрим примеры. Сравнение значений слов *свинья-1* (о животном) и *свинья-2* (о человеке) с 3) *неблагодарный*, 4) *подлый*, 5) *перяшливый*, 6) *низменный*, 7) *непорядочный*

и пр. показывает, что слова *свинья-1* и *свинья-2* имеют различные денотаты. Второе слово включает в себя понятия 3–7 (подлый, неблагодарный и пр.), которые для первого слова не являются лингвистическими и потому не включены в дефиниции этого слова. Все понятийные признаки для свиньи-животного выводятся эмпирически, и являются экстралингвистическими. Данный случай — пример того, как экстралингвистика и лингвистика переплетаются и взаимодействуют друг с другом при экспрессивной номинации. Слово-знак *свинья-2* не является полностью адекватным ни одному из названных выше характерологических слов, описывающих признаки-повадки свиньи-животного. Соответственно, и их прагматика совершенно различна: слово *свинья-2* более «поражающе», чем каждое из оценочных определений. Значение этого экспрессива характеризуется расплывчатостью границ обозначаемых референтов, он может быть употреблен вместо любого из перечисленных предикатов и вместо их всех, взятых одновременно (ср.: *грязный* (подлый, непорядочный), как *свинья*). Его значение более интенсивно, семантически более мощно за счет двуплановости и связанной с ней образности наименования. Образность — это, по мнению И. А. Стернина, компонент эмпирический, в котором представление формируется как компонент «внешность». Следующие ниже примеры подтверждают мысль о том, что экспрессивная интенсивность характерна для выражения мыслей как в русском, так и английском языках: *долбануть, взреветь, омерзительный, взвешенно, дурища, magnificent, awful, stinking*.

Интенсивность не всегда экспрессивна, поэтому неправомерно ставить знак равенства между экспрессивностью и любым усилением. Так, не являются экспрессивными средствами логическое ударение и эмфаза. Неэкспрессивная интенсивность свойственна некоторым словам русского и английского языков на фоне их эвфемистических вариантов: *грубеть* (ср.: *быть некультурным, неучтивым, неделикатным*), *пьяный* (*навеселе*), *madhouse* (ср.: *lunatic asylum*), *feeble-minded* (ср.: *mentally ill persons*), *starvation* (ср.: *undernourishment*). Реакция на эти пары слов у получателей будет различной: эвфемизмы производят меньший эффект.

Помимо интенсивности и образности экспрессивная семантика характеризуется в некоторых случаях намеренным ослаблением денотативных признаков объекта наименования: *глупенький* (ср. *глупец*), *тащиться* (ср. *идти*), *дурачишка* (ср.: *дурак*). Такие случаи в английском и русском языках распространены значительно меньше, чем усиление.

Методом идентификации и компонентного анализа в семантике некоторых экспрессивов вычленяется оценочный компонент: *супермен, продать* (кого-либо), *стукач, to pig, to snake, to raven*; эмотивный компонент: *вопило* (о певичке), *выкормыш, дохлятина, восхижительный, brat, sweetheart, hairbutcher*. Анализ показывает, что эмотивный компонент всегда имеет оценочный знак; это связано с тем, что эмоция бывает или приятной, или неприятной, третьего ей не дано [Шаховский 1983]. Одновременно эмотивное обозначение денотата, по сравнению с нейтральным, является и усиленным, так как эмсема облигаторно сопровождается интенсемой. т. е. эмотивность слова может быть более/менее яркой. Различие в интенсивности эмотивной оценки легко идентифицируется синонимическим рядом: *скупой — скряга — жмот, лентяй — бездельник — лоботряс, good — wonderful — magnificent — gorgeous; informer — stool pigeon*.

Как отмечалось, специфику значения экспрессивов составляет компонент «образность»: *to peacock, to dog, to crab, собачиться, озвереть. Навуходонор, змея* (о человеке). Что касается компонента «изобразительность», то, на наш взгляд, он может быть только порождением текста или фразеологических единиц, но никак не слова, если под изобразительностью понимать картинность, наглядность, развернутость образа. Например:

Юноша снова остановил движение, и колонна школьников, подобно гигантскому крокодилу, поползла по шоссе (Устинов П. Крамнзгел);

Комнату залили размороженные звуки консервированной музыки, и прямо перед его лицом очутились губы, влажные, как мостовая в дождливый вечер (там же).

Этот тип экспрессивности достигается нестандартным сочетанием слов или стилистическими приемами. Поэтому мы относим изобразительность к сфере стилистики: она не является семантическим компонентом слова; это понятие стилистики и литературоведения.

Следовательно, к числу предельно составляющих экспрессивность как лингвистическую категорию можно причислить следующие семантические компоненты: *интенсивность, оценочность, образность, эмотивность*. К ним необходимо добавить (если рассматривать семиологический аспект в связи со стилистическим) еще функционально-стилистический и изобразительный компоненты. Комбинаторика всех этих компонентов, естественно, различна в разных типах экспрессивов. Конечное число вариантов их сочетаемости поддается формальному логико-математическому исчислению, но в реальном функ-

ционировании экспрессивных единиц оно является практически бесконечным, так как в формировании экспрессивной семантики участвуют и другие, пока еще не выявленные и не описанные компоненты, тем более что экспрессивная семантика формируется не только семасиологическими средствами. В создании экспрессивной коммуникации участвуют и структурные средства языка [Трофимова 1981], и паралингвистические и просодические, и, как уже было сказано, огромное количество стилистических средств и приемов.

Признаки, составляющие специфику семантики экспрессивов, являются их дифференциальными признаками. Благодаря им в языке существует экспрессивная парадигма. Оппозиция экспрессив :: не-экспрессив образует парадигматические ряды как доказательство системности экспрессивной семантики: *сердиться* — *кипятиться*, *подействовать* — *потрясти*, *притон* — *вертен*, *храбрый* — *лев*. Вторые члены этих парадигм маркированы выделительностью, т. е. экспрессивностью, закрепленной в узусе и норме. Так что сомневаться в существовании специальной экспрессивной лексики в словарном составе языка не приходится (ср. мнение Е. М. Галкиной-Федорук: «Имеется особая эмоциональная лексика, но экспрессивной лексики в языке нет» [Галкина-Федорук 1958; 1963: 98]). Экспрессивный элемент, несомненно, является семантическим, так как он расширяет и усложняет значение слова специфическими смысловыми оттенками, рассмотренными выше.

Признание экспрессивности только элементом речи, возникающим в результате отбора и употреблений языковых единиц в процессе коммуникации и не принадлежащим значению слова и языковой форме, по вышеизложенным причинам является заблуждением. Экспрессивность действительно может возникать в речи (тексте) за счет функционального фактора [Галкина-Федорук 1962], но она может и воспроизводиться в речи как элемент языковой системы [Хазагеров 1977: 36–46].

В заключение затронем проблему денотативности — коннотативности экспрессии. Традиционно экспрессивность относится лингвистами к коннотации. Но как семантический компонент она может иметь свой собственный денотат (или его отдельный признак) и, значит, быть закрепленной в денотативном макрокомпоненте значения слова [Шаховский 1983].

Доказательством тому служит тот факт, что интенсема и оценочная сема — как одни из лингвистических оснований экспрессивности — коррелируют с соответствующими признаками понятийных ка-

тегорий усиления и оценки. Они являются субстанциональными признаками. Большое количество слов русского и английского языков одновременно и называют обозначаемый словом признак и показывают повышенную степень этого признака, что отражается в словарной дефиниции первой ступени или при ее семантическом распространении. Смысловые различия синонимического ряда с центральным понятием «хороший» заключаются в разной степени интенсивности (т. е. количества) признака «хорошее качество». А смысловые различия в семантике лексикализованных средств «говорения» базируются на различной интенсивности качественного признака — «манере говорения» (ср.: *say* — *roar*). Смысловые отличия экспрессивов от их нейтральных вариантов в аналогичных случаях являются денотативными, поскольку представляют собой логическую, т. е. понятийную основу экспрессии.

В речи же компоненты «интенсивность» и «сценичность» могут получать эмоциональную окрашенность, которая *всегда является коннотативной*. В таких случаях степень признака и его оценка говорящим могут быть субъективными, приписываемыми объекту речи. Экспрессив только передает эмоциональное состояние говорящего, и его семантика представляет собой нередко полный отрыв от обозначаемого денотата. Поэтому представляется более правомерным разграничивать случаи денотативной и денотативно-коннотативной экспрессивности, когда экспрессив еще и эмоционален, а не относить все случаи экспрессивности только к коннотативному аспекту значения эмотива. Например, в следующих экспрессивах денотативная экспрессивность сопровождается словарной эмотивной коннотацией: *улетать*, *втрескаться*, *злочая*, *пожирать* и др.

Таким образом, экспрессивность слова можно определить как семантический феномен, выделяющий слово специальным набором денотативных и коннотативных сем с целью более эффективного воздействия на получателя за счет ускоренного доведения до его восприятия смысла высказывания, а также для самовыражения и выражения своего отношения к объекту речи, к субъекту и к ситуации общения.

§ 6. Экспрессивность и оценка — компоненты денотации

Если исходить из установившегося в лингвистике определения коннотации как всех сопутствующих дополнительных оттенков значения, то сфера феноменов, обозначенных этим термином, будет чрез-

вычайно широка: прежде всего, все ассоциации данного слова, звуковой символизм, все смысловые оттенки, все эмоционально-экспрессивно-оценочные окраски («наслоения», «ореолы» и пр.), в том числе стилистические и идеологические окраски, языковой паспорт коммуникантов (пол, национальность, место жительства, возраст, физическое состояние в момент говорения, настроение, уровень культуры, профессия, социальная принадлежность), гонорифическая окраска. Такая трактовка коннотации вызывает возражения, так как не дает ясного представления, семантический ли это феномен и принадлежит ли он структуре лексического значения слова.

Наиболее устойчиво мнение о том, что эмоционально-оценочно-экспрессивная окраска является всегда коннотативной и составляет онтологию коннотации. Однако наш языковой материал показывает, что и оценка, и экспрессия могут иметь свой собственный референт и, следовательно, быть ономаσιологическими категориями, закрепленными в денотативном компоненте семантики.

Так, под языковой категорией интенсивности, одной из составляющих экспрессивность лексических и коммуникативных единиц, понимается понятийная категория, служащая для отражения градации в степени проявления какого-либо признака референта.

Большое количество слов английского языка одновременно и называют обозначаемый словом признак, и показывают повышенную степень этого признака, что отражается в словарной дефиниции первой ступени, или при ее семантическом распространении (дефиниционно-таксономическом анализе — ср.: *good = having desirable quality*, *wonderful = of very good quality*, *gorgeous = of an outstanding quality*). Третье выделенное слово в этом синонимическом ряду является более мощным семантически, так как обладает более интенсивной степенью хорошего качества.

Смысловые различия в семантике ЛСГ говорения в следующем примере базируются на различной степени признака «манера говорения»: в слове *say* она нулевая, а в *roar* — наиболее интенсивная (*speaking extremely loudly*).

Итак, смысловые различия в степени интенсивности обозначаемого признака являются в аналогичных случаях денотативными, поскольку представляют собой логическую, т. е. понятийную основу экспрессии, за счет семантики объективной, а не приписываемой качественной определенности называемого признака. На словарном уровне интенсививы и интенсификаторы являются денотативными обозначения-

ми различной степени интенсивности признака, нейтральными в эмоциональном отношении, например: *very outstanding, fully, perfectly, etc.* (интенсивы); *loath (dislike greatly), hate (to have a violent dislike of)* (интенсификаторы). Интенсивность как компонент экспрессии, которая не обязательно является эмоциональной, а может быть чисто лексической, входит не в коннотацию, а в денотацию слова.

На текстовом уровне за счет структурных, ситуативных, стилистических средств, а в устной речи и за счет просодии интенсивы (*very, extremely, outstanding*) и интенсификаторы (*wonderful, roar*) получают эмоциональную окрашенность, которая и является собственно коннотацией. В этом случае степень усиливаемого признака может быть необъективной, а приписываться референту говорящим. Например: *He who only five months before sought her so eagerly with his eyes and intriguing smile! The liar! The brute! The monster!* (Dreiser Th. An American Tragedy). Это позволяет предположить, что семы усиления скользят по оси денотации — коннотации лексического значения слова, легко комбинируясь с семами эмоциональности, которые по своей онтологии всегда коннотативны.

Еще одним фактом, показывающим, что не всякую экспрессивность правомерно причислять к коннотации, является образность. Имеется в виду не та образность, что лежит в основе наименования (А. Потебня), как обязательный компонент-образ, который может стираться и затемнять внутреннюю форму слова, но эмпирический компонент семантики. Слова типа *to redpencil, to twofinger, to elbow, to knife, to prowl (go cautiously, stealthily), to stride (шегнать гордо)* являются экспрессивными, так как они имеют образный семантический компонент. Этот компонент их семантики — такое объективное значение действия, которое не только вызывает наглядность, картину его осуществления, но и усиливает воздействующую, т. е. прагматическую силу наименования (ср. фразы и слова с необразными соответствиями: *to underline with a red pencil, to kill with a knife*, которые никак не усиливают обозначение действий).

Компонент экспрессии (усиления) может быть образным (*to redcock*) или безобразным (*to hate, to loath*) и осуществляться денотативным компонентом семантики слова (в обоих случаях). (Ср. с мнением И. А. Стернина [1979], считающего экспрессию хотя и компонентом системного значения слова, но принадлежащим только коннотации, усиливающей денотативные признаки). Даже его собственный пример «блистать» (чистотой) противоречит этому утверждению, так

как интенсивы «сильно, заметно», интенсифицирующие предметно-логическое значение слова «блистать», т. е. «выделяться», входят в структуру понятийного содержания слова «блистать» как денотативные микрокомпоненты, а не коннотативные.

Итак, различая в экспрессивности образное усиление и безобразное, видимо, было бы правомерно разграничивать в ее типологии денотативный вариант, а также наглядность, картинность (изобразительность): *ass = a stupid person, like an ass*, и денотативно-коннотативный вариант, в котором импрессивность основана на эмотивности (как ситуативное состояние семантики): *«You really are the most vain and fatuous ass that it's ever been my bad luck to run across,» she said* (Maugham W. S. Maugham *The Painted Veil*). Экспрессивность как семасиологическую категорию необходимо отличать от стилистической экспрессивности, сознательно формируемой автором с помощью системы экспрессивных языковых средств и стилистических приемов. Это уже совсем иной уровень экспрессии. Например: *Единственный сохранившийся зуб запырал, подобно скале, вход в рот Гарри, и, как о скалу, о него разбивались, разлетаясь брызгами во все стороны, потоки гонимой языком слюны»* (Ustinof P., пер. с англ.); или *The impulse was almost irresistible to fling herself on his breast and crush her lip, against his; He was dull. Oh, now he'd bored her, bored her!* (Maugham W.S. *The Theatre*).

Экспрессивность и образность как предельно составляющие экспрессивность входят у большого числа словарных лексических единиц английского языка в структуру их лингвистического понятийного содержания и поэтому являются денотативными микрокомпонентами их значения. Они изначально логические. Если же в семном составе значения языковых единиц имеется или за счет ситуативно-функционального фактора приобретает в речи эмосема, то экспрессивность таких слов окрашивается эмотивностью, чем и объясняется выделение в словарном составе английского языка эмотивно-экспрессивного слоя лексики. Но и в ней коннотативна лишь сама эмотивность, а экспрессивность и здесь остается денотативной. Тесная связь экспрессивности и эмотивности лишь подтверждает методологический тезис о единстве рационального и эмоционального в сознании.

Аналогично обстоит дело с оценочным компонентом. Исследования Л. А. Киселевой, А. В. Зубова, Э. С. Азнауровой, Г. Г. Кошель и др. показали, что среди типов оценки большой процент занимает интеллектуально-логическая оценка. Это такая оценка, которая основана на

логических оценочных суждениях об объективных, а не приписываемых референту свойствах, признаках, как в нижеследующем случае: *And I will tell you this madam de la Roche, blackmailing is an ugly word both in England and in France (A. Christie); But with that ugly word 'murder' ringing up in her ears she dared not keep anything back (A. Christie)*. Оценка этим словам дана черед значение эмотива *ugly*. Эта оценка субъективна, так как в языке нет плохих или хороших слов, все слова «одинаково приличны» (И. А. Бодуэн де Куртенэ). Другое дело — референты, обозначаемые ими и вызывающие у говорящего те или иные ассоциации, на базе которых возникают те или иные эмоции. Аналогичен пример из русского языка: «Я так и умру, а вот Париж не увижу. Неужели мы вечно будем торчать в этой проклятой Калуге?» — зло вырвалось у Варвары Евграфовны, немедленно презирившей саму себя за этот дурацкий Париж (Е. Евтушенко. Ягодные места).

Оценочное слово *проклятый* по отношению к Калуге и *дурацкий* к Парижу явно соотносятся не с признаками этих городов, а с психическим состоянием говорящего: они сигнализируют о его раздражении, вызванном поведением адресата этого высказывания. Отрицательная оценка здесь является отраженной от адресата речи и перенесенной на другие референты, которым и приписываются названные эмоциональные признаки. Этот феномен получил в лингвистике название *отрыва от денотата* в случаях выражения эмоциональной оценки. Такая оценка коннотативна.

Но оценочность может быть и смысловым оттенком денотативного значения, как, например, в *take care* или *intense*, где у значения нет оценочного оттенка, в отличие от *bother*, где выявляется оценочный оттенок, или *vehement*, имеющий отрицательный оттенок значения 'слишком интенсивный', ср.: *intense; vehement heat*). Значения слов *fuss, ado* содержат оттенок отрицательной оценки, т. е. денотативное значение 'беспорядочная поспешная деятельность' дополнительными смыслами: 'по пустякам' (*make a fuss*) и 'чересчур активно' (*much ado about nothing*).

По семантическому признаку «оценка» следует различить нейтральные языковые единицы: *tree, pink, go, naturally, he, etc.* (нулевая оценка) и оценочные, которые варьируются по типу оценочного знака (+/-): *horrible, nasty* (-) или *wonderful, enthusiast* (+). Оценка предполагает варианты: хороший / плохой, сомнительный, вероятный / достоверный, желательный / нежелательный и другие компоненты оценки,

которые образуют так называемую модальную рамку толкования *оценочного слова*, по А. Вежбицкой. Ю. Д. Апресян [1995] отмечает, что оценочные компоненты характерны, в особенности, для значения ограничительных выделительных и усилительных частиц: *even, already, only, yet* и т. п., уступительных и противительных союзов: *but, though*, некоторых модальных слов и наречий. Структура толкования оценочных слов в словаре двухчастна — ядро толкования плюс модальная рамка: еще Л. В. Щерба обращал внимание на этот факт, приводя три варианта: 1) факт Р имел место в относительно давнее время; 2) говорящий считает это интересным; 3) говорящий считает, что Р не является частью времени Т, в котором говорящий мыслит себя. Оценка в любом случае выражена в 2). Модальное различие между «еще» и «уже» выражено в 3).

Примерами денотативной оценки являются такие слова, оценочный компонент которых составляет основу их лексического значения и относится ко всему референту в целом: *goad, bad, ruffian (brutal, violent, lawless person), duffer (inefficient, useless person), dub (inexperienced or unskillful character), kook (crazy or eccentric person), slink, pruror* etc.

Лексика отрицательной оценки превалирует и в русском, и в английском языке. Этот факт объясняется социально-психологическими факторами: все хорошее считается нормой, а отклонения от нее в сторону полюса отрицательной оценки имеет разнообразную гамму проявлений, отраженных и в денотации, и в коннотации значения слов, обозначающих эти проявления. Схематично полюс отрицательной оценки отодвинут от точки отсчета (нулевая оценка) на гораздо большее расстояние, чем полюс положительной оценки (под отодвинутостью здесь понимается линейный список слов, выражающих положительную или отрицательную оценку как денотативную, так и коннотативную). Примерами слов с денотативной оценкой в русском языке являются: *наркоман, контрабандист, энтузиаст, тихоня, мерзость, скандалить, дерзить, гармоничный*. Денотативная оценка этих и им подобных слов рациональна, понятийна, так как в обществе сложились определенные социальные отношения к обозначаемым этими словами понятиям.

Дефиниции слов с денотативным оценочным компонентом значения включают в себя оценочные слова, эксплицирующие признаки положительной/отрицательной оценки, содержащиеся в обозначаемых понятиях. Обозначаемые ими признаки являются понятийными, они

заложены в номинацию референта, и на семантическом уровне отражены в микрокомпонентах денотации лексического значения слова [Schachovskiy 1982: 82–90]. В речевом же акте выражение оценки может сопровождаться эмоциями говорящего, как в нижеследующем примере, где рационально-оценочные слова *criminal*, *dirty* в эмоциональной ситуации реализуют потенциальные эмосемы и становятся за счет функционального фактора эмотивно-коннотатирующими: «*I found it in her, bag!*» *Thomas shouted. «The dirty criminal slut stole my fan»* (F. O'Connor. Short Stories).

В целом оценочные семы онтологически рациональны, т. е. денотативны, и если только в значении единицы имеется эмосема, оценочный компонент окрашивается эмоциональностью, как и в случае с экспрессивностью. Поэтому выделение в корпусе оценочной лексики английского языка трех групп — интеллектуально-логической, эмоциональной и интеллектуально-эмоциональной — оценочной лексики представляется ошибочным; выделение только эмоциональной оценки противоречит языковым фактам и методологическому тезису о единстве рационального и эмоционального в мышлении, а, следовательно, и в языке. Национальная оценка в любой момент может превратиться в эмоционально окрашенную, эмоциональная не может существовать без семантической доли рационального.

Таким образом, представленный в данном разделе работы материал служит для аргументации следующей концепции автора: экспрессивные и оценочные компоненты лексического значения слова онтологически являются микрокомпонентами его денотативной, а не коннотативной семантической доли, т. е. объективно-логическими семантическими параметрами, соотносимыми с определенными признаками референта и закрепленными понятием о нем. Они могут стать «коннотативными», т. е. эмотивно окрашенными, только при наличии эмотивного компонента в значении слова (отсюда следует, что к коннотации автор относит только эмотивный компонент значения).

§ 7. Звуковой символизм, ассоциативность и коннотативность слова

Проблема символизма уже давно является объектом пристального внимания большого числа советских и зарубежных философов, лингвистов и психологов. Это объясняется тем, что «символическими свойствами могут обладать самые разнообразные предметы и явле-

ния внешнего мира: рисунки, скульптуры, цветы, движения человеческого тела, в том числе и звуки, производимые речевым аппаратом человека» [Левицкий 1973: 8]. Последний тип символизма получил название звуко-символизма. Под ним в современной науке понимают «такое отношение между означаемым и означающим, когда связь между ними носит непроизвольный характер» (выделено мною. — *В. Ш.*) [Левицкий 1975: 54]. При этом лингвисты и психологи обычно называют его фонетическим символизмом или фонетическим значением. Нередко этот тип «значения» лингвисты откосят к коннотации как одному из предельно составляющих ее компонентов.

Исходя из концепции психологического характера значения языковых единиц ассоциативный компонент семантики слова иногда относят к коннотации [Шаховский 1985]. С ним очень тесно связан символический компонент семантики, причем под этим термином, как правило, смешиваются онтологически различные понятия: «символы», «коннотации», «ассоциации», «знаки». Соответствующие им семантические явления также называются по-разному: «фонетическое значение», «символическая значимость», «смысловая ассоциация», «звуковой символизм» (применительно к звуковой стороне языка) [Плотников 1984: 22–25, 68]. В связи с этим возникает ряд вопросов. Например, относится ли звуковой символизм (в различных его терминологических обозначениях) к коннотативной, семантике? Является ли он вообще компонентом языковой семантики? Чтобы найти ответ на поставленный вопрос, попытаемся с позиции современных психолингвистических знаний наметить лишь некоторые контуры поиска ответов на них.

Актуальность проблемы звукового символизма объясняется тем, что он участвует в организации рече-мысленной деятельности человека, в процессах производства и понимания речи. А. А. Залевская справедливо замечает, что «адекватная трактовка слова как единицы идеолексикона возможна только на основе глубокого и разностороннего анализа того, что стоит за словом в индивидуальном сознании (... носителя языка); в какие типы связей оказывается при этом включенным слово, рассмотрение которого не может в данном случае ограничиваться рамками лексико-семантической системы языка» [Залевская 1987: 35]. Сюда же, несомненно, может быть отнесен и звуковой символизм слова. А учитывая, что «для человека изначально слыты потребность и эмоция, активность и пристрастность, познание и оценка, интеллект и аффект» [там же: 44], проблема роли звукового

символизма в эмотивном общении говорящих субъектов представляет несомненный интерес.

Специальные исследования показывают, что по вопросу о природе и характере звуко-символизма данные лингвистики и психолингвистики в основном совпадают: 1) звуко-символизм имеет универсальный характер; 2) в основе звуко-символизма лежат физические свойства звуков [Левицкий 1975: 59]. Самым трудным вопросом для теории символизма является вопрос о возможности сосуществования звуко-символизма и изменчивости фонетических систем в синхронии и диахронии. На наш взгляд, довольно аргументированный ответ на этот вопрос предложен В. В. Левицким, выделившим три фактора этого сосуществования [там же: 59–60].

В. В. Виноградов подчеркивал как наименее оспариваемый случай символизма факт языкового звукового символизма: «В языковой системе и звуки речи значимы, осмысленны...», «звуковая форма слова оказывается источником разнообразных смысловых оттенков» [Виноградов 1972: 16].

В данной цитате акцентируется мысль о том, что форма значима. Долгое время в лингвистике считалось, что фонемы являются одноплановыми единицами, они имеют только план выражения, т. е. форму. Однако более тонкое разграничение между звуком и фонемой и осмысление фонемы с психологической и функциональной сторон позволило, во-первых, отнести фонему к единицам языка, а звук к единицам речи, а во-вторых, признать, что фонема не имеет сигнификативных и денотативных компонентов значения (равно как и звук) и что она через свой дифференциальный признак участвует в разграничении значений других языковых единиц, т. е. фонема имеет дифференцирующую функцию.

В связи с этим Б. А. Плотников [1984: 68] вслед за В. В. Виноградовым допускает, что фонема в определенных ситуациях может иметь специфическую семантическую нагрузку. Такую специфическую семантику фонемы лингвисты называют фонетическим значением [Журавлев 1974], или фонетической значимостью. Как правило, это эмоциональная окраска, эмоциональный эффект (впечатление) данного звука или звукоряда, сопровождающие их акустическое звучание. Фактически это есть значение звуковой формы, не связанной с определенным понятием, т. е. значение плана выражения самого по себе. Уже в этом рассуждении просматривается, по нашему мнению, различие между фонетическим и символическими значениями. К другим моментам их различия мы обратимся ниже.

Общеизвестно, что в ряде национальных культур имеются звуко-сочетания, которые бессмысленны по содержанию, но тем не менее воспринимаются отрицательно/положительно. Примером таких неблагозвучных являются «скрежущие» звуки русского языка /с/, /х/, /ш/. Грубое звучание звуков в некоторых языках даже табуируется. Это же справедливо и в отношении некоторых звукорядов: например, во французском языке звукоряд *rhoque* ('тюлень') вслух не произносится, так как он напоминает звукоряд /k/ в английском языке. Правда, это совершенно различные явления: в первом случае (франц.) табуируется коннотация звука, а во втором (англ.) — звукосемантика слова.

Подробно рассматривая проблему психологической природы значения, Е. С. Кубрякова отмечает, что в организации человеческого сознания участвуют значение, смысл и чувственная ткань [Кубрякова 1986 : 70]. Звуковой символизм, несомненно, относится к последнему, т. е. чувственной ткани человеческого сознания. Но вряд ли он входит в сферу именно языковых значений. Вопрос о языковом статусе звукового символизма представляется нам явно спорным. Он есть, скорее, психологический феномен, являющийся разновидностью ассоциаций, и, следовательно, относится к области неязыковых значений. Причем в случае звукового символизма слово (как звукоряд) и отдельные звуки являются условной номинацией не цепочки ассоциаций, а конкретной ассоциации, фиксированной в сознании данного социума (т. е. общей для всех его представителей) или в сознании конкретного субъекта.

Все языковые знаки произвольны, на это не раз указывали Ф. де Соссюр, Э. Бенвенист, Р. Якобсон и другие лингвисты. Значение словесного знака тоже условно, оно является лишь символом предмета мира, которое номинирует. Из данного рассуждения следует, что любое значение языкового знака является символом: слово как некоторый звукоряд замещает соотносительный с ним предмет мира, а семантика этого звукоряда символизирует определенные содержательные качественные и функциональные параметры этого предмета.

Понятно, что когда говорят о звуковом символизме, имеют в виду несколько иной символизм. Это хорошо видно из высказывания В. Матезиуса, считавшего символическое значение той частью значения знака, которая наиболее постигает сущность предмета и которая является главным источником всего того, что мы называем образностью поэтической речи [Матезиус 1967: 456]. В случае звуко-символизма ни о какой сущности предмета речи быть не может.

Соотношение понятий «символ», «знак», «слово», «ритуал» и предмет мира, которые они замещают, в науке исследовано недостаточно полно. Естественно предположить, что цвет (например, красный) и предмет этого цвета (знамя, кровь), с одной стороны, и слова, называющие данный цвет и данный предмет («красный», «знамя», «кровь»), с другой, — будут иметь различные типы символизма. Так, сам цвет и предмет мира, имеющий этот цвет, будут символичны по референтному основанию, и такой тип символичности можно назвать референтным, а символизм языкового знака, замещающего в языке эти референты, имеет иное, семантическое, основание и поэтому может быть определен как семантический символизм.

Что же первично в символизме семантики слов типа «красный»? Символику, определенную для данного социума, имеет прежде всего красный цвет (любой цвет имеет свою символику). Но само слово «красный», т. е. данный звукоряд, тоже становится символичным. Эта символичность — производна, вторична, так как замещает в языке данный цвет, служит для его обозначения и, по И. П. Павлову, вместе с другими словами является второй сигнальной системой, вызывающей те же ассоциативные ряды, что и сам цвет.

Семантическим является символизм и у значащих (говорящих имен, например, *Don Juan, Mr. Fox, Mrs. Snake, Mr. Scrooge, etc.; Скалозуб, Собакевич, Коробочка* и др.), так как он основан на взаимодействии логического значения исходного нарицательного имени с номинальным (производным). Аспект семантики, как и символика слова, наиболее четко просматривается именно на данном типе эмотивной проблематики. Перечисленные английские и русские слова в своих субкультурах стали национальными символами. Эти звукоряды имеют нечто большее, чем семантику соответствующих им языковых знаков: символика слова более ассоциативна, чем его семантика.

Вопрос о взаимоотношениях семантики и символики языкового знака на сегодняшний день в лингвистике не имеет однозначного решения. Ясно, что семантика определенных знаков может быть и символичной, и ассоциативной, а семантика других — только ассоциативной. Неассоциативная семантика может быть не только у служебных, неполнозначных слов. Примером символичной и ассоциативной семантики является так называемая идеологизированная лексика, широко используемая в массовой коммуникации.

На принципе семантического типа звукового символизма строится и коммерческая грамматика этикеток для товаров широкого потреб-

ления. Наименование товара должно быть элегантным, «дорогозвучающим» и потому — аттрактивным. Так, духи должны иметь экспрессивные символические названия: «Контакт», «Диалог», «Пируэт», «Бон Шанс», «Черная магия», «Однажды», «Быть может», «Грезы», «Восторг» и др., иначе название не привлечет внимания и товар залежится.

Аналогично обстоит дело и с названиями кафе, магазинов, кинотеатров. Они все символичны, мотивированы не признаками нарекаемого предмета, а предполагаемыми ассоциациями его потенциальных потребителей. Условно-символическая номинация данного типа представляет собой сознательно управляемый процесс и имеет ярко выраженную прагматическую интенцию, поэтому она занимает важное место в жизни говорящего человека.

Звуковая символизация широко используется для эмоционально-го воздействия на читателя и в поэзии, и в прозе. Дилан Томас, творчество которого английская литературная критика сравнивает с живописью, и музыкой, так объясняет свой метод выбора звучащего слова: *«What the words stood for, or symbolized, or meant was of very secondary importance; what mattered was the sound of them ... I cared for the shapes of sounds that their names and the words describing their actions made in my ears. I cared for the colours that the words cast on eyes ... the shape, and shade, and size, and noise of the words as they hummed, jiggled and galloped along»*. Например, в наиболее известном произведении Дилана Томаса «*Unter Milk Wood*» описание деревенского утра целиком построено на экспрессивном звуковом символизме. Не все слова этого описания можно найти в словаре, так как автор придумал много новых слов или соединил два известных, чтобы получить новый звуковой ряд. Читая это описание вслух, необязательно понимать смысл слов, достаточно наслаждаться их звучанием, что и замышлял автор. Вот отрывок из него: *«There's the clip-clop of horses on the sunhoneyed cobble, of the humming street, hammering of horse-shoes, gobble quack cackle, tomtit twitter from the bird — ounced boughs, bragging on Donkey Down. Bread is baking, pigs are grunting, chop goes the butcher milk churns bells, tills ring, sheep cough, dogs shout, sawn sing»* (Mozaika 1982: 25).

Анализ литературы по символизму позволил установить, что звуковой символизм проявляется в трех ипостасях: индивидуальный символизм, национально-специфический и универсальный, охватывающий две и более языковые общности. Рассмотрим второй тип символизма как наиболее распространенный. Доказано, что отдельные звуки английского языка устойчиво ассоциируются с определенными

эмоциями англоговорящих [Nikolas 1971]. Например, звук /d/ коннотирует в английских словах эмоцию «прозрение»: *dupe, daft, mud, dull*. Так, проклиная ненавистный ему город, герой романа Дж. Брейна «Путь наверх» называет его эпитетами, начинающимися со звука /d/: «*Dad Dufton, I muttered to myself, «Dirty Button, Dreary Dufton, Despicable Dufton».*

Коннотация отвращения может вызываться аллитерацией звука /d/ в составе эмоционально-оценочных эпитетов: *dirty, dreary, despicable*, от которых эта коннотация иррадирует и на название города *Dufton*. Несомненно, определенное количество слов, начинающихся на звук /d/ или содержащих его в своем звуковом составе, может ассоциироваться в английском языке с чем-то неприятным. Но ведь в английском языке имеются и обратные примеры: *darling, dream, dear, democracy, diamond, etc.* В составе этих слов звук /d/ не имеет отрицательных коннотаций и не символизирует неодобренных эмоций. Звук /t/ также коннотирует в английском языке отрицательные эмоции: *grieve, groan, horror, terror, terrible*. Сравнение звукорядов, например, /braet/ и /kid/ в английском языке, вроде бы, говорит в пользу звукового символизма: *a brat* — «неприятное», *a kid* — «приятное» слово. Их перевод на русский язык содержит в обоих словах звук /p/: «отродье», «ребенок», что опять противоречит этой теории, так как символическая значимость звука /p/ для семантики приведенных слов нерелевантна. Тот факт, что одни и те же звуки и внутри одного языка (в данном случае — английского), и в разных языках (например, в английском и русском) не обладают регулярной символической значимостью, позволяет вынести «семантику» фонемы в сферу национально-специфической символики и стереотипных ассоциаций.

В случаях звукового символизма значение слова собственно нерелевантно и может быть даже незнакомо или просто непонятно, но произносимое слово вызывает положительные/отрицательные эмоции. Известно, что звуковой символизм может быть глубоко личным, как, например, в случае с итальянским патриотом Маззини, для которого несомненно красивым и чарующим было слово *cellar-door*, а для Дж. Уайтфилда, священника XVIII в., таким чарующим словом было слово *Mesopotamia*, одно произношение которого этим священником вызывало слезы умиления у прихожан (WDE, p. xi–xii).

Попутно заметим, что среди различных типов звукового символизма лингвисты давно уже различают помимо субъективной, еще и объективную его разновидность. К первой они относят связь опреде-

ленных звуков и значений в психике человека, а ко второй — связь определенных звуков и значений в словах того или иного языка [Семантическая общность 1986: 167]. Нам представляется, что во втором случае имеет место не звуковой символизм, а понятийная ассоциативность слова. Одним из доказательств данного мнения является феномен «красивые/некрасивые слова». Эксперименты показывают, что при выполнении задания из 50 предложенных назвать десять самых «красивых» и «некрасивых» слов информанты значительно расходятся: в называемых «красивых» словах фактически нет двух информантов, одинаково слышащих и видящих красоту одного и того же слова. Что же касается «некрасивых», «уродливых» слов, типа *scratch, shredded, eschew*, то ни один из информантов не назвал их красивыми. При этом информанты различают два типа красоты: понятийно-ассоциативную (типа *mother, love, truth, justice, etc.*) и звуковую (типа выше приведенных «уродливых» слов и слов типа *lullaby, slumber, melody, twilight*).

Понятийно-ассоциативная «красота» слова не имеет ничего общего со звуковым символизмом. В ней «красивы» не звуки, а сами понятия и связанные с ними ассоциации. Например, слово «дом» (семейный очаг, родительский дом) во всех языках вызывает одинаковые сентиментальные ассоциации; см. также слово «тепло» (символ жизни) в сравнении со словом «стылость» (символ смерти) в рассказе В. Шукшина «Охота жить». Справедливости ради надо отметить, что некоторые случаи понятийно-ассоциативного символизма могут переходить в случаи звукового символизма, как в примерах нецензурных вульгаризмов, которые со временем теряют свое предметно-логическое значение и используются «по назначению» только благодаря своим звуковым формам, коннотирующим вульгарность [Беляева 1985: 24]. Фонетическое значение звука нередко переносится на слово и на основании этого устанавливается внутренняя связь между фонетическим звучанием слова и его семантикой, т. е. фонетическая мотивированность семантики слова провозглашается весьма распространенной. При таком подходе понятийное содержание слова, его сигнифицирование, соотношение с денотатом и референтом могут быть избыточными; их заменяет акустический параметр слова.

Доведенная до такого логического конца концепция фонетического значения обнажает ее ошибочную методологическую сущность. На наш взгляд, звуковой символизм как отдельных звуков, так и целых звукорядов (слов, предложений, текстов) является областью семантических стереотипных ассоциаций и должен стать одним из объек-

тов психосемантики как раздела психолингвистики. Как нам представляется, семантика звукового символизма не является ни фонетическим значением, или значимостью, ни коннотацией слова. Это особый тип ассоциативной семантики, базирующейся на субъективных, национальных, универсальных тезаурусах ассоциативных восприятий мира коммуниканта.

§ 8. Типология коннотации

Согласно общепринятой в современной лингвистике точке зрения, слово обобщает (через сигнификативную функцию), называет или обозначает (через денотативную функцию), выражает чувства говорящего и слушающего (через эмотивную функцию), сообщает (через коммуникативную функцию) [Уфимцева 1974: 39]. Эти функции слова выступают в единстве, поэтому и семантика слова представляет собой внутренне членимое единство всех ее компонентов, ни предельное количество, ни типология которых до настоящего времени не являются установленными фактами.

Признавая большую роль экстралингвистических факторов, отраженных в лексическом значении слова и его лексико-семантических связях [Гинзбург 1972], современная лингвистика понимает под лексическим значением тот минимум знаний, который достаточен для узнавания отображаемого объекта и употребления в речи его словесного обозначения [Кацнельсон 1972]. Роль денотативного и грамматического компонентов в значении слов, входящих в этот минимум знаний как облигаторных, изучена довольно широко. Что же касается так называемого коннотативного компонента значения, в судьбе которого, вероятно, превалируют экстралингвистические факторы, то он остается до сих пор наименее изученным.

Оставляя в стороне многочисленные (и разноречивые) определения термина «коннотация», мы относим к этому лингвистическому феномену ту часть лексического значения слова, с помощью которой выражается психическое состояние говорящего, его отношение к предмету, объекту и к адресату речи, т. е. всё то, что составляет цель эмотивной функции слова. Соответственно под коннотативным значением мы понимаем совокупность предикатных, т. е. характерологических компонентов семантики слова, соотносящихся с областями чувственной и рациональной квалификации денотата. Совокупность этих компонентов и их возможная комбинаторика, их типология в лингви-

стике еще не определены окончательно. Более того, ставится под сомнение лингвистичность коннотации [Шаховский 1979; 1987].

Изучение отечественной и зарубежной литературы по коннотации, собранный нами и другими исследователями фактический материал позволяют в рабочем порядке предложить типологию коннотации, в основу которой положены принцип бинарной оппозиции (I–III); принцип вариативности ее качественной манифестации (IV); принцип вариативности ее локальной манифестации (в пределах семантической структуры слова — см. 1, 2, 3 и за ее пределами — 4).

I. а) Эксплицитная коннотация, т. е. явная: *doctordrain* («утечка» медицинских кадров за границу), *beast* (зверь = жестокий человек), *rat* (крыса, о человеке).

б) ИмPLICITная коннотация, т. е. скрытая в глубине семантики слова, подразумеваемая. Сюда относятся, прежде всего, так называемые «плохие» и «хорошие» слова: *beauty* (красота), *friend* (друг), *fun* (развлечение), *ugly* (уродливый), *dirty* (грязный), *failure* (провал), *disgrace* (бесчестье). Другими примерами имплицитной коннотации являются следующие неологические языковые знаки: *a topsell* (бестселлер), *Micky Mouse* (малозначительное, пустяковое или скучное дело), *babykisser* (политический деятель, который во время предвыборной кампании пожимает руки рабочим и целует их детей).

II. а) Узуальная, т. е. парадигматическая коннотация: *fascist* (фашист), *auntie* (тетюшка), *piggy-wiggy* (грязнуля), etc.

б) Окказиональная, т. е. контекстуальная коннотация: *a frying pan of life* (= жизнь как раскаленная сковородка), *a slice of a human being* (поверх. худоба); *твоих волос стеклянный дым* и др., возникающая при нестандартной совстречаемости нейтральных знаков. Имплицитные коннотации обнаруживаются и в диагностирующих контекстах: *He became father and mother to me* (он стал для меня и отцом и матерью). В этом контексте дифференцирующая сема 'female' (женщина) у слова *mother* (мать) погашается, а актуализируется имплицитная сема 'tenderness' (нежность), которая является коннотативной для синтагматики *he...mother* (он... матерью).

III. а) Индивидуальная коннотация: *березовая Русь*, *белое бешенство*, *интеллигент*, *swallow* (ласточка в «Счастливом принце» О. Уайльда), *банана* (предатель, сверху желтый, внутри белый).

б) Коллективная коннотация: *neutron bomb* (нейтронная бомба), *Hiroshima* (Хирросима), *home* (отчий дом).

IV. Как компонент значения коннотация является некоей семантической абстракцией, варьирующей в следующих качественных проявлениях: 1) эмотивная, 2) оценочная, 3) экспрессивная, 4) стилистическая: *upperstory* (чердак = голова), *brat* (отродье), *to kick the bucket* (сыграть ящик, умереть), 5) прагматическая: *Old Glory* (флаг США), *Jolly Royer* (Веселый Роджер — флаг Великобритании), *Phoenix* (Феникс — символ свободной Греции), *Serp и Молот* (символ единства рабочего класса и крестьянства Страны Советов).

Рассмотренные коннотации могут проявляться в пределах семантической структуры слова:

1) в лексическом значении слова: *hell* (ад), *stinking* (вонючий), *horrible* (ужасный), *scoundrel* (негодяй);

2) в одном из ЛСВ слова: *swine* (свинья, о человеке), *poor* (бедняжка), *pot* (горшок, о голове), *yellow* (трусливый);

3) в одном из семантических множителей корня, аффикса или основы слова: *softling* (неженка), *scandalmonger* (скандалист), *twinness* («близнячество»);

4) в ассоциациях: *nazi* (нацист), *nuclear* (ядерный), *summer day* (летний день) (ср. для англичанина и для египтянина), *журавли* (ср. для француза и для русского). Сюда же относится и прагматическая коннотация.

Следует, однако, заметить, что эти типы коннотаций являются в известной степени перекрещивающимися, например: эксплицитная может быть одновременно узуальной, коллективной коннотацией и, следовательно, находиться в пределах семантической структуры слова. Имплицитная коннотация может ложиться в рамки окказиональной, индивидуальной, ассоциативной. Такая генерализация типов коннотаций в литературе еще не полностью описана.

Предлагаемая, таким образом, типология коннотаций может рассматриваться как рабочий вариант, дающий возможность выявлять наиболее распространенные типы коннотаций.

С проблемой типологии коннотаций связана проблема соотношения различных компонентов коннотативного уровня лексического значения слова. Споры идут относительно того, обязательно ли все коннотативные компоненты должны сочетаться друг с другом в различных комбинациях, или они могут функционировать в лексическом значении слова и в изоляции друг от друга.

Наши наблюдения на материале английского языка, а также наблюдения Н. А. Лукьяновой [1976] на материале русского языка пока-

зывают, что эти компоненты могут функционировать и в изоляции друг от друга. Например, чисто экспрессивной коннотацией маркированы такие слова-значения, как *breakthrough* (открытие), *unkissable* («нецеловабельная» девушка), *afrosaxon* (предатель), *наяривать* (на гармошке), *изливать душу*, *шпарить* (о солнце), *бьда* (беда); чисто эмоциональной коннотацией маркированы слова-обращения: *darling* (милый), *lovey* (любушка), *дусенька*, *голубушка*, *милочка* и др., у которых номинативная функция очень ослаблена, а также у таких слов, как *hell* (черт), *damn* (проклятье), *daddy* (папуля), *birdy* (птишечка), *старикашка*, *скончаться* и др.; чисто оценочной коннотацией маркированы и ЛСВ у слов типа *ruffian* (грубиян), *disgusting* (отвратительно), *flatterer* (льстец), *wonderful* (чудесный), *плут*, *мошенник*.

Однако текстовый материал показывает, что в речевой деятельности коннотативные компоненты семантики вступают в различные комбинации. Наиболее частотными из них являются следующие сочетания (в порядке уменьшения частотности): эмоционально-экспрессивные: *pig* (нахал = полицейский), *to snap off the light* («оторвать», «откусить», т. е. выключить свет); эмоционально-оценочные: *smashing* (сногшибательный), *goddamned* (проклятый богом); экспрессивно-оценочные: *busybody* (назойливый человек, сующий нос в чужие дела), *longhair* (длиноволокный, патлатый), *skeleton* (скелет, о худом человеке), *терронавты*.

Как показывает анализ коннотативного уровня лексической семантики, стилистический компонент облигаторно сопутствует каждой из перечисленных здесь комбинаций; значения маркированы нормативно стилистическими коннотациями.

Споры о том, где именно локализируются коннотативные компоненты — в денотативной или коннотативной семантике, склоняются в пользу такого мнения: только в коннотативной сфере лексического значения слова. При этом под коннотативной сферой лексического значения слова понимается нечто, совершенно отличное от денотативной сферы и не имеющее соотношения с понятием о называемом предмете.

Опираясь на фактический материал, мы считаем данное мнение ошибочным. Так, коннотативные компоненты могут быть выделены и в денотативной части семантики. Например, оценочная коннотация в: *flatterer* (льстец), *egoist* (эгоист), *villain* (негодяй); экспрессивная коннотация в: *вдыхатель* (поклонник), *to sneak* (красться), *to stagger* (идти пошатываясь), *to knife* (убить ножом). В этих примерах кон-

нотацией является образное представление, зафиксированное в денотативной сфере семантики слов и соотносящееся с понятием, которое слово замещает в языке.

Вследствие этого напрашивается вполне логичный вывод о том, что отнесение всех типов коннотаций к дополнительным, факультативным компонентам лексического значения неоправданно. Мы исходим из того, что в семантике слова не может быть таких компонентов, которые вообще ни с чем в предметном мире не соотносятся. А если это так, то коннотативные компоненты не обязательно все должны быть за пределами семантики слова или ее денотативной сферы. Тем более что не все коннотации являются оценочными, эмотивными или экспрессивными.

§ 9. Эмотивная валентность единиц языка

Тезис об онтологическом единстве рационального и эмоционального в мышлении (что находит свое лингвистическое выражение в диалектическом единстве и взаимодействии денотативных и эмотивных аспектов значения) является отправным в исследовании феномена эмотивной валентности.

Установлено, что эмотивные семы (эмосемы) могут вступать в разнообразные отношения с денотативными семами [Schahovskij 1982: 82–89]. Так, например, в речевых контекстах денотативные семы могут приобретать иную референтную соотношенность, что приводит к смысловому приращению слова за счет появления в нем эмосем, которые расширяют семантическую валентность слова и, соответственно, границы его семантического согласования, так как у него появляется дополнительная, новая, эмотивная валентность.

Семантический процесс перехода сем из одного статуса в другой при формировании эмотивного аспекта значения (коннотации) слова на базе метафорического переноса [Азнаурова 1973] можно схематически показать на примере предикатного ЛСВ₂ слова *vegetable*, который прошел сложный путь формирования [Заботкина 1979: 56]: замена классемы и архисемы у ЛСВ₁ ('овощ'), ослабление дифференциальных сем, отражающих родовые особенности слова, актуализация потенциальной семы «пассивность», которая в предикатном ЛСВ₂ ('нехороший человек') приобретает ранг дифференциальной и вводится в семантический фокус интенционала. На этой ступени в импликационале ЛСВ₂ «возбуждается» сема качественной характери-

стики, т. е. оценочная сема, маркирующая это значение отрицательным знаком, а в эмоционале появляются (актуализируются) сема экспрессивности (образности) и эмосема, которая обуславливает в данном слове появление эмотивной валентности. Эта валентность и объясняет структуру предложений типа *He is a vegetable* (ср.: *Я уже многоуважаемый шкаф, а ты еще можешь что-то сделать* (А. Крон. Бессонница)).

В теории валентности слова аксиоматичен тезис, согласно которому, первичным соединительным звеном между стыкующимися смыслами сочетаемых языковых единиц являются семы. В этом плане и говорят о семантическом уровне валентных отношений [Степанова, Хельбиг 1978: 147, 152]. Этот тезис, как предполагается, справедлив не только для денотативного аспекта значения, в сфере которого он был выведен и получил подтверждение, но и для коннотативного (эмотивного). Предполагается, таким образом, что каждое слово в потенции может иметь эмотивную валентность, значимую для его сочетаемости с другими словами. М. Д. Степанова и Г. Хельбиг подчеркивают тесную связь между валентностью и семным составом слова. Полагаем, что этот тезис справедлив и для эмотивной валентности, формируемой виртуальными или актуальными эмосемами языковых единиц.

Под эмотивной валентностью понимается способность данной лингвистической единицы вступать в эмотивные связи с другими единицами на основе явных или скрытых эмосем и, тем самым, осуществлять свою эмотивную функцию. Идея эмотивной валентности является дальнейшим развитием тезиса о закономерности эмоционально-экспрессивного и экспрессивно-стилистического согласования языковых единиц в речевой цепи [Гак 1967; Шмелев 1969: 8–9].

Рассмотрим свойства эмотивной валентности, ее лингвистическое обоснование и ее коммуникативную значимость. При определении эмотивной валентности мы исходим из предположения о том, что среди составляющих компонентов значения лингвистических единиц имеются эмосемы. Достаточно наличия в значении языковой единицы всего лишь одной из них, пусть даже скрытой, чтобы эта единица в потенции имела возможность когда-то ее реализовать, и потому такая единица характеризуется как эмотивно валентная. Эта валентность объясняет, с одной стороны, всякие «неожиданные», оригинальные, даже «невероятные» сочетания типа рус. *тоска зеленая, желтенькая жизнь*, англ. *hair-butcher* ‘парикмахер’, *nut-doctor* ‘психиатр’, появляющиеся в речи. А с другой стороны, она объясняет тот факт, что

некоторые сочетания, возможные на логико-семантическом уровне, оказываются невозможными на коннотативном из-за нестыкующихся друг с другом эмосем. Например, словосочетание *половодье войны* противоречит кругу ощущений, закрепленных в русской поэтической традиции, и является примером «авторской глухоты» к коннотативным нормам сочетаемости. А вот еще один пример из того же автора — поэта И. Лепина: «певцу (петуху. — Ш. В.) хозяйка порешила горло» (ЛГ, 1982, 27 янв.). Коннотативный аспект значения слова *порешить* указывает на неестественность его сочетания со словом *горло* (ср. *порешить* ('окончить дело'): *на том и порешили* ('согласились')). Нередко, однако, эта неестественность сочетаний ослабляется стилистическим намерением.

Словари новых слов и значений отмечают бурный рост образований с префиксом англ. *anti-* (рус. *анти-*). Сравнение материалов Большого англо-русского словаря и Дополнения к нему обнаружило, что к 80-ти уже имевшимся в английском языке дериватам с этим префиксом до 1963 г добавилось более 40 новых. Корпус английских неологизмов с инвариантным значением 'that which rejects or reverses the traditional characteristics of', которое вычленено из дериватов с *anti-*, включает следующий набор денотативных варьирующих сем: *destroy, oppose, reduce, elimiate, prevent; antagonistic, hostile, combat, counteract, directed against, an opponent of, counterpart to/of; discourage, reject*. Способом вертикальной конверсии из этого префикса в современном английском языке образовано самостоятельное слово *anti*, имеющее стилистическую помету «разг.» в значении 'оппозиционер, оппозиционно настроенный человек' и помету «жарг.» в значении 'противоракетный снаряд'. Аналогичный процесс вертикальной конверсии (эмотивной лексикализации) произошел и с префиксами *super-* и *ex-*. Например: *Randy Shepherd isn't my husband. He is my ex* (R. Macdonald. The Goodbye look).

При такой лексикализации в семантике деривата появляется эмосема, открывающая у него и у самого префикса эмотивную валентность, которая позволяет «расшатывать» нормы их сочетаемости, и тогда появляются такие эмотивно окрашенные дериваты, как в примерах, приводимых ниже: *The antihero, the antiplay and thy antitheatre production... seems to set up an antiaudience; Почему вернулся Неруда из Парижа, который он так любит? Когда я спросил его, что случилось, он ответил: «Я — антикрыса». Я тогда не сразу сообразил. Теперь я понимаю. Это же очень просто... Крысы бегут с тонущего*

корабля, а Пабло вернулся на корабль (Е. Евтушенко. Ягодные места). Эти и им подобные случаи эмотивно-оценочно-экспрессивной номинации могут быть объяснены эмоциональным намеренном говорящего и употреблением эмосем в значении их непосредственно составляющих. Аналогично эмосема за счет функционального фактора, актуализуясь в предложном слове *при*, «разрешает» эмотивно окрашенные словосочетания, например: *Она вовсе не походила на категорию девочек «при» — при актерах, при писателях, при спортсменах, при космонавтах* (Е. Евтушенко. Ягодные места). Здесь этот предлог выполняет функцию эмотивного префикса.

В принципе, если возможно эмоционально-оценочное отношение человека ко всем предметам окружающей действительности, то из этого следует, что в значении слов, называющих эти предметы, имеются такие микрокомпоненты, которые по необходимости через сложную систему переходов могут трансформироваться в эмосемы. Как показывают лингвистические исследования, значение не имеет жестких и четких границ [Schahovskij 1982: 23–24], семантическая система слова может видоизменяться и охватывать огромное множество ситуаций и контекстов, в том числе и эмоциональных (Э. С. Азнаурова, М. В. Никитин, В. Н. Телия, Д. Н. Шмелев и др.).

Рассмотрим подробнее несколько примеров, показывающих, как в речи эмосемы могут становиться превалирующими в значении слова и потому актуализирующими эмотивную валентность единицы.

Пример 1. Дано два понятия: 1) «дом небольшого размера» и 2) «домик» (*приятный, хороший, т. е. дом, который нравится*). Статистически доказано, что для выражения первого понятия слово *house* будет сочетаться с прилагательным *small* или другими его нейтральными синонимами, передающими значение объективной малости, а для выражения второго понятия — с прилагательным *little*, передающим значение эмотивной оценки. В значении слова *house* имеется потенциальная сема размера. Сема размера представлена также и в значениях прилагательных *little* и *small*. Категория размера, как известно, оценочная, поэтому во всех рассматриваемых единицах имеется и потенциальная сема оценки. В словосочетании *small house* объединяются семы размера и семы объективной оценки. А в случае *little house* на базе сем размера сочетаются семы эмотивно-субъективной оценки. Дифференциальная эмосема, закрепленная в одном из ЛСВ *little*, индуцирует потенциальную эмосему у слова *house*, открывающую у него эмотивную валентность.

Пример 2. Рассмотрим английское сочетание *nice house*. Наблюдения показывают, что аналогичные сочетания с эмотивно-оценочными прилагательными невозможны с прилагательным *small*. Сочетание *small nice house не отмечено в текстах (обычно *little nice house*). Таким образом, можно констатировать, что именно наличием эмосемы в значении *little* объясняется тот факт, что если перед определяемым существительным уже стоит одно или несколько эмотивно-оценочных прилагательных, в семантике которых тоже имеется эмосема, то «срабатывают» избирательная и притягивающая функции этих сем: семантически солидарные, в данном случае эмотивные, семы «притягиваются» друг к другу и открывают эмотивные валентности этих трех единиц, позволяющие им соединиться. Ненужные для данной речевой ситуации семы «погашаются» (нейтрализуются) и не вовлекаются в работу.

На вполне естественный в данном случае вопрос: почему же у *small* не индуцируется эмосема и не открывается эмотивная валентность, если потенциально это возможно для всех единиц языка, ответом мог бы быть известный для лингвистов закон дистрибуции М. Бреала. Другими словами, эмотивная валентность языковых единиц оказывается точкой пересечения ряда регулирующих закономерностей, запрещающих (разрешающих) ее актуализацию в той или иной речевой ситуации.

Пример 3. Ср. сочетание *salad days* в значении '*the happy days of one's youth*', '*days of careful inexperienced youth*' (*My salad days when I was green in judgement... — Shakespeare. Anthony and Cleopatra*) с его значением '*hot summer days when you enjoy eating fresh cool salad*' [DEQI 1979: 269]. При употреблении в переносном значении слово *salad* «открывает» эмотивную семантическую валентность, которая из потенциальной ингерентной становится актуальной. У слова *day* эмотивная валентность — адгерентная, вызванная извне.

Благодаря эмотивной валентности происходит дифференциация сочетаний единиц языка и на морфологическом уровне. Ср.: *girllike, girlish; womenlike, womanly, womanish*. Эти три суффикса синонимичны по семе «подобие». Но у *-like* и *-ly* эта сема нейтральна, а у *-ish* она эмотивно окрашена, т. е. слита с эмосемой отрицательного оценочного знака. Поэтому дериваты *womanlike* и *womanish* имеют различные сигнификаты: «факт подобия» в первом случае и отрицательное эмоциональное отношение к «факту подобия» во втором. Употребление того или иного деривата, таким образом, зависит от наме-

рения говорящего: констатация факта или эмоционально-оценочное отношение к нему. Это различие отражено в различной форме слов, иначе говорящие не дифференцировали бы их. Сочетание морфем *girl-*, *woman-* с суффиксом *-ish* можно объяснить, вероятно, тем, что в их семантических системах имеются потенциальные эмосемы, которые, сочетаясь с эмосемой суффикса *-ish*, тем самым открывают эмотивные валентности этих морфем. В случаях с *-like* и *-ly* эта валентность у морфем *girl-* и *woman-* не реализуется, так как здесь ведущей является денотативная сема подобия, согласующаяся не с эмотивными, а с денотативными семами валентностных партнеров.

В сфере эмотивной валентности весьма распространено семантическое явление, дополнительно влияющее на сочетаемость языковых единиц. Так, эмосемы ряда суффиксов (*-y*, *-ling*, *-nik* и др.) соотносятся с двумя полярными зонами шкалы эмоциональных оценок. Ср.: *softling*, *hire ling*, *weak ling*, *child ling*, *dear ling*, аналогично: *dafty*, *smarty*, *softy* и *auntie*, *birdie*; подобным же образом *beatnik*, *jazznik*, *protestnik*, с одной стороны, и *goodwillnik*, с другой, где выделенные суффиксы реализуют в разных дериватах полярную (амбивалентную) эмотивность. Следовательно, имея в потенции эмотивную амбивалентность, эти суффиксы с разными валентностными партнерами варьируют свою эмотивную валентность по типу оценочного знака. Аналогичное явление наблюдается и на лексико-семантическом уровне языка. Ср.: 1) *little nice girl* 'хорошенькая девчушка' и 2) *little lousy girl* 'гнусяная, отвратительная девка'. Предметно-логическую сему малости у прилагательного *little* сопровождают амбивалентные эмосемы: эмосема₁ — 'хорошенький, миленький' (эмосема положительной оценки — восхищение, одобрение) и эмосема₂ — 'жалкий, презренный' (т. е. эмосема отрицательной оценки — неодобрение, осуждение). В семном наборе прилагательного *nice* имеется эмосема с положительным оценочным знаком, а в семном наборе прилагательного *lousy* эмосема с отрицательным оценочным знаком. Значение существительного *girl* виртуально имеет нулевой оценочный знак, а потенциально это существительное имеет и положительную, и отрицательную эмосемы, т. е. оно в потенции амбивалентно.

Сочетание эмосем в рассматриваемых двух случаях варьирует так, что оценочный знак у эмотивности «семантического выхода» зависит от типа эмотивной валентности контактного атрибутивного компонента *nice*, *lousy*. Эмосемы этого компонента индуцируют в каждом из рассматриваемых случаев адекватную себе эмосему у субстантивного

компонента (*girl*). В зависимости от типа знака у эмосемы контактного атрибутивного компонента согласующиеся с ним виртуальные или актуальные эмосемы дистантного атрибутивного компонента и субстантивного компонента словосочетания реализуют в разных случаях только один вариант своей эмотивной валентности. При этом эмотивная валентность контактного атрибутивного компонента выступает в качестве селектора, отбирающего у слов согласующиеся семы и сочетающего их. Она же выступает и в качестве диагностирующей: в семантике словосочетания (на выходе), как уже отмечалось выше, мы получаем соответствующий вариант положительного или отрицательного оценочного знака.

Амбивалентность эмосем выявляет несоответствие между лексической и семантической валентностями, как и полисемия. Ср.: *poor₁ man* 'бедный в материальном отношении' (объективный признак — отсутствие денег), *poor₂ man* 'бедный, т. е. несчастный, жалкий, и потому вызывающий сочувствие' (приписываемый признак), *poor₃ man* 'жалкий, т. е. презренный, ничтожный, и потому не вызывающий сочувствия' (приписываемый эмотивно-субъективный признак, что нередко указывает на полный отрыв значения, от денотата).

В этих сочетаниях одна лексическая валентность реализует три семантических: одну предметно-логическую и две эмотивных, которые варьируют свой оценочный знак, поскольку основаны на противоположных качествах эмосем — носителей эмотивных валентностей в слове *poor*. Значение (набор сем) слова *man* не препятствуют такому варьированию, так как, очевидно, имеет среди своих потенциальных сем и эмотивные, согласующиеся с эмосемами его семантического партнера.

Варьирование знака эмотивной валентности наблюдается не только на внешне одинаковой (*poor man*), но и на различной лексической сочетаемости. Так, в *poor boy* 'бедняжка' у слова *poor* реализуется сема сочувствия, т. е. положительной эмотивной оценки: *poor opinion* 'скромное, жалкое мнение' (сема отрицательной эмотивной оценки, слабой интенсивности, связь с денотатом слабая, по сохраняется), *poor ten shillings* — «Какие-то жалкие, презренные 10 шиллингов!» (реализуется усиленная субъективная эмотивно-отрицательная оценка, что указывает на полный отрыв значения от денотата, поскольку выражается только эмоциональное настроение говорящего).

Эти примеры говорят о том, что семные наборы валентностных партнеров эмотива *poor* не безразличны для реализации конкретного

варианта его эмотивной валентности в речи и что эти сочетания возможны благодаря различиям в типах потенциальных эмосем.

Рассмотренные факты сочетаемости показывают, что единицы языка реализуют свою эмотивную валентность и ее варианты по типу оценочного знака и степени интенсивности как в пределах одной, так и в пределах разных лексических валентностей.

Контекстологи отмечают, что нейтральные слова в определенных контекстах могут «приобретать» эмотивное значение из контекста. Поведение слов в речи указывает на то, что каждое слово — это сложная многоярусная семантическая система, только часть компонентов которой знают *все* носители языка (инвариантная часть). Ее вторая часть — вариантная — известна *различным* носителям языка (личностное, индивидуальное знание значения). Кроме этого, в семантике языковых единиц имеются потенциальные семы, которые и составляют перспективу смысловых приращений слова. В таком понимании появление нового оттенка значения или нового значения у языковых единиц — это фактически актуализация, экспликация потенциальных сем данной языковой единицы под воздействием внешних факторов, в том числе и с помощью процесса индуцирования. «Попадание» новых сем в семантическую систему данной единицы надо, видимо, понимать диалектично, а не в физическом смысле: сема X из единицы₂ не переносится в единицу₁, не исчезает из нее при их сочетании, а вызывает к жизни, т. е. индуцирует в единице₁ тождественную себе сему. Другими словами, появление актуального значения (оттенка) у той или другой единицы мотивируется семантической системой самой единицы: оно не возникает, а лишь обнаруживается в результате взаимодействия этих единиц.

Роль контекста в этом процессе сводится к экспликации, т. е. к «обнарождению» эмотивных смыслов. Вот почему в результате сочетания единиц, ранее никогда не встречавшихся в речи, оказывается, что получившиеся комбинации мотивированы своими непосредственно и предельно составляющими семами, например: англ. *engineer-drain*, *horrorama*, рус. *квартира-распашонка* и др. Новые, полученные от этих сочетаний эмотивные смыслы оказываются извлеченными из «мутной семантической среды индивидуальных представлений» [Арутюнова 1973: 149] и из значения сочетаемых единиц, вербально обозначающих эти индивидуальные представления. Поэтому со «всплытием» потенциальной эмосемы у лингвистической единицы открывается и эмотивная валентность. Примеры сочетаний непред-

сказуемых и потому, как правило, эмотивных за счет некодированных денотативно-референтных соотношений указывают на тесную взаимосвязь эмотивной валентности и сочетаемости языковых единиц. Сочетания типа рус. *звякают листья, мокроглазить*, англ. *talkative glass, eggless affair, a looker-forward-toer* возможны только благодаря потенциальной эмотивной валентности их компонентов. Но, появившись в речи и сделав заявку о новой валентности, эти сочетания могут «провоцировать» новые сочетания своих компонентов по принципу аналогии. Это, на наш взгляд, и служит объяснением серий окказиональных эмотивных единиц. Поэтому нельзя категорично утверждать, что в принципе невозможны дериваты типа *housish, tablish* (подобно *girlish*) или словосочетания *frying pan of (summer) job* (подобно *frying pan of life*).

Потенциальные эмотивные валентности языковых единиц делают, как следует из изложенного, возможными их окказиональные сочетания как на уровне слов, так и на уровне их элементов (морфем). В этом смысле можно говорить об относительно бесконечной эмотивной валентности. Методологическое подтверждение данной мысли находим в тезисе о бесконечности мышления, отражающего бесконечность окружающей нас действительности, и вытекающее из этого тезиса предположение о бесконечной смысловой валентности [Лосев 1977: 6–8]. Эмотивная валентность в описанном выше плане является бесконечной, так как бесчисленны типы эмосем, отражающих бесчисленные виды сиюминутных эмоций и их градаций по степени интенсивности, которые мотивируются ситуативным контекстом и индивидуальностью говорящего. Таким образом, мотивирующим фактором создания неожиданных сочетаний языковых единиц является эмоция говорящего. Созидательная сила языка как раз и состоит в «порождении нового смысла в соответствии с конкретным опытом и прагматическими условиями коммуникации» [Колшанский 1981: 59]. Отсюда и роль индивидуального знания семантических возможностей слова и лингвистической смелости в их реализации.

Существование отрицательных импликационалов [Schahovskij 1982: 121], которые все являются эмотивными (ср.: рус. *поморгал поздрыми, крик заплесневел*, англ. *melancholy grandeur, a damned saint*), может навести на мысль, что эмотивная валентность полностью расшатывает нормы сочетаемости, сметая все ограничения и отменяя понятия нормы. Это далеко не так. На денотативном уровне все факторы, нормирующие сочетаемость единиц, остаются в силе, а на кон-

нотативном (эмотивном) в одних случаях они ослаблены, а в других сама коннотация указывает на их аномальность, т. е. является запрещающим фактором или указывает на эмотивный характер словосочетания: англ. *nice small house, **lovely possessor of his heart*, рус. *половодье войны, *порешить горло, **такое нежное время в текущем бюджетном году* и др. Сколько бы нормы сочетаемости ни расшатывались, имеется порог, за пределом которого некоторые сочетания остаются невозможными.

Приведенные аргументы позволяют заключить следующее.

1. Среди различных типов валентностей языковых единиц необходимо выделять эмотивную валентность как вариант семантической валентности, т. е. как одну из внутрисистемных предпосылок успешной коммуникации. В большинстве языковых единиц английского языка эта валентность является потенциальной.

2. Актуализация эмотивной валентности происходит через «неожиданные», т. е. непривычные для рамок стандартного кода сочетания, а также через сочетания, в которых один или более валентных партнеров является эмотивом или когда все они — эмотивы. Устанавливаются три «этажа согласования» эмосем: первый — морфемный, второй — словесный, третий — фразовый. Известно, что и на уровне предложений и текста имеет место эмоционально-экспрессивное согласование, что, видимо, позволяет говорить о нем как об одной из закономерностей эмотивной прагматики.

3. Потенциальная эмотивная валентность может выступать смыслообразующим фактором и, соответственно, фактором расширения зоны сочетаемости единиц языка.

4. Можно говорить о нескольких планах варьирования эмотивной валентности: а) по типу оценочного знака эмотивности: плюс, минус, амбивалентность (плюс и минус); б) по характеру семантики эмоций в пределах каждого знака: плюс (сочувствие, ласка, нежность и др.); минус (уничтожение, презрение, злость и др.); в) по степени интенсивности эмотивной оценки (слабая, средняя, повышенная, чрезвычайная).

5. Эмотивная валентность — важнейший компонент вероятностной системы семантики языковой единицы и наряду с другими потенциальными характеристиками формирует общее поле номинационного потенциала слова и словосочетания. Отсюда логичен вывод об участии эмотивной валентности в эмотивно-оценочно-экспрессивной номинации.

6. Наличие в семантической системе языковых единиц эмотивных смысловых компонентов, эмотивных валентностей, обусловленных этими компонентами, и эмотивной функции, реализующей эти валентности, убедительно указывают на существование эмотивного слоя семантики языка. В данном плане дальнейшее исследование эмотивной валентности может выявить лингвистический механизм речевого феномена «ожидаемая норма — неожиданная сочетаемость».

Объяснением предлагаемой концепции относительно бесконечной эмотивной валентности языковых единиц может являться то, что любой естественный язык — это нечеткая и динамическая система, состоящая из нечетких объектов и их совокупностей и развивающаяся в процессе речевой деятельности. Эта нечеткость обнаруживается в языковом механизме перехода словарного значения в текстовое, когда реализуются в данном контексте не только определенные семы и валентности, уже заложенные в словарном значении, но и практически ничем не ограниченные метафорические сдвиги, выводящие актуальный смысл за пределы границ словарного значения [Пиотровский 1980: 157–189].

Таким образом, потенциальная бесконечность и открытость языковых значений, которые обусловлены динамичностью и метафоричностью языка и бесконечностью человеческого мышления, являются базой для бесконечных смысловых валентностей, в том числе и эмотивных.

Глава 2

ВЕРБАЛИЗАЦИЯ ЭМОЦИЙ В РЕЧИ

§ 1. Эмоции в контексте проблемы соотношения языка и речи

Что происходит, когда люди говорят друг с другом? Этот вопрос интересовал философов древности, лингвистов, психологов, социологов многих поколений с момента осознания ими антиномии «язык – речь». В конце прошлого — начале сегодняшнего века он стал центральным вопросом нового направления языкознания — коммуникативистики [Tubbs, Moss 2000].

Сегодня уже хорошо известна роль психологических типов партнеров в их языковом поведении (особенно в селекции и комбинировании экспрессивных средств), достаточно подробно разработан фактор коммуникативной и эмотивной компетенции участников общения, осознан и начинает учитываться в коммуникативистике фактор их эмоционального интеллекта, предложен и частично разработан фактор эмоционального дейксиса как коммуникативной позиции речевых партнеров [Шаховский, Жура 2002].

На XII международном конгрессе лингвистов (Вена, 1977 г.) неоднократно подчеркивалось, что в современном языкознании обнаружилась четкая ориентация на более активное исследование речи и ее порождающей функции. Это объясняется тем, что ранее лингвистов больше занимали проблемы языка, а проблемы собственно речи оставались долгое время на периферии исследовательской тематики. Теперь же лингвисты пришли к мнению, что только речь является информативной, а язык — код, который должен быть приведен в действие, и что благодаря порождающей функции речи и текста вскрываются имплицитные выразительные силы языка и его номинативные потенции.

В отечественной лингвистике общепризнанным является положение о влиянии функциональной стороны языка на его организацию и развитие: язык живет и развивается в речи [Панфилов 1977: 6]. Согласно теории психологической базы эмоций, всякая речевая деятель-

ность по своей природе эмоциональна. Другое дело, что эта эмоциональность не обязательно должна быть всегда явной для окружающих. Исходя из тезиса о психологической структуре значения [Семантическая структура 1971], можно утверждать, что семантическая система каждого слова имеет поле, состоящее из всевозможных ассоциаций. Это те самые «тысячи нитей», которыми данное слово связано с другими словами и понятиями (Ш. Балли) и которые формируют его импликационал [Schahovskiý 1982: 121] и эмоционал (совокупность сем языковой единицы, соотносящаяся с эмоциями говорящих, которые употребляют данную языковую единицу в эмоциональной речи).

Вопрос о типах языковой коммуникации упирается в проблему типов языковых / речевых функций. Единого мнения по этому вопросу у лингвистов до сих пор нет: в литературе называются от одной до 17 и более функций. Бесспорно, однако, то, что человек пользуется языком не только для каких-либо утверждений, фиксации мысли, организации каких-либо дел, но и для выражения своих многообразных эмоциональных состояний и отношений к миру, а также для эмоционального усиления высказывания (в экспрессивных целях).

Среди многочисленных функций языка или в качестве одного из важнейших аспектов коммуникативной функции ученые (Ш. Балли, Р. Якобсон, Л. Шпитцер, К. Бюллер, А. Марти, Ж. Марузо, К. Фосслер, Е. Курилович и др.) выделяют эмотивную функцию — функцию передачи разнообразной эмоциональной информации. Эмотивная функция языка осуществляется через специальный эмотивный код, который располагает системой языковых и речевых средств, формирующих эмотивное функциональное поле языка, и правилами их употребления на всех уровнях языка с учетом коммуникативной ситуации, позволяющей реализовать огромный эмотивный потенциал языковых знаков.

Питер Фарб в своей любопытной, увлекательной и содержательной книге объясняет, почему отдельные слова заставляют адресата краснеть, бледнеть, вздрагивать, вызывают воспоминания, ассоциации. На конкретных примерах он показывает реальные гендерные различия вербального поведения коммуникантов [Farb 1973]. На других примерах он подтверждает гипотезу Н. Хомского о врожденной языковой компетенции, об универсальных грамматических структурах, на базе которых люди легко изучают иностранные языки, а дети всех лингвокультур до их обучения самостоятельно конструируют грамматически правильные высказывания на родном языке.

Всё чаще в современных коммуникативных исследованиях высказывается предположение, получающее все новые и новые подтверждения о том, что вся вербальная деятельность *Homo loquens* является языковой игрой [Пищальникова 2003; Шаховский 2003а; 2003б] и о том, что *Homo loquens* в то же время является *Homo sentiens*, а следовательно, языковая игра — это форма его эмоционального самоосознания и самовыражения.

Одной из основных черт человеческого языка является его неукротимость, это его мегадоминанта, универсальная для всех лингвокультур. Правила, максимы, вербальные ритуалы и т. п. — всё это придумано человечеством, чтобы хотя бы в определенных речевых ситуациях как-то укротить язык. Но практика показывает, что всегда им следовать невозможно, их нарушают все, в том числе и специалисты по коммуникативистике (ненамеренно) и специалисты по PR (намеренно). А поскольку язык — не только средство формирования и выражения мыслей, но и средство их сокрытия (в неискреннем дискурсе), а также средство манипулирования ими, симулирования и даже средство сокрытия отсутствия мыслей, то антиномия «язык слов ↔ язык мыслей» становится доминантной в речевой деятельности людей. Но если в языке слов внешний ритуал и выдержан, то в языке мыслей этой выдержанностью управлять всегда человек не может. Противоречивость между внешней и внутренней речью базируется на эмоциональном дейксисе продуцента речи, его коммуникативной и человеческой компетенции и на его личной эмоциональной доминанте (константной или ситуативной в аспекте дискурсивного мышления). Данные характеристики языковой личности и его речевого поведения будут рассмотрены в последующих разделах книги.

§ 2. Категориальная эмоциональная ситуация

Многие традиционные проблемы психолингвистики, стилистики и лингвистики сегодня переосмысливаются с позиций когнитивных и коммуникативных парадигм лингвистики (см., например, [Иванчук 2005]). Наряду с человековедением интенсивно развивается речеведение [Хорошая речь 2001], базисными становятся терминопонятия коммуникативное (речевое/языковое) поведение (сознание/мышление), коммуникативное пространство, коммуникативная ситуация, дискурсивное мышление, дискурс, коммуникативные партнеры (см. например: [Седов 1999; Карасик 2002]).

Поскольку в реальной коммуникации постоянно возникают эмоциональные ситуации, в которых речевые партнеры вынуждены реализовывать эмотивный потенциал всех единиц языка, в том числе и супraseгментные, а в художественной коммуникации, которая является моделью реальной, вся эта реализация воспроизводится одновременно с воспроизведением типических эмоциональных ситуаций общения, перед коммуникативистикой и лингвистикой эмоций (эмотиологией) стоит актуальная задача изучения эмотивных речевых актов, эмотивных высказываний и их типологизации в свете теории и семиотики эмоций. Естественно, что на повестку дня таких исследований ставится и задача описания категориальных эмоциональных ситуаций.

Под категориальными эмоциональными ситуациями понимаются типичные жизненные (реальные или в художественном изображении) ситуации, в которых задействованы эмоции коммуникантов: речевых партнеров, наблюдателя или читателя. Люди время от времени попадают в единое эмоциональное поле (пространство, время). Их эмоции реализуются в рамках координат: «Я (здесь, сейчас) – Ты», или «Я (здесь, сейчас) – Ты – Он (наблюдатель, читатель)».

Определенная эмоция всегда вызывается какой-нибудь специфичной и абстрактной ситуацией, которую мы называем типовой ситуацией (категориальной). Например, эмоция страха обусловлена предвосхищением какого-либо зла (часто неопределенного, но часто заведомо известного и ожидаемого), так как эта эмоция может причинить горе или разрушение. А категориальная эмоциональная ситуация тревоги связана с неопределенным злом и непредвиденными ожиданиями опасности, которые нельзя просчитать. Существует логика отношений между типовой ситуацией и эмоцией, и это соотношение делает такую ситуацию категориальной. Например, несправедливость вызывает гнев, предательство может вызвать ярость и т. д. Каждый это знает и может ожидать вслед за своим поступком соответствующую эмоцию.

В связи с этим в речевой практике определяющее значение приобретает умение коммуникантов ориентироваться в типичных эмоциональных ситуациях, знание топосов, вызывающих определенные эмоции (такое поведение вызывает такую реакцию, а такое — другую), которое составляет существенную часть теории эмоций. Бывают неожиданные, непредвиденные реакции на определенные ситуации, знание и прогнозирование их тоже входит в теорию эмоций.

Существуют базовые (универсальные) эмоции, которые легко обнаруживаются в лексике и семантизируются эмоционально даже вне

контекста, так как они эмоциональны уже в словарном состоянии семантики. Их список по кластерному признаку приведен, например, в [Шаховский 2004]. Такая лексика уже определена в теории как эмотивная, а в семиотике — как кодировано эмотивная, поэтому при обучении эмоциональной коммуникации можно работать как со словарными, так и с контекстуальными эмотивами. При этом очень важной лингводидактической задачей является составление парадигмы эмоциональных категориальных ситуаций, характерных для одного коммуникативного социума или для различных контактирующих социумов — универсальных эмоциональных ситуаций (см., например, конфликтные ситуации (различных типов), интимные ситуации, ситуации обмана и др. ситуации в рамках трех основных тем: «жизнь», «любовь», «смерть»).

Все категориальные эмоциональные ситуации градуированы, и знание теории эмоций позволяет говорящему моделировать топы своей вербалики: снижать или усиливать силу моделированной или вызываемой эмоций. Это знание позволяет говорящему предвидеть эмоциональную реакцию своего партнера, адекватно распознавать эмоциональную составляющую общения, а иногда и манипулировать эмоциями партнера по коммуникации. Однако окончательный вывод о характере выражаемой эмоции можно сделать только в конкретной ситуации, в связи с чем возможен вывод о дискурсивном характере эмоции дискурсивны и с этой точки зрения — о дискурсивном эмоциональном мышлении. Вербалика + невербалика + ситуация — такова схема анализа высказывания, которая позволяет сделать понятной выражаемую эмоцию для наблюдателя и для партнера по коммуникации.

В современных условиях сосуществования мирового сообщества, которое сопровождается природными катаклизмами, техногенными катастрофами, терактами, деформациями нравственных и моральных ценностей и т. п. наиболее экспрессивными и прагматичными являются отрицательные категориальные эмоциональные ситуации. Сложные социальные условия жизни рожают агрессию людей, источников которой много. Помимо вышеназванных это и жесткая конкуренция, и глобализация (которая уничтожает моноэтнические и монокультурные социумы, что не может не вызывать раздражения у их представителей), и возрастающий национализм, расизм, неприятие ксенокультурных коммуникативных норм (сценариев) и многие другие причины.

Данные социальные ситуации становятся источником порождения новых контекстуальных понятий (*ампутация совести, лжепатриоты, лицо кавказской национальности, лица в масках, положить лицом на асфальт, говорящие головы, оранжевая революция, розовая революция, печальный груз, ходячие удобрения, СМИсители* и др. [Шаховский 2007]). Создание таких понятий начинается с восстановления эмоциональных следов памяти языковой личности, связанных с ее предыдущим индивидуальным и/или видовым эмоциональным опытом. Эти следы восстанавливаются в виде образов ситуаций, хранящихся в эмоциональной памяти, и открывают новые эмоциональные валентности языковых единиц, согласующиеся с новой эмоциональной ситуацией при перенесении в нее прошлого опыта. При этом автоматический поиск эмоционального резонанса, который отбирает и распределяет в эмоциональной памяти различные образы, не переходит определенных универсальных порогов распознавания, благодаря чему вербализация и понимание эмоционального резонирования адекватно для всех коммуникантов данного языкового сообщества.

Так, восприятие слова «ампутация» основывается на рациональном знании, которое первоначально возникает в сознании человека, но затем (в случае имеющегося личностного опыта) сопровождается эмоциональным знанием / опытом / переживанием. События в Челябинском курсантском училище (декабрь 2006 – январь 2007 гг.) и их воспроизведение в памяти российских рядовых коммуникантов являются основой для адекватного восприятия ими авторского сочетания «ампутация совести»: при сочетании слова «ампутация» (ампутация ног у курсанта Сычева) со словом «совесть» возникает новое контекстуальное эмоционально окрашенное понятие российской действительности — «ампутация совести». Эмоциональный резонанс, вызываемый таким словосочетанием и выраженным в нем понятием, оказывается шокирующим: из двух нейтральных слов, соединенных в один композит, благодаря вскрывшимся эмоциональным валентностям и особому дискурсу, создается новое эмоциональное понятие и новый эмоциональный образ — эндосепт (о данном термине см. [Mouhiroud 1994]), который еще долго будет выполнять роль эмоционального резонатора ситуации в русском коммуникативном пространстве. Со временем интенсивность эмоционального резонирования может затухать и стираться в памяти Homo sentience, но время от времени этот эндосепт будет активироваться одновременно с активацией образа известной ситуации.

Эндосепт посылает активирующую волну, которая имеет подсознательную природу и не управляется *ratio* человека. Эта активирующая волна может войти в резонанс с эмоционально близкими ему эндосептами: «Курск», «Норд-ост», «дедовщина», «ракета в огороде», «осиротелые родители» и др. Французский лингвист С. Mouhiroud выдвигает гипотезу о том, что активирующая волна эндосептов распространяется глобально, но по заранее предусмотренным маршрутам ассоциативных и когнитивных сетей, уже имеющихся в опыте человека, а иногда и а priori (доопытно) по семантическому типу [Mouhiroud 1994].

Данные закономерности порождения и понимания эмоциональных ситуаций должны получить свою реализацию в современной лингводидактике. Как показывает практика, знание единиц (в том числе и эмотивных) и системы языка не является достаточным для достижения положительного эффекта общения. Необходимы знания, помогающие управлять своими и чужими вербальными эмоциями, и понятие категориальной эмоциональной ситуации в этом смысле может рассматриваться в качестве основания для систематизации разнообразного эмоционального опыта говорящих и достижения взаимопонимания в процессе их общения. В практических курсах преподавания языковых дисциплин необходимо предусмотреть направления, связанные с обучением парадигмам эмоционального общения, то есть контекстно закрепленным эмоциональным средствам. Для этого необходимо учить правильным лексическим и грамматическим решениям в ситуациях эмоционального речевого поведения, в процессе семантизации собственных эмоциональных чувствований, что должно помочь коммуникантам адекватно резонировать настроения своих речевых партнеров.

§ 3. Экспрессивность речи и эмоции

Следует согласиться с замечанием Ж. Вандриеса о том, что для лингвиста чувства приобретают значение только тогда, когда они выражены языковыми средствами. Вербализованные аффекты, как никакие другие эмоции, вскрывают внутренний семантический мир коммуникантов, так как аффекты (конфликтные психоэмоциональные ситуации) «вытаскивают» из подсознания неуправляемые *ratio* смыслы и упаковывают их в неожиданные даже для самого продуцента вербалии и авербалии.

В речевом общении необходимо выделять экспрессивную коммуникацию как специфическое выражение коммуникативно-прагматического намерения говорящих. Число экспрессивных средств не предельно, но каждая модель передачи эмоции воспринимается в определенных границах, заданных набором клишированных средств и типизированных эмоциональных ситуаций. В данной работе с позиций коммуникативной лингвистики рассматривается особый тип коммуникации — экспрессивный. В качестве причины его существования указываются эмоции коммуникантов. Как уже отмечалось, интенсивность такой коммуникации определяется степенью их эмоциональной напряженности (от эмоционального нуля до аффекта).

Наш основной тезис таков: экспрессивность коммуникативна, т. е. имеет «сообщительную значимость» [Schahovskiy 1982], и прагматична, так как воздействует на получателя и приводит к его ответным действиям. В данном разделе речь идет о той части проблем экспрессивности, которые связаны с ее коммуникативно-прагматическим аспектом.

Тот факт, что экспрессивность взаимодействует с прагматикой, ни у кого не вызывает сомнения, так как обе они задействованы во взаимосвязях с объектом и субъектом (а именно оценивающим отношением к объекту) и наиболее ярко представляют так называемый человеческий фактор в языке.

В зависимости от ситуации общения, его цели и психического состояния коммуникантов, они, как правило, сознательно отбирают, в соответствии со своими индивидуальными особенностями, то или иное экспрессивное средство из обширнейшего фонда, представленного на всех «этажах» языка. Понятно, что если три названных параметра характеризуются эмоциональным нулем, то в речевом общении экспрессивные средства будут отсутствовать за их коммуникативной ненадобностью. Получается, что в речевом акте экспрессивность выступает экспликатором прагматической интенции говорящего, интерпретирующего объекты отражения — мир, события в нем, его факты и явления — в своих целях.

Теория спецификации форм человеческого общения восходит к теории эмотивизма (Дуденков, Прозерский 1972), авторы и сторонники которой (Ч. Огден, А. Ричардс, Д. Дьюи, П. Блекмур, Дж. Остин, Ч. Стивенсон и др.) на основании ошибочного методологического тезиса об отрыве эмоций от интеллекта, противопоставляли друг другу интеллективную и эмоциональную формы коммуникации. В отече-

ственной науке принят тезис о связи между эмоциями, мышлением, языком и познанием.

Наблюдения показывают, что экспрессивная речь характеризует прежде всего эмоциональное состояние говорящих, которое и «задает» выбор соответствующей эмотивной лексики и эмотивного синтаксиса для эмоциональных референций и номинаций. Такое использование языка является экспрессивным, и в этом плане ученые обычно говорят об экспрессивной функции языка [Лукиянова 1986], например:

Ред взглянул на Эди и улыбнулся. — «Ты просто грязная, подлая тварь, самый гнусный, мелкий червячишка из всех, которые копошатся в помоях», — прошипел Эди (Устинов П. Крамнэгэл).

Данный пример, несомненно, иллюстрирует экспрессивную функцию языка.

Вопрос об экспрессивной функции языка лингвистами иногда связывается с двумя антиномиями. Одна из них — экономия против избыточности, а вторая — информативная функция языка против экспрессивной. По мнению некоторых ученых, информативная функция языка выражает его тенденцию к экономии, в экспрессивная — тенденцию к избыточности [Киселева 1973: 13]. Однако более пристальный анализ большого числа экспрессивных контекстов художественных произведений на русском и английском языках позволяет согласиться с А. П. Сковородниковым, который показал, что обе названные тенденции повернуты к обеим функциям языка [Сковородников 1981: 231]. При этом А. П. Сковородниковым установлено, а наш материал на английском языке это подтверждает, что чем сильнее тенденция высказывания направлена на экономию или избыточность языковых средств, тем больше оно направлено на реализацию воздействующей (т. е. прагматической) задачи, на экспрессивизацию высказывания. С другой стороны, чем эта тенденция слабее, тем больше любое высказывание направлено на чисто фактуальную, информативную функцию языка.

Получается, что и экономия, и избыточность языковых средств могут работать на экспрессию общения и способствовать более «поражающему» воздействию соответствующей информации на ее получателя. Это происходит благодаря тому, что подчеркиваемая экспрессией говорящего часть высказывания выдвигается в его семантический фокус (феномен «фокализации»). При этом увеличивается (и потому усиливается) какой-либо отдельный монопризнак, что позволяет

в функциональной перспективе высказывания по-иному строить его рема-тематические связи и тем самым за счет иной коммуникативной стратегии более успешно реализовать коммуникативное намерение.

В. Д. Девкин, несомненно, прав, когда сравнивает экспрессивный фокус высказывания с ремой, а его нейтральность с темой высказывания [Девкин 1979]. Рассмотрим такой пример: *Крамнэгэла даже передернуло от ненависти. — «А ну, иди сюда, ты, гук паршивый!» — зарычал он* (Устинов П. Крамнэгэл). В данном примере темой является передача отношения, выражение эмоции ненависти Крамнэгэла к одному из персонажей романа, а ремой то, как эта эмоция выражается (т. е. ее экспрессивный компонент). Просодия и кинесика («передернуло», «зарычал»), синтаксическая структура высказывания и ее лексическое наполнение (эмотивы: «гук» — презрительная кличка, «паршивый» — эпитет отрицательной семантики) способствуют не только экспликации высокой степени эмоционального состояния говорящего — ненависти и сопутствующих эмоций (феномен «континуум эмоций» — К. Изард): презрения, возмущения, злобы (вся группа гнева реализуется здесь одновременно). Компонентом ремы является также и характеристика говорящего как высокомерного, раздражительного и грубого человека.

В одной из существующих классификаций эмоций специально выделяются так называемые коммуникативные эмоции, т. е. эмоции, возникающие на основе потребности в специфическом общении как реакции на удовлетворение/неудовлетворение стремления к эмоциональной близости. Б. И. Додонов экспериментально установил следующий инвентарий коммуникативных эмоций [Додонов 1975: 26]: желание общаться, делиться мыслями, переживаниями, найти им отклик; чувство симпатии, расположения; чувство уважения к кому-либо; чувство признательности, благодарности; чувство обожания кого-либо; желание заслужить одобрение от близких и уважаемых людей.

Анализ большого числа экспрессивных высказываний по текстам художественной литературы и наблюдения за устным экспрессивным общением подтвердили объективность выделения этих коммуникативных эмоций и показали, что они являются мотивами для соответствующих типов экспрессивных контекстов и конституций вербального общения. Единственное расхождение по результатам нашего анализа с вышеприведенной типологией коммуникативных эмоций Б. И. Додонова является то, что мы еще выделяем тип неодобрительной эмоциональной коммуникации: желание оскорбить, обидеть, пре-

зреть, унизить занимает довольно большое место в частотных ситуациях гнева, раздражения, возмущения в реальной жизни людей и потому находит естественное отражение в художественной литературе.

В свете коммуникативно-ориентированной лингвистики экспрессивный фактор в языке является одним из «самых человеческих» факторов. Другими словами, экспрессивная семантика языковых и речевых единиц является смыслоразличительной, а следовательно, и коммуникативно значимой. Сравним нейтральное слово с его экспрессивным синонимом: одно дело «хороший» человек, и совсем другое — «замечательный» или «восхитительный» (т. е. «хороший» + «очень» + «очень» + ... + «эмоция восхищения»). Как видим, семантика экспрессивов «замечательный» и «восхитительный» является явно усиленной за счет интенсемы «очень» и эмосемы «восхищение», которая состоит из семного признака «эмоция» и семного конкретизатора «восхищение». Их взаимодействие друг с другом и с соответствующей просодией делает данные лексемы кодирование экспрессивными. Аналогично обстоит дело и с лексемами *доносчик*, *стукач*, *Навуходоносор*, *фискал*, *сексот*, которые являются экспрессивными синонимами лексем *информатор*, *осведомитель*.

Способность членов данной языковой общности адекватно употреблять и реагировать на экспрессивные высказывания говорит об их определенной моделированности и воспроизводимости, а также об их общительной значимости.

Языковое воздействие может быть, как известно, и понятийным, и эмоциональным: это зависит от эмоционального расположения коммуникантов. Кстати, получаемая информация никогда полностью не адекватна передаваемой, она всегда является модификацией эмоционального расположения получателя [Garvia 1965]. Примером может послужить следующий эпизод из уже цитировавшегося выше романа современного английского писателя П. Устинова «Крамнэгэл»:

Выходя из кино, Крамнэгэл объявил кучке людей, изучавших развешанные у входа кадры фильма: «Надо быть последним психом, чтобы ходить на такое дерьмо. Одним словом — грязь!» К его изумлению, этого оказалось достаточно, чтобы заставить колебавшихся принять решение. Они сразу выстроились в очередь за билетами. «И что это за паршивая страна такая?» — вслух поразился Крамнэгэл.

Думается, что интерпретировать данный пример излишне, поскольку всё отчетливо выражено самим автором и героем.

Теоретиками речевых актов установлено, что мотив порождения того или иного высказывания (особенно экспрессивного) лежит в собеседнике, который в процессе общения задает отправителю непредсказуемые топики, и потому тот вынужден перестраиваться «по ходу разговора». Из этого факта возможен вывод о том, что речь вообще, и экспрессивная в частности, является реакцией на собеседника. Вот почему еще М. В. Ломоносов призывал риториков учитывать «главные слушателей свойства» и в соответствии с ними отбирать из громадного арсенала экспрессивных средств и способов наиболее подходящие (т. е. воздействующие в нужном отправителю речи плане) для данной конкретной ситуации: возраст, пол, социум, тезаурус, воспитанность адресата, а также время, место, цель и другие обстоятельства, составляющие понятие ситуации общения.

Именно множественностью вариантов данных параметров и вариативностью их комбинаторики можно объяснить факт множественности средств и способов экспрессивизации высказываний на том или ином языке. На первый взгляд использование лексики в экспрессивных целях наиболее частотно, однако ни в отечественной, ни в зарубежной литературе пока еще нет исчерпывающего исследования, которое бы фактуально доказало этот тезис. Напомним, что с помощью интонации практически любое слово можно «заставить сиять заново», т. е. сделать экспрессивным «на раз». То же самое можно достигнуть, например, с помощью ломаного синтаксиса, нестандартных словосочетаний [Шаховский 1984] и других способов.

С. Эрвин-Трир выделяет шесть типов устных речевых общений на основе реакции адресата и среди них — «экспрессивный монолог» (цит по: [Розен 1984]) как изъяснение радости, досады, недовольства и желания вызвать в получателе соответствующие реакции. А. К. Райе среди различных типов письменных контекстов выделяет экспрессивный контекст, наряду с информативным и оперативным (см. об этом [Швейцер 1986: 148]). Такой тип контекста выделяет и Н. А. Лукьянова [1986: 185], называя его контекстом-мнением, в отличие от контекста-сообщения (как неэкспрессивного). Понятно, что такое деление контекстов является весьма условным: и экспрессивный контекст несет определенную фактуальную информацию. Но, несомненно, что контекст-мнение является письменной фиксацией экспрессивного монолога или диалога и потому является особой коммуникативной единицей, достойной пристального изучения языковедами, лингвopsихологами и стилистами, поскольку эмоциональная речевая актив-

ность как компонент активной коммуникации является в данном случае стилистическим средством самовыражения говорящего.

Экспериментально доказано, что в результате любого вербально-го общения у коммуникантов изменяются уровень их знаний и их эмоциональные состояния, а у получателя меняются некоторые установки и вызываются определенные поступки и действия. Специальные исследования показывают, что экспрессивная речь может производить ошеломляющее действие на адресата, так как она может вызывать у него сильные эмоции (примеры, подтверждающие это, см. в [Болотов 1981: 90]). Д. Шпербер и Д. Уилсон уже давно заметили, что слова с сильной экспрессией, используемые в качестве аргумента, воздействуют на сознание адресата сильнее, чем логические выводы и заключения [Sperber, Wilson 1986]. С таким мнением согласны не все ученые. Так, например, известное мнение о том, что, адекватно используя экспрессивные слова, можно заставить людей вести себя неразумно, нерационально, преувеличивает силу слова [Werner 1955: 546].

Думается, что контраргументов этому мнению можно привести много. Один из них взят нами из реальной жизни: в английском парламенте и американском конгрессе распространен список экспрессивных слов, которые запрещены для использования членами парламента и конгресса. Несомненно, этот запрет вызван не только этическими мотивами, и даже не столько ими, сколько тем, что эти экспрессивы могут нежелательным образом эмоционально воздействовать на *ratio* государственных мужей и приводить их к неправильным политическим и экономическим решениям-поступкам.

М. В. Ломоносов подчеркивал, что «красноречие есть искусство о всякой данной материи красно говорить, и тем самым, преклонять других к своему об оной мнению» [Ломоносов 1986: 345]. Действительно, красноречие без экспрессии невозможно. Вся лекционная, пропагандистская и контрпропагандистская вербальная деятельность должна быть экспрессивно окрашенной. Экспрессия в таких случаях является внешним, выразительным компонентом эмоций говорящего, заражающим адекватными эмоциями получателя речи. Это объясняется тем, что экспрессивность взаимодействует с эмоциональностью говорящих и является реакцией языка на эмоции. Экспрессивная реакция на эмоции может быть очень сильной (интенсивной) и заложенной уже в семантике языковых единиц. Исходя из этого факта, экспрессивная функция языка может являться частью их семантики, а

семантическое поведение этих единиц в речи — не чем иным, как формой проявления этой функции.

С какими же целями происходит это проявление экспрессивной функции? В. Д. Девкин устанавливает следующий их перечень: для оценки получателя речи; для оценки предмета речи; для эмоциональной разрядки отправителя; для создания интимной атмосферы общения; для нарушения табу и получения в связи с этим и от этого определенного удовольствия [Девкин 1979: 244–246].

Все пять наиболее типичных случаев реализации экспрессивной функции языка являются вариантами коммуникативного намерения говорящих на базе тех семи эмоциональных мотивов, о которых говорил Б. И. Додонов [1975]. Мы бы добавили к этим целям еще одну, которую В. В. Виноградов [1959: 102] называл «заинтересованностью говорящего во впечатлении» от его речи. При таком подходе обе стороны коммуникантов в анализе экспрессивного общения оказываются учтенными (их мотивы, цели, прагматика) и в более адекватной степени отражают их экспрессивную стратегию общения друг с другом.

Примечательно, что экспрессивность (как сообщительная и воздейственная значимость) высказывания может достигаться и совершенно нейтральной лексикой, и синтаксисом. В таких случаях нейтральная форма высказывания диссонирует с его «конечным» экспрессивно-эмоциональным содержанием. Приведем несколько ситуаций из английского словаря «Как можно оскорбить?» (ID). В гостинице постоялец обращается к администратору, который подал ему счет: (1) *Guest at the hotel*: «*you've added the date on the bill*» («Вы добавили в мой счет за проживание в вашей гостинице свой возраст»); (2) *At the Barber's*: «*I asked for a shave, not for a scrape*» (В парикмахерской: «Я просил вас побрить меня, а не поскоблить»); (3) *At the Cafe*: «*Do you run your own hospital for people who eat here?*» (В кафе: «А при вашем кафе больница для тех, кто в нем питается?»).

Исходя из вышеизложенного, вряд ли подлежит сомнению тот факт, что в речевом общении необходимо выделять экспрессивную коммуникацию как специфическое выражение коммуникативно-прагматического намерения говорящих. Осуществляется это намерение, как нами уже отмечалось выше, с помощью необозримого разнообразия средств и способов экспрессивизации высказывания. Выбор того или иного средства в экспрессивных целях является своеобразной манипуляцией языком, выполняемой конкретным индивидом. Этот выбор задается эмоцией говорящего и его намерениями, он индивидуален,

но варьируется в определенных для каждого языка границах. Языковая вариативность экспрессивного выражения одной и той же эмоции, например раздражения, может быть проиллюстрирована такими примерами: «Уйди!»; «Сгинь!»; «Пошел вон!»; «Катись отсюда!»; «Катись колбаской по малой Спасской!»; «Скатертью дорога!»; «Сгинь, мерзавец / мерзавка / тварь / скотина / паразит / идиот / гадина / ...!» и т. д. Все эти далеко не предельные варианты одного и того же денотативного содержания ('Хочу, чтобы ты, идя, удалился, покинул какое-либо место, отправился куда-нибудь') имеют различный перлокутивный эффект и по-разному характеризуют говорящего. Фактически коммуникативное варьирование экспрессивов если не бесконечно, то, по крайней мере, довольно множественно: в языковом и речевом фонде имеются средства на вкус всех говорящих.

В связи с этим напрашивается обобщение еще одного интересного наблюдения. Анализ художественной литературы на различных языках показывает, что человеческое выражение эмоций является универсальной психолингвистической закономерностью. Но специальных языковых правил, которые бы одинаково управляли выражением эмоций всех людей, не существует, — так же, как, по меткому замечанию Дж. Бенсона [Benson 1967: 352], не существует правил для описания одного и того же ландшафта. Не существует, например, единой языковой модели выражения возмущения, общей для всех носителей английского или русского языка. Каждый говорящий выражает возмущение по-своему, т. е. индивидуально, но в любом языке имеется определенный инвентарь кодовых средств выражения данной эмоции, варьирующих модель ее выражения в определенных пределах, за которыми она уже не воспринимается как модель возмущения. Аналогично обстоит дело и с моделями выражения других эмоций: как бы ни было индивидуально их выражение, набор клишированных средств и типизированных эмоциональных ситуаций, известных всем говорящим на данном языке, позволяет отличить варианты модели восхищения от вариантов модели возмущения. В этом проявляется вариабельность кодированных средств лингвистической эмотивности и эмотивной прагматики.

Учитывая ту специфику, которой характеризуется экспрессивный тип коммуникации, можно дать следующее определение категории экспрессивности: экспрессивность — это совокупность средств и способов, приемов создания прагматического эффекта высказывания, обязывающая получателя интерпретировать это высказывание в

соответствии с замыслом говорящего. В противном случае коммуникация не состоится, так как сообщительная и воздействующая значимость экспрессивных высказываний не срабатывает.

Что же касается категории эмотивно-экспрессивного высказывания, то его можно определить как высказывание-сообщение с особым прагматическим «прицелом», т. е. такой иллокуцией, которая воздействует на получателя в определенном, задуманном отправителем, отношении.

§ 4. Эмоционально-оценочно-образный потенциал словарных знаков и его реализация в речи

Образная лексика языка — это лексика, основной функцией которой является образная предикация денотата. Она не столько называет денотат, сколько характеризует его. Одновременно она информирует о психическом состоянии говорящего, его отношении к предмету и объекту речи, а также о ситуации, в которой возможны употребления того или иного образного слова.

Вся эта информация имплицитно заложена в содержании некоторых исходных мотивирующих лексико-семантических вариантов (ЛСВ) словарных знаков, и поэтому для ее обозначения мы предлагаем понятие эмоционально-оценочно-образной валентности как семантически-психологических потенций, которыми наделена далеко не вся лексика английского языка (ср.: *fox*₁ — *лиса*₁ и *tree* — *дерево*).

В основе любого образа лежит указание на C_1 (понятие₁) или R_1 (предмет₁) через C_2 (понятие₂) или R_2 (предмет₂). Следовательно, на лингвистическом уровне семантические компоненты образного слова являются признаковыми сущностями этих понятий, т. е. семы имеют понятийную природу.

Эмоционально-оценочный образ в данной работе понимается как двойная актуализация, основанная не на эмпирических признаках, воспринимаемых зрительно, не на материальном сходстве R_1 и R_2 , а на опосредствованном, интеллектуально-эмоциональном восприятии каких-то определенных признаков R_1 , положенных в основу и предиката R_2 , и формирующих эмоционально-оценочную образность предикатного значения словарного знака.

Семантика эмоционально-оценочной образной лексики определяется как характерологическая, в отличие от семантики слов с нулевой экспрессией образности (ср.: *to jade* 'заездить кого-либо', *skeleton*

'худой человек', *pot* 'голова', *pig* 'нечистоплотный человек' и *table* 'стол'). У эмоционально-оценочно-образных значений основная функция — предикация, а у денотативных значений — идентификация. Функция предикации у них является вторичной, так как эмоционально-оценочно-образное значение словарного знака является результатом вторично-предикатной номинации: денотатом предикативных значений является один (или несколько) признаков R_1 , пропущенных через призму эмоциональной оценки, при совмещении двух образов — R_1 и R_2 .

Образность, лежащую в основе идентифицирующих значений (логическую), следует отличать от образности, лежащей в основе предикации. Такая образность является эмоционально-оценочной, так как она обладает повышенным поражающим качеством (т. е. интенсивностью-экспрессивностью) и соотносится со сферой характерологической деятельности человека.

Эмоционально-оценочная образность, являясь одним из средств языковой функции *attitude* (Ч. Огден, А. Ричардс), объективна, поскольку ее семантика устойчива и однозначна для всех говорящих на английском языке. Она является компонентом экспрессивности, так как образность — это тоже усиление поражающей силы слова.

В отличие от необразного усиления (экспрессивности) эмоционально-оценочная образность характеризуется наличием образного плана облигаторной эмоциональной оценки (ср.: *to adore (like)* и *to knife (kill)*), и она расходится с образностью логической в том, что всегда мотивирована и повышенно информативна (ср.: *breakfast, brick* и *to fox*).

Некоторые лингвисты считают: 1) эмоциональный компонент (в нашем случае — эмоционально-оценочная образность) имеет непонятную природу; 2) понятие нейтрально; 3) эмоциональность — это исключительно психологический фактор семантики слова. Но если признать, что понятие — это очень сложное явление, имеющее не только объем и содержание, но и структуру, и если рассматривать отношения между его наиболее существенными признаками всего лишь как часть структуры данного понятия, где роль того или иного признака обусловлена его местом в этой структуре, характером его сцепления с другими признаками данного понятия и ассоциируемого с ним понятия, то эмоционально-логический признак, вероятно, может найти свое место среди этих понятий как сопутствующий предметно-логическим существенным признакам.

Эмоционально-логический признак присущ не любому понятию, а только такому, которое имеет систему с опосредованием. В этом случае он участвует в системообразующем отношении не непосредственно, а через другие признаки, как в примере *jade — old, worn-out, of little value* (о человеке) [Лейн 1976: 102–104].

Как известно, понятия отражают признаки предметов глобальной и локальной действительности. Все эти предметы находятся в определенных соотношениях, которые отражаются в нашем сознании и в употреблении слов. Из этого делается вывод об ассоциативной структуре значения слова: одно понятие может предполагать и вызывать, т. е. имплицировать другое понятие. Если исходить из этого понимания природы лексического значения эмоционально-оценочно-образного слова, то понятие, являющееся основным его компонентом, должно явиться зеркалом, в котором отражены не только существенные признаки данного предмета, но и его имплицитные признаки, т. е. оно должно включать в себя всё то, что лежит между мыслью и словом, на пути от первого ко второму [Леонтьев 1971: 8–14], а также соотносительности и противопоставленности данного предмета с другими предметами [Брудный 1971: 19–27].

Все эти имплицитные признаки можно определить как импликационал понятия, существующего при каждом интенционале [Никитин 1979: 94–95]. Это убедительно доказывает тесную связь лингвистики с экстралингвистикой, отражаемую в лексическом значении слова при кореферентных обозначениях.

Противопоставление интеллектуального и эмоционального мышления и соответственно семантическое разграничение на языковом уровне понятийного и непонятийного значений [Лайонз 1978: 473], на наш взгляд, противоречит истине: «ничто не рождается из ничего». В применении к лингвистике это может быть расшифровано так: в семантике слова не может быть таких компонентов, которые ни с чем в предметном мире не имеют соотношения. Тезис об обязательной когнитивной реальности всех семантических компонентов срабатывает в том случае, если признать, что и эмоциональное мышление осуществляется на базе понятий, а именно их импликационалов как части когнитивной реальности.

Признаки, вызывающие оценочную образность как семантический компонент словарной единицы, входят в ее сигнификат, так как характеризуют денотат, хотя и не прямо, а опосредованно. Сравним пример нормативной образной семантики с окказиональной и убедим-

ся, что механизм порождения эмоционально-оценочной образности носит понятийно-лингвистический характер.

В годы Гражданской войны в русском языке бытовали слова *белый*, *красный*, *редиска*, каждое из которых было образным обозначением соответствующих групп людей. Что касается слова *редиска* 'двурушник, предатель', то эмоционально-оценочная образность его была прозрачной, так как основывалась на сигнификативных признаках понятия «редиска», а именно разного цвета кожицы и мякоти этого овоща (ярко-красная кожица и белый цвет мякоти). При смене референциальной соотнесенности данного слова (C_1) «овощ» > «человек» (C_2) дифференциальные признаки C_1 получали ксеноденотативную направленность: родовой признак (архисема) C_2 наложился на родовой признак C_1 и поглотил его. При этом имплицативный признак C_1 'несоответствие внешнего и внутреннего цвета, маскировка с определенной предательской целью' (имплицативная сема исходного значения, слова) — трансформируется в дифференциальную сему производного эмоционально-оценочно-образного значения, соотносящегося с C_2 . Этот процесс сопровождается заменой архисемы в ЛСВ₁ на архисему ЛСВ₂. Общим семантическим знаменателем двух значений является имплицативная сема, соотносящаяся с C_1 и C_2 .

Из этого рассуждения можно сделать следующий вывод: имплицативная формирует семантические, т. е. лингвистические дифференциальные признаки образного слова, которое синхронно соотносится с двумя совмещенными понятиями C_1 и C_2 .

В результате вышеназванных семантических трансформаций создавался образ человека с упомянутой чертой овоща («противоречие» красного и белого цветов), актуализируемой в новой референциальной соотнесенности и выступающей в качестве номинативных признаков: с внешней стороны одно — красный, а с внутренней — другое — белый. Этими же признаками обладает и денотат «двурушник»: 'тот, кто под личиной преданности кому-нибудь, чему-нибудь действует в пользу враждебной стороны'.

Но при такой ксеноденотативной направленности срабатывает ассоциативный аппарат мышления и семантический образ закрепляется за уже существующей номинативной единицей: «двурушник» называется *редиской*.

Сходный эмоционально-оценочный образ создает в английском языке лексема *banana* (сверху желтый, внутри белый) 'двурушник, выступающий на словах якобы за интересы желтой расы, а фактиче-

ски являвшийся апологетом белой расы'. Образное слово *banana* используется в газетах для оценки предательской роли некоторых политических деятелей Японии, предающих национальные интересы страны в угоду американскому империализму.

В обоих примерах эмоционально-оценочные образы возникли на базе денотативного значения и определенных сигнификативных признаков, закрепленных в семантике используемых слов-знаков *редиска*, *banana* и на базе ассоциаций этих признаков (противоречие между внешним, и внутренним цветом) с предательским поведением человека.

Эти сигнификативные признаки вызывают у говорящих (слушающих) соответствующие эмоции и оценки (в данном случае отрицательно-неодобрительные) тех образов, которые ассоциируются с пучком признаков, характеризующих данные денотаты.

Другой пример — слово *fox*. Анализ дефиниций его в ряде толковых словарей позволил выделить пучок признаков, отличающих данное животное от других, например от животного, обозначаемого словом *dog*. Дефиниции отражают понятийные признаки и являются скорее зоологическими и поэтому не все из них релевантны для образной семантики. Так, например, признаки «хищное животное», «из семейства собачьих» (родство с волками и собаками), «млекопитающее» являются нелингвистическими, так как не лежат в основе семантической трансформации слова. Признаки «длинный пушистый хвост», «красновато-коричневый окрас», «хитрость» (выведен логическим путем из человеческого опыта, основан на специфическом поведении данного животного, ср.: с собакой — животным того же семейства) — лингвистические. Они формируют семантическую определенность оценочного характера данного слова. Эти признаки лежат в основе экспрессивно-образной номинации и являются дифференциальными понятийными признаками.

Лингвистические признаки «длинный пушистый хвост» и «окрас» лежат в основе безоценочной, безэмоциональной образности; путем словопреобразования в русском, английском и немецком языках от них образуется семантическая единица $лиса_2 — fox_2 — Fuchs_2$ (мех лисы).

Признак «окрас» лежит также и в основе необразной и неземантической семантической единицы *лисичка*, 'гриб желтого цвета'. В английском языке ЛСВ₃ слова *fox* от этого признака отсутствует. Зато в немецком языке на его основе создаются три ЛСВ: *Fuchs*₃ — *3a. Pferd*, *3b. Schmetterling*, *3c. Rothaarige*.

И только лингвистический признак «хитрость» лежит в основе эмоционально-оценочно-образной семантической единицы во всех трех языках: рус. — лиса 'хитрый, лстец, обманщик', англ. — *fox*₄ 'cunning', нем. — *Fuchs*₄ 'Schlaukopf'.

На основе этой семантической матрицы словарной единицы *fox* можно сделать вывод о том, что всю информацию, необходимую для порождения эмоционально-оценочного образа, можно извлечь из лингвистических признаков — тех, которые используются в самом языке. Поэтому оценочная образность в данных случаях имеет не чисто психологическую основу, а лингвистическую, и должна быть объектом лингвистики.

В словах *bad* и *good* оценка выражена открытым кодом через прямое денотативное значение, а в ЛСВ типа *fox*₄ 'хитрый человек' — опосредованно, в форме предикации, но также через компоненты сигнификативного значения.

Исходя из вышеизложенного тезис о «дополнительности» семантики эмоционально-оценочного образа требует, на наш взгляд, пересмотра: в случае эмоционально-оценочно-образной номинации характерологическое значение является не дополнительным, а семантически релевантным: двуплановость кореференции сосуществует в сознании говорящего коллектива на равных правах и ожидает своих условий для реализации эмоционально-оценочно-образной валентности.

Если сравнить реакции получателей на стимулы *fox*₄ и *crafty man* [Oxford Advanced 1977; Ожегов 1972], то нетрудно увидеть, чем они различаются: реакция на первый стимул будет более интенсивная, так как этот стимул является более «поражающим».

Анализ словарей и текстов художественной литературы позволяет утверждать, что образные средства английского языка представлены на всех его уровнях разнообразием путей и способов словообразования и словопреобразования, что свидетельствует о большой функциональной нагрузке образных средств английского языка, которые используются, чтобы сделать высказывание более живым, динамичным, сильнодействующим.

В связи с этим научный и практический интерес представляет исследование различий в алгоритмах порождения образности на разных уровнях языка и речи и исследование тех семантических маркеров, благодаря которым можно было бы отнести образную лексику к тому или иному субполю. Большим достижением лингвистики было бы создание словаря образных средств английского и других языков

на основе этих семантических маркеров образности и отражение в нем образной валентности.

Другая, не менее интересная проблема, — взаимодействие разных уровней образных средств английского языка, ибо они, несомненно, организованы в системы и, исходя из теории полевой структуры языка, представляют собой поле образности английского языка как средства воздействия.

Во многих известных нам языках лингвисты рассматривают тенденции к образному воздействию как языковую закономерность. Поэтому встает необходимость рассмотрения образности как семантической универсалии. Прав А. В. Исаченко, говоривший о необходимости контрастивного подхода (см.: [Гутман 1977: 147–165]) к изучению образных средств родственных и неродственных языках: он может дать ключ ко многим проблемам переводоведения и методики обучения иностранным языкам.

Сказанное выше можно обобщить в виде следующих предварительных выводов:

1. Эмоционально-оценочная образность имеет хотя и опосредованную, но когнитивную отнесенность, и поэтому она не обязательно является коннотативной, т. е. дополнительной, второстепенной в семантической структуре словарного знака.

2. Эмоционально-оценочно-образная лексика всегда, в конечном счете, мотивирована сигнификативными признаками денотата, поэтому эмоционально-оценочная образность является одним из видов семантического варьирования слова, а эмоциональный импликационал может служить фактором экспрессивно-оценочной номинации.

3. Некоторой части лексики, характеризующейся специфической возможностью становиться десигнатором иной (а именно, предикатной) семантики, может быть приписана эмоционально-оценочно-образная валентность, понимаемая как семантическая потенция импликационала этой лексики к эмоционально-оценочной образности.

§ 5. Нормы реализации эмотивов в речи

В науке давно уже установлен факт плавного движения норм языка, которое проявляется в эластичном изменении его форм и функций на разных периодах развития. В отдельные социально активные пе-

риоды эти процессы могут значительно ускоряться. Варьируясь, языковая норма предписывает иные правила использования ресурсов языка в разных ситуациях общения (функциональных стилях), что приводит к «расшатыванию» ее границ, а иногда и к их разрушению (социальная шкала скольжения нормы). Эмотивы, как и другие единицы языка, характеризуются определенными нормами эксплуатации в речевом общении. Эти нормы преходящи, условны и прикреплены к определенному периоду времени (здесь можно говорить о временной шкале скольжения норм).

При анализе конкретного языкового материала обнаруживается тенденция снижения порога языковой нормы у оценочных слов современной прессы в виде сознательного употребления в ней сниженной (вульгарной) лексики (см., например, язык СМИ Германии, России). Это говорит о высоком эмоциональном настрое авторов статей, с одной стороны, и об их прагматических намерениях относительно соответствующего эмоционального воздействия на читателей, с другой. Употребление бранных слов и отрицательно заряженных выражений (*хряки, боровы, убить, повесить, зеленый труп, вспороть животы*) стало характерной приметой языка СМИ. В одном из материалов немецкой прессы при помощи лексического наполнения текста демонстрируется негативное отношение граждан к служащим национальной полиции и Министерства национальной безопасности, например:

Auch die Emotionen müssen analysiert werden, betonte Regisseurin Ruth Berghaus and fügte unter Reifall hinzu: «Verdammt noch mal, ich werde mich doch noch über mein Land aufregen dürfen!» (Vollversammlung an der Deutschen Staatsoper Berlin // ND. 1989. 25 Okt. S. 31).

Употребление просторечного выражения *verdammt noch mal* интеллигентом, режиссером Рут Бергхаус в своем интервью официальной прессе говорит о ее пребывании в состоянии сильной эмоциональной напряженности в момент интервью и о ее положительном отношении (восхищении) к происходящим событиям.

Проникновение сниженной лексики в официальную и публичную речь и ее фиксация в официальной прессе указывает на то, что «ненорма» может со временем или в достаточно короткое время стать нормой-2. Это прежде всего относится к эмоционально-оценочной лексике, нормы которой наиболее лабильны.

Классическая психология считала эмоции одним из важнейших моментов осуществления речемыслительной деятельности. Эмотив

является единицей эмотивного кода. К понятию эмотива мы относим такую языковую единицу, которая имеет в своем значении кодированную или приобретенную в специфических условиях общения эмотивную коннотацию, в результате тому или иному звуковому комплексу сопутствуют определенные эмоции, благодаря которым он воспринимается как выражение эмоционального одобрения или неодобрения.

Эмотивы, как и другие средства языка, имеют определенные нормы реализации. Поскольку язык — феномен, постоянно и бесконечно развивающийся, то у него нет раз и навсегда застывших норм реализации. Норма является преходящей, условной, прикрепленной к определенному периоду времени, и наиболее подвижна она как раз в эмотивной сфере языка. Доказательством тому являются так называемые модные слова и модные словоупотребления, которые в абсолютном большинстве являются эмотивами.

Эмотивная номинация в современном английском языке иллюстрирует разновидности реализации нормы, ее изменчивость [Шаховский 1981]. Примером может служить колебание семантических норм реализации лексических новообразований в 70-е гг. прошлого столетия: *sing-in*, *marry-in* (со значением 'протест против расовой дискриминации') к *sit-in*, *teach-in*, *read-in* (со значением 'протест против войны во Вьетнаме'), а от него к значению 'демонстрация чего-либо как форма социального протеста': *love-in*, *puff-in* и к значению 'сбор людей с какой-либо целью': *paint-in* ('воскресник по крашению забора'). Кроме того, некоторые образования с этим псевдосуффиксом имеют значение 'место', 'стоянка': *drive-in*, *fly-in*, 'прием, длительное мероприятие': *talk-in* и др.

В ходе апробации этих колебаний устная речь утвердила одни нормы его употребления и отказалась от других. Аналогична судьба и модного в свое время словоупотребления *with-it*. Можно предположить, что говорить о какой-либо норме речи вообще не вполне верно, правильнее говорить о норме реализации языка в определенный период времени, который может быть и довольно длинным, и сравнительно коротким. В каждый конкретный период времени норма представляет собой переходную стадию между предыдущим и последующим состоянием функционирующего языка (диалектическая взаимосвязь и взаимообусловленность старого и нового). Наблюдения за английским языком показывают, что норма существует в различных отклонениях от нее, в вариантах и потенциях.

Изменение нормы реализации слова прежде всего касается его значения. На определенном синхронном срезе внутренние рамки, границы колебания нормы уже, чем между разными синхронными срезами, в связи с чем целесообразно рассматривать изменение норм реализации эмотивов с двух точек зрения — с точки зрения синхронии и диахронии.

Естественно, нормы реализации эмотивов также изменчивы, и незнание этих изменений коммуникантами является специфическим препятствием для общения как в одной временной плоскости, так и (в большей степени) в разных временных плоскостях. Когда мы читаем романы прошлого, то слово X, употребленное автором в прежнем, нейтральном значении, нередко вызывает у современного читателя незапланированные автором эмоции (как, например, в случаях со словами: *халтура, зараза, позор*). И наоборот, «тогдашний» эмотив никакой прагматикой в современный период может не обладать (например, слово *newspaper*). И в том, и в другом случаях авторская интенция остается нереализованной, что ведет к нарушению динамической эквивалентности замысла и его декодирования. Этот тезис справедлив как для внутриязыкового, так и для межъязыкового общения. В последнем случае этот фактор значительно осложняется национально-культурной спецификой речевого поведения [Шаховский 1984].

Типология изменения норм реализации эмотивов английского языка охватывает, в основном, следующие разновидности:

1. Появление эмотивных коннотаций у всего значения, как, например, в английском языке: *stink – have a smell → to give off a powerful and unpleasant odour; junta (хунта), appease (ублажить, умиротворять)*. И. Р. Гальперин [1980: 101] среди слов, которые на базе своих логических значений приобрели эмотивность, называет следующие: *terrible, awful, dramatic, stunning, exciting wonderful, grand, etc.* Такие случаи в английском языке не единичны. В русском языке: *пахнуть → дурно пахнуть → вонять* (последнее слово выражает эмоцию неодобрения, оно стилистически снижено и считается вульгарным); *обыватель, полчище, примитивный, формально, помпа* (из латинского языка, где оно значило 'пышная церемония', в русском языке это слово приобрело эмотивную коннотацию неодобрения, иронии).

2. Появление эмотивной семы или ЛСВ, которые изменяют функцию слова и сферу его употребления: *dish – an attractive person, esp. a*

woman (ср. с этимоном: *the food prepared for the table in a particular fashion*); *bleeder* – *very stupid, unpleasant or contemptible person* (ср. с уже существующим ЛСВ: *one that bleeds another of money or resources; sponge, parasite*).

3. Развитие эмотивной амбивалентности, например, *buddy*: 1) дружище, приятель; 2) недруг, противник; 3) подлиза; *gasser*: 1) empty talker (пустомеля); 2) a very attractive person; а также *old, little, modern, plain, homely*. Например: *She is such a homely girl* — 1) *She's deadly boring, never goes anywhere and probably gets her biggest thrill making pots of jam*; 2) *She is very plain, unattractive, not important, dignified*. 3) *Simple, causing one to think of home or feel at home*. Из этого примера очевидно, как важно для целей адекватного общения знать особенности эмотивного признака семантики слова и окружать эмотивы достаточно полным вербальным мотивирующим контекстом (не забывая о его ситуативном и просодическом факторах). Благодаря контексту снимается амбивалентность эмотива и реализуется только один признак эмотивности (только один эмотивный смысл), адекватно декодируемый всеми коммуникантами данного речевого общения. Без разъяснительного контекста фраза «*She is such a homely girl*» может быть понята неадекватно интенции говорящего и вызвать противоположный прагматический эффект.

4. Реверсия оценочного знака эмотивности. Здесь возможны два варианта: 1) смена знака (+) на знак (-); 2) смена знака (-) на знак (+). Так, в американском варианте английского языка значение слова *lady* с недавнего времени коннотирует неодобрительную эмотивность, 'незначительность, непрестижность той работы, которую выполняет женщина, называемая «леди»': *cleaning lady, washing lady, saleslady, etc.* Назвать женщину-доктора *lady-doctor* вместо *woman-doctor*, по свидетельству Г. Босмаян, значит выразить презрительно-снисходительное отношение к ней, так как в отличие от слова *woman-doctor* (с нулевой эмотивностью) слово *lady-doctor* коннотирует неодобрительную эмотивность [Bosmajian 1977: 6].

Второй вариант реверсии эмотивного знака можно проиллюстрировать следующими примерами: *stupidity* — *it is «elitist» to be anything but stupid*; *sincerity*. В ходе развития английского языка многие слова изменили направленность их эмотивной семантики (ср., например, *impulsive, demonstrative, passionate, enthusiastic, etc.*).

5. Ослабление эмотивности слова и связанное с ним изменение сферы его функционирования как результат либерализации этических

норм в английском языковом обществе. Примером может служить эмотив *damn*, который во времена Ч. Диккенса еще не печатался, вместо него в тексте стояли точки (...). В романе М. Митчел «Унесенные ветром» после каждого употребления этого слова идет извинение, а в романах авторов середины XX века С. Чаплина, Дж. Сэлинджера, А. Мердок, А. Силлитоу, И. Шоу и других современных авторов это слово является часто употребительным инвективом. К числу инвективов, ставших недавно общеупотребительными, относится и так называемое «hot word» *bloody*, которое встречается в настоящее время в речи представителей всех слоев населения и даже в официальной прессе.

Свидетельством ослабления (или демократизации) норм употребления инвективов является их регистрация в словарях (например, OALD; AHD; LDCE и др.; ССРЯ, БАРС и все приложения к БАРС и др.). Широкое использование в печати так называемых *four letter words*, которые до XX столетия были под запретом как нецензурные, указывает на повышение экспрессивности и эмоциональности современной разговорной речи, на ее влияние на нормы масс-медийного дискурса и свидетельствует о больших изменениях в существующих нормах реализации эмотивов (как в английском, так и в русском языке).

Для полноты типологии изменений норм реализации эмотивов английского языка необходимо указать и на существование такого процесса, когда эмотив со временем полностью девальвирует свой эмотивный признак и становится нейтральным словом, не вызывающим и не передающим никаких эмоций. Примерами могут служить слова: *good-natured* (ср.: в романах Дж. Филдинга — *good natured hole, good-natured side*), *vast* (ср. его эмотивные употребления в XVIII в. — *vast rains, vastly amused*). В настоящее время они имеют логические определения и в функции эпитета не употребляются.

Изменение норм реализации эмотивов особенно наглядно представлено в языке художественных произведениях прошлого. Сигналом эмотивного сдвига является качество прагматического эффекта: современный читатель воспринимает несоответствие значения эмотива в описываемой ситуации прошлого его значению в настоящий период. В связи с тем, что эмоциональный план-стимул и план-реакция на него были рассчитаны автором на поколение читателей — его современников, изменение смыслового содержания эмотива-стимула порождает иную эмоциональную реакцию на эту форму, которая с

течением времени нередко становится противоположной авторской интенции. Поясним сказанное на примерах из пьес В. Шекспира. Ослабление степени эмотивности с шекспировских времен наблюдается у слов *perplexed* (ошеломленный), *unlucky* (несчастный), *politician* (политикан), поэтому современный читатель драм В. Шекспира уже не получает того сильного эмоционального эффекта от этих слов, какой имел читатель — его современник.

Многие эмотивы (например, вульгаризмы) с течением времени утратили свою вульгарность и стали общелитературными только потому, что их цитирование сопровождалось именем В. Шекспира, например: *Gudgell thy braines* (V, I, 64) — выражение, которым пользовались могильщики в его время. Оскорбительным для того времени было совершенно безобидное теперь слово *mountaineer*. Персонажи В. Шекспира употребляют его в качестве *fighting word*, так как оно используется с особыми прагматическими целями — для борьбы с личными врагами, их оскорбления (ср. его современное значение: 'альпинист; тот, кто совершает восхождение на горы').

Таким образом, эмотивный признак ряда слов и нормы их реализации в речи с течением времени могут меняться, поэтому современный читатель часто нуждается в специальных семасиологических комментариях. В противном случае происходит обусловленный временным сдвигом эмотивный дисконтакт, препятствующий адекватному эмоциональному восприятию художественного произведения прошлого: писатель и читатель имеют различные эмотивные коды, обусловленные их временем и потому соотносящиеся с различными денотатами (в нашем случае ими являются эмоции). Этот факт объясняет различные нормы реализации эмотивов одной и той же формы в разные периоды их функционирования (развитие формы, как известно, отстает от развития содержания). Этот случай эмотивных помех в коммуникации можно назвать интерференцией норм реализации семантики слова в диахронии языка.

Итак, эмотивность — категория историческая и поэтому изменчивая, что необходимо учитывать при очередных переизданиях художественных произведений прошлого, которые следует сопровождать не только культурно-страноведческими, но и специальными семасиологическими комментариями к художественному произведению прошлого. По мере того как жизнь отдаляет время написания художественного произведения от современного читателя, комментарий к нему должен расти в объеме.

Семасиологические комментарии требуются и читателям русской литературы. Например: «*Величествен и грустен был позор Пустынных вод, лесов, долин и гор*» (Е. Баратынский). Современники А. С. Пушкина употребляли слово *позор* в значениях 'зрелище', 'вид', и потому его эмотивная семантика и сочетаемость были совсем иными, чем в современном русском языке. Одним из значений слова *зараза* было в XVIII веке значение 'прелесть', 'очарование'. Естественно, что без знания этих фактов прагматический эффект использования данных эмотивов у современного читателя будет воспринят неадекватно замыслу автора.

При переводе художественных произведений на русский язык изменения в нормах реализации эмотивов необходимо учитывать более тщательно, так как в этом случае приходится учитывать еще и интерферирующие факторы, которые проявляются в многочисленных переводах пьес В. Шекспира на русский язык (известно, например, что существуют двадцать три перевода эмотивного монолога Гамлета «*To be or not to be*», четырнадцать переводов эмотивного монолога Порции «*The quality of mercy...*» из «*Merchant of Venice*»). Переводческая практика вскрывает прагматическую динамику эмотивов в обоих языках. Работа по синтезированию филологически оптимального перевода на основе ранее сделанных переводов, например, пьесы «Гамлет», убедительно показывает суть противоречия между теоретической невозможностью создания совершенно адекватного, с точки зрения эмотивного аспекта, перевода поэтического произведения и фактом существования на практике его многочисленных переводов. Эти факты еще раз подтверждают мнение У. Блейка: «Поэзия — то, что теряется при переводе».

Изменения норм реализации эмотивов можно наблюдать также на примере языка одного поколения людей. Так, синхронный срез употреблений эмотивов, проведенный на материале большого числа художественных произведений XX столетия, обнаруживает, что в какой-то период времени сосуществуют две и более нормы реализации эмотивов. Этот период развития слова можно назвать периодом интерференции норм реализации в синхронии языка. Как и в случае с диахронической интерференцией, здесь прослеживается та же закономерность: чем больше интерференция нескольких норм, тем больше смысловых помех в общении из-за нарушений / несоответствий адекватности передаваемой и получаемой эмоциональной информации. Это объясняется тем, что одна часть говорящего коллектива еще продол-

жает употреблять слово с прежним значением / коннотацией, а другая часть уже активно употребляет его в новом значении / коннотации, нередко в тех же самых контекстах.

Это тот случай, когда тезис о снятии полисемии контекстом общения не срабатывает. Именно в это время, когда модус колебания нормы реализации слова и его значения широк и когда еще неизвестно, какой именно вариант будет принят за норму, вступают в действие искусственные ограничения пуристов и консерваторов языка. Они стремятся исключить какое-либо уже работающее значение слова или слово в целом из общения директивным путем или сузить сферу его употребления, т. е. скорректировать норму реализации. Прежде всего это касается так называемых модных слов, значений и употреблений как разновидностей реализации нормы «на сегодня», например, Э. Вильсон безуспешно пытался запретить широкое употребление слов *massive, crucial, transpire* etc. [Гальперин 1980: 101].

Уникальным в контексте рассматриваемой в данной работе проблемы нам представляется Словарь современного словоупотребления [НСУ], издаваемый в США. Это новый тип словаря, составленный так, что конкретное слово комментируется в нем с точки зрения его оптимального употребления в современный период 136 высококомпетентными лицами: поэтами, прозаиками, лингвистами, издателями, литературными критиками, переводоведами, общественными и политическими деятелями и другими представителями разных сфер современной жизни Америки. Словарь приводит стенограммы обсуждения ими контекстуальных значений слов и иллюстративные примеры. Мнения совета специалистов (Usage Panel) по наиболее спорным случаям словоупотреблений и значений слова представлены в процентном соотношении.

Анализ материалов этого словаря показывает, что слов, которые имеют в синхронии определенный модус колебания нормы реализации, в современном английском языке немало. А это не может не оказывать влияния на культуру речевого общения в современный период.

С целью иллюстрации модуса колебания нормы реализации эмоций рассмотрим один из примеров, приведенных в указанном словаре. Совет специалистов по употреблению слова обсуждает нормы реализации значений слова *demean* (с. 196). Стенограмма обсуждения показывает, что в 69 % всех его употреблений нормой для этого слова является вторичное коннотативно окрашенное значение *debase, de-*

grade. Например: 1. *I wouldn't demean myself to insulting her in the public.* 2. *He demeaned himself by taking the bribe* (Он опозорил себя взяткой). А в 31 % употреблений оно реализует значение-этимон *to behave oneself, to observe a certain demeanour*. Например: *One should demean himself in the public*. Кроме этого, действующей нормой, по свидетельству совета специалистов, является и такая, при которой некоторые говорящие избегают употребления этого слова вообще, считая его архаичным, и пользуются вместо него словом *behave*, синонимичным слову *demean* в первом значении, и словами *debase, degrade*, синонимичными ему во втором значении. Ситуация вокруг норм реализации этого слова осложняется еще и тем, что, хотя глагол *demean* более употребителен во втором значении, производное существительное *demeanour*, характеризующееся высокой частотностью употребления, образовано от слова *demean* в первом значении. Таким образом, в сфере норм реализации слова *demean* исторически сложился определенного рода разнობой.

Естественно, что опубликованная в упомянутом выше словаре стенограмма обсуждения норм употребления этого слова на совете специалистов отражает проблемы его употребления в идентичных контекстах. Все сказанное здесь подтверждает тезис о коммуникативных помехах, порождаемых колебаниями семасиологической нормы слова и незнанием «нормы на сегодня» некоторой частью говорящего коллектива. Следует, однако, заметить, что, несмотря на существующую тенденцию к изменению норм реализации эмотивов, порождающей временные помехи в коммуникации, в целом она является фактором семантической гибкости языка и одним из признаков его развития и совершенствования.

Таким образом, видно, что обсуждаемая проблема норм реализации эмотивных признаков — это проблема функционального аспекта языка, а значит, и проблема культуры общения, особенно общения на четвертом и пятом уровнях языковой компетенции [Скребнев 1976: 19]. Это те уровни, где требуется не только понимание эмотивного аспекта высказывания, но и способность к порождению эмотивных смыслов высказывания.

§ 6. Коммуникативная сущность эмотивной семантики слова

Кардинальным вопросом коммуникативной лингвистики, по мнению Е. С. Кубряковой, является вопрос о том месте, какое категория значения занимает в процессах коммуникации. Этот вопрос, однако, сложен и может быть расчленен на ряд составляющих: в каком виде семантика включается в речевую деятельность, каковы конкретные функции языкового значения в процессе речи, какие этапы процесса речи связаны с созданием и использованием языкового значения, с какими языковыми формами сопряжено его создание к использованию. Кроме этого, решение названного вопроса невозможно без анализа-сопоставления категории значения с обеих позиций — с позиции говорящего и слушающего, так как первый идет в направлении от личностных смыслов к поискам способов их языкового выражения, а второй занят поисками ключевых моментов в процессе понимания потока речи и установлением содержащихся в них значений. Это предполагает еще одну сторону рассмотрения коммуникативного аспекта значения — что происходит на пути от слова к предложению (высказыванию) с этим словом и, наоборот, как формируется значение слова на основе предложения (высказывания) [Кубрякова 2004].

Поскольку в задачи данной работы входит создание программы исследований эмотивности, входящей в сферу коммуникативной лингвистики, обратимся к коммуникативным особенностям эмотивного компонента значения слова.

Этот компонент представляет собой результат отражения эмоций в слове в процессе их вербализации и семантизации. Являясь социально обобщенным, он служит для индивидуального выражения эмоциональной оценочности объектов мира, его реализация происходит в эмоциональных ситуациях общения через эмоциональный тип речевых актов. Все это позволяет говорить об особом — эмоциональном — типе коммуникации. Рассмотрение этих понятий начнем с некоторых обобщений, касающихся их первопричины — внеязыковой категории эмоций, получавших различное отражение в лексико-семантической системе языка [Шаховский 1987]. Под эмоциями понимается особая форма отношения человека к явлениям действительности, обусловленная их соответствием/несоответствием потребностям человека [Педагогическая энциклопедия 1968: 675]. При этом эмоции отражают не объективные качества предметов мира, а их значения для

деятельности говорящего, и что еще уже — их значение для говорящего в данный момент (это так называемые «сиюминутные эмоции»).

О важнейшей роли эмоций в жизни человека как языковой личности мы писали в первых разделах данного издания. В поддержку своих идей еще раз сошлемся на XIV Международный конгресс лингвистов, состоявшийся в августе 1987 г. в Берлине, на котором была впервые заявлена проблема лингвистической эмотивности. Один из программных докладов, прочитанных там, доклад Фр. Данеша, был посвящен месту эмоций в языке человека. В нем было заявлено, что эмоции не только испытываются, но и манифестируются языком, демонстрируются сознательно, имитируются, провоцируются говорящими. С этой целью они концептуализируются, вербализируются и семантизируются языком и представляются в речи, что позволяет и выражать их, и говорить о них. Именно поэтому столь важным является изучение составляющих поля эмоций, их классификаций, механизмов включения эмоций в речь. Без этого не может быть полным никакое исследование, выполняемое в русле коммуникативной лингвистики, прагмалингвистики или антропологической лингвистики, так как эмоции — это неотъемлемая часть человека и его речевой деятельности, это одна из его важнейших характеристик, ибо через языковое выражение эмоций познается и сам человек как языковая личность. Но с другой стороны, нельзя познать и сам язык, не обратившись к его творцу, носителю, пользователю [Караулов 1987: 7].

Как известно, в основе выражения эмоций человека лежат рефлекторные и инстинктивные механизмы, генетически общие для всех людей, поэтому языковые средства, способы этих выражений типизированы, кодированы, универсальны по крайней мере для данной языковой общности. А. А. Леонтьев отмечает, что «язык входит в сложное единство, он — факт одновременно социальный, предполагающий коммуникацию, гносеологический, психический, семиологический, имевший логико-понятийный и прагматический аспекты» (выделено нами. — *В. Ш.*) [Леонтьев 1974а]. Коль скоро существование эмоций — объективный факт, как и их выражение средствами языка, то при анализе его функций естественно выделять эмотивную функцию, отражающую специфическую коммуникативно-деятельностную потребность человека — передать эмоциональное отношение к тому или иному событию, факту, предмету, явлению окружающего мира. Это отношение является одним из коммуникативных признаков общения, одним из средств удовлетворения потребности в общении.

Речевые ситуации всегда переживаются людьми, и это не может не отразиться на их речи. Существует даже такое мнение, что любое высказывание эмоционально, что в речи нет эмоциональной нейтральности [Daneš 1987: 274]. Этот факт можно, вероятно, объяснять тем, что любой коммуникативный акт мотивирован каким-либо интересом: необходимостью высказывания, стремлением воздействовать на получателя/слушателя, потребностью к какой-либо информации и прочими прагматическими причинами [Караулов 1987: 53].

Вопрос о специфике коммуникации эмоционального типа связан с общими положениями теории спецификации форм человеческой коммуникации, созданной сторонниками эмотивизма (Ч. Огдена, А. Ричардса, Д. Дьюи, П. Блекмура, Дж. Остина, Ч. Стивенсона и др.). Основополагающими здесь являются положения о типах языковой коммуникации и типах языковых функций. Как известно, единого мнения в этом последнем вопросе до настоящего времени нет. Однако выделение двух базовых функций языка — служить средством осуществления человеческого мышления и служить средством человеческого общения — уже не вызывает возражений. В их взаимосвязи проявляется взаимодействие языка и мышления, а поскольку эмоции включены в структуру сознания, то они сопровождают и ту и другую функцию в различном сочетании — рациональное и эмоциональное превалирует в зависимости от ситуации общения и ее цели. В конечном счете вербальное выражение эмоций осуществляется в коммуникативных целях, в том числе и тогда, когда адресатом является сам говорящий.

В этом плане в лингвистической литературе выделяется эмотивная функция языка, целью которой является осуществление специфической формы эмоциональной коммуникации людей. Как отмечает А. В. Бондарко [1987: 195–197 и след.], в любой языковой функции различаются две стороны — потенциальная и результативная. Соответственно и эмотивную функцию можно понимать, с одной стороны, как реализуемую, т. е. как процесс, а с другой — как реализованную, т. е. как результат. В этом плане нами различается эмотивная валентность языковых единиц, их эмотивная семантика и их эмотивное употребление. А. В. Бондарко справедливо замечает, что «всякое значение формы есть вместе с тем ее функция (в том смысле, что выражение этого значения представляет собой назначение данной формы), но не всякая особая функция той или иной формы есть особое значение, поскольку далеко не все разновидности целей употребления форм могут рассматриваться как их внутренние системно значимые при-

знаки» [Там же: 199]. В случае эмотивов эти внутренние системно значимые признаки формируют эмотивную семантику слов и их эмотивную валентность. И та, и другая в процессах реализации подвергается некоторым преобразованиям, и поэтому, как отмечает А. В. Бондарко, в каждом случае такого преобразования есть элемент развития [Там же: 195]. В этом плане мы и писали о бесконечной эмотивной валентности единиц языка и речи [Шаховский 1986], объясняемой взаимосвязью их эмотивной семантики, эмотивной функции, эмотивных употреблений в конкретных речевых актах, в которых эксплицируются все новые и новые эмотивные реализации. Говоря словами А. В. Бондарко, «появление новых элементов в речевых манифестациях функций может стать основой для изменения и развития самих функций как потенций языковых единиц [Там же: 97], что справедливо и для эмотивной валентности, семантики, функции.

Формы коммуникации зависят от употребления языка, а оно может быть и эмоциональное. Поскольку эмотивизм отрывал эмоции от интеллекта, он, соответственно, противопоставлял интеллектуальную и эмоциональную коммуникации и на основе тезиса о верифицируемости первой и неверифицируемости второй, отрицал роль эмотивных суждений и эмотивной референции в познании. С позиций диалектической философии и достижений современной отечественной психологии данные положения теории эмотивизма легко опровергаются, что находит подтверждение и в лингвистических исследованиях. Так, например, Н. М. Разинкина показала, что в английских научных текстах, которые по мнению Ч. Огдена и А. Ричардса являются символическим типом коммуникации, где лексика используется только в референциальном значении, широко представлены эмоционально-субъективные элементы языка [Разинкина 1972; 1979 и след.]. Н. Я. Сердобинцев на материале русского языка установил, что эмотивно окрашенные единицы вводятся в нехудожественные тексты, т. е. публицистические, научные, деловые, газетные и т. п., уже в первой половине XVIII века [Сердобинцев 1983]. Этот факт, на наш взгляд, несомненно говорит о коммуникативной силе эмоций и о том, что они являются одной из коммуникативно-деятельностных потребностей человека, и поэтому для эмотивных средств языка почти нет запретных зон в многообразии сферах человеческого общения.

Реальность потребности человека в эмоциональном типе коммуникации как тактической и стратегической категории объясняет наличие специального эмотивного кода языка и эмотивных средств на

всех его уровнях, маркированных специфичной эмотивной семантикой. Другими специфическими параметрами эмоциональной коммуникации являются следующие: ее причина — напор чувств коммуникантов, ее объект — конкретный получатель, эмоциональный стимул — «виновник». Как заметила Н. Д. Арутюнова, в отдельных случаях причина раздваивается на лицо-виновника и событие-причину, а понятие лица-виновника преобразуется, в свою очередь, в понятие объекта чувств — той мишени, которая принимает на себя рикошет эмоций, названных событийным раздражителем [Арутюнова 1976]. В случае эмоциональной коммуникации эмоциональными являются и стимулы, и интенции, и ситуации, и, как правило, реакции. Целью такой коммуникации является или эмоциональное самовыражение, эмоциональное отношение говорящего к чему/кому-либо, или эмоциональное воздействие на получателя. Функциональным превалированием в данных случаях является процесс выражения, в отличие от неэмоционального типа коммуникации, где превалирует процесс номинации. К ее специфике относится и ослабленная способность упреждения вероятностного хода развития эмоциональных речевых действий, и ее влияние на качество обратной связи коммуникантов.

Процесс зарождения эмоциональной коммуникации и трансформация эмоций в речевые поступки получает, например, у Дьюн такое объяснение: слепой импульс превращается в интерес, в план действия в той мере, в какой он реализует запас значения в опыте. Происходит процесс трансформации энергии импульсов в пронизанное мыслью действие, благодаря ассимиляции значения из фона опыта. Упорядочение импульсов и включение их в систему интересубъективных значений приводит к возникновению эмоциональной коммуникации (см.: [Прозерский 1983]).

Рассмотрим изложенные тезисы на конкретном примере — эпизоде, взятом из рассказа Ф. О'Коннор «Откровение» (Revelation). В этом рассказе описывается зарождение и реализация эмоции ярости у девушки-пациентки Мэри к одной из других пациенток — фермерше миссис Терпин, ожидающей вместе с ней приема у врача.

Объектом эмоции является фермерша — высокомерная расистка, а причиной эмоции ярости — ее беспардонная болтливость, в которой обнажается противоречие между внешней респектабельностью, добропорядочностью и высокомерием, самовлюбленностью и набожным лицемерием. Субъектом описанных в рассказе эмоций группы гнева является Мэри. У других пациентов, ожидавших своей очереди

к врачу, разглагольствования миссис Терпин такой внешней реакции не вызвали, поэтому эти люди субъектами выраженной эмоции не стали. Уровень их эмоционального реагирования на ее болтовню оказался намного выше, чем у Мэри. Направленная и потому предметная эмоция ярости у Мэри проявилась вербально и кинетически: она с силой швырнула в лицо миссис Терпин книгу, которую пыталась читать вопреки ее разглагольствованиям, и попала ей в глаз, потом издала дикий вопль, бросилась на нее и впиалась ногтями ей в шею. Глаза Мэри побелели от ярости, голос стал глухим и низким, когда она обзывала миссис Терпин «старой премерзкой свиньей» и посылала ее к черту. Это подтверждает, что эмоции имеют ориентированный характер, так как адресованы определенному объекту, в этом плане можно говорить о субъектно-объектной направленности эмоционального типа вербальных отношений.

Речевые ситуации эмоционально переживаются людьми, и это отражается в их речи. В рассматриваемом примере это выразилось как в авербальном, так и вербальном эмоциональном выпаде Мэри: *Go back to hell where you came from, you old wart hog!*, так и в эмоциональной реакции миссис Терпин: *«I'm not», she said tearfully, «a wart hog, from hell». The tears dried. Her eyes began to burn instead with wrath.* Она долго и очень бурно переживала это оскорбление: ночью не могла уснуть от этого публичного унижения, утром она пожаловалась своим работникам — неграм, ища у них сочувствия, потом даже отправилась на свиноферму, чтобы убедиться, насколько она похода на старую свинью: *«How am I a hog? Exactly how I as like them?»*

Как видно из рассказа, данный языковой эмотив, состоящий из комплекса лексических, структурных и просодических эмоциональных элементов, оказался чрезвычайно прагматичным для миссис Терпин. От него она страдала сильнее, чем от физической боли: Мэри подбила ей глаз, поцарапала ее когтями и пыталась ее душить (комплекс эмоциональных кинем). Это тот самый случай, о котором писала Н. Д. Арутюнова: здесь причина эмоции раздвоилась на лицо-виновника (миссис Терпин) и событие-причину (ее болтовня) как событийный раздражитель, а лицо-виновник превратилось в мишень эмоций. Приведенный эпизод иллюстрирует все этапы порождения эмотивного вербального и авербального поступка и его эмоциональную рамку: субъект и объект эмоций, зарождение мотива, выступавшего в роли зачина эмотивного высказывания, формирование эмоциональной интенции (прекратить болтовню миссис Терпин), вербаль-

ная реализация внутренней программы, эмоциональная фонация, просодия и кинесика. В нем же отражен и эвристический поиск нужного аффектива «старая замерзшая свинья» при переходе от субъективной семантики к социальной.

Разумеется, существуют определенные нормы использования эмотивов в речи, на что указывает, например, замечание Р. Якобсона о том, что слово *horrible* в словосочетании *the horrible Harry* предпочтительнее перед *dreadful* или *terrible* [Якобсон 1975]. Но чаще, однако, их отбор и реализация, а порой и окказиональное порождение, происходят спонтанно и зависят от образа жизни говорящего, как в нижеследующем примере:

Обвел вокруг пальца, обштыпал, надсмехался и обманул. Я один во всем виноват, старый башмак, рында треснутая, ржавый шпангоут, тудить меня в печенку!» И капитан принялся чистить трубку (Кучаев А. Сила любви).

Опорные слова (они выделены) позволяют «реконструировать» этот образ жизни: говорящий — моряк, капитан на пенсии, этим и объясняется его набор окказиональных эмотивов-самохарактеристик. Этот пример показывает, что «эвристический поиск» нужного эмотива или оттенка его эмотивной семантики выражавшего определенное эмоциональное отношение, зависит не только от самой коммуникативной ситуации, но и от говорящей личности.

На вопрос о том, возможно ли общение людей только эмотивами, конечно же, надо ответить отрицательно. Однако имеются некоторые наблюдения, показывающие, что как отклонение от нормы, такое общение в принципе возможно. Так, персонаж И. Ильфа и Е. Петрова Элочка Щукина легко и свободно обходилась в общении с людьми тридцатью словами и выражениями, большинство из которых было междометиями: «хо-хо» и «ого», которые в зависимости от обстоятельств выражали иронию, восторг, ненависть, радость, презрение и удовлетворенность; типа «знаменито», «мрачный» (по отношению ко всему, например, «...мрачная погода», «мрачный кот», «мрачный случай»...), «мрак», «жуть», «жуткий» (например, при встрече с доброй знакомой: «жуткая встреча»), «парниша» (по отношению ко всем знакомым мужчинам, независимо от возраста и общественного положения), «Кр-р-ра-сота!».

Богатство рационального и эмоционального содержания наиболее часто употребляемого Элочкой Щукиной аффектива «Хо-хо!» видно из следующей цитаты:

Элочка примеряла очень миленькую креповидную кофточку. В этом наряде она казалась почти богиней.

— Хо-хо! — воскликнула она, сведя к этому людоедскому крику поразительно сложные чувства, захватившие ее.

Упрощенно чувства эти можно было бы выразить в следующей фразе: «Увидев меня такой, мужчины взволнуются. Они задрожат. Они пойдут за мной на край света, заикаясь от любви. Но я буду холодна. Разве они стоят меня? Я — самая красивая. Такой элегантной кофточки нет ни у кого на земном шаре».

Но слов было всего тридцать и Элочка выбрала из них самое выразительное — «хо-хо» (Ильф И., Петров Е. Золотой теленок).

Данный пример показывает, что и за аффективами может стоять рациональная информация, многократно свернутая и глубоко «погруженная» в «эмоциональную оболочку». Нетрудно увидеть в вышеприведенной расшифровке аффектива «хо-хо» прообраз семантического словаря А. Вежбицкой и возможность передачи содержания эмоций в логических терминах.

В эмоциональной коммуникации реализуются разные варианты вербализации эмоций коммуникантов. Во-первых, говорящий может выпустить целую обойму эмотивов, чтобы сбросить свой эмоциональный пар, например:

Мысль о Лерке (жене, ушедшей от него с дочерью) не угасала, наоборот, подступала ближе. Как на душе смута - она, тут как тут, во приличивый человек! Баба! Жена. Крест. Хомут на шее. Обруч. Гиря. Канитель земная (Астафьев В. Печальный детектив).

Во-вторых, говорящий может не сразу найти нужное слово или вообще не найти его, чтобы выразить им те эмоции, которые он переживает в данный момент. Это касается, прежде всего, самых сильных эмоций из группы гнева или восхищения. Ср.:

(1) *I shall hate you till I die, you cad - you lowdown -... What was the word she wanted? She could not think of any word bad enough (Mitchell M. Gone with the Wind);*

(2) *«It's — it's» — Colonel Bantry struggled to express himself, — «it's — incredible — fantastic!» (Christie A. Puzzles).*

Мотивом выбора слова-оскорбления в первом случае и слова-восхищения во втором является не денотат номинанта, а та эмоция, которая переживается коммуникантом в момент говорения. Думается, что эмоциональная коммуникация как никакая другая подтверждает справедливость мнения Ю. Н. Караулова, который предлагает основную

заповедь современной лингвистической парадигмы: «За каждым текстом стоит система знаний» расширить до такой — «За каждым текстом стоит языковая личность, владеющая языковой системой» [Караулов 1987: 27]. Этим самым делается акцент на человеческий фактор в языке.

Эмоциональная коммуникация реализует эмотивные компоненты лексического значения в виде эмотивного значения, коннотации или эмотивного потенциала. При этом эмотивный потенциал слова может быть двух видов — внутренний и наведенный (см. раздел 1 главы издания). Как коммуникативная сущность эмотивность слова может быть либо актуализирована, либо эксплицирована, либо наведена. Механизмы реализации всех видов эмотивной семантики слова при эмоциональной коммуникации довольно многообразны, среди которых можно отметить следующие: при переходе от личностных эмоциональных смыслов к языковым формам выражения эмоций коммуниканты либо «подгоняют» эмотивы под переживаемую ими в данный момент эмоцию, либо наделяют эмотивными смыслами нейтральные «упаковки». И в этом, и в другом случае чаще всего происходит довольно приблизительная вербализация переживаемых эмоций, так как язык в значительной степени отстает в адекватности их оформления. Далее, одно и то же эмотивное значение может быть реализовано через множество лексических единиц. Для этого в словарном корпусе языка имеются и синонимы, и полиномы, не говоря уже о бесконечных ситуативных эмотивах. Коммуникативный аспект лексической семантики эмотива предполагает смену семасиологического статуса эмотивности: ингерентный потенциал может в коммуникативных целях становиться коннотацией, а коннотация — переходить в эмотивное значение, когда нейтральное или эмоционально-окрашенное слово употребляется в функции аффективов, как в вышеприведенном примере с Эллочкой-Людоедкой. Это явление можно определить как коммуникативный динамизм эмотивной семантики слова.

На то, что эмотивность является коммуникативным качеством речи, указывает и такой факт, как включенность одной и той же эмотивной единицы в оба коммуникативных процесса: порождение высказывания и его интерпретация. Одно и то же эмотивно-окрашенное значение в одной и той же коммуникативной ситуации может интерпретироваться отправителем и получателем по-разному. Это зависит от целого ряда моментов: от эмоционального состояния коммуникантов при общении, от их общего эмоционального индекса (или тренда), от ин-

тенции, которые могут часто не совпадать у коммуникантов, от их тезаурусов и пр. Схема этих и других зависимостей разной включенности одной и той же эмотивной семантики в процесс порождения речевого акта и в процесс его интерпретации довольно сложна и открыта в силу неисчислимости этих зависимостей: каждый речевой акт индивидуален, и количество эмотивных смыслов по причине бесконечных смысловых валентностей не поддается исчислению.

В связи с этим представляется возможным уточнить, что коммуникативный аспект лексического значения слова определяется как сущность, с одной стороны, закрепленная за определенным языковым знаком и потому имеющая системный статус, а с другой стороны, — как сущность, преобразуемая в ходе комбинаторики знаков и потому динамическая, выявляющая в коммуникативном процессе лишь некие общие свойства [Кубрякова 1985].

§ 7. Моделирование эмоций в процессе общения

Исследование ряда теоретических работ и эмпирический материал, включающий факты реальной и художественной коммуникации, позволяют утверждать, что речь всегда эмоциональна (явно или скрыто), так как базируется на эмоциях человека говорящего (как минимум это эмоция интереса).

Наблюдения за речевыми актами в реальной и в художественной коммуникации показывают, что эмоции накладывают свой отпечаток на все результаты человеческой деятельности, в том числе и на вербальную. Они могут быть не только естественно (искренне) выражены, но и симитированы, симулированы, подделаны. Неискреннее, а значит, лживое выражение эмоций, несомненно, возможно, поскольку все физиологические и лингвистические параметры эмоций внутри данной лингвокультуры для всех пользователей (а)вербального языка кодированы однозначно. Речь человека глубоко информативна, и «даже тогда, когда человек сознательно не хочет давать о себе какие-либо сведения или старается что-то скрыть, замаскировать, завуалировать, информация о нем, как о личности всё равно проецируется в его речь, а тонкий аналитик, слушая речь человека, способен читать его как раскрытую книгу» (Румянцева).

Как отмечается психолингвистами, эмоции «натянуты» на многомерный и многовековой опыт человека, а этот опыт в разных лингвокультурах различен. Так, утаивание правды о своих эмоциях, особен-

но нежелательных для обнародования, является этической нормой для многих народов. Но искусственное превращение внутренних негативных переживаний во внешние положительные (например «горе» в «радость») является особым видом этнически узаконенной лжи, превращенной в национальную традицию (см., например, социальная улыбка американцев и англичан, улыбка японцев на похоронах, «веселые» похороны испанцев и т. п.).

Эмоции и ложь в разных культурах переплетаются довольно причудливо. У американцев и англичан улыбка в большинстве случаев неискренна, но поскольку это общеизвестный факт, то его можно учитывать как во внутренней, так и в межкультурной коммуникации. Т. В. Ларина досконально, во всех категориальных ситуациях интеракционного общения англичан изучила все функции их улыбки и пришла к выводу, что главная из них — эмотивная, т. е. намеренно демонстрирующая формальные эмоции — социальная улыбка [Ларина 2003].

По экспрессивности своего речевого поведения современные англичане значительно превосходят русскую языковую личность. Это проявляется в гиперболизированной оценочности, коммуникативном оптимизме, коммуникативной неформальности, повышенной эмотивности, коммуникативной косвенности (уклончивости), субъективности [Там же: 257]. Именно кодированностью объясняется и энергетика поддельных (лживых) эмоций: все аффективы (вербальные и невербальные) вызывают у коммуникантов одинаковые эмоциональные рефлексии. Поэтому психологи и говорят о направленном моделировании эмоций реципиентов со стороны продуцента сообщения и о возможности воспитания культуры эмоций (их проявлений).

Человек действительно может моделировать эмоциональное поведение партнера по коммуникации в направлении, нужном для отправителя (продуцента) высказываний. Это особенно относится к лести, которая всегда является определенным образом структурированной ложью.

Человек, прошедший социализацию и инкультурацию, научен скрывать свои эмоции, контролировать их, подчиняться внутренним и общественным правилам культуры эмоций, которые могут противоречить их биологически мотивированной канализации. Однако некоторые эмоции очень непросто скрывать, симулировать или имитировать. Например, такие глубокие эмоции, как ужас, страх, отвращение, испуг скрывать от окружающих (и значит, лгать) просто невозможно.

Трудно скрывать и выражать, поддельно и симулировать эмоции в категориальных ситуациях доминирующего эмотивного тона (например, в семейной ссоре), так как подкорковыми структурами, где находятся корни эмоции, сложно, а иногда и невозможно управлять, т. е. рационализировать эмоции.

Эмотивный радикализм общения, как правило, препятствует фальсификации эмоций, поскольку переводит рациональность на рефлексивный уровень, а это процесс, обратный по отношению к рационализации эмоций. Именно поэтому в стрессовых ситуациях и возникают непреодолимые коммуникативные помехи.

Как говорил Талейран, слова даны нам, чтобы скрывать свои мысли. Но теперь точно уже известно, что и свои эмоции тоже. Однако Body language (язык тела) разоблачает лживые эмоции очень успешно:

(1) *Лицицина села на самый край ни жива, ни мертва — от радости, и, конечно, от страха. Брови епископа сурово похаживали вверх — вниз* (Б. Акунин. Пелагея и черный монах);

(2) *He came into the room: her heart was beating wildly and her hands were shaking... Her heart sank; she felt on a sudden a cold chill pass through her limbs and shivered... His face was deathly pale... His dark eyes, immobile and inscrutable, seemed preternaturally large. He knew everything... Her lips trembled so that she could hardly frame the words. She was terrified. She was afraid she would faint... She wondered if he saw that was shaking in every limb... She was shattered... It was dreadful that she could not control the trembling of her lips* (W. S. Maugham *The Painted Veil*).

Настоящие писатели и художники давно осознали, что эмоции руководят всем поведением человека и всеми обстоятельствами. Л.Н. Толстой писал об этом в своем дневнике (запись 25 января 1863 г.): «Прежде я думал и теперь еще больше убеждаюсь, что в жизни во всех отношениях людских, основа всему работа — драма чувства, а рассуждение — мысль, не только не руководит чувством и делом, а поддельвается под чувство. Даже обстоятельства не руководят чувствами, а чувство руководит обстоятельствами, т. е. делает выбор из тысячи фактов».

Ложь как эмоциональная манипуляция, несомненно, является разновидностью вербальной агрессии. Она нарушает права человека. Она резко осуждается религией и моралью. Она занижает (унижает) психоэмоциональный статус ее реципиента, его самооценку. Поэтому ложь обидна, презираема, интенсивно переживаема Homo sentiens и потому всегда конфликтна, но, к сожалению, она неизбежна (подробнее см.: [Шаховский 2005]).

Люди уже усвоили основные параметры лжи в силу ее актуальности для современной жизни и коммуникации людей друг с другом и с властью. Ложь многолика. Она неприхотлива, «чтобы солгать, ничего особенного не требуется, всё сгодится» [Варзонин 2004: 50], она всеядна, она самостоятельна («человек не хочет, а лжет» [Там же]), она сильна (эффективна), так как до поры до времени правдоподобна, она надежна как средство воздействия и предпочтения перед другими средствами. Все перечисленные характеристики указывают на главное качество лжи — она удобна [Там же] и потому имеет широкую сферу применения и разнообразные средства (в том числе и вербальные), используемые для сокрытия истины.

В истории человеческой цивилизации известно немало примеров умелого использования эмоционального речевого поведения в целях порождения планируемой эмоции и планируемой поведенческой реакции. Например, известна речь В. М. Молотова на похоронах А. Я. Вышинского. Какие трогательные слова о нем произнес этот государственный деятель, какими превосходными эпитетами и с соответствующей (кодированной) интонацией он награждал от имени тогдашнего правительства человека, которого он страстно... ненавидел. А народ слушал и неутешно плакал от утери генерального прокурора. Вся речь В. М. Молотова, слова и интонации были смоделированными. В этой же манере обвинитель по шахтинскому делу Н. В. Крыленко гневно клеймил инженеров, а зал гневно вторил его эмоциям, поддерживал его, сами же инженеры очень эмоционально каялись в грехах, которых не совершали, оговаривая себя. Все они лгали.

Ложь обладает несомненным качеством самоидентификации: лгущий знает точно, что он в данный момент лжет. Так, в эмоциональной ситуации с заменой (монетизацией) льгот государственные чиновники с экрана ТВ уверяют, что народ этого блага просто не понимает. Что же мы должны при этом понимать? Мы поняли эмоционально: самолет монетизации правительство в воздух подняло, а аэродром для его посадки забыло даже запланировать. Народ слишком долго попустительствовал государственной лжи (во всех предыдущих наборах персоналий), а теперь довольно эмоционально стал отвечать на нее агрессией, в том числе и вербальной. Это уже не диалог с властью, а эмоциональный обличительный монолог. У людей изменилось мировоззрение и оно не позволяет больше мириться с обманом как общественным злом. Люди начали вслух и открыто называть вещи своими именами: ложь, вранье (например, А. Хинштейн, С. Мин-

кин, см. также: «Рейтинг вранья министра Зурабова» (Новая газета, № 1034: 6)).

Наше правительство с завидным постоянством продуцирует условия, в которых эмоции простых людей выполняют деорганизирующую функцию (ср. эмоции радостной перспективы у колонистов А. С. Макаренко и у всех советских людей в послевоенный период: восстановление разрушенного хозяйства, целина, космос, БАМ и мн. др.). Поэтому все наши реформы провальны: система языка позволяет разоблачать обещания («планов громадьё...»), которые, наслаиваясь на предметную реальность, подчеркивают несовпадение. Тем самым это становятся источником протестных эмоций человека, обманутого планами (ср. «социализм с человеческим лицом», «коммунизм в 1980 г.», «всем по квартире к 2000 г.»; монетизация и все пирамиды — РДС, МММ и др., которые поддерживались ЦТ с молчаливого согласия правительства).

Деноминация значений слов и прочие виды раскрытия несовпадения референтно-предметных ситуаций и текстов-обещаний трансформируют эти ситуации в иной психоэнергетический тип — категориальные эмоциональные ситуации, указывающие на серьезные несовпадения ценностей и мировоззрения народа и власти — «слуг» этого народа. Их несовпадение ведет к коммуникативным сбоям в их вербальной интеракции и к деструктивным действиям.

Внешний маркер лжи политика или чиновника экстралингвистичен — это невыполненное обещание. Другим ее маркером являются индуцирование в языковом сознании других людей (реципиентов) ложных картин (пропозиций) действительности и свои собственных или корпоративных эмоций. Данные действия на короткое или довольно длительное время способны изменять ценности, мотивы, высказывания, поступки, этих реципиентов, т. е. манипулировать ими.

Ложь в современном российском обществе особенно распространена и успешно моделирует эмоции и поведение реципиентов, их восприятие официальной информации и ее понимание. Психологи разработали концепцию спиралевидной модели понимания: слова раскручивают мысли реципиентов и направленных на них высказываний в двух направлениях: в их предшествующий видовой и индивидуальный опыт и в их последующий за данными высказываниями опыт. И если в предшествующем опыте реципиента определенный говорящий уже ассоциируется с какой-либо ложью, она становится континуальной для всех коммуникативных актов этого человека. Ложь

закрепляется в семантической памяти языковых знаков, в языковом сознании их пользователей через соответствующие фреймы, стереотипы, гештальты, ассоциации (как, например, в слове «реформа» у россиян: ни одна реформа в нашей стране, вопреки обещаниям правительств, заверениям госчиновников, не улучшает жизнь рядовых граждан). Это слово эмоционально маркировано коннотацией лживости.

Вербальная ложь — это всегда разновидность несоответствия истине, действительной реальности, т. е. несоответствие между значением (смыслом) высказывания и его денотатом (референтом). Ложь — это всегда подмена референциальных соотношенностей. Используются и другие виды несоответствий в ложных коммуникативных актах: между прямым значением и переносным, между эксплицитным и имплицитным значениями (при общей форме их выражения), между узуальным (кодированным) и окказиональным (индивидуальным) значениями.

Слова, подобные таким, как *приватизация, патриотизм, реформа, демократия* (ранее это были слова *свобода, равенство и братство*) и т. п., в устах многих политиков превращаются в своеобразные крючки, на которые ловились и ловятся люди. И хорошо бы каждому знать эти крючки заранее, априори, а не после того, как побывал распятым на них. Такие слова — маски лжи, и задача современной лингвистики — сорвать с них эти маски, маркировать их предупредительным знаком в соответствующих дискурсах. Л. Витгенштейн утверждал, что язык переодевает мысли. Наблюдения показывают, что он часто их переодевает в ложные одежды, и эта одежда должна быть маркирована фосфорным свечением в темноте лживого общения. Людям нужна языковедческая помощь в своевременном опознании лжи.

Конечно, лингвистика лжи как отрасль науки еще не сложилась окончательно. Лингвистических работ на эту тему мало (см. библиографию в работах Д. Болинджера, П. Вайриха, А. Дённингхауса, Б. А. Плотникова). Однако эмпирически «библиотека лживых слов, словосочетаний и понятий» уже давно не только на слуху, но и в памяти, в языковом сознании русскоязычных людей старшего и среднего поколения. Молодое поколение в настоящий период активно к этой «библиотеке» прибегает через СМИ. И лингвисты должны эту библиотеку лжи зафиксировать, описать и сделать доступной всем носителям данного языка и особенно тем, кто только приступает к изучению его единиц.

Лживыми высказываниями людей руководят биологические, социальные, религиозные, психологические, политические, финансовые (экономические) и многие другие факторы. Большое место среди них занимает эмоциональный фактор. Лингвистика сегодня может установить «лживые валентности» определенных слов и их отличие от слов, у которых таких валентностей нет. Лингвистика может и должна составить перечень всех таких слов, структурных интоном, просодем и кинем, уличающих коммуникативную языковую личность в лживости, чтобы противостоять манипулированию. Если с этой задачей лингвистика справится, то лживая речь и сигналы лжи, опознанные ее получателями, уничтожат друг друга [Вайнрих 1987: 82], а у лживой информации ослабеет эмоционально-манипулятивная функция, и люди будут успешнее ей сопротивляться. Другими словами, в языковую и в эмоциональную/эмотивную субкомпетенции языковой личности необходимо с детства вводить знания о лживых языковых знаках, структурах и приемах их опознания.

Лжет не язык, а *Homo fallens* (*mentiens*), который использует кодированные языковые средства, а они — полуфункциональны. Это уже известно. Но в случае лжи *Homo fallens* (*mentiens*) реформатирует их, т. е. перемещает те же самые слова, которые используются в искреннем дискурсе, в другое пространство, во вновь заданные смысловые рамки с иной (смещенной) референцией в своих собственных интересах. Психолингвисты уже давно заметили, что цель любого общения состоит в том, чтобы «некоторым образом изменить поведение или состояние реципиента (собеседника, читателя, слушателя), т. е. вызвать определенную вербальную, физическую, ментальную или эмоциональную (выделено мной. — В. Ш.) реакцию» [Красных 2003: 122].

Художественная коммуникация является слепком реальной коммуникации, реального языка *Homo loquens* и его реального поведения, поэтому репрезентация в художественной литературе определенных ситуаций неискреннего и лживого поведения — несомненно объективный эмпирический материал, который может быть использован лингвистами.

В художественной литературе сотни тысяч страниц посвящены описанию разных форм лжи, и супружеские измены — одна из таких форм. Ирэн изменила Сомсу Форсайту (Дж. Голсуорси), Анна — Каренину (Л. Н. Толстой), Китти — Уолтеру (У. С. Моэм) и т. д. Описаний момента обнаружения таких измен множество, поскольку это одна

из наиболее напряженных категориальных эмоциональных ситуаций. Ведут себя люди, огулушенные такой информацией, по-разному, но всегда очень эмоционально. Вспомним Уолтера из «Раскрашенного занавеса» С. Мозма, шекспировского Отелло, миссис Флетчер (рассказа «Ярость» Ч. Барстоу), Хелен Рид (из романа Д. Лоджа «Думает...») и др.

Приведу пример из последнего источника. Главная героиня этого романа Хелен Рид после смерти своего мужа узнает о том, что он изменял ей с ее теперешней студенткой (и не только с ней). Вот как сама Хелен описывает свое эмоциональное состояние сразу же после признания этой студентки: фактически мне хотелось в бешенстве от его предательства визжать и бросать в эту студентку всем, что попало бы мне под руку, но внешне я сохранила своё достоинство и профессиональную выдержку:

I felt dizzy and hardly able to breathe. The raw breeze-block walls of the poky little office seemed to swell and contract, the gross, meaty nude on the Lucian Freud poster, and the black burnished figure on the Mapplethorpe, seemed to ripple and move obscenely. I struggled to conceal my dismay, to retain some dignity and professional poise. When she said, «I hope this isn't going to prejudice my mark for the course,» I wanted to scream and throw things at her, but I just said coldly, «That's what external examiners are for.» Then I terminated the interview (D. Lodge. Thinks...).

Такое сокрытие истинных бурных эмоций можно назвать самоконтролем, самообладанием и это позитивное профессиональное качество эмоциональной языковой личности. С другой стороны, эмоциональное двуличие, т. е. внешнее выражение положительных эмоций при внутреннем резко отрицательном отношении к собеседнику, — яркое свидетельство лживости:

She gathered up her bag and they parted with mutual expressions of affection and good will. «Silly old bitch,» he said when the door was closed behind her. «Pompous old ass,» she hissed as she went down in the lift. But when she got into her magnificent and very expensive car and drove back to Montagu Square she could not hold back the heavy, painful tears that filled her eyes. She felt old, lonely, unhappy, and desperately jealous (W. S. Maugham. The Theatre).

Здесь выделены лживые (в первом предложении) и истинные (в основном тексте) эмоции персонажей, вербальные и авербальные. Внешне Майкл и Долли расстались по-приятельски, обменявшись добрыми словами взаимной симпатии, а, за глаза, они обозвали друг друга довольно злобно: «старая глупая б...» и «напыщенный старый осёл».

Это было уже искреннее вербальное выражение их эмоций, за которым у Долли последовал поток мучительных слез от осознания своей старости, одиночества, несчастья и отчаянной зависти (кластерные эмоции).

Обман и ложь как его разновидность в громадном разнообразии широко практикуются в повседневной эмоциональной жизни людей, и поэтому в языке так много слов, фразеологических единиц, устойчивых словосочетаний — клише для номинации этих практик лжи. Художественная литература по праву может быть названа депозитарием человеческих эмоций, и ситуации лжи в нем занимают значительное место. У В. Шукшина есть рассказ «Правда», который на самом деле повествует о хитрости, ловкачестве одного из председателей колхоза Аксенове. В своем выступлении на общем собрании он скрыл факт гибели свиней в его хозяйстве по его халатности и говорил критически в свой адрес только по мелочам (умолчание правды как вид лжи). Потом в разговоре с другим председателем он еще раз соврал, уже прямо дезинформировал его в том, что он якобы вызвал комиссию на пересмотр акта о гибели свиней. В первом эпизоде ложь Аксенова прошла незамеченной на собрании, которое не знало о существовании такого акта, но не прошла мимо коллеги, который об этом акте знал. А во втором эпизоде Аксенов все же обманул и коллегу, частично реабилитируя себя (ложь во спасение лица своего). Оправдываясь, Аксенов просит новичка-коллегу:

Как только первый раз где-нибудь словчишь, скажи мне. Только по-честному. Мне охота узнать: проживешь ли ты без этого (без вранья. — В. Ш.) или нет? (В. Шукшин).

Следует подчеркнуть, что сам по себе язык, русский язык, несомненно, правдивый; неправдивы, по словам И. С. Тургенева, некоторые из его пользователей, лгут они, а не язык.

Фактически ложь как субъективно-волевая истина вошла в жизнь людей разных лингвокультур, стала неотъемлемым ее компонентом, но ее формы и доминирующие функции в них — разные. В каждом коммуникативном акте, художественном произведении или реальном общении она присутствует во всем многообразии ее функций: регуляции, глорификации, дезинформации, манипуляции, (само)защиты, дефамации, фатики и др. Так, например, ценностной доминантой русской коммуникативной культуры является искренность. Немецкое коммуникативное поведение в целом отмечено ценностной доминантой

вежливости. Общеизвестно, что вежливость препятствует искреннему выражению эмоций (см. об противоречивых отношениях и русской вежливости: английской и русской вежливости: [Ларина: 2003]). Вежливую улыбку немецких и английских коммуникантов русские расценивают как неискреннюю (т. е. лживую), и это вызывает у них отрицательные эмоции, препятствующие успешному межкультурному общению.

Лингвистикой лжи эмоциональный аспект общения, в том числе и межкультурного, изучен еще крайне слабо. В теории эмоций белым пятном остается еще большой список речевых актов, маркированных неискренностью и манипулятивным характером (см.: [Шаховский 2005: 178–179]). Лингвистике и ее новой парадигме коммуникативистике еще предстоит изучить и описать много неискренних образов сознания и их разнообразные материализации во всех жанрах человеческого общения. Важной задачей, стоящей сегодня перед учеными, является описание и освоение механизмов моделирования, симулирования эмоций, осуществляемых при помощи языка, и выработка средства распознавания и защиты от манипулятивных тактик, применяемых в речи.

§ 8. Коммуникативная компетенция и эмоциональная толерантность

В связи с социальными переменами в России и вызванной ими практической необходимостью улучшения качества различных видов человеческого общения, лингвистика, кажется, осознала смысл тезиса древних философов: «Кто владеет языком, тот владеет миром». Повышение эффективности языкового общения и интерес к нему проявляется сегодня в интенсивном изучении особенностей и механизмов речевого поведения как одного из направлений коммуникативистики — новой парадигмы отечественного языкознания.

Под коммуникативной компетенцией мы предлагаем понимать такие знания, умения и навыки, которые приводят носителей языка к коммуникативной грамотности (компетенции), реализуемой в их коммуникативном поведении. Коммуникативная грамотность — это знание правил общения, умение соотнести их с конкретной ситуацией (коммуникативным локусом). Она включает культуру речи, языковую и речевую грамотность, знания о педагогике и психологии общения, знания о его логике и этике. Здесь имеются ввиду общие и специаль-

ные знания, применяемые в заданном контексте, в определенном виде дискурса. Очевидно, что никто из управленцев, юристов, экономистов не должен быть косноязычным, каждый из них, где бы он ни работал, должен прежде всего владеть такими коммуникативными компонентами, как вежливость и язык тела (жестика, мимика, проксемика, фонация, интонация и т. д.), через которые передается и воспринимается большая часть информации.

Приведу несколько примеров коммуникативных компонентов, которыми должен владеть современный человек в своем речевом поведении:

- умение начать общение, поддерживать его, завершать, выходить из него;
- умение спонтанно выстроить логику конкретного общения в конкретной коммуникативной ситуации;
- отсутствие боязни и умение задавать вопросы по существу отвечать на них по существу;
- умение сформулировать свое мнение, аргументировать и отстаивать свою точку зрения, умение дискутировать и соглашаться с мнениями других;
- умение достойно выйти из конфликтной ситуации;
- способность к рефлексии, незашоренность, незакомплексованность, не развязность, но и не языковая немота.

Общение людей — это не только речевая деятельность. Всё, что мы делаем, есть общение в различных формах. В связи с этим коммуникация в широком понимании, несомненно, является экономической категорией, поскольку умение общаться является интеллектуальной собственностью каждого специалиста, способствующей его производственным успехам.

Фактически любой речевой акт есть эмоциональная адаптация коммуникантов друг к другу. А если эта адаптация по разным причинам отсутствует, то происходит вербальная дуэль, сопровождающаяся эмоциональными строуками (ударами). Эти последние суть свидетельство конфликта и отсутствия эмоциональной толерантности у одного или у обоих партнеров.

В речевом поведении коммуникантов проявляются все виды человеческих взаимоотношений. Согласно этике общения в результате любого речевого контакта у всех коммуникантов должно произойти повышение (улучшение) самооценки. Но в жизни так почти никогда не бывает, поскольку «градус» эмоциональной толерантности у всех

разный. Речевые партнеры должны эти градусы адаптировать друг к другу (принцип кооперативности П. Грайса). Помощь в этом процессе может оказать знание техники амортизации [Литвак 2002] — соглашаться с оскорблениями и при этом не высказывать ответных, как бы «дуэлянт» ни заслуживал их.

Недовольство как эмоциональный эффект на какое-либо действие, в том числе и вербальное, редуцированное до рационального: *We are not amused* (в устах королевы Виктории), является лучшим примером эмоциональной толерантности. Вежливость (как позитивная, так и негативная) во всех её стилистических проявлениях: мейозис, эвфемизм, политкорректность, преуменьшение и т. п., является толерантно формирующим фактором всех типов человеческого общения: межперсонального, группового (малые группы), группового (большие группы), массового, межкультурного, этнического и др.

Сложность заключается в том, что стрелки этих эмоций трудно перевести на формальную вежливость, которую А. Шопенгауэр считал молчаливым соглашением игнорирования и не подчеркивания друг в друге моральной и духовной нищеты. Тем более, что правила вежливости в некоторых коммуникативных эмоциональных ситуациях (например, злобы и зависти) нарушает другое правило — «будь искренен». Неискренняя вежливость, комплимент, лесть все же нарушают равновесие эмоциональной толерантности речевых партнеров. Это временная, сиюминутна толерантность по обоюдному умолчанию. Неискренняя вежливость одновременно может работать на принцип амортизации конфликта и может обострять его, всё зависит от конкретной ситуации.

Думаю, что в лабораторных условиях все типы таких ситуаций предусмотреть невозможно: реальное эмоциональное общение людей намного разнообразнее типичных ситуаций, особенно в сфере конфликтного общения, в котором как раз и требуется эмоциональная толерантность. Но основные принципы толерантного балансирования всё же необходимо закрепить в коммуникативной (эмоциональной) компетенции обучаемых.

Обучение тактикам и стратегиям речевого общения в условиях категориальных эмоциональных ситуаций, и в частности, принципам эмоциональной толерантности (терпимости) как техническому рациональному приему амортизации, считаю ядром коммуникативной компетенции как монолингвов, так и искусственных билингвов. Обучение такой компетенции актуально и значимо, так как она представ-

ляет собой единственный психологический механизм снятия или осознанного сокрытия раздражения (всего кластера эмоций группы гнева) и коммуникативный механизм смягчения речевой агрессии. Другими словами, одной из лингводидактических проблем современной коммуникативистики является разработка методики рационализации эмоций в условиях общения. И. А. Стернин прав, когда пишет что «обучение толерантному коммуникативному поведению — вполне реальная задача, связанная с формированием вежливости навыков речевого этикета и культуры общения» [Стернин 2003]. Считаю, что будущих специалистов необходимо обучать хотя бы правилам речевой вежливости через эвфемизацию как способ эмоционально-речевого сдерживания и гармонизации общения.

Толерантность в действительности многопланова, и всем ее коммуникативным механизмам обучить невозможно. Но какой-то минимум ее постулатов для актуальных эмоциональных ситуаций должен быть введен в содержание коммуникативной компетенции языковой личности. Решению проблем коммуникативной толерантности могли бы послужить специальные практические пособия по речевому преодолению эмоциональной нетерпимости к «другому» и по повышению эмоционального интеллекта коммуникантов [Goleman 1997]. В социальных условиях, активно способствующих развитию и распространению агрессивного речевого взаимодействия, проблема эмоциональной толерантности к разнообразным эмоциональным речевым актам представляется актуальной для современной коммуникативной парадигмы языкознания.

ТЕКСТОЛИНГВИСТИКА ЭМОЦИЙ

§ 1. Понятие эмотивного текста и его признаки

Текст уже давно рассматривается как объект лингвистики — науки, которая занимается изучением языковых закономерностей, определяющих единство текста [Гальперин 1981]. Уже не вызывает возражений мнение о том, что мы говорим не словами, а предложениями и текстами. Тексты связаны с ситуациями, которые декодируют смысл слов и предложений — конstituентов конкретного речевого произведения. Особой областью исследования являются эмотивные ситуации, эмотивные знаки текста, эмотивный текст.

В типологии текстов выделяют такую их разновидность, которая как бы не является самостоятельной, но формально, содержательно и функционально отличается от всех остальных типов текста тем, что содержит эмоции. Проблема эмотивного текста решается совместными усилиями психолингвистики, текстолингвистики, филологической герменевтики и лингвистики эмоций (эмотологии) и актуальна в связи с проблемами языка, культуры и эмоционального мышления, сознания, а также когнитологии. Она связана и с проблемой эмотивной лакунарности как национально-специфической черты эмотивного текста, рассматриваемой в теории и практике перевода и при подготовке переводчиков как вторичных языковых личностей, непременно владеющих эмотивными кодами обоих языков [Шаховский, Сорокин, Томашева 1998].

Одна из современных проблем текстолингвистики, связанная с изучением типов текста, сводится к поиску ответа на вопрос: существует ли эмотивный текст или можно говорить всего лишь об эмотивном плане или уровне текста [Ионова 1998]. Решение этого вопроса связано с выделением функционально-семантической и текстовой категории эмотивности [Щирова, Тураева 2005: 12–13].

Некоторые авторы считают, что практически в любом высказывании содержится эмотивный план (аспект), так как даже сообщение о каком-либо факте что-то обязательно меняет в психическом состоя-

нии реципиента. На этих позициях стоит и Ч. Стивенсон, который определяет эмотивный текст как текст, который изменяет чувства, отношения [Stevenson 1974].

Как и слово, любой текст имеет план содержания и план выражения. Эмоции могут быть зафиксированы в тексте для их воспроизведения при его чтении в обоих планах одновременно или только в одном из них. По нашему мнению, то, как текст меняет психическое состояние адресата (возбуждает его эмоции, побуждает к эмоциональным мыслям, речевым или физическим действиям), не может быть основанием для атрибутирования текста к эмотивному типу. Деление всех текстов на эмотивные и неэмотивные не может быть основано на факторе получателя текста, так как всегда найдется такой получатель, для которого и кулинарный текст, инструкция по применению медицинского препарата или по сборке книжной стенки могут оказаться довольно эмотиогенными.

Это объясняется предположением о существовании индивидуальной системы семантической связи слов, часть из которых имеет эмоциональный индекс, зависящий от видимого и индивидуального эмоционального опыта языковой личности. Поэтому при выделении эмотивного типа текста, необходимо его отграничивать от эмотиогенного текста, которым может быть действительно любой текст, в том числе и эмотивный [Шаховский 1997в].

Одна из трудностей определения понятия эмотивного текста состоит в том, что в его плане выражения и в поверхностном содержании могут отсутствовать формальные эмоциональные знаки, в то время как всё смысловое пространство текста может служить символом переживаемых эмоций, т. е. быть глубинно, имплицитно эмотивным. Примером могут служить письма-«треуголки» с фронтов Великой Отечественной войны. Цензура не разрешала солдатам писать о своих переживаниях накануне ответственных боев, но близкие, получив такое письмо, улавливали эти переживания и сопереживали их. Следовательно, текст может быть эмотивным эксплицитно или имплицитно. В обоих случаях отбор единиц языка, формирующих текст, вызван эмоциями автора и благодаря ему транслирует эти эмоции на конкретного или обобщенного адресата. Эмоциональная (неэмоциональная) рефлексия последнего зависит от множества факторов, влияющих на рациональное понимание эмоционального содержания текста или на его эмоциональное понимание: эмоциональный тренд адресата, ситуация, степень эмотивной лакуарности / динамической эмотивной

эквивалентности текста оригинала (слова) и текста понимания (мысли) и др.

Глубинные эмоции автора благодаря формальным эмотивным знакам языка могут получать эксплицитное (внешнее) выражение в тексте: лексические эмотивы и их эмотивное согласование, грамматические эмотивные структуры, специфическое композиционное структурирование текста, внутритекстовые эмоциональные рамки разных типов, эмоциональные кинемы и просодемы. Эти параметры эмотивного текста указывают на внешнюю выраженность эмотивности (они варьируют ее плотность) и эмоциональный тон текста. Кроме того, они позволяют предположить возможность моделирования эмотивного текста, что является актуальным для компьютерной лингвистики, пытающейся добавить эмоции в синтезированную речь. Они же формируют модуль, который представляет информацию об эмоциональном состоянии говорящего как информационном фокусе эмотивного текста.

Функционально эмотивный текст транслирует эмоции на адресата. Для такого типа текста главное — выразить их так, чтобы адресат осознал этот информационный фокус. Поэтому мы полагаем, что эмотивный текст — это прежде всего текст для адекватного восприятия и понимания эмоционального содержания. А понимание это может быть или рациональным, или эмоциональным, поскольку теперь уже неоспоримым является факт, что за каждым текстом стоит не только система языка, но и языковая личность, по-своему ее интерпретирующая.

Исходя из вышеотмеченного, определение эмотивного текста как такого текста, который изменяет чувства и отношения, можно считать справедливым только для эмотиогенного текста, который может быть абсолютно незмотивным, т. е. функционально-стилистически нейтральным, как, например, текст неожиданной телеграммы.

Эмотивное смысловое пространство текста по предлагаемой здесь концепции не ориентировано на эмотиогенный прагматический эффект (на эмоциональную рефлексию), но определенное эстетическое ожидание оно не исключает. Такая концепция эмотивного текста основана на нашем понимании эмотивности как функционально-семантической категории, служащей для внешней трансляции эмоционального состояния языковой личности, но не для его эвокации у реципиента текста.

Для определения лингвистического статуса текстовой эмотивности представляется важным разграничение эмоциональности (как ка-

чества языковой личности автора текста) и эмотивности текста (как его имманентной характеристики), понятий эмотивности текста и эмотивного текста, имеющих количественные и качественные различия [Ионова 1998]. Выявлено, что в текстах разных функциональных типов мера эмотивности может быть разной. Для текстов определенных видов дискурсов устанавливаются собственные нормы эмотивного выражения: если для текстов научного и профессиональных дискурсов достаточно отдельных эмотивных элементов, чтобы данное речевое произведение могло восприниматься как эмотивный текст, то в сфере художественных текстов и текстов СМИ норма эмотивности намного выше, эмотивные элементы должны проявляться на всех уровнях организации речевого произведения. В противном случае говорят лишь об определенной степени эмотивности текста [Ионова 1998], эмотивных вкраплениях [Щирова 2003], эмотивных включений [Филимонова 2001], а не об эмотивном тексте.

На вопрос о том, существуют ли чисто эмотивные тексты и возможно ли общение людей только эмотивами, без рационально-логической составляющей, конечно же, надо ответить отрицательно. Правда, имеются некоторые наблюдения, показывающие, что, например, сержанту американской армии достаточно знать основные военные команды и небольшой набор инвективов, чтобы общаться с солдатами. Как уже отмечалось в предыдущем разделе, персонаж И. Ильфа и Е. Петрова Эллочка Щукина легко и свободно обходилась в общении с людьми тридцатью словами и выражениями, большинство из которых было аффективами: «Хе-хо!», «Ого!» (они выражали, в зависимости от обстоятельств, иронию, удивление, восторг, ненависть, радость, презрение и удовлетворенность), а также индивидуальными ситуативными эмотивами: «Хамите», «Знаменито», «Мрачный», «Мрак», «Жуть», «Жуткий», «Парниша» и т. п.

Примером короткого аффективного общения может служить и следующий эпизод из книги Дж. Вудхауса:

There was a stunned silence as he went in, and then a couple of the startled yelps you hear when old buddies get together after long separation: «Piggy!» — «Maudie!» — «Well, I never!» — «Well, I'm dashed!» — «Did you ever!» — «Well, bless my soul!» (P. Wodehouse. Very Good, Jeeves. P. 224).

Как видно из данного примера, говорящие, которые не виделись около тридцати лет, первые минуты обменивались только аффективами удивления. После этого эмоционального зачина началось соб-

ственно общение — обмен фактуальной информацией. Им, любившим друг друга в молодости, было, что рассказать друг другу. Случаи общения только с помощью аффективов являются редким исключением, более привычным положением дел является лишь вкрапление в высказывания.

В то же время для художественных текстов характерным является представленность эмоций на всех уровнях его организации, определяющих динамику его эмотивной семантики (см. последний раздел данной главы). Эмотивность таких текстов представлена преимущественно текстуальными, а не узуальными эмотивами. В специфических условиях поэтических произведений определяется тенденция к экспликации неузуального, эмотивного потенциала слов, которая обуславливает постоянную динамику эмотивной семантики поэтического слова [Быдина 1995]. В связи с этим эмотивность может рассматриваться в качестве важного средства интерпретации смысла текста, как условие организованности рефлексии, контролирующей поиск и построение новых средств и орудий мыслительной и эмоциональной активности реципиента [Волкова 1997].

Изучение эмотивности языка в динамике (языковой эмотивный код — развитие языкового кода — эмотивные приращения — эмотивный потенциал языка) позволяет акцентировать внимание на новых возможностях реализации его скрытых ресурсов, выявить перспективы развития языковых моделей, порождаемых новыми условиями коммуникации.

В этом смысле необходимым является углубление понятия эмоциональной достоверности автора и эмотивной достоверности текста, исследовании способов реализации эстетической эмоции творческой языковой личности в художественном тексте [Павлючко 1999]. Известно, что основные свойства личности писателя могут быть подчинены потребностям творческой личности, а эмоции выступать в качестве одного из видов знания. Эмотивная компетенция автора художественного произведения предстает, с одной стороны, как процесс отражения национально-культурных реалий, а с другой стороны, в качестве способности автора использовать систему разноуровневых эмотивных средств данного языка и стилистических приемов для отражения в тексте своей индивидуальной эстетической концепции и эмоциональной картины мира.

Особый вид эмотивности представлен в тексте комикса как видеореализованного текста. Мы предполагаем, что комикс является ан-

чества языковой личности автора текста) и эмотивности текста (как его имманентной характеристики), понятий эмотивности текста и эмотивного текста, имеющих количественные и качественные различия [Ионова 1998]. Выявлено, что в текстах разных функциональных типов мера эмотивности может быть разной. Для текстов определенных видов дискурсов устанавливаются собственные нормы эмотивного выражения: если для текстов научного и профессиональных дискурсов достаточно отдельных эмотивных элементов, чтобы данное речевое произведение могло восприниматься как эмотивный текст, то в сфере художественных текстов и текстов СМИ норма эмотивности намного выше, эмотивные элементы должны проявляться на всех уровнях организации речевого произведения. В противном случае говорят лишь об определенной степени эмотивности текста [Ионова 1998], эмотивных вкраплениях [Щирова 2003], эмотивных включений [Филимонова 2001], а не об эмотивном тексте.

На вопрос о том, существуют ли чисто эмотивные тексты и возможно ли общение людей только эмотивами, без рационально-логической составляющей, конечно же, надо ответить отрицательно. Правда, имеются некоторые наблюдения, показывающие, что, например, сержанту американской армии достаточно знать основные военные команды и небольшой набор инвективов, чтобы общаться с солдатами. Как уже отмечалось в предыдущем разделе, персонаж И. Ильфа и Е. Петрова Эллочка Щукина легко и свободно обходилась в общении с людьми тридцатью словами и выражениями, большинство из которых было аффективами: «Хе-хо!», «Ого!» (они выражали, в зависимости от обстоятельств, иронию, удивление, восторг, ненависть, радость, презрение и удовлетворенность), а также индивидуальными ситуативными эмотивами: «Хамите», «Знаменито», «Мрачный», «Мрак», «Жуть», «Жуткий», «Парниша» и т. п.

Примером короткого аффективного общения может служить и следующий эпизод из книги Дж. Вудхауса:

There was a stunned silence as he went in, and then a couple of the startled yelps you hear when old buddies get together after long separation: «Piggy!» — «Maudie!» — «Well, I never!» — «Well, I'm dashed!» — «Did you ever!» — «Well, bless my soul!» (P. Wodehouse. Very Good, Jeeves. P. 224).

Как видно из данного примера, говорящие, которые не виделись около тридцати лет, первые минуты обменивались только аффективами удивления. После этого эмоционального зачина началось соб-

эквивалентности текста оригинала (слова) и текста понимания (мысли) и др.

Глубинные эмоции автора благодаря формальным эмотивным знакам языка могут получать эксплицитное (внешнее) выражение в тексте: лексические эмотивы и их эмотивное согласование, грамматические эмотивные структуры, специфическое композиционное структурирование текста, внутритекстовые эмоциональные рамки разных типов, эмоциональные кинемы и просодемы. Эти параметры эмотивного текста указывают на внешнюю выраженность эмотивности (они варьируют ее плотность) и эмоциональный тон текста. Кроме того, они позволяют предположить возможность моделирования эмотивного текста, что является актуальным для компьютерной лингвистики, пытающейся добавить эмоции в синтезированную речь. Они же формируют модуль, который представляет информацию об эмоциональном состоянии говорящего как информационном фокусе эмотивного текста.

Функционально эмотивный текст транслирует эмоции на адресата. Для такого типа текста главное — выразить их так, чтобы адресат осознал этот информационный фокус. Поэтому мы полагаем, что эмотивный текст — это прежде всего текст для адекватного восприятия и понимания эмоционального содержания. А понимание это может быть или рациональным, или эмоциональным, поскольку теперь уже неоспоримым является факт, что за каждым текстом стоит не только система языка, но и языковая личность, по-своему ее интерпретирующая.

Исходя из вышеотмеченного, определение эмотивного текста как такого текста, который изменяет чувства и отношения, можно считать справедливым только для эмоциогенного текста, который может быть абсолютно незмотивным, т. е. функционально-стилистически нейтральным, как, например, текст неожиданной телеграммы.

Эмотивное смысловое пространство текста по предлагаемой здесь концепции не ориентировано на эмоциогенный прагматический эффект (на эмоциональную рефлексию), но определенное эстетическое ожидание оно не исключает. Такая концепция эмотивного текста основана на нашем понимании эмотивности как функционально-семантической категории, служащей для внешней трансляции эмоционального состояния языковой личности, но не для его эвокации у реципиента текста.

Для определения лингвистического статуса текстовой эмотивности представляется важным разграничение эмоциональности (как ка-

нии реципиента. На этих позициях стоит и Ч. Стивенсон, который определяет эмотивный текст как текст, который изменяет чувства, отношения [Stevenson 1974].

Как и слово, любой текст имеет план содержания и план выражения. Эмоции могут быть зафиксированы в тексте для их воспроизведения при его чтении в обоих планах одновременно или только в одном из них. По нашему мнению, то, как текст меняет психическое состояние адресата (возбуждает его эмоции, побуждает к эмоциональным мыслям, речевым или физическим действиям), не может быть основанием для атрибутирования текста к эмотивному типу. Деление всех текстов на эмотивные и неэмотивные не может быть основано на факторе получателя текста, так как всегда найдется такой получатель, для которого и кулинарный текст, инструкция по применению медицинского препарата или по сборке книжной стенки могут оказаться довольно эмотиогенными.

Это объясняется предположением о существовании индивидуальной системы семантической связи слов, часть из которых имеет эмоциональный индекс, зависящий от видимого и индивидуального эмоционального опыта языковой личности. Поэтому при выделении эмотивного типа текста, необходимо его отграничивать от эмотиогенного текста, которым может быть действительно любой текст, в том числе и эмотивный [Шаховский 1997в].

Одна из трудностей определения понятия эмотивного текста состоит в том, что в его плане выражения и в поверхностном содержании могут отсутствовать формальные эмоциональные знаки, в то время как всё смысловое пространство текста может служить символом переживаемых эмоций, т. е. быть глубинно, имплицитно эмотивным. Примером могут служить письма-«треуголки» с фронтов Великой Отечественной войны. Цензура не разрешала солдатам писать о своих переживаниях накануне ответственных боев, но близкие, получив такое письмо, улавливали эти переживания и сопереживали их. Следовательно, текст может быть эмотивным эксплицитно или имплицитно. В обоих случаях отбор единиц языка, формирующих текст, вызван эмоциями автора и благодаря ему транслирует эти эмоции на конкретного или обобщенного адресата. Эмоциональная (неэмоциональная) рефлексия последнего зависит от множества факторов, влияющих на рациональное понимание эмоционального содержания текста или на его эмоциональное понимание: эмоциональный тренд адресата, ситуация, степень эмотивной лакуарности / динамической эмотивной

Глава 3

ТЕКСТОЛИНГВИСТИКА ЭМОЦИЙ

§ 1. Понятие эмотивного текста и его признаки

Текст уже давно рассматривается как объект лингвистики — науки, которая занимается изучением языковых закономерностей, определяющих единство текста [Гальперин 1981]. Уже не вызывает возражений мнение о том, что мы говорим не словами, а предложениями и текстами. Тексты связаны с ситуациями, которые декодируют смысл слов и предложений — конститuentов конкретного речевого произведения. Особой областью исследования являются эмотивные ситуации, эмотивные знаки текста, эмотивный текст.

В типологии текстов выделяют такую их разновидность, которая как бы не является самостоятельной, но формально, содержательно и функционально отличается от всех остальных типов текста тем, что содержит эмоции. Проблема эмотивного текста решается совместными усилиями психолингвистики, текстолингвистики, филологической герменевтики и лингвистики эмоций (эмотологии) и актуальна в связи с проблемами языка, культуры и эмоционального мышления, сознания, а также когнитологии. Она связана и с проблемой эмотивной лакунарности как национально-специфической черты эмотивного текста, рассматриваемой в теории и практике перевода и при подготовке переводчиков как вторичных языковых личностей, непременно владеющих эмотивными кодами обоих языков [Шаховский, Сорокин, Томашева 1998].

Одна из современных проблем текстолингвистики, связанная с изучением типов текста, сводится к поиску ответа на вопрос: существует ли эмотивный текст или можно говорить всего лишь об эмотивном плане или уровне текста [Ионова 1998]. Решение этого вопроса связано с выделением функционально-семантической и текстовой категории эмотивности [Щирова, Тураева 2005: 12–13].

Некоторые авторы считают, что практически в любом высказывании содержится эмотивный план (аспект), так как даже сообщение о каком-либо факте что-то обязательно меняет в психическом состоя-

ляет собой единственный психологический механизм снятия или осознанного сокрытия раздражения (всего кластера эмоций группы гнева) и коммуникативный механизм смягчения речевой агрессии. Другими словами, одной из лингводидактических проблем современной коммуникативистики является разработка методики рационализации эмоций в условиях общения. И. А. Стернин прав, когда пишет что «обучение толерантному коммуникативному поведению — вполне реальная задача, связанная с формированием вежливости навыков речевого этикета и культуры общения» [Стернин 2003]. Считаю, что будущих специалистов необходимо обучать хотя бы правилам речевой вежливости через эвфемизацию как способ эмоционально-речевого сдерживания и гармонизации общения.

Толерантность в действительности многопланова, и всем ее коммуникативным механизмам обучить невозможно. Но какой-то минимум ее постулатов для актуальных эмоциональных ситуаций должен быть введен в содержание коммуникативной компетенции языковой личности. Решению проблем коммуникативной толерантности могли бы послужить специальные практические пособия по речевому преодолению эмоциональной нетерпимости к «другому» и по повышению эмоционального интеллекта коммуникантов [Goleman 1997]. В социальных условиях, активно способствующих развитию и распространению агрессивного речевого взаимодействия, проблема эмоциональной толерантности к разнообразным эмоциональным речевым актам представляется актуальной для современной коммуникативной парадигмы языкознания.

Глава 3

ТЕКСТОЛИНГВИСТИКА ЭМОЦИЙ

§ 1. Понятие эмотивного текста и его признаки

Текст уже давно рассматривается как объект лингвистики — науки, которая занимается изучением языковых закономерностей, определяющих единство текста [Гальперин 1981]. Уже не вызывает возражений мнение о том, что мы говорим не словами, а предложениями и текстами. Тексты связаны с ситуациями, которые декодируют смысл слов и предложений — конститuentов конкретного речевого произведения. Особой областью исследования являются эмотивные ситуации, эмотивные знаки текста, эмотивный текст.

В типологии текстов выделяют такую их разновидность, которая как бы не является самостоятельной, но формально, содержательно и функционально отличается от всех остальных типов текста тем, что содержит эмоции. Проблема эмотивного текста решается совместными усилиями психолингвистики, текстолингвистики, филологической герменевтики и лингвистики эмоций (эмотологии) и актуальна в связи с проблемами языка, культуры и эмоционального мышления, сознания, а также когнитологии. Она связана и с проблемой эмотивной лакунарности как национально-специфической черты эмотивного текста, рассматриваемой в теории и практике перевода и при подготовке переводчиков как вторичных языковых личностей, непременно владеющих эмотивными кодами обоих языков [Шаховский, Сорокин, Томашева 1998].

Одна из современных проблем текстолингвистики, связанная с изучением типов текста, сводится к поиску ответа на вопрос: существует ли эмотивный текст или можно говорить всего лишь об эмотивном плане или уровне текста [Ионова 1998]. Решение этого вопроса связано с выделением функционально-семантической и текстовой категории эмотивности [Щирова, Тураева 2005: 12–13].

Некоторые авторы считают, что практически в любом высказывании содержится эмотивный план (аспект), так как даже сообщение о каком-либо факте что-то обязательно меняет в психическом состоя-

нии реципиента. На этих позициях стоит и Ч. Стивенсон, который определяет эмотивный текст как текст, который изменяет чувства, отношения [Stevenson 1974].

Как и слово, любой текст имеет план содержания и план выражения. Эмоции могут быть зафиксированы в тексте для их воспроизведения при его чтении в обоих планах одновременно или только в одном из них. По нашему мнению, то, как текст меняет психическое состояние адресата (возбуждает его эмоции, побуждает к эмоциональным мыслям, речевым или физическим действиям), не может быть основанием для атрибутирования текста к эмотивному типу. Деление всех текстов на эмотивные и неэмотивные не может быть основано на факторе получателя текста, так как всегда найдется такой получатель, для которого и кулинарный текст, инструкция по применению медицинского препарата или по сборке книжной стенки могут оказаться довольно эмоциогенными.

Это объясняется предположением о существовании индивидуальной системы семантической связи слов, часть из которых имеет эмоциональный индекс, зависящий от видимого и индивидуального эмоционального опыта языковой личности. Поэтому при выделении эмотивного типа текста, необходимо его отграничивать от эмоциогенного текста, которым может быть действительно любой текст, в том числе и эмотивный [Шаховский 1997в].

Одна из трудностей определения понятия эмотивного текста состоит в том, что в его плане выражения и в поверхностном содержании могут отсутствовать формальные эмоциональные знаки, в то время как всё смысловое пространство текста может служить символом переживаемых эмоций, т. е. быть глубинно, имплицитно эмотивным. Примером могут служить письма-«треуголки» с фронтов Великой Отечественной войны. Цензура не разрешала солдатам писать о своих переживаниях накануне ответственных боев, но близкие, получив такое письмо, улавливали эти переживания и сопереживали их. Следовательно, текст может быть эмотивным эксплицитно или имплицитно. В обоих случаях отбор единиц языка, формирующих текст, вызван эмоциями автора и благодаря ему транслирует эти эмоции на конкретного или обобщенного адресата. Эмоциональная (неэмоциональная) рефлексия последнего зависит от множества факторов, влияющих на рациональное понимание эмоционального содержания текста или на его эмоциональное понимание: эмоциональный тренд адресата, ситуация, степень эмотивной лакуарности / динамической эмотивной

эквивалентности текста оригинала (слова) и текста понимания (мысли) и др.

Глубинные эмоции автора благодаря формальным эмотивным знакам языка могут получать эксплицитное (внешнее) выражение в тексте: лексические эмотивы и их эмотивное согласование, грамматические эмотивные структуры, специфическое композиционное структурирование текста, внутритекстовые эмоциональные рамки разных типов, эмоциональные кинемы и просодемы. Эти параметры эмотивного текста указывают на внешнюю выраженность эмотивности (они варьируют ее плотность) и эмоциональный тон текста. Кроме того, они позволяют предположить возможность моделирования эмотивного текста, что является актуальным для компьютерной лингвистики, пытающейся добавить эмоции в синтезированную речь. Они же формируют модуль, который представляет информацию об эмоциональном состоянии говорящего как информационном фокусе эмотивного текста.

Функционально эмотивный текст транслирует эмоции на адресата. Для такого типа текста главное — выразить их так, чтобы адресат осознал этот информационный фокус. Поэтому мы полагаем, что эмотивный текст — это прежде всего текст для адекватного восприятия и понимания эмоционального содержания. А понимание это может быть или рациональным, или эмоциональным, поскольку теперь уже неоспоримым является факт, что за каждым текстом стоит не только система языка, но и языковая личность, по-своему ее интерпретирующая.

Исходя из вышеотмеченного, определение эмотивного текста как такого текста, который изменяет чувства и отношения, можно считать справедливым только для эмоциогенного текста, который может быть абсолютно неэмотивным, т. е. функционально-стилистически нейтральным, как, например, текст неожиданной телеграммы.

Эмотивное смысловое пространство текста по предлагаемой здесь концепции не ориентировано на эмоциогенный прагматический эффект (на эмоциональную рефлексию), но определенное эстетическое ожидание оно не исключает. Такая концепция эмотивного текста основана на нашем понимании эмотивности как функционально-семантической категории, служащей для внешней трансляции эмоционального состояния языковой личности, но не для его эвокации у реципиента текста.

Для определения лингвистического статуса текстовой эмотивности представляется важным разграничение эмоциональности (как ка-

чества языковой личности автора текста) и эмотивности текста (как его имманентной характеристики), понятий эмотивности текста и эмотивного текста, имеющих количественные и качественные различия [Ионова 1998]. Выявлено, что в текстах разных функциональных типов мера эмотивности может быть разной. Для текстов определенных видов дискурсов устанавливаются собственные нормы эмотивного выражения: если для текстов научного и профессиональных дискурсов достаточно отдельных эмотивных элементов, чтобы данное речевое произведение могло восприниматься как эмотивный текст, то в сфере художественных текстов и текстов СМИ норма эмотивности намного выше, эмотивные элементы должны проявляться на всех уровнях организации речевого произведения. В противном случае говорят лишь об определенной степени эмотивности текста [Ионова 1998], эмотивных вкраплениях [Щирова 2003], эмотивных включений [Филимонова 2001], а не об эмотивном тексте.

На вопрос о том, существуют ли чисто эмотивные тексты и возможно ли общение людей только эмотивами, без рационально-логической составляющей, конечно же, надо ответить отрицательно. Правда, имеются некоторые наблюдения, показывающие, что, например, сержанту американской армии достаточно знать основные военные команды и небольшой набор инвективов, чтобы общаться с солдатами. Как уже отмечалось в предыдущем разделе, персонаж И. Ильфа и Е. Петрова Эллочка Щукина легко и свободно обходилась в общении с людьми тридцатью словами и выражениями, большинство из которых было аффективными: «Хе-хо!», «Ого!» (они выражали, в зависимости от обстоятельств, иронию, удивление, восторг, ненависть, радость, презрение и удовлетворенность), а также индивидуальными ситуативными эмотивами: «Хамите», «Знаменито», «Мрачный», «Мрак», «Жуть», «Жуткий», «Парниша» и т. п.

Примером короткого аффективного общения может служить и следующий эпизод из книги Дж. Вудхауса:

There was a stunned silence as he went in, and then a couple of the startled yelps you hear when old buddies get together after long separation: «Piggy!» — «Maudie!» — «Well, I never!» — «Well, I'm dashed!» — «Did you ever!» — «Well, bless my soul!» (P. Wodehouse. Very Good, Jeeves. P. 224).

Как видно из данного примера, говорящие, которые не виделись около тридцати лет, первые минуты обменивались только аффективными удивления. После этого эмоционального зачина началось соб-

ственно общение — обмен фактуальной информацией. Им, любившим друг друга в молодости, было, что рассказать друг другу. Случаи общения только с помощью аффективов являются редким исключением, более привычным положением дел является лишь вкрапление в высказывания.

В то же время для художественных текстов характерным является представленность эмоций на всех уровнях его организации, определяющих динамику его эмотивной семантики (см. последний раздел данной главы). Эмотивность таких текстов представлена преимущественно текстуальными, а не узуальными эмотивами. В специфических условиях поэтических произведений определяется тенденция к экспликации неузуального, эмотивного потенциала слов, которая обуславливает постоянную динамику эмотивной семантики поэтического слова [Быдина 1995]. В связи с этим эмотивность может рассматриваться в качестве важного средства интерпретации смысла текста, как условие организованности рефлексии, контролирующей поиск и построение новых средств и орудий мыслительной и эмоциональной активности реципиента [Волкова 1997].

Изучение эмотивности языка в динамике (языковой эмотивный код — развитие языкового кода — эмотивные приращения — эмотивный потенциал языка) позволяет акцентировать внимание на новых возможностях реализации его скрытых ресурсов, выявить перспективы развития языковых моделей, порождаемых новыми условиями коммуникации.

В этом смысле необходимым является углубление понятия эмоциональной достоверности автора и эмотивной достоверности текста, исследовании способов реализации эстетической эмоции творческой языковой личности в художественном тексте [Павлючко 1999]. Известно, что основные свойства личности писателя могут быть подчинены потребностям творческой личности, а эмоции выступать в качестве одного из видов знания. Эмотивная компетенция автора художественного произведения предстает, с одной стороны, как процесс отражения национально-культурных реалий, а с другой стороны, в качестве способности автора использовать систему разноуровневых эмотивных средств данного языка и стилистических приемов для отражения в тексте своей индивидуальной эстетической концепции и эмоциональной картины мира.

Особый вид эмотивности представлен в тексте комикса как виде креолизованного текста. Мы предполагаем, что комикс является ан-

самблем скриптографических знаков, основанном на генетических связях многокадрового рисунка с текстовым сопровождением и кино. Важнейшей особенностью комикса является полиинформативность. Он обладает тремя каналами информации: графическим рядом (совокупностью графических знаков), вербальным текстом (совокупностью вербального содержания) и знаками, общность которых мы выделяем в особый информационный канал — параграфический. Эмотивная информация здесь транслируется по всем трем каналам — графическому, вербальному и параграфическому. Вербальный текст комикса обладает теми же средствами для выражения эмоций (лексическими, стилистическими, синтаксическими), что и обычный буквенный текст (эмотивная лексика, ломаный синтаксис и др.).

Для выражения широкого спектра эмоций в комиксе часто используют параграфические знаки (многоточие, вопросительный, восклицательный знаки и др.). Большая часть эмотивной информации комикса передается по графическому информационному каналу. Можно предположить, что графика комикса не только несет самостоятельную информацию, но и выполняет функцию контекста по отношению к вербальному тексту. Функция буквенного текста заключается в коррекции и уточнении эмотивного смысла, представленного графикой, что, впрочем, не исключает возможности его дублирования, ослабления или усиления.

Эмотивность таких текстов связана и с реализацией бартовского концепта «удовольствия от текста», в соответствии с которым выделяются следующие мотивы, которыми руководствуются потребители паралитературы: желание оказаться во власти художественной фикции и желание испытать удовольствие от самой формы подачи материала, языка комиксов [Козлов 1999].

Таким образом, в любом тексте можно выделить различные планы, по которым характеризуется текст: событийный, временной, образный, эмотивный и т. д. Эмотивность может быть представлена на разных уровнях организации речевого произведения, для которых выработаны различные термины. Выделяется эмотивный план текста, говорящий об эмотивной окраске текста, об эмотивном фоне высказывания или его тоне (А. Г. Баранов, Н. С. Болотнова, С. В. Ионова и др.), об эмоциональной нагрузке текста. Эмотивный тон характеризует выбор лингвистических средств, используемых в тексте. Известно, что даже о грустном можно говорить весело, поздравить можно грубо и т. д. Тон или тональность текста — это частные способы реа-

лизации эмотивного намерения автора, тот набор языковых единиц (всех уровней), которые содержатся в тексте. Эмотивный план текста — та характеристика, которая берется за основу при анализе текста. Эмотивный план, тон, окраска, фон, смысл предполагают эмотивность в тексте. Поэтому данные понятия можно считать соотносительными друг с другом и с понятием эмотивного пространства текста. Эмоции функционируют на гносеологическом уровне понимания текста (определяя место данного текста в системе ценностей человека), на уровне фактуального содержания как отражение эмоциональных коммуникативных ситуаций, на психологическом уровне понимания текста (подробнее см.: [Баранов 1993; Гак 1996; Ионова 1998]).

Эмотивному тексту присущи все функции обычного текста: актуализирующая, конкретизирующая, преобразующая, компенсирующая, нейтрализующая и др. Кроме этого, у эмотивного текста есть и свои собственные функции, например, он может полностью редуцировать логико-предметное значение любого слова и сделать его контекстуальным коннотативом или даже аффективом (по типу лексики обзывания, бранной, вульгарной лексики). С другой стороны, он может «навести» эмотивность на содержание нейтрального слова. Его возможности в этой функции при наличии просодического и фонационного компонентов высказывания практически безграничны. Естественно, что все эти функции, ввиду специфики семантики его единиц, имеют в эмотивном тексте особую представленность. Это объясняется взаимодействием семантики слов, входящих в определенный контекст, и их влиянием друг на друга: одно и то же слово в разных контекстах по-разному варьирует свою семантику.

Известно, что текст — это мост между действительностью и *Homo loquens*. Из суммы значений конститuentов текста формируются смыслы, но не просто как результат сложения значений текста, а как результат сложения и вычитания детерминации. В число этих детерминаций входят интертекстуальные фреймы: семиотический подход к изучению текста обнаружил, что каждый текст опирается на все предыдущие тексты, которые и детерминируют смысл данного текста.

Для исследования эмотивного текста важной является теоретическая гипотеза об интертекстуальном качестве эмотивности, связывающей через эмотему множество прошлых и будущих текстов в эмотивный сверткест, подлежащий узнаванию (по частям) в каждом новом эмотивном тексте. Это узнавание осуществляется через интертекстуальные форманты и финитивы (топосы, клише, мифологемы,

нарратемы, мотивы, образы, символы и т. п.), которые находятся, по мнению Г.-Г. Рупрехта, в отношениях парадигматической дополнительнойности. Из этих наблюдений следует вывод о пространственно-временной непрерывности литературной культуры и о транстекстуальности, включающей интертекстуальность. Решающим фактором в декодировании (понимании) смыслов текста оказывается межтекстовая компетентность читателя (реципиента). Ю. Кристева, Г.-Г. Рупрехт, У. Эко утверждают, что ни один текст не читается (понимается) независимо от читательского опыта.

Межтекстовые эмоциональные фреймы являются специальным средством перекодирования каждого нового текста, который в свою очередь расширяет глобальный интертекстуальный фрейм. Несомненно, у разных читателей (получателей текста) эти интертекстуальные фреймы различны, чем и объясняются различные уровни (и глубина) понимания одного и того же текста (и особенно его эмотивных смыслов) различными читателями. Текст и как выражение, и как содержание видится разным читателям по-разному, отсюда и множественность (до неприменимости) его интерпретаций. Один и тот же художественный текст можно читать бесконечно и при каждом очередном прочтении открывать для себя все новые и новые смыслы его содержания, в том числе и эмотивные смыслы. Это объясняется тем, что в процессе его референциации и узнавания его читателем происходит перегруппировка ранее уже опознанных и появление новых смыслов.

Так, например, читатель, столкнувшись с шекспировскими цитациями типа «быть или не быть», «что в имени твоём?», «молилась ли ты на ночь?» может адекватно соотносить их с межтекстовыми фреймами или, если в его опыте, в том числе и эмоциональном, такие фреймы отсутствуют, опираться на разные (в том числе и ошибочные) уровни эмоциональной (эстетической) рефлексии содержания текста. Интересно мнение Г.-Г. Рупрехта о том, что каждый данный текст является частичкой фрейма не только всех прошлых текстов, но и будущих тоже (тексты возможных миров еще не написаны, но уже существуют).

Эмотивная интертекстуальность как межтекстуальный фрейм является закономерностью, без учета которой адекватное понимание всех смыслов художественного текста невозможно.

Таким образом, эмотивный текст является своеобразным «зданием», в котором представлены все «этажи» эмотивности языка и все каналы (особенно, если он является звуковым) ее языкового выраже-

ния. Анализ содержания текста позволяет увидеть эмотивность в действии: условия ее «работы», характер ее различных проявлений, взаимодействие с дескриптивным (когнитивным) значением единиц текста, их экспрессивностью и оценочностью. Соотношение многообразных эмоций разных пластов текста определяет специфику эмотивности речевого произведения и представляет бесчисленную вариативность его эмотивных смыслов.

§ 2. Закономерности эмотивной организации текста

В лингвистической литературе часто цитируется мнение Л. В. Щербы о том, что в науке ясны только крайние случаи языковых явлений. Промежуточные же в самом первоисточнике — в сознании говорящих — оказываются неопределенными. Однако именно это — неясное и колеблющееся — и должно более всего привлекать внимание лингвистов. Таким пока еще колеблющимся, не всегда определенным для лингвистики фактом являются закономерности построения и интерпретации текста вообще и эмотивного особенно.

Существование законов, закономерностей, правил, тенденций функционирования языка не подлежит сомнению. И основные философские законы проявляются при изучении закономерностей и системных образований в языке. Например, закон перехода количества в новое качество проявляется в закономерностях участия семантики языковых единиц в создании фразовой семантики или цельного текста. Общепринятыми и общеизвестными являются такие лингвистические постулаты, как закон языковой экономии, закон Вернера, закон распределения Бреала. Законы в форме некоторых тенденций регулируют стабильность и динамику языка, применительно, например, к семантике слова [Общее языкознание... 1970: 252–262]. Варьирование семантики слова является выражением закона С. О. Карцевского об асимметрии языковых знаков [Карцевский 1965] и предполагает мутацию форм и значений единиц языка.

Убедительные доказательства существования лингвистических закономерностей были представлены на проходившем в октябре 1981 г. в СКНЦ Высшей школы IV теоретическом семинаре языковедов, посвященном проблеме «Лингвистика в терминах законов и правил». Несмотря на противоположные исходные позиции некоторых участников дискуссии, все лингвисты единодушно отметили важность изучения закономерностей функционирования языка, как одного из объек-

тов общего, сопоставительного и частного языкознания. Их изучение необходимо, во-первых, чтобы углублять наши знания о причинно-следственных связях в языке, что будет способствовать более адекватному пониманию и толкованию многообразных языковых фактов; во-вторых, познание лингвистических законов, закономерностей и правил языка имеет прагматическую значимость, поскольку помогает объяснить причины выбора тех или иных знаков в процессе коммуникации и выявить ряд случаев, которые не будут подчиняться выявленным закономерностям, тем самым способствуя продвижению лингвистических знаний.

Имеются определенные законы и закономерности в сфере текстообразования, например, закон структурной организации текста (начало, завершенность, членение и т. д.), благодаря чему текст называют островком организованности [Гальперин 1981: 5]. Приходится констатировать, однако, сложность отграничения лингвистических законов, правил, закономерностей и тенденций друг от друга. И особенно это касается лингвистики текста: в специальной литературе часто встречается необоснованная подмена терминов и возведение в ранг законов языковых регулярностей значительно «младшего» статуса. Понятие лингвистического закона отличается от понятия закона вообще в силу динамичности языка. Ф. Энгельс писал: «Абсолютно резкие, различительные линии не совместимы с теорией развития ... Диалектика признает в надлежащих случаях наряду с “или – или” также “как то, так и другое” и опосредует противоположности» [Энгельс 1974: 193]. Этот тезис в полной мере относится и к рассматриваемым в книге единицам и категориям текста.

Как известно, живой язык отличается большой подвижностью, он не прекращает своего развития ни на минуту, и поэтому детерминистский подход к изучению эмотивного текста не адекватен его онтологии и гносеологии. Более объективным, с точки зрения современного состояния науки о языке, когда накоплено большое количество довольно противоречивого материала, является стохастический (т. е. вероятностный, допускающий варианты в объяснении) подход к анализу его конкретных фактов.

Прагматический эффект речевой деятельности, как известно, прямо зависит от искусства владения языковыми законами, и в частности, законом, который мы условно называем законом эмотивной прагматики, ибо многие тенденции, правила и закономерности эмотивного текста работают как варианты этого закона. Поэтому, исследуя эмо-

тивный текст на предмет функционирования в нем собственных закономерностей и правил, мы исходим из следующих тезисов:

1. Законы и закономерности — суть абстракции отношений лингвистических фактов.

2. Чтобы проникнуть в закономерности, необходимо увидеть упорядоченности, а для этого надо подняться над фактическим материалом, «оторваться от конкретного, возвести опыт в более или менее обоснованную теорию» [Гальперин 1980: 4].

3. Законы и закономерности проявляются в конкретных языковых фактах в виде правил; закон регулируется правилами.

4. Нет правил без исключений, а значит, и в законах / закономерностях также возможны исключения.

5. Рассматриваемые категории (законы, закономерности, правила) могут пересекаться, переходить друг в друга, так как они находятся в диалектической взаимосвязи.

Исходя из этих тезисов мы стремились в сфере эмотивного текста установить некоторые закономерности без их детерминистского противопоставления правилам и законам. Мы аргументируем это еще и тем, что в сугубо практических целях вполне достаточно владения уровнем языковых закономерностей для регулирования правильности построения эмотивных высказываний. Таким образом, мы исходим из коммуникативной функции закономерностей и правил.

§ 3. Текстоброующий потенциал эмоций

Коммуникативной лингвистикой установлено, что люди общаются при помощи текстов, и на этом основании текст считается коммуникативной единицей. Основной чертой любого текста является ситуативность, так как он отражает определенную ситуацию [Мурзин 1984: 22], поэтому можно сказать, что текст описывает, то есть семантически интерпретирует «кусочек» действительности. Это описание может быть и эмоциональным, так как эмоции являются одним из пусковых механизмов речи.

Общение (речевой акт) имеет ряд координат — компонентов текста, среди них: говорящий, слушающий, время, место, цель (установка) и пр. К ним следует добавить и эмоциональный компонент, который регулирует соотношение всех других компонентов текста с человеческим фактором коммуникантов: их общим эмоциональным индексом, их взаимоотношениями, их психическим состоянием в момент

общения и пр. Данные координаты обуславливают особенности представления эмоций в тексте, многие из которых могут рассматриваться в качестве постоянно проявляющихся закономерностей.

Любой текст состоит из набора определенных единиц информации, среди которых могут быть и эмоциональные единицы, особенно, если они информируют о взаимоотношениях людей. Отношения между ними сложны и отличаются от законов мира материального. В. Брожик пишет, что «образование кристаллических решеток является прямым следствием действия законов механики (трехмерное расположение атомов в кристаллической решетке). А взаимоотношения, в которые вступают люди, никогда не детерминированы столь же просто и однозначно. Они не являются прямым результатом тех или иных свойств человека и общества, ибо таких наперед заданных свойств не существует» [Брожик 1982: 13]. С последним тезисом вряд ли можно согласиться полностью, так как человек является социальным существом, а поэтому и общество, и конкретный коллектив определенные свойства взаимоотношения с другими людьми все-таки задают «наперед», в том числе и в сфере эмоциональных общений (хотя, конечно, явление богаче, чем закон, тем более, если это явление — эмоциональное).

На эту определенную заданность «наперед» указывает установленный учеными принцип эмоциональной коммуникации, суть которого заключается в том, что эмоции переживаются лично, а их выразительный (то есть внешний, в том числе и через язык) компонент социален. Реализуется этот принцип эмоций в особом семантическом типе текстов — эмотивном, то есть тексте, отражающем эмоциональные состояния говорящих и их взаимоотношения с помощью слов. Одной из особенностей эмотивного текста является тот факт, что слово в нем может отражать не только объективную картину, но выражать особые смыслы. Ни одна словарная дефиниция слова не может охватить всех оттенков его семантики, особенно эмотивной, которые вскрываются в речи/тексте, где сочетаемость нормы наиболее широки и свободны. В тексте получают реализацию глубинные пласты семантических потенций слова — то, что лежит на поверхности, не всегда объясняет трансформацию семантики слова в речи/тексте.

Мы не разграничиваем типы этих текстов с точки зрения их размера и длины. Минимальным текстом является высказывание, которое может быть даже однословным аффективом. Текст является рече-

вым произведением, и это могут быть реплики, возникающие в процессе сиюминутного разговора, а также высказывания авторов или персонажей, зафиксированные в художественных произведениях.

Анализ многочисленных эмотивных текстов позволил вычленить следующие его компоненты: языковые (эмотивная лексика и фразеология, набор эмотивных конструкций), параязыковые (эмоциональная кинесика и фонация в лексическом представлении в др.), а также неязыковые (эмоциональная ситуация, эмоциональная пресуппозиция, эмоциональные намерения, эмоциональные позиции коммуникантов в момент общения и их общий эмоциональный настрой). Всё это находит формальное выражение в специальных средствах: лексике и синтаксисе, структуре и стилистике, просодии, фонации и кинесике, которые выступают в функции сигналов об эмоциональности данного текста. В терминах психолингвистики все они являются семантическими раздражителями (стимулами), вызывающими определенные ответные эмоциональные реакции.

Ш. Балли отмечал, что «одной из самых характерных черт разговорного языка является... его постоянное стремление к эмоциональному выражению мысли» [Балли 1961: 351]. Поэтому мы и берем фиксированный в художественных произведениях разговорный язык в качестве формирующего эмотивные тексты. По мнению В. Г. Гака, «всякому высказыванию неизменно сопутствуют эмоции» [Гак 1971: 95; 1998]. Разумеется, звуковой текст за счет просодии и фонации явно более эмоционален, чем письменная его фиксация. Например, можно предположить, что нижеследующий текст в звучащем варианте еще более эмоционален, чем это отображено его лексикой, стилистикой и грамматикой:

«Oh, my darling baby girl!» he exclaimed. «My beautiful, beautiful Sondra! If you only knew how much I love you! If you only knew!» (Th. Dreiser. An American Tragedy).

Эмотивы — как сигналы эмотивного текста и его единицы — подразделяются на эмотивы-стимулы (С_э) и эмотивы-реакции (Р_э), между которыми, как показывает материал художественных произведений, существует определенная система регулярных взаимоотношений.

Их типология может быть смоделирована следующим образом¹:

¹ Здесь использована следующая символика: - данный стимул вызывает данную реакцию; - отрицательная реакция; + положительная реакция; э – эмоциональная реакция; о – нулевая реакция.

а) при равных эмоциональных позициях коммуникантов

$$C_3 \leftrightarrow P_3; C_3^- \leftrightarrow P_3^-; C_3^+ \leftrightarrow P_3^+;$$

б) при разных эмоциональных позициях коммуникантов:

$$C_3 \leftrightarrow P_{0/3}; C_3^- \leftrightarrow P_{0/3}^-; C_3^+ \leftrightarrow P_{0/3}^+; C_0 \leftrightarrow P_{0/3}^-; C_0 \leftrightarrow P_{0/3}^+.$$

Сведение всех вариантов взаимодействия эмотивных стимулов и реакций дает следующую картину моделей: $C_3 \leftrightarrow P_{0/3}^{+/-}$; $C_0 \leftrightarrow P_{0/3}^{+/-}$. (во всех случаях речь идет о словесно выраженной реакции). Как известно, в большом количестве случаев эмотивная реакция может быть формальной и не выраженной по моральным, психологическим и другим причинам, когда работают рациональные — социальные и тактические — фильтры, блокирующие выражение эмоций получателем стимулов.

Анализ взаимоотношений C_3 и P_3 обнаруживает, как одну из закономерностей, регулярность отрицательной связи в эмотивном тексте. Суть этой регулярности такова: если в эмотивном высказывании-стимуле имеется хоть один эмотив с оценочным знаком минус, то в высказывании-реакции с большей долей предсказуемости также встретится как минимум один эмотив со знаком минус. А если в стимулирующем эмотивном высказывании будут эмотивы со знаком плюс, то в тексте-реакции они могут быть, а могут и не быть; совершенно непредсказуемы в них отрицательные реакции. Так в IV акте пьесы Б. Шоу «Пигмалион» идет «перепалка» между профессором Хиггинсом и Элизой, возмущенной тем, что Хиггинс, заключавший на нее пари, был к ее стараниям совершенно равнодушен и даже не поблагодарил ее, когда она выиграла для него пари. В ситуации почти семейной ссоры они обмениваются следующими эмотивами: Элиза — *selfish brute; oh God!; your slippers; those slippers*; Хиггинс — *presumptuous insect on earth; the creature; cat; the devil; in haven's name; tosh; devilish; damned; damn; heartless guttersnipe*. Как видно из этого списка, Хиггинс более эмоционален в словесных реакциях на упреки Элизы, у которой превалирует эмоциональная кинесика и фонация: *fling herself furiously on the floor raging; snatching up the slippers, and hurling them at him one after another with all her force; gives a suffocated screen of fury, and instinctively darts her nails at his face, pertly; thrilling with hidden joy; with bitter submission* (B. Shaw. Pygmalion).

Приведем пример, иллюстрирующий проявление закономерностей отрицательной оценки эмотивов в этой ситуации:

Higgins: «*You won my bet! You! Presumptuous insect! I won it. What did you throw these slippers at me for?*» Liza: «*Because I wanted to smash your face. I'd like to kill you, you selfish brute!*» (B. Shaw. Pygmalion).

Примером того, как ласкательные стимулы-слова вызывают аналогичные реакции-слова, является нижеследующий:

«*Oh! my darling baby girl!*» he exclaimed. «*My beautiful, beautiful Sondra! If you only know!*» — «*Ssh! Not a word now! Oh, but I do love you, baby boy!*» (Th. Dreiser).

Закономерностью эмотивного текста является и то, что эмотивы не употребляются в нейтральных текстах, когда интенции в позиции коммуникантов нейтральны, а сама ситуация общения — неэмоциональна. Эксперименты на внесение эмотивов в нейтральные контексты показали, что информанты воспринимают их как не соответствующие ситуации, стилю, содержанию и целям коммуникации:

1. Учитель во время урока ученику: *Go to that (stinking) telescope and look through it at the (bloody) moon.*

2. Ученик во время ответа домашнего задания по литературе: *The (damn) gray clouds were coming (hell) law over their (pots) heads.*

Если ситуация того не требует, а эмотивы всё же употреблены, то они либо характеризуют индивидуальные речевые особенности говорящего, либо служат просто фатическим целям. Так Стрикленд, герой романа У. С. Моэма «Луна и Грош» — это человек вообще довольно грубый, об этом знали все его знакомые, и поэтому брань в его устах, не вызванная и не прогнозируемая ситуацией, в большинстве случаев не воспринималась уже как брань. Она не была и экспрессивной, так как являлась его речевой нормой, а потому не была прагматичной в эмоциональном плане (прагматика в таких случаях сведена к фатике):

«*Come and have breakfast, mate*», he said. — «*Go to hell*», answered Strickland. *I recognized my friend's limited vocabulary.* — «*Basted?*» asked the Captain. — «*Blast you*» answered Strickland (W. S. Maugham. The Moon and Sixpence).

Персонаж пьесы Б. Шоу «Пигмалион» профессор Хиггинс шокировал всех своим свободным непреднамеренным употреблением бранной лексики, которую он даже не замечал в своей речи. Из-за этого мать просит его не бывать у нее в дни, когда ее посещают друзья: «*You offend my friends: they stop coming whenever they meet you*» (B. Shaw Pygmalion). Его экономка миссис Пирс неоднократно выговаривает ему за бранную лексику:

You swear a great deal too much. I don't mind your damning and blasting, and what the devil and where the devil and who the devil (B. Shaw).

Аффектив *bloody* — самый частотный в речи Хиггинса, и когда экономка в очередной раз делает ему замечание за то, что он «лепит» это слово в качестве эпитета ко всем предметам: «*Only this morning, sir, you applied it to your boots, to the butter, and to the brown bread*», Хиггинс оправдывается так: «*Oh, that! Mere alliteration, Mrs. Pearce, natural to a poet*».

Эти два случая иллюстрируют немотивированное эмоциональное вербальное поведение и следующую модель эмотивного текста: $C_0 \leftrightarrow P_3$.

Исследование показало, что в английском языке имеются определенные клишированные эмотивные структуры, тяготеющие к эмотивным текстам, и лексикализованные фразы: *how + nice*; *how can/could you/he*; *how/where/who/what/why on earth!*; *what the hell/deuce/devil/dickens...*; *you are a N*; *that (A) N₁ of (A) N₂!*; *what a N!*; *such a (A) N!*; *poor/dear/young/little/old + N*; *some + N*, etc. Такие структуры не только являются текстовыми сигналами его эмотивности, но и ее текстовыми экспликаторами, наравне с эмоциональным согласованием, эмоциональной рамкой высказывания, лексическим описанием эмоциональной кинесики, фонации и просодии, слов-интенсификаторов и др. Например: «*To see her back again!*»; «*The ideal!*»; «*Call yourself a friend!*»; «*What a thing to happen!*»; «*That rascally doctor!*»; «*Oh, boy... is he a case!*»; «*What on earth made you fall in love with her!*»; «*Such a cold liar!*»; «*Poor little rich girl!*»; «*How maddening!*»; «*Why, fancy that!*».

При анализе эмотивных текстов замечено, что определенные эмоции тяготеют к определенным коммуникативным типам высказывания. Например, эмоции удивления, возмущения и радости часто выражаются в восклицательных, в вопросительно-восклицательных предложениях, а эмоции грусти и печали — в повествовательных. В этом факте также усматриваются лингво-психологические закономерности, например:

Scarlet could have burst with rage and hurt. How could he go off to a political meeting on this of all nights in the world? A political meeting! (M. Mitchell. *Gone with the Wind*).

Именно кодированностью, знаковостью языковых средств выражения эмоций объясняется тот факт, что с помощью определенных моделей и клише коммуниканты сознательно сигнализируют о тех или

иных эмоциональных состояниях и отношениях, реальных или ложных (в случаях их намеренной имитации). Приведем примеры эмотивных клише, используемых как сигналы эмоций: *Dear, darling, I'm simply dying to see you, etc.*; *The letter was from Dorris and it started «Kitty darling», not because Doris had any particular affection for her, but because it was her way thus to address every one she knows* (W. S. Maugham. *The Painted Veil*).

Как видно из примеров, для коммуникантов эмотивные клише не всегда являются экспрессивными по содержанию. Они экспрессивны лишь по форме, как формальные сигналы определенной интенции отправителя, призванные вызвать определенный настрой у получателя. Осознанность коммуникантами механизма создания эмоционального эффекта (то есть знание правил «игры в чувства») указывает на закономерность этой условности.

Характерны для эмотивного текста и иные, по сравнению с нейтральным текстом, дистрибутивные связи слов-неэмотивов. Ср.: *a lot he knows!* (→ *he knows a lot*); *She loved him no longer. Oh, the relief and the sense of liberation!* (→ *she felt the relief from this liberation*) (W. S. Maugham. *The Painted Veil*). При трансформации эмотивного высказывания в нейтральное в первом примере эмоциональная информация пропадает вообще, а фактуальная информация изменяется на противоположную. Во втором примере фактуальная информация не изменяется, но в оригинале она сопровождается выражением сильной эмоции удовлетворения и облегчения, а в трансформированном варианте она отсутствует, есть только констатация этой эмоции. Из этих и многих других примеров видно, что эмоции могут разрушать грамматическую структуру фразы и текста, и что, следовательно, эмотивное высказывание может иметь особый синтаксис. Примером такого «ломанного синтаксиса» является возмущенный ответ миссис Хиггинс своему сыну на его предложение организовать Элизе испытание в ее салоне и вести с ней при гостях безопасный разговор о погоде, здоровье:

Mrs. Higgins: Safe! To talk about our health! about our insides! perhaps about our outsides! How could you be so silly, Henry? (B. Shaw. *Pygmalion*).

Приведенные примеры иллюстрируют тезис о том, что актуальное членение предложений, формирующих эмотивное высказывание, отличается от нейтрального, в нем ремой является определенная эмоция.

Одним из параметров эмотивного текста выступает показатель «плотность эмотивов». В широком тексте, то есть размером с фразовое единство и больше, как правило, никогда не выражается одна изолированная эмоция. Эмоции выступают в комплексах, при этом одна эмоция вызывает другую. В таких случаях наблюдается конвергенция эмотивов, и чем их больше, тем плотнее эмотивность текста. Приведем несколько примеров:

«Proposing to Bumble? The dirty swine. At his age». Bill's face grew crimson. «George — a disgusting wind-bag, an unscrupulous hypocritical old hot-air merchant, a fool, poisonous self-advertiser (A. Christie. The Seven Dials Mystery); Higgins (rising in fury): «What! That impostor! that humbug! that toadying ignoramus!» (B. Shaw. Pygmalion); «Jesus! that was exciting!» Marsie said, her eyes glittering. «Wonderful, wonderful!» she praised Hamphries (R. Cassill. The Wound of Love).

Наблюдения показывают, что эмотивы, как правило, притягивают элементы текста, дублирующие и потому усиливающие их эмотивный эффект. Это, видимо, говорит о некоторой семантической недостаточности любого отдельного эмотива для адекватного выражения того или иного сиюминутного эмоционального состояния/отношения:

«Blake turn out a sneaky bastard like's father», Marsie sobbed (R. Cassill); «You ungrateful jilting little slut... you selfish, mercenary, whoring little bitch, I should kill you — I'd like to kill you», ... his face was twisted with rage and sickness and jealousy into something she could scarcely recognized ... Amber stared at him in terror (S. Winsor).

Сравнение эмотивности в этих и вышеприведенных примерах свидетельствует о разной плотности эмотивов в них: первый, второй и последний тексты имеют большую плотность эмотивов. Это отражает более высокую степень эмоциональной напряженности тех ситуаций, в которых эти высказывания реализуются, и говорит о большом заряде их эмотивной прагматики.

Важнейшим спецификатором эмотивного текста и одной из его закономерностей является его эмотивно-просодическое оформление. Роль просодии вообще велика в контекстной семантизации слов, а в случае эмотивов — тем более. Фонометрическими исследованиями установлено, что все эмотивы в тексте обязательно маркированы просодией, то есть увеличением, по причине эмоциональной ситуации, фона коммуникации [Crystal, Quirk 1964]. Например:

Mrs. Merriwether said clearly: «Speculator!» in a tone that made the word the foulest and the most venomous of epithets (M. Mitchell. Gone with the Wind).

Примером, раскрывающим семантическую и прагматическую роль эмоциональной интонации, является и нижеследующий:

«*You stupid fool*». *His tone was so contemptuous that she flushed with anger* (W. S. Maugham. *The Painted Veil*).

Гневная реакция Китти вызвана не столько семантикой эмоционально-усилительных и оценочных слов *stupid, fool* и эмотивной структуры you + N, сколько той интонацией презрения, с которой Уолтер произнес эти слова.

Экспериментально установлено, что с помощью интонации можно дифференцировать различные значения полисемантического слова. Например, слово *sad* в значениях 'ужасный', 'дурной' имеет более яркое просодическое оформление, чем в значении 'печальный' [Минаява 1976]. С помощью интонации говорящие могут придавать словам-эмотивам противоположный смысл. Слова *nice, wonderful* и др. в зависимости от интонации их произношения могут выражать эмотивную семантику с полярными оценочными знаками.

Выяснено, что в ряде случаев просодия вообще является единственным критерием снятия полисемии, если лексический контекст ее не снимает. Например, в предложении *Why, he is a common labouring boy* слово *common* не декодируется лексико-синтаксическим контекстом. Из макроконтекста также не ясно, в каком значении слово здесь употреблено. Исследование интонационного оформления этого слова показало, что его нейтральное значение 'простой', 'обыкновенный' имеет нейтральное просодическое оформление, а эмотивно-окрашенное значение 'вульгарный' произносится со слегка повышенной громкостью (высокий ровный тон).

Параметрами, отличающими произнесение эмотивных словосочетаний, являются обязательное замедление темпа, снижение или повышение громкости, а также появление паузы перед ними. Так, например, как показало экспериментальное исследование Е. Б. Яковлевой [1976], коннотирующее словосочетание *a wretched beginning* в высказывании *This is a wretched beginning indeed* произносится со средним тоном финального завершения с замедлением темпа.

Установлено также, что чем сильнее выражаемая эмоция, тем больше на первый план выдвигается просодия, фонация и кинесика. Так, например, человек в состоянии сильной эмоциональной напряженности (в гневе, злобе, ярости) начинает громко кричать, сила произношения даже незмотивных слов резко увеличивается, не говоря уже об эмотивных, как в нижеследующем примере:

Sheppard leaned forward and said in a low furious voice. «Put that Bible up, Rufus, and eat your dinner»... Johnson continued searching for the passage. «Put that Bible up!» Sheppard shouted (F. O'Connor).

Тот факт, что эмотивные высказывания всегда просодически маркированы — эмфатическое ударение на эмоциональных словах, падение или подъем интонации — иногда находит и графическое отражение в тексте: *«...they have forgotten all the nice little tillage I did for them... and do they think of any of those things now?»*, she asked. *«NOOOOO»*, she said (F. O'Connor).

В данном случае графика заменяет эмоциональные «просодемы» типа «*emphatically*», «*emotionally*». Отсутствие в тексте высказывания каких-либо индикаторов эмоциональной просодии или кинесики нередко препятствует его смысловому восприятию. Так, в высказывании *«You can't take Amelia for long walks, Mr. Gones, she is delicate»* отсутствуют опорные слова, семантизирующие амбивалентный эмотив *delicate* (1) refined; 2) sickly). Из контекста не ясно, почему Амелию нельзя взять на прогулку: то ли потому, что она слишком изнежена и не привыкла к прогулкам, то ли потому, что еще слаба, так как не окрепла после какой-либо болезни [Empson 1951: 45].

Оценочный знак амбивалентного эмотива, как правило, в конкретном высказывании однонаправлен. Аналогично, в зависимости от типа эмоциональной ситуации: одна ж та же эмотивная ситуация, например, *what a man!* может иметь оценочный знак плюс (восхищение: *Какой человек! Что за человек! Ну и человек! Вот (это) человек!*) или минус (возмущение) в тех же лексико-грамматических формах, но, естественно, с иной просодией. Ср. со структурой *some + N*: *They'd nark on their own mother, some people. You might as well live in a jungle with animals, you better off, in fact (Sillitoe A. Key to the Door); «You're some boy, Jack!» John says. «No», Jack says. «It was nothing» (E. Hemingway. Men without Women); «Some lad!» commented Tuppenoe without a mod of approval (A. Christie. Secret Adversary); *The blonde was some dancer!* (J. Salinger. The Catcher in the Rye). Эмотивы с полярными оценочными знаками сопротивляются сочетанию друг с другом в тексте. Сочетание типа: *преlestный бандит, кристальный делега, damned saint, melancholy grandeur*, etc. фактически являются окказиональными и редко встречаемыми оксюморонами — специальным авторским приемом создания образности, ироничности и т. п.*

Не будет преувеличением сказать, что эмотивная семантика слова, в отличие от предметно-логической, всегда пресуппозитивно свя-

зана. Так, междометие *Oh!* имеет около ста различных вариантов эмотивного значения [Берлизон 1973]. В каждом ином высказывании один и тот же эмотив нюансирует, варьирует свое словарное эмотивное значение или коннотацию, в отличие от так называемых референтных слов *apple, book, pen, tree, grass*, которые в любом тексте всегда тождественны словарной семантике. Это происходит потому, что абсолютно повторяющихся эмоциональных ситуаций для различных коммуникантов, и даже для одних и тех же, нет. Поэтому один и тот же эмотив в каждом ином тексте не равен самому себе по эмотивному личностному смыслу. Иногда для его правильного восприятия используется внутриязыковая перевод эмотива через пояснения-расшифровки. Например:

1) *Ann then said: «Oh!» in that choked kind of way. And when a woman says «Oh!» like that it means all the bad words she'd love to say if she only knew them;*
 2) *«Ha!» I said. — Sir? — «I said “Ha”, Jeeves. And I meant “Ha!”. I was registering relief. My aunt Agatha returns this evening»... I opened the second letter. «Ha!» I said. «Sir?» — «Once again “Ha!”, Jeeves, but this time signifying mild surprise» (P. Wodehouse. My Man Jeeves).*

Эмотивный текст варьирует смысл слова, и это отражается на его прагматике — эффекте от его воздействия. Ср.:

«You fool», she said. He drew back quickly, flushing and offended, he could not make her out (W. S. Maugham. The Painted Veil);

«You don't know what you're talking about», she cried. — «You fool». His tone was so contemptuous that she flushed with anger (W. S. Maugham. The Painted Veil).

Один и тот же эмотивный стимул в одной и той же экспрессивной структуре, употребленной в идентичных ситуациях семейной ссоры, вызывает у разных получателей различные эмотивные реакции: в первом случае это обида, что отразилось в кинесике получателя — *отодвинулся быстро, вспыхнул от обиды*; во втором случае то же самое слово для другого получателя прозвучало более презрительно и оскорбительно (на это указывают опорные слова текста) и потому эффект от него уже иной — получатель вспыхнула от гнева.

В зависимости от окружения семантика контекстуального эмотива каждый раз организуется по-новому, поворачиваясь к коммуникантам всё новыми и новыми аспектами, что и создает нюансировку эмотивного смысла. Особенно наглядно это можно видеть на примере контекстуального сближения различных по ассоциативно-смысловым

комплексам значений слов. В применении к одному и тому же человеку слова *предатель*, *спекулянт*, *гадюка* могут выравнивать свои значения и по гиперсеме «нечто отталкивающее» становиться синонимами-эмотивами:

«Let's go», she said. «He is a traitor, a speculator! He is a viper that we have nursed to our bosoms!» (M. Mitchell. *Gone with the Wind*).

Этими презрительными эпитетами, сближенными в эмотивном тексте в ассоциативно-смысловой комплекс с эмоционально-окрашенной идеей «продажность», миссис Элзинг характеризует Рема Батлера в произведении М. Митчел.

Хотя по своему содержанию эмоциональные ситуации не повторяются, по формальной части — по типу доминирующей эмоции — они условно могут быть сведены к определенной типологии. Средства же выражения одних и тех же формально обозначенных эмоций (гнев, восхищение, раздражение и т. д.) варьируются в одних и тех же ситуациях у разных коммуникантов и даже у одних и тех же коммуникантов в разное время. При этом естественно, что вербальное выражение того или иного эмоционального состояния/отношения будет различаться степенью адекватности соответствующим эмоциям. Это объясняется моментом спонтанности, в котором не полностью осознается отбор эмотивов, и индивидуальными морально-психическими особенностями коммуникантов, особенно в ситуации гнева, когда коммуниканты обмениваются, как правило, «обжигающими» оскорблениями:

«I shall hate you till I die, you cad — you lowdown — «What was the word she wanted? She could not think of any word bad enough (M. Mitchell. *Gone with the Wind*).

Мотивом выбора оскорбления, как видно из этого примера, является не денотат номинанта, а та эмоция, которая переживается отправителем в момент говорения. Этот же пример иллюстрирует случаи, довольно нередкие в эмоциональном общении, когда человеку не хватает эмотивов из его словарного запаса для выражения сильной эмоции. Аналогично и в случаях «положительных» эмоций:

«It's — it's — Colonel Bantry struggled to express himself, — «it's — incredible — fantastic!» (A. Christie. *Puzzles*).

Этот случай называется в литературе «принципом воронки» [Долинин 1978: 242].

Способность коммуникантов правильно (то есть адекватно своим эмоциям) передавать и принимать эмотивную информацию можно назвать «имманентной речевой деятельностью эвристикой» [Брудный 1972]. Эвристический поиск нужного слова и его эвристическое декодирование является психологической основой любого речевого поведения коммуникантов, в том числе и эмоционального. Анализ многочисленных реализаций эмотивов в тексте указывает на относительность и условность их семантики: по сравнению с логико-предметными наименованиями эмотивы являются лишь ориентировочными (с равной степенью приближения к содержанию выражаемой ими эмоции, но с достаточным порогом их узнавания) языковыми знаками, замещающими те или иные эмоциональные состояния/отношения говорящего.

Примеры из художественной литературы позволили выявить еще одну закономерность эмотивного текста (высказывания), которую можно выразить словами Г. К. Честертона: «...Мы не умеем разнообразить хвалу так, как мы разнообразим порицание» [Честертон 1982: 137]; значительно чаще в эмотивных высказываниях реализуются эмотивные микрополя «неодобрение». Анализ словарного фонда эмотивов английского языка также выявил значительное превалирование эмотивов неодобрения (в терминах Г. К. Честертона — эмотивов «хуль»). Так что данная коммуникативная закономерность эмотивного текста является отражением языковой закономерности.

Важным свойством эмотивного текста следует признать тот факт, что в нем, как правило, никогда не выражается одна изолированная эмоция. Эмоции выступают в комплексах, при этом одна эмоция вызывает другую. Эту закономерность К. Изард определяет как выражение эмоций в континууме [Isard 1980]. Видимо, этим и объясняется то, что эмотивы в тексте редко бывают представлены в чистом виде. Чаще наблюдается их конвергенция, и чем больше эмоций разного качества сплетается в одном «пучке» (см. стилистическое понятие конвергенции В. Н. Телия), тем плотнее эмотивность текста и интенсивнее его прагматика.

Эмотивная семантика текста, как правило, притягивает, а не отталкивает элементы, дублирующие/усиливающие его эмотивное содержание. Эмотивные единицы также, как правило, употребляются в комплексах, а не изолированно, что, видимо, говорит о некоторой семантической недостаточности любого эмотива для адекватного выражения сиюминутной эмоции. Ср.:

Suddenly she wanted to cry, to lie down on the bed and sob endlessly. He hadn't changed and she had been a fool, a stupid, conceited, silly fool, thinking he loved her (M. Mitchell).

There was only one real difficulty in the affair. «What was that? — I demanded curiously. «Convincing Inspector Miller! What an animal, that. Both obstinate and imbecile» (A. Christie).

Семантика эмотива во втором случае конструируется эмосемами элементов *convincing, obstinate, imbecile, animal*. Она была бы менее эмоциональной, не будучи разложенной говорящим на перечисленные доли, каждая из которых получает отдельное лексическое выражение. В высказывании *You dirty, yellow, sneaking two-faced, lying, rotten, little wop, you!* вообще отсутствуют незмотивы. Сама структура [You + A + N + you + ...!] и все наполняющие ее слова являются языковыми эмотивами, за исключением местоимения *you*, которое является контекстуальным эмотивом благодаря своей позиции, дистрибуции и эмотивной функции.

§ 4. Функции эмотивного текста

Рассмотрим некоторые из функций эмотивного текста.

1. Эмотивная и экспрессивная функции лингвистических единиц в тексте. Л. Ф. Лосев, признавая язык непосредственной действительностью мысли, подчеркивал, что «всё, что есть в мысли, есть в языке» [Лосев 1981: 410]. Все психические, ассоциативные, эмоциональные насыщенности, как компоненты языковой интерпретации фактов действительности, пропущены через сознание, а следовательно, просмысливаются и становятся (если до того не были) мыслительными, когда «отпускаются» на первый уровень языковой реализации — номинации. На языковом уровне мышление реализует ту или иную эмоцию через включение в речь нужного в данный момент социально осмысленного средства отражения того или иного эмоционального факта, явления действительности.

Лексика, аналогичная этой — *headstrong, to cachinnate, daddy, tattle, bloke, fantastic, beastly*, etc. — употребляется говорящими только в эмоциональном состоянии и только в определенных ситуациях. Эмотивное содержание слова является категорией языка, но эмоции по своей природе — категория психологическая, с которой и соотносится язык. Возникает естественный вопрос, откуда же говорящие знают, что именно эти, а не какие-то другие слова, суффиксы, фразео-

логические единицы, синтаксические структуры и интонация эмоциональны, и как каждая из этих средств соотносится с конкретными эмоциями? Объяснение может быть только одно: эти языковые средства выражения типизированных эмоций кодированы, то есть эмотивность является их семантическим компонентом. Этот тип семантики — эмотивный — закреплен в сознании языкового коллектива, адекватно мыслится его индивидами, то есть отражается в структуре их сознания и удерживается в их эмоциональной памяти.

Известно, что язык является средством накопления социального опыта, а эмоции представляют собой часть этого опыта. Любой опыт человечества, в том числе и эмоциональный, закрепляется в языковых единицах, и при их использовании в речи человек кодированно выражает и воспринимает эти эмоции в виде вербальных эмоциональных отношений и состояний говорящего. У таких языковых единиц имеются и формальные внешние признаки отраженных эмоций: специфические суффиксы эмотивной оценки, специфические экспрессивные структуры, специфические дистрибуции слов в эмотивном тексте и др.

Факты речевого общения показывают, что слова, которые не имеют эмотивного компонента в своей семантике, тоже могут в специфических контекстах выполнять эмотивную функцию. Это говорит о том, что эмотивная функция слова может быть как языковой, так и речевой. В последнем случае предпосылкой семантики слова выступают специфические — эмоциональные — условия коммуникации и намерения коммуникантов. В первом же случае эмотивность является языковым значением или коннотацией. Можно утверждать, что эмотивная семантика как слова, так и текста, ее сущность и ее функция тесно взаимосвязаны друг о другом, как взаимосвязаны предмет и его назначение.

Говорящий, выражая свою эмоцию, прежде всего выражает свое отношение к предмету речи или свое эмоциональное состояние в связи с ним, а вовсе не стремится непременно вызвать какую-либо эмоцию у слушающего, хотя это тоже может входить в его намерение. Доминирующей функцией эмотивов, по нашему мнению, является эмоциональное самовыражение говорящего. Воздействует оно или нет на слушающего — не всегда релевантно для говорящего. Но, конечно, у эмотивов имеется и функция воздействия, она объясняется экспрессивной природой эмотивной семантики, и реализуется эта функция, когда выражение эмоций сопровождает цель — оказать воздействие на получателя. Например: *«Он (Аллан.— В. Ш.) назвал ее (Клер.—*

В. Ш.) «чертовой бабой», и от такой грубости она расплакалась» (Фресс 1975: 171).

Однако следует заметить, что цель воздействия может присутствовать в любом акте речи, а не только в эмотивном: «наведение» определенной информации — оскорбление, похвала, принуждение к какому-либо действию и пр. — направлены на стимуляцию ответной поведенческой реакции (в том числе и словесной), необходимой отправителю. С другой стороны, немотивированное употребление эмотивов может и не производить никакого прагматического эффекта. Например: герой романа Дж. Сэлинджера «Над пропастью во ржи» Холден, как и его сверстники, злоупотребляет аффективом *old*, поэтому он в их речи выполняет только функцию эмоционального самовыражения. Например: *I said I'd bet thousand bucks that Jesus never sent old Judas to Hell; I gave old Carl Luce a buss; I dropped old Phoebe's record; And she put her old arm around my neck, and I put my arm around her* (J. Salinger. *Catcher in the Rye*).

Аналогичную — аффективную — функцию в английском языке могут выполнять слова *little, poor, dear, great, etc.*

Из сказанного выше следует, что эмотивность является лишь специфической частью прагматического аспекта семантики слова и текста. В принципе любая семантика может быть прагматической: дескриптивная воздействует на знание, когницию, а эмотивная — на эмоции коммуникантов. Но эмотивная функция слова не тождественна прагматической, так как эмотивность не обязательно только воздействует на адресата, что составляет суть прагматической функции категории экспрессивности. Например:

«He told me never to despise the» — Dermot Craddock paused for moment to seek for a synonym for «old pussies» — «er-elderly ladies. He said they could usually told you what might have happened, what ought to have happened, and even what actually did happen!» (A. Christie. *The Five Little Pigs*).

Сочетания *elderly ladies* и *old pussies* являются синонимичными по дескриптивному компоненту значения. Но «*old pussies*» — это те «*elderly ladies*», которые характеризуются определенными чертами, получающими ироническую эмоциональную оценку общества: они всегда обо всем и обо всех всё знают. Таким образом, словосочетание *old pussies* является экспрессивным знаком иронического отношения.

Всякая иная номинация предполагает и иной план выражения, а форма значима. Каждая новая форма, служащая для обозначения денотата, продолжает для говорящих иметь еще и свой собственный,

временно отодвинутый на второй план, денотат и свое собственное значение, которое остается самостоятельным планом содержания в «новом содержании» и тем самым отличает его экспрессивностью от того наименования, эмотивным синонимом которого оно является. Поэтому в рассматриваемом здесь примере инспектор Скотланд Ярда не мог при мисс Марпл употребить экспрессив *old pussies*, так как это оскорбило бы ее и он не получил бы столь необходимую ему консультацию. Таким образом, в зависимости от отнесения инспектором мисс Марпл к типу *elderly ladies* или к типу *old pussies* прагматика этих наименований для нее была бы различной и, соответственно, ее поведенческая реакция — тоже. Из этого следует, что с прагматическим эффектом следует связывать тактику и стратегию использования прежде всего экспрессивов.

В подтверждение сказанному приведем второй пример:

Думаю из-за какой-то суццей малости — за то, что Клер не ему, а мне первому сказала про нарубленный лапник, — он меня возненавидел... Моя мать всегда запрещала мне это слово произносить. — «Тебе что-то не попутру?» — говорила она. Но, по-моему, какая разница? Может быть в такой форме это звучало изящнее, менее грубо (Фресс 1975: 168).

При сравнении семантики слова *ненавидеть* и его синонимического описания «не принимать что-то своим нутром» в первом обнаруживается сема интенсивности, которая и указывает на экспрессивность текстового слова. Ср.: «она ему не нравится»; «она ему не попутру»; «он ее ненавидит». Последнее высказывание наиболее «поражающе».

Эмотивная функция слова может дополнять его номинативную функцию, когда эмотивность сопутствует логико-предметной семантике, то есть является «добавкой» к ней, ее коннотацией, например, в английском языке: *to lure, to endure, bibber, creaker, foxy, fink, daddy, rag, etc.*; в немецком: *Freitot, Selbstmord, Hauptkopf, die Fart, das Fahren, usw.*; в русском: *брехать, мракобес, бойня (о войне), гадкий, милый, мордашка, капризуля, молодчик*. Эмоционально-оценочные компоненты такой лексики делают ее экспрессивной: даже в словарном состоянии семантика таких слов «впечатляет». Но эта экспрессивность значительно бледнее экспрессивности аффективов, где она «спаяна» водино с эмотивным значением и не разбавляется другими компонентами значения.

Максимально экспрессивны и потому нормированно прагматичны междометия, проклятия, инвективы, бранные и другие «сильные»

слова, например, *мырма*, *зараза*, *хрыч*, *холера* и проч. (о человеке). Это слова того типа, о которых Н. Д. Арутюнова писала: «...Ругань выражает только отрицательное отношение говорящего к объекту оценки (обычно адресату). Она не нуждается ни в основании, ни в критерии оценки» [Арутюнова 1980: 231]. Ср.: *heck, devil, deuce, damn, bloody, bunk, squiffer, dog my cats, son of a bitch, etc.*: «...there is millions of women have been as poor as you were and they'd rather have died than expose themselves like that for a few lousy shillings. *Damn you to hell. I'd like to beat you black and blue!*» (J. Braine. *Room at the Top*). Ср.: «Мы запросто произносим по любому случаю: “Так бы и убил ее или ego!” Поди вот и убей на деле-то» (В. Астафьев).

В эмоциональных речевых актах функция слова может формировать его семантику: экспрессивная функция слова может привести к развитию у слова эмотивного значения или коннотации, а эмотивная функция — экспрессивного значения. Сюда прежде всего следует отнести всю дериватную лексику с аффиксами эмотивно-субъективной оценки, ибо «порожденная» эмоциональными мотивами, она не только эмотивна, но и экспрессивна: *poetaster, poetnik, sexnik, antieverything, birdie, softling, sissy, Irangate, etc.* Эти две семантические и функциональные особенности эмотивного слова могут быть взаимосвязанными изначально: *terrible, horrible, horrid, dreadful, etc.*

Под влиянием эмоциональных причин нейтральное слово может быть употреблено в тексте/высказывании в экспрессивных целях. Например, слова *gorшок*, *чердак*, *nut*, *pot*, *upper storey*, *lemon*, могут употребляться для обозначения головы, несмотря на то, что в языке имеется специальное слово для обозначения этой части тела. Эмотивный текст довольно часто в экспрессивных целях провоцирует перенесение денотата наименования. Функция полученного в эмотивном тексте номинанта — назвать по-иному, через иной звукоряд, и тем самым экспрессивно выразить свои эмоции: *birdie, n.* ('птичка' → 'свист в приемнике, при настройке'); *coffin, n.* ('гроб' → 'негодное к плаванию судно'); *bake, v.* ('запекать' → 'загорать на солнце', 'жариться'); *gash, n.* ('глубокая рана' → 'рот' → 'пасть'); *jaw, v.* ('челюсть' → 'говорить долго и скучно, пережевывая одно и то же') и др. Эмотивная и экспрессивная функции таких слов реализуются в тексте/высказывании одновременно.

Во всех приведенных здесь и выше случаях представлены метафорические названия: для речевого акта далеко не безразлично, как в нем названо, например, плавсредство — *ship* или *coffin*. Эти номинан-

ты различаются разной степенью яркости представленных в них эмоций и силы их экспрессивности. Название присутствует во всех случаях номинации и деривации, а экспрессивность не везде, но там, где она есть, ее уже в самих названиях больше или меньше, тем более в эмоциональных актах речи, где экспрессивную функцию отделить от эмотивной не всегда возможно.

Использование единиц языка для выражения, «выплеска» эмоций без целевой направленности на определенного адресата, то есть эмоциональное самовыражение говорящего, понимается нами как их эмотивная функция: «*Think of it — twenty thousand beautiful pounds!*» (A. Christie); «*Hush! what's that? // I see — I see — Ah! no! 'tis — // Ye powers! it is the — the — the — Pooh! the cat // The devil may take that steal — // thy pace of his!*» (J. Вугон. СХII. P. 523); *Первым приходим в себя Алексей. — «Чертов болван!» — выпаливает он. Интонация смешанная: сквозь злость просвечивает восхищение* (А. Крон. Бессонница. С. 124).

Аффективы в этих примерах говорят не об отношении говорящих к объектам речи (во втором примере он вообще долго остается неизвестным, неопознанным), а об их эмоциональном состоянии в момент этих высказываний. Анализ макротекстовых эмоциональных пресуппозиций данных высказываний подтверждает этот вывод. Особенно ярко и чисто эмотивная функция представлена во втором примере: Дон Жуан, наслушавшись накануне рассказов о блуждающем по замку Амундвиллей привидении, услышал ночью какой-то шорох и произносит приведенное высказывание безадресно, так как около него никого нет (единственный адресат — это он сам), выпуская тем самым свой «эмоциональный пар». Это тот самый случай, который С. Карцевский называя нулевым диалогом [Карцевский 1984: 131], при котором говорящий реагирует на внешний стрессор каким-нибудь восклицанием, никому его не адресуя. У Дона Жуана не было намерения сообщать кому-либо о своих чувствах и влиять на кого-либо этими восклицаниями, тем не менее перед нами — особое коммуникативное высказывание с особой — эмотивной — интонацией и особой функцией — эмотивной.

Анализ многочисленных текстов показывает, что целью их экспрессивной функции, в отличие от эмотивной, является выражение направленных эмоций. Под последними понимается прагматическое намерение воздействовать на получателя в нужном говорящему направлении, заставить его что-то сделать, удовлетворить просьбу, вы-

звать в нем определенные чувства (оскорбить или обласкать): *You are a fine honest rogue, Scarlet! A rogue! Queer that the term should hurt. She wasn't rogue, she told herself vehemently* (M. Mitchell. *Gone with the Wind*).

Сравним эмоциональные самовыражения: «Тьфу!»; «Мне на это наплевать!»; «Я плюю на это!»; «Да тьфу на это!». В аффективе «Тьфу!» может не быть фактора адресата, в отличие от остальных восклицаний, где он обязателен, так как они говорят не столько об эмоциональном состоянии говорящего и о его эмоциональном самовыражении, сколько о его намерении сообщить свое эмоциональное отношение к объекту речи и тем самым произвести впечатление на адресата. (Разумеется, впечатление зависит не только от намерения говорящего, но и от значимости информации для слушающего.)

Самое главное условие воздействия — наличие в качестве адресата человека. Известно, что в роли квазисобеседника могут быть неодушевленные предметы типа «шкафа Гаева» («Дорогой» **многоуважаемый шкаф!** *Приветствую твое существование, которое вот уже более ста лет было направлено к светлым идеалам добра и справедливости* (А. Чехов. Вишневым сад)), и даже вообще не предметы, а явления типа «ночь Джульетты»: *Come, night, come, Romeo! come, thou day in night! ... Come, gentle night; come, loving, black-brow'd night!* (W. Shakespeare). По понятным причинам ни о каком воздействии говорящих на шкаф или ночь в этих случаях говорить не приходится: эмоции в таких случаях выражаются экспрессивно, но не прагматично, и потому в них доминирует эмотивная функция высказывания.

Другими примерами квазисобеседника являются домашние животные. Миссис Х. обращается к своей любимой собачке: «*Charles, darling!*», «*...follow mammy, dear*», «*bye-bye, cocchikins*» (Мозаика 1; 5); Мистер Уинкл уговаривает удирающую от него лошадь: «*Poor fellow*», *said Mr. Winkle, soothingly — «poor fellow — good old horse»*. *The «poor fellow» was proof against flattery, the more Mr. Winkle tried to get near him, the more he slid away* (Ch. Dickens). Как видно из этого примера, лошадь не поддавалась на лесть, ее реакция на эмотивы Мистера Уинкла была противоположной его ожиданиям. В двух последних примерах, в отличие от двух вышеприведенных, говорящие не столько выражают свои эмоции, сколько пытаются оказать желаемое воздействие на адресаты. Поэтому когда говорится о факторе адресата, то надо иметь в виду, что адресат может быть и не человеком.

Фактор же обращенности является обязательным компонентом экспрессивной функции текста/высказывания.

Таким образом, под экспрессивной функцией в данной работе понимается целенаправленное усиление словообозначения или высказывания, рассчитанное на определенную ожидаемую реакцию адресата, то есть на желаемое воздействие от сказанного. Экспрессивная функция текста/высказывания ориентирована на «живого» адресата, а эмотивная функция — прежде всего на самовыражение, «спускание эмоционального пара». Поэтому под эмотивной функцией мы понимаем языковое выражение ненаправленных эмоций. Она осуществляет эмоциональное речевое поведение говорящих как результат их эмоционального отношения к миру. Обе эти функции не являются самостоятельными, они — аспекты коммуникативной функции языка, поэтому в эмотивных текстах/высказываниях они чаще всего реализуются слитно, в превалировании одной или другой в зависимости от упомянутых выше факторов.

Другими словами, в «чистом виде» эмотивная функция предназначена для выражения эмоций говорящих без намерения воздействовать на адресата, а экспрессивная — для сознательного усиления воздействия текстов/высказываний на адресата. Основным для реализации экспрессивной функции является намеренный выбор соответствующего слова (в отличие от спонтанного выбора слова при реализации эмотивной функции высказывания), наиболее эффективного в данной ситуации для замысла отправителя речи.

Разграничение эмотивной и экспрессивной функций является необходимым для понимания различных предназначенностей разных семантических типов слов и, в частности, для дифференциации эмотивов и экспрессивов в лексиконе языка. В свою очередь это разграничение предоставляет возможность для понимания экспрессивной и эмотивной функций как текстообразующих функций и их взаимодействия с другими функциями в различных типах текстов: фактуальных, экспрессивных, или, как в нашем случае, — в эмотивных.

2. Э к с п л и ц и р у ю щ а я и н а в о д я щ а я функции эмоций в тексте. К текстообразующим функциям относятся также эксплицирующая и «наводящая» функции, рассмотрению которых посвящен следующий раздел работы.

В предыдущих главах было выделено два статуса языковой эмотивной семантики: эмотивное значение и эмотивная коннотация, и, соответственно, два типа эмотивной лексики: аффективы и коннотативы.

В эмотивных текстах прежде всего происходит реализация этих типов семантики эмотивов. По сути дела все приводимые ранее примеры иллюстрировали именно эту функцию эмотивного текста — реализующую. По ходу изложения было показано, что в эмотивном тексте могут становиться аффективными/коннотативными и те словарные единицы языка, которые в парадигматике выраженной эмотивностью не маркированы. Исходя из этого факта можно предположить, что существует еще и третий статус эмотивной семантики слова — потенциал.

Текстовый материал подтверждает это предположение и показывает, что необходимо разграничивать два варианта эмотивного потенциала: ингерентного (скрытого, глубинного виртуального) для одних слов и адгерентного — для других. В первом случае эмотивный потенциал слова может быть эксплицирован методом семантического распространения и углубления его словарной дефиниции. Во втором случае эмотивность вносится в слово через контекст, который как бы «наводит» эмотивную сему на семантику нейтрального слова. Она «выводится» из этого слова, как только оно выходит из данного контекста и возвращается в «обойму языка» или когда оно употребляется в неэмотивных текстах/высказываниях. У таких слов никакими специальными методами и приемами вычленить эмотивную сему в их смысловом содержании невозможно, так как такой семы в нем просто нет.

Рассмотрим эти два различных типа потенциалов эмотивности слова на конкретных примерах.

Скрытые от непосредственного наблюдения эмотивные семы являются частью семантического потенциала слова и помимо метода семантического углубления могут быть эксплицированы, например, через его сочетаемости в эмотивных текстах. Проследим за ходом эксплицирования эмотивного потенциала слова «шабашник» через опорные слова-скрепы, выделенные в следующем тексте. Малопочтенное слово «шабашник» далеко не случайно прилипло к так называемым вольным бригадам. Участники их зачастую оказываются гораздо ближе по образу действий к спекулянту, чем к труженику. И дело тут, видимо, в том, что шабашник в возмещение своих рабочих затрат требует и получает от общества намного больше, чем допускают существующие нормы вознаграждения. Явление это проявляется в нравственном перекосе, при котором ослаблены моральные критерии в оценке собственных и чужих поступков, оно растлевает душу. Неверно, что любой труд делает человека нравственно здоровым, служит барьером против потребительского отношения к жизни. Принесет шабашник

кому-то пользу или нет — это для него отходит на второй план. Главное — деньги, ради них все его старания, деловитость, энергия, которые на поверку оборачиваются грубой корыстью. Данный контекст разворачивает глубинную часть смыслового содержания слова «шабашник», эксплицируя его собственную потенциальную эмотивность.

В дефиниционном виде эмотивный потенциал слова «шабашник» можно было представить так: «шабашник — это такой X, который выполняет временную работу в какой-л. организации по личному, выгодному ему договору, не принадлежа к данной организации и не считая эту деятельность престижной для себя, стремится к большому заработку, тем самым преследует прежде всего корысть. Отсюда — уничижительное/презрительное отношение к нему общества» (ТСРЯ).

Анализ обширной картотеки примеров эмотивных высказываний показал, что ингерентный эмотивный потенциал в качестве актуального смысла эксплицируется и в пределах микроконтекста. Возьмем для рассмотрения слово *some* в структуре *some* + N, которое употребляется для выражения широкого диапазона эмоций на оси одобрение — неодобрение объекта речи. В результате дефиниционного углубления и проведения ряда семантических преобразований его словарной дефиниции в ее семном наборе установлены и эксплицированы в качестве потенциальных эмотивные семы «feeling», «delight», «emotion», «admiration», «wonder», «surprise», «disparagement», etc. Этот эмотивный потенциал реализуется только в вышеуказанной структуре высказывания. Приведем примеры: «*The blonde was some dancer!*» (J. Salinger); «*Michael thought, no wonder no body wanted to tell him the story. Some story. Some Luca*» (J. Fuzo). Анализ многочисленных примеров показывает, что конкретизаторами эмотивной семы данного слова являются следующие: «dreadful», «terrible», «awful», «horrible», etc (в зоне выражения отрицательных эмоций) и «excellent», «striking», «remarkable», «great», «splendid», etc. (в зоне выражения положительных эмоций).

В русском языке эмотивный потенциал лексемы *some* имеет соответствие в словах, помещенных в следующие экспрессивные структуры и оформленных эмоциональной интонацией: «*вот это...!*», «*ну и...!*», «*вот так...!*», «*ничего себе...!*», «*...что надо!*», «*вот это действительно...!*», «*какой/ая/ое ...!*», «*ужасный...!*», «*отвратительный...!*» и т. п.

Таким образом, текстовый материал показывает, что слово *some* употребляется для выражения эмоций, поскольку обладает глубинной

амбивалентной эмосемой с широким спектром семных конкретизаторов. Для семантики этого слова она является не дифференциальной, а потенциальной и эксплицируемой в перечисленных выше языковых условиях. Широта конкретизаторов этой эмосемы позволяет слову *some* вступать в неограниченные сочетаемостные комбинации практически со всеми словами — существительными, но в каждом конкретном контексте эмотивного текста широта сужается до одного определенного семного конкретизатора. При этом в эмотивном тексте происходит деавтоматизация семантики прилагательного *some*.

Аналогичный потенциал («эмотивный зародыш») имеют многие нейтральные слова: *never, glory, mother, gift, motherland, etc*, практически все так называемые «хорошие» и «плохие» слова. Именно этот потенциал мотивирует «неожиданную» (ненормированную) эмотивную валентность многих языковых единиц.

Этот тип эмотивного потенциала слова является системным (ингерентным), в отличие от адгерентного эмотивного потенциала, который слову не присущ, но «наводится» на его семантику из окружающего ситуативного и вербального контекста. Под «наведением» сем понимается внесение в значение слова окказиональных контекстуальных смыслов, которые могут быть и денотативными и коннотативными (о наведении денотативных сем см.: [Попова, Стернин 1984: 54 и др.]). Наведение сем обусловлено индивидуальными вкусами, пристрастиями говорящих, их профессиональными, половыми, возрастными особенностями, а также уровнем их образования, жизненного опыта и типом их психики.

Представляется, что никаких иных источников эмотивности в коммуникативных актах, одним из видов которых являются эмотивные высказывания, зафиксированные в текстах, нет. Эмотивность либо актуализируется, если она является языковым значением или коннотацией, либо эксплицируется, если она является ингерентным потенциалом, либо «наводится» на слово-неэмотив извне (из текста/высказывания) в виде адгерентного эмотивного потенциала.

Одним из источников семантики слова Ч. Моррис назвал ту ситуацию, в которой находится интерпретатор [Morris 1966]. Исходя из наблюдений, что в речи практически любое слово может выражать эмоции, сама идея «наведения» эмотивных сем контекстом представляется аргументированной. Оно может быть объяснено и тем, что отношение человека к объектам мира постоянно присутствует и в номинации, и в его речевых актах: человек понимает, чувствует, отражает

и обозначает одновременно, а отношение, в зависимости от ситуации, может легко стать эмоциональным. Это объясняется, тесной взаимосвязью эмоций и оценок. Эмоция — это реакция человека через ощущение и его различные формы; оценка — это суждение о ценности, которое может сопровождаться эмоцией (но может быть и только рациональным), отсюда — существуют переживания с приятными или неприятными ощущениями.

Ситуация, как компонент текста/высказывания, в которую входят и ощущения интерпретаторов слов, может трансформировать адгерентный эмотивный потенциал их смыслового содержания даже в аффективное (эмотивное) значение. Такие случаи можно наблюдать нередко. Так, например, слово *rain* 'дождь' никаких эмоций не отражает: не называет, не описывает и не выражает. Оно является нейтральным именем одного из феноменов природы. Экспликатив «Дождь!» является знаком амбивалентного эмоционального отношения, конкретная эмоция и ее оценочная зона: радость, ликование, восторг или раздражение и безысходность обнаруживаются лишь в конкретной ситуации и контексте.

Рассмотрим одну из ситуаций, в которой на это нейтральное слово контекстом наводится адгерентная эмотивность:

And Dr. MacPhail watched the rain. It was beginning to get on his nerves. It was not like our soft English rain, that drops gently on the earth, it was unmerciful and somehow terrible. You felt in it the malignancy of the primitive powers of the nature. It didn't pour, it flowed. It was like deluge from heaven, and it rattled on the roof of corrugated iron with a steady persistence that was maddening. And sometimes you felt that you must scream if it did not stop and then suddenly you felt powerless, as though your bones had suddenly become soft; and you were miserable and hopeless (W. S. Maugham. The Rain).

Эмотивная, оценочная и экспрессивная лексика этого текста, его структурная и стилистическая организация, метафоры, гиперболы, эпитеты и сравнения «наводят» эмотивные семы на нейтральное слово *rain*, и его актуальный смысл становится ярко и интенсивно эмотивным: 'нечто совершенно ужасное, от чего вам хочется истерично визжать, но это совершенно бесполезно: с ума сводящий дождь не прекращается ни на секунду'.

Ситуация в русском примере прямо противоположная: около года в казахской степи не было дождя, всё в ней погибло, мучались от жажды и жары люди и животные и вдруг — *дождь!*, *проливной!*, *как живая вода, возвращающая всё к жизни*. Слово *дождь* в таком контексте

имеет в своем актуальном смысле наведенные эмосемы, но противоположного, по сравнению с первым примером, качества ее семных конкретизаторов — «восторг», «радость», «счастье»:

To был праздник для них, отдушина с неба. Так истосковались, истомились в сарозеках по дождю. Его глаза были полны неописуемой радости ... Они ... были счастливы (Ч. Айтматов. И дольше века длится день).

Многие годы наблюдений позволили установить ряд формальных способов наведения эмосем в эмотивном тексте как одной из многочисленных разновидностей текста. Как уже упоминалось выше, одной из закономерностей эмотивного текста является аттракция эмотивов, за счет чего происходит взаимоинтенсифицирование их семантики и иррадиирование эмотивности на некоторые элементы высказывания. Благодаря этому факту и происходит «наведение» эмосем на нейтральные слова прежде всего. Рассмотрим конкретный случай:

He didn't like nice girls. He didn't like anything. ... he hated the twenty-mile drive and he hated the second-rate university and he hated the morons who attended it. ... He hated the country and he hated the life he lived, he hated living with his mother and his idiot brother and he hated hearing about the damn help and the damn broken machinery (F. O'Connor. Stories).

Способы наведения эмосем могут быть смоделированы, но только в известных пределах, так как эмоциональные ситуации, как и их языковое отражение, практически неисчислимы. Тем не менее, можно установить типологию контекстов, наводящих эмосемы. Так, например, в случае примеров со словом *дождь* представлены широкие макроконтексты. Картотека примеров показывает, что «наводить» эмосемы могут и более узкие контексты:

There was only one real difficulty in the affair. — «What was that? I demanded curiously. Convincing Inspector Miller! What an animal, that! Both obstinate and imbecile!» (A. Christie).

Под воздействием эпитетов *convincing*, *obstinate*, *imbecile* на семантику слова *animal* «наводится» эмотивный смысл 'ass'.

Примерами микроконтекстов, «наводящих» эмосемы, являются словоосчетания типа: *steam radio* — шутл. 'доброе, старое радио' (букв. 'паровое'); *shilling shocker* — ирон., сарк. 'дешевый бульварный роман' (букв. 'сенсация за шиллинг'); *penny dreadful* — ирон., сарк. 'низкопробный приключенческий роман' (букв. 'ужасы по дешевке') и т. п. В таких случаях «наведение» эмосем осуществляется в зоне 2–3-х слов.

К способам «наведения» эмотивных сем относятся:

1) конвергенция эмотивов и иррадиирование их эмотивности на нейтральную семантику лексических единиц текста (см. пример из рассказа «Весной»): *He [Wesley] didn't like nice girls. He didn't like anything. <...> he hated the 20-mile drive and he hated the second-rate university and he hated the morons who attended it. <...> He hated the country and he hated the life he lived, he hated living with his mother and his idiot brother and he hated hearing about the damn help and the damn broken machinery* (O'Connor).

2) повторы нейтральных лексем с эмоциональной интонацией: *The twenty dollars seemed a wonderful and delightful thing. Ah, money, money, money! What a thing it was to have* (Th. Dreiser); *Разочаровались в жизни? — «Еще не совсем? — Вот как! Интересно-интересно! Похвально-похвально! Не совсем, значит?»* (В. Астафьев);

3) произнесение отдельного нейтрального слова с эмоциональной интонацией, что в письменном тексте графически фиксируется восклицательным знаком: *«Do nothing of the sort, mother. The idea!»* (B. Shaw);

4) «игра» с денотатами (замена одного денотата лексемы или словосочетания другим), например, в случае, когда *Дворец культуры* был назван в печатном издании «спящей красавицей», что окрасило это словосочетание эмотивностью за счет «наведения» на его семантику семы «сарказм» из фоновых знаний коммуникантов о спящей красавице и контекста статьи о бездействующих Дворцах культуры;

5) лексическое описание эмоциональных жестов фонации и просодии: *I should have thought you'd like to know what people thought about it. — Would you? I cannot describe the unmeasurable contempt he put into the two words* (W. S. Maugham. *The Moon and Sixpence*);

6) эмоциональная рамка высказывания;

7) текстовые аранжировки и другие способы.

Уже из приведенных примеров нетрудно заметить, что исследуемый процесс «наведения» эмотивных сем в тексте носит индивидуально-личностный характер, он обусловлен ассоциативными связями различных фреймов у различных коммуникантов. За счет огромного количества социальных фреймов, составляющих фон для личностных фреймов, последние проецируются на традиционные семантические эталоны и с их помощью распознаются различные цели, деятельности коммуникантов, наводящих эмотивные семы из своих собственных миров.

Проблема «наведения» эмотивных сем — это часть проблемы семантического эталона слова, который может трансформироваться и варьироваться в коммуникативных актах, особенно в эмоциональных. Исчислить и описать различные способы и формы «наведения» эмотивных сем является актуальной и специальной задачей современной семасиологии. Здесь же мы затронули наиболее частотные из них и только в связи с вопросами некоторых текстовых функций. Кроме функций экспрессивной, эмотивной, эксплицирующей и наводящей эмотивную семантику у эмотивного текста имеются в другие функции: лексикализирующая (*how nice!* [Bolinger 1972: 28]; *little girl* [Шаховский 1984: 25]), диагностирующая, интерпретирующая эмотивную семантику слова, прагматическая и др. Многие из них проявляются в эмотивном тексте в различных сочетаниях друг с другом, но ведущей остается функция актуализации словарной эмотивной семантики аффективов и коннотативов. Это наблюдение совпадает с общей тенденцией речемыслительной деятельности, в которой случаев актуализации больше, чем всевозможных трансформаций и варьирований вместе взятых.

3. П р а г м а т и ч е с к а я функция эмоций в тексте. Некоторые ученые приходят к мысли, что прагматика — это то, ради чего порождается высказывание, то есть ради определенного эффекта. А прагматический аффект, несомненно, зависит от «ситуации интерпретатора» [Брожек 1982], которым является и адресат. Фактор адресата неизбежно изменчив и во времени, и в пространстве. Простейшим доказательством этого тезиса является то, что один и тот же художественный текст воспринимается разными читателями в один и тот же промежуток времени по-разному (тем более в разное время). Это объясняется различиями в жизненном опыте, знаниях адресатов, их эмоциональных индексах и пр. Без учета эмотивности этих и других параметров фактора адресата нельзя рассчитывать на успешное воздействие речевого общения. С другой стороны, владея этими параметрами конкретного адресата, можно добиться многого в речевом влиянии на него. Другими словами, можно прогнозировать его реакции на тот/иной эмоциональный стимул — устный или письменный.

Какое бы мы ни давали определение эмотивному тексту (высказыванию), очевидно одно: они должны оказывать эмоциональное воздействие, изменять отношение адресата и его чувства. Ведь язык — это часть человеческого поведения, а оно может быть не только рациональным, но и эмоциональным, поэтому прагматика эмотивных вы-

сказываний должна подлежать скрупулезному лингвистическому исследованию, в связи с проблемой тактики и стратегии речевого общения, особенно в условиях массовой коммуникации.

Исследование показало, что наиболее важными для прагматики эмотивного текста являются следующие моменты: эмоциональный акцент слова (или слов) — единицы текста, эмоциональная ситуация, включающая эмоциональную интенцию отправителя, эмоциональную позицию получателя в момент их общения, его конкретные интересы и его эмоциональный тренд (индекс), константно влияющий на его эмоциональные реакции в различных ситуациях.

Один и тот же эмотив, направленный в одном и том же эмотивном смысле в разных ситуациях на одного и того же получателя, может вызвать у него различные, иногда даже противоположные реакции. Различаться будут его реакции и при тождестве ситуаций, смыслов, но в его различных эмоциональных позициях. Схематично это можно изобразить так:

Рассмотрение всех этих параметров эмотивного текста на множестве примеров из художественной литературы дало основание заключить, что эмотивная семантика не тождественна прагматической, так как последняя не обязательно является результатом только эмотивных высказываний. Установлено, что прагматика есть не только у эмотивной лексики, все функции языка прагматичны, так как их конечная цель — разного рода воздействия на получателей. Полагаем, что нет необходимости подкреплять данный тезис специальными примерами, сошлемся лишь на мнение Е. М. Вольф: «Чем сильнее затронуты интересы получателя речи, тем больше речевой акт влияет на эмоциональное состояние адресата» [Вольф 1985: 167], при этом речевой акт/текст может быть только рационально-фактуальным. Практически набор возможных соотношений параметров I, II, III, IV эмотивного

текста является открытым множеством, особенно с учетом различий в индивидуально- и социально-психологических порогах эмоционального реагирования отправителя и получателя текста. Эмоциональные ситуации, интенции, позиции и реакции поддаются типизации и, следовательно, процесс эмоциональной прагматики может быть смоделирован с разной степенью адекватности и использован, например, в воспитательных и идеологических целях.

Сравним слова: рус.: *руководитель* и *главарь*, *подданный* и *лакей*; нем.: *Verangehender* 'тот, кто идет впереди, зачинатель, застрельщик' и *Schrittmacher* 'зачинщик'; англ.: *license* и *liberty* для обозначения одного и того же понятия — 'a freedom in action'. Они различаются тем, что в семантике одних слов прагматика встроена, а других — нет. Поэтому намеренной «игрой в денотаты» можно вызывать противоположные эмоциональные реакции получателей: капиталист может быть либо *Blutsäger* 'кровопийца', либо *Brotgeber* 'кормилец'; война — либо *Völkermord* 'истребление народа', либо *Abenteuer* 'приключение', либо *peace mission* 'миссия мира'.

Приведем еще несколько примеров использования современной политологией эмотивной семантики языка в идеологических целях: *freedom fighters* вместо *doushmans* ('enemies'); *low income* вместо *poverty*; *depression* вместо *crisis*; *international terrorism* вместо *national liberation movement*; *niggers* вместо *negroes*, etc. Примерами идеологически «заряженных» лексем являются: *red*, *communist*, *nigger*, *democracy*, *proletariat*, etc., это доказывает, что каждая оценка, в том числе и эмоциональная, является не только отражением жизненных ситуаций, но и выражением мировоззренческих ситуаций оценивающих субъектов.

Английский литератор прошлого века Г. Бичер называл слова крючками, на которые можно навешивать политические идеи. Как видно из приведенных выше примеров, это особенно справедливо по отношению к эмотивно окрашенным словам. Идеологический аспект эмотивной прагматики текста/высказываний является отдельной актуальной проблемой, затрагиваемой здесь лишь попутно.

Прагматика любого текста/высказывания, как эмотивного, так и неэмотивного, находится в прямой зависимости от правильного выбора слова. Так, например, синонимы *commence* и *begin* отличаются друг от друга стилистико-смысловыми оттенками: первое слово — торжественное, оно предполагает затянутое, тщательно подготовленное и, как правило, сложное начало. Поэтому высказывание *At the first part*

of the performance the audience commenced to show signs of weariness оказывается эмотивно окрашенным, так как с данной ситуацией и данным контекстом слово *commence* не согласуется (их рассогласовка «порождает» эмотивную окраску этого слова). Вместо него в данном высказывании должно быть употреблено слово *begin*. Различие в стилистико-смысловых оттенках этих синонимов вызывает различный коммуникативный эффект: высказывание с *begin* передает только актуальную информацию, а с *commence* — эмоционально-окрашенную (иронию, насмешку).

Английский лексиколог и лексикограф Э. Уикли (E. Weekly) подчеркивал, что саксонские слова обладают специфической эмоциональной окраской, которая отсутствует в параллельных романских языках, например, *foe* и *enemy*, *deep* и *profound*, *lonely* и *solitary*, etc. Он, в частности, заметил, что саксонское слово *ghost* более «терроризирующее» (ужасное), чем романские *phantom*, *specter*, *apparition*. Дж. Вахек признает этот тезис Э. Уикли и добавляет свои примеры в его поддержку: для англичан, например, слово *idiot* звучит более оскорбительно, чем *fool* (см.: [Vachek 1974: 206]). Этот факт, связанный с различной прагматикой соотносительных слов, чрезвычайно важен для практики перевода художественных текстов на иностранный язык и для внутриязыкового перевода, примером которого являются романы П. Вудхауса о молодом аристократе Вустере и его чопорном слуге Дживзе (фрагменты которых неоднократно приводились в данной работе).

Эмоциональная реакция, как результат прагматики высказывания, зависит не только от выбора слова, но и от интонации, с которой говорящий это слово произносит. Произнесенные с определенной просодией, противоречащей словарной семантике слова, эмотивы могут производить противоположный нормативному прагматический эффект, или смягчать его:

Бери, бери спиннинг... Чего зыришь? У, паразит! И слово «паразит» прозвучало так ласково, что у Кеши захолонуло в душе (Е. Евтушенко);

«You old fool», said Mrs. Meade tenderly and laid her hand against his sleeve (M. Mitchell);

Aunt Dahlia... welcomed me with gratifying enthusiasm. She beamed too. «Hullo, Bertie» she said (P. Wodehouse).

В данных примерах эмотивный эффект высказывания прогнозируется через лексическое описание эмоциональной просодии *ласково*, *tenderly*, *with gratifying enthusiasm*, *beamed* и кинесики — *laid her hand against his sleeve*. В первом примере описан и сам эффект — «у Кеши

захолонуло в душе». В нижеследующем примере идентификаторы эмотивного аффекта отсутствуют, но лексическое окружение эмотива *darling* и тот образ, с которым героиня сравнивается, не оставляет сомнения о контекстуальном эмотивном смысле слова *darling* как иронически-уничижительном, то есть обратном его словарному значению:

God help the man, who ever really loves you. You'd break his heart, my darling, cruel, destructive little cat, who is so careless and confident she doesn't even trouble to sheathe her claws (M. Mitchell).

Эмоциональная реакция зависит и от ситуации: одно и то же высказывание может вызвать у одного и того же адресата противоположные эмоции. Воспользуемся примером У. Чейфа [1975]:

Father: Hi, Dennis! What's the news? // Denis: Something terrible! Do you know Mr. Wilson broke his arm? // Father: No! // Mother: How awful! // Dennis: He fell down his cellar stairs! // Mother: The poor man! // Father: When did it happen, Dennis? // Dennis: When he was a kid my age. He just told me about it today! (At this point Dennis's parents show considerable amusement).

Эмотивы *terrible!*, *how awful!*, *no!*, *the poor man!* выражают удивление, сочувствие при «ужасной» новости о том, что м-р Вильсон (сосед родителей Дэниса) сломал руку. Но сообщение о том, что этот факт имел место еще во времена его детства, меняет эмоции родителей Дэниса, так как этот факт тут же перестает быть актуальным и трагическим, а сам м-р Вильсон не нуждается в их сочувствии за давностью событий. Более того, давность этого факта развлекает родителей Дэниса: их эмоциональная реакция меняет свой оценочный знак под влиянием дополнительной информации, уточняющей ситуацию сообщения и корректирующей психологию восприятия одного и того же факта.

Следующим фактором, влияющим на качество эмоциональной реакции, то есть на прагматику высказываний, является эмоциональная позиция адресата. Стрикленд, герой романа С. Мозма «Луна и грош», порвал полностью со своей семьей и ни на какие уговоры, угрозы, увещевания и оскорбления не реагировал: все они для него были непрагматичны. Он выслушивал их с одинаковым безразличием, но в семью не возвращался. Приведем один из эпизодов такой попытки воздействовать на Стрикленда:

I tried another tack: «Everyone will think you a perfect swine». — «Let them». I was silent for a moment in order to give greater force to my next remark. I spoke as deliberately as I could: «You are the most unmitigated cad (W. S. Maugham).

Реакция Стрикленда на эти оскорбления была совершенно непрогнозируемой: *«How that you've got that off your chest, let's go and have dinner»* (W. S. Maugham). Его совершенно не задевали оскорбления, во-первых, потому, что он был вообще упрям и всегда игнорировал чужое мнение и чужую этику; во-вторых, потому, что язык грубостей был его нормой и не имел «встроенной» прагматики, и, в-третьих, потому, что его четкой и твердой позицией было — домой не возвращаться, так как там научиться рисовать ему не дадут, а эта мечта стала смыслом его жизни.

Примером роли эмоциональной позиции адресата в реализации или нереализации нормированной прагматики высказывания может служить такой эпизод — разочарованная в своем муже женщина заявляет: *«Когда ты говоришь мне: "Я тебя люблю!" — это ничего для меня теперь не значит»* (см.: [Alston 1967: 492]). В данном случае интенция и ее восприятие неадекватны друг другу. Такие коммуникативные случаи мы называем эмоциональным дисконтактом в рамках «коммуникативного провала».

Примером зависимости типа эмоциональной реакции от индивидуальных особенностей адресата может быть уже упомянутый выше Совет специалистов — информантов лексикографов У. и М. Моррис при предъявлении этим информантам неологического слова-стимула *to enthuse* они прореагировали на него следующим образом: 1) «School-girlish!»; 2) «Ugh!»; 3) «Ghastly word!»; 4) «To see or hear it!»; 5) «Time-ese again!»; 6) «Hutchens!»; 7) «A terrible word!»; 8) «Help!»; 9) «Back to barbarism!»; 10) «Pfui!»; 11) «Whippie!»; 12) «Gawd, no!» (HCU: 274).

Как свидетельствуют эти высказывания-аффективы, почти все информанты прореагировали на это новообразование отрицательно и очень эмоционально, но каждый по-своему. Возможности английского языка в выражении отрицательных эмоциональных реакций, как видно из этого примера, богаты.

Во многих случаях эффект от эмотивной прагматики текста/высказывания оказывается довольно продолжительным по своему психическому воздействию. Как показывают многочисленные тексты, сила аффекта от эмотивов может не зависеть от количества (плотности) эмотивов в них. Например, неожиданность, непредсказуемость только одного эмотива может быть более прагматична, чем их скопление (см., например, приведенные ранее примеры и пояснения к ним: *«You're a fine honest rogue, Scarlet!» A rogue! Queer that the term should hurt. She wasn't a rogue, she told herself vehemently* (M. Mitchell);

«*Go back to hell where you came from, you old wart hog!*» (F. O'Connor), которые иллюстрируют все этапы порождения эмотивного высказывания и его эмоциональную рамку: субъект и объект эмоций, возникновение мотива, выступающего в роли зачина эмотивного высказывания, формирование интенции, ускоренное в данном случае внутреннее программирование речевого действия, вербальная реализация внутренней программы, эмоциональная фонация, просодия и кинесика. В нем же отражена и проблема эвристического поиска нужного эмотива при переходе от субъективной семантики к социальной).

Прагматика одних и тех же эмотивов различна в разных стилях языка. Возьмем для сравнения стиль научной прозы и стиль рекламы. Исследование английской научной прозы показало, что в ней также употребляется эмотивная лексика, но ее прагматика здесь иная по сравнению с уже рассмотренной выше. В научных текстах «происходит угнетение эмотивного значения и его превращение в штампованное средство выражения авторской субъективной оценки» [Разинкина 1979: 91]. Эмотивы типа *dreadful, appalling, striking, magnificent, startling, terrible, etc.*, используемые обычно для выражения сильных эмоций, в научных текстах не являются эмоциональными интенсивами, их эмоциональная воздейственность в этих текстах «затухает» [Разинкина 1972: 47–55]. Так, например, в научных рецензиях эмотивы: *wonderful, awful, marvelous, admirable, astounding, etc.* «выражают не эмоции, а только отношение к работе». Н. М. Разинкина на конкретных примерах показала, что повторение одних и тех же эмотивных прилагательных в сочетаниях с одними и теми же существительными приводит к возникновению штампа, особенно это касается четырех обязательных оценочных прилагательных: *excellent, splendid, ideal, great*, например: *an excellent paper, review, chapter* [Разинкина 1979: 234]. Всё это позволяет заключить, что стиль научной прозы специфически трансформирует семантику и прагматику эмотивов, а это говорит о еще одной специфике эмотивной семантики: ее колебании внутри семантической структуры эмотива по оси ядро – периферия, а внутри последней по оси периферия близкая – далекая (эмотивный потенциал).

Наш анализ показывает, что в рекламных текстах по продаже домов в прагматических целях — сбыть во что бы то ни стало эти дома покупателям — избылиуют опережающие номинацию языковые и контекстуальные эмотивы-«интриганы»: *lavishly appointed, spacious, gracious, superb, outstanding, unique, unrivalled, delightful, immaculate,*

ideal, wonderful, substantial, superior, etc. Опытные покупатели отмечают, что все эти эмотивные эпитеты, как правило, оказываются словами-пустышками (*totally meaningless*), их цель — лишь смягчить и приукрасить ту неприглядную картину, которую завлеченные ими покупатели иногда видят в действительности. Например, автор рассказа «Покупка дома» расшифровывает, что стоит в действительности за эпитетом *lovable*, использованном в рекламе по продаже одного старого дома: *a dwelling the size of a doll's house suitable only for persons of restricted growth* (Buying... P. 106–108). Этот же автор отмечает, что покупатели давно уже не верят в эмотивы рекламы, и описывает реальный случай, когда этим фактом воспользовался некий Рой Брукс — предприимчивый агент по продаже старых домов. Он преднамеренно в своих рекламах широко использовал т. н. *exaggerated damns* (преувеличенную хулу), то есть негацию «прелестей» и достоинств продаваемых им домов. Покупатели по инерции не верили пейоративам и, считая, что их просто отпугивают от приличного «товара», выстраивались с вечера на всю ночь в очередь у его офиса, который открывался утром. Этот факт может служить ярким доказательством «встроенности» прагматики в эмотивы: коммутационная проверка (простая замена мелиоративных эмотивов пейоративными) достигла стратегической цели — вызвала запланированную агентом Бруксом поведенческую реакцию покупателей.

Таким образом, анализ эмотивных текстов показывает, что эмотивная семантика их единиц, особенно в статусе значения и коннотации, является речематически-коммуникативной. Подтверждение своему мнению находим у Ч. Стивенсона: «...Он (говорящий. — В. Ш.) должен так построить свою речь, чтобы в решающие моменты выбрать слово, имеющее сильное и прочно установившееся предрасположение. Без надлежащих обстоятельств слово не окажет воздействия, но без надлежащего слова обстоятельства могут ничего не дать. Вот почему важно изучать эмотивное значение. Желаем ли мы пользоваться эмотивными словами или хотим их избежать, в любом случае необходимо понимать, какой сильный эффект они способны произвести» [Стивенсон 1985: 142]. Другими словами, эмотивная семантика слова в любой из своих разновидностей является необходимым компонентом коммуникативной компетенции говорящих, который или обеспечивает адекватные для речевого акта прагматические условия взаимодействия коммуникантов, или, в случае его отсутствия в их компетенции, ведет к коммуникативным провалам.

4. **Эмпатическая функция.** Среди многочисленных функций языка как средства мышления и общения незаслуженно забытой является эмпатическая функция. А между тем она, будучи осознанной всеми *Homo loquens* и адекватно использованной в диалогах различных культур через их языки, может стать последней соломинкой в спасении человечества, в том числе и России от губительных межнациональных конфликтов. Из-за политических и экономических неурядиц в российском мультиязыковом обществе имеет место явная недооценка роли языковой культуры и языкового воздействия на сознание, нравственность и практическую деятельность россиян.

Эмпатическая функция языка призвана возвышать человека, совершенствовать его, развивать в нем лучшие черты характера, относящиеся к общечеловеческим ценностям: совесть, добролюбие, дружелюбие, любовь к ближнему, эмпатию и др. Ее правильное использование может помочь в решении социально-политических проблем. Например, эмоционально-смысловые взаимоотношения между народами Северного Кавказа как составной части единой России могут и должны регулироваться при помощи эмпатической функции их языков, которая включает в себя огромную просветительскую и герменевтическую речевую деятельность. «Слова убеждают больше, чем золото и оружие» — эту древнейшую истину надо сделать частью сознания и языкового мышления всех жителей северокавказского региона.

Через вербалику масс-медиа, образовательных учреждений и общение политиков с народами Северного Кавказа на базе высоконравственных речевых тактик и стратегий нужно добиваться прагматического эффекта миролюбия через изменение сознания (речевого мышления), речевых и авербальных поступков.

Г. Гийом открыл лингвистам всего мира истину, заключающуюся в том, что язык и ксеноязык — это не только его система, на чём так долго настаивал Ф. де Соссюр и его последователи, но и история, культура, нравы, традиции народа, на данном языке говорящего. Л. Вайсгербер, а до него и В. фон Гумбольдт называли макрокомпонент языка «духом народа». Именно этот дух и был долгое время исключен из практики обучения ксеноязыку и из теоретических изысканий по языкознанию. Это не могло не приводить к коммуникативным неудачам (помехам и провалам), особенно при кросскультурном вербальном общении.

Исследование лингвистической проблемы дискурса привело ученых к различению контекстных пресуппозиций вербального общения. Одной из них является сам человек говорящий — языковая личность. В. фон Гумбольдт уже в начале прошлого века утверждал, что нет языка вне человека, как и человека вне языка. Антропоцентрическая парадигма языкознания шагнула еще дальше в осознании единства языка, человека говорящего и текстов, им порождаемых. От тезиса «за каждым текстом стоит система языка» лингвисты пришли к осознанию такого факта: «и человек — автор и/или получатель этого текста».

Любой автор и/или получатель текста является представителем этноса. Отсюда и важность ксенокультурных знаний для общений полинациональных этносов. Эти знания добывает сопоставительная контрастивная лингвистика, а «раздает» их практическая лингвистика через образовательные учреждения и масс медиа. К настоящему времени «добыча» явно превышает объем «раздачи»: современная лингвистика «затарилла» огромные запасы лингвокультурологических знаний, невостребованных языковыми обществами и индивидами.

Вектор просветительской, «просвещенческой» функции языкознания должен быть направлен прежде всего на эмоции языковой личности, ибо стержнем каждой личности является ее эмоциональный тренд (Н. И. Жинкин, Б. И. Додонов, В. К. Вилюнас и др.). Этот личностный эмоциональный тренд входит в эмоциональный индекс нации как лингвокультурного сообщества.

Общеизвестно, что мир един, а его эмоциональное картирование и интерпретация мультинациональны. Кроме этого, известно, что языковое пространство не покрывает эмоциональное ни в одной лингвокультуре. Отсюда и различие в эмоциональных картинах единого мира у различных народов: эмоциональный остаток, не поддающийся вербализации на ксеноязыке, — один из опаснейших источников межнациональных взрывов, поэтому перед лингводидактикой встает задача разработки концепции взаимопонимания при различии языков.

В этой концепции голос эмоций должен иметь общую смысловую базу, и ее надо создавать, что требует повышения роли современных компаративистов в процессах становления эмотивной базы речи. Лингвистические знания помогают человеку осознать его назначение на Земле: сохранение мира, сохранение природы как среды обитания человека, совершенствование его лучших качеств, стремление к радости кросскультурного общения.

§ 5. Личностные эмотивные смыслы текста

Наблюдения показывают, что многие люди, в совершенстве владеющие языком (ученые, писатели, артисты), имеют в своем лексиконе придуманные ими слова, связанные с их профессиональной деятельностью, увлечениями или служащие для номинации объектов в мире личных вещей и личных отношений. Исследователи языковой личности А. А. Реформатского приводят такие слова ученого, как «привиранс», «попризабыл», «телеграфнуть», «Акапедия» (Академия педагогических наук СССР) и т. д. Рассказывая об охоте, своем любимом увлечении, он употреблял выражения «подружейная собака», «наброды глухарей», «давать перемолчку» (о глухаре во время пения) [Язык и личность: 165–166]. Во всех приведенных словах и выражениях чувствуется яркая эмоциональная окраска, раскрывающая цель создания подобных неологизмов — выражения эмоционального аспекта языкового мировидения как части общего процесса самовыражения творческой личности.

Создание личностных дериватов является неотъемлемой частью внутреннего языкового мира, когда вся поступившая в сознание информация обрабатывается на двух уровнях — осознается рационально и переживается эмоционально. Так формируется пристрастное, личностное отношение ко всем объектам внешнего мира, а во внутреннем мире даже нарицательные имена начинают функционировать как собственные.

Данный факт позволяет выдвинуть предположение о том, что чем выше уровень освоенности мира субъектом (и, соответственно, уровень языковой компетенции), тем выше степень эмоциональной окрашенности слов в языковом сознании субъекта. По мере освоения субъектом предметов и явлений действительности возрастает роль эмоционального компонента в личностном смысле обозначающих их словесных знаков. Степень эмоциональной нагруженности слова в сознании носителя языка может оказаться столь высокой, что вступает в противоречие с системным значением знака, которое перестает адекватно выражать сформировавшийся в сознании смысл. Данное противоречие приводит либо к приложению другого системного знака к данному денотату (не «лицо», а «рожа», не «подстригли», а «обобванили»), либо, что случается довольно редко, к созданию путем деривации нового слова (в соответствии с приведенными выше моделями). При этом носитель языка берет за основу только си-

стемный корень, поскольку в противном случае знак окажется непереводаемым с языка аутокоммуникации на язык межличностного общения.

Личностный смысл можно, по нашему мнению, представить как структуру, изоморфную системному значению слова. Как уже говорилось, личностный смысл складывается из знания всех компонентов системного значения (денотативного, коннотативного, эмпирического, селективного, функционально-стилистического) и индивидуального смыслового приращения, выраженного в форме личностных сем. Личностные семы могут быть как денотативными, так и коннотативными (эмотивными). Что касается эмпирического компонента, то он помимо обобщенного образа, который может быть передан от одного коммуниканта к другому, содержит и субъективный, подчас сугубо индивидуальный элемент. В качестве примера такого индивидуально-образного восприятия словесного знака Л. С. Бархударов приводит наблюдения зарубежных психологов, когда у одного из испытуемых при слове «религия» возникал зрительный образ негра, а у другого слово «цербер» вызывало представление о толстой женщине [Бархударов 1975: 56–57]. Эта индивидуальная часть эмпирического компонента актуализируется в сознании в момент произнесения слова, но в силу своей индивидуальности она не может быть передана слушающему и является коммуникативно нерелевантной.

Селективный компонент личностного смысла включает знание правил речевой сочетаемости слова. Незнание этих правил приводит к нарушению языкового узуса, как это произошло с героем одного из монологов Г. Хазанова «Это не имеет роли и не играет значения».

Функционально-стилистический компонент личностного смысла предполагает знание носителем языка функционально-стилистической принадлежности слова, возможностей его функционирования в тех или иных регистрах и субъязыках, одним словом, знание литературной нормы. Различие функционально-стилистических компонентов у разных людей проявляется, например, в широком употреблении бранных и нецензурных слов одними носителями языка и строжайшем табуированием таких слов в сознании других.

Таким образом, личностный смысл языкового знака является базовым элементом языкового сознания, показателем глубины языковых знаний субъекта о той или иной экстралингвистической реалии. Языковое знание, в свою очередь, входит в общее знание субъекта о мире.

Большинством исследователей, работающих над проблемой эмотивности, признается тот факт, что в речевом акте практически любое слово может передавать эмотивный смысл (см.: [Балли 1961: 184; Шмелев 1964: 105; Гридин 1983: 115; Шаховский 1987: 10; Бабенко 1990: 11 и др.]). Но само понятие эмотивного смысла трактуется различно. Исходя из того, что большинство лингвистов считают смыслом содержание слова в контексте, следует разграничить эмотивное значение в системе языка и эмотивный смысл в речи. Непосредственным носителем эмотивного потенциала в системе языка и эмотивного смысла в речи является эмотивная сема, состоящая из семантического признака «эмоция» и семных конкретизаторов «любовь», «радость», «презрение» и т. д. Эмотивные семы могут варьироваться в речи в зависимости от коммуникативного намерения говорящего. Эмотивное значение словарно, оно известно всем, кто в совершенстве владеет данным языком, а эмотивный смысл создается в результате актуализации системных или личностных эмотивных сем в речи (внешней или внутренней).

Другой точки зрения придерживается Л. Г. Бабенко. Отталкиваясь от философского понимания смысла как психической сущности, кванта информации определенного рода, концептуально закрепленного в семантике языковых единиц [Аветян 1979; Павилёнис 1983], она делает вывод о том, что эмотивные смыслы есть отображение эмоций в языке, имея в виду все уровни языка. Определяя эмотивное значение, Л. Г. Бабенко пишет: «Это — такое значение (семема), в семной структуре которого содержится сема эмотивности того или иного ранга, т. е. это значение, в котором каким-либо образом представлены (выражены или обозначены) эмотивные смыслы» [Бабенко 1990: 16]. Таким образом, ставится знак равенства между эмотивным значением и эмотивной семой, что, по нашему мнению, запутывает вопрос и создает трудности при описании эмотивных смыслов слова в речевом акте. Поэтому, следуя избранному нами пути, мы будем обозначать словарную эмотивность слова термином «эмотивное значение», а эмоциональную нагрузку слова (в языковом сознании человека) терминами «эмотивный личностный смысл» и «эмотивный актуальный смысл» в речевом акте (тексте).

Другой спорный вопрос связан с тем, какую роль в формировании эмотивного смысла играют слова, которые не выражают, а лишь называют эмоции. Суть разногласий заключается в том, считать ли эмотивную лексику, указывающую на выражение эмоции говорящего, или

же относить к ней также и слова, описывающие эмоциональное состояние говорящего, слушающего или лица, о котором идет речь. Большинство авторов придерживается первой точки зрения, считая эмотивом слово или фразеологическую единицу, способную выражать эмоции говорящего [Шаховский 1983; Арнольд 1999; Быдина 1994 и др.]. На иной позиции стоят Е. М. Галкина-Федорук [1954], и Л. Г. Бабенко, по мнению которой сема эмотивности может отображать эмоциональный процесс относительного любого лица [Бабенко 1989: 16], т. е. и номинацию, и дескрипцию, и экспрессию эмоций.

Если причислять к эмотивам и слова, обозначающие эмоции, эмоциональные процессы и качества (*ненависть*, *ненавидеть*, *ненавистный* и т. п.), то приходится признать, что сема эмотивности может существовать и актуализироваться и на уровне денотативного значения слова. Но специфика эмосемы как раз и заключается в способности созначить объект номинации, т. е. нести вторичный эмотивный заряд, передавать его от говорящего к слушающему. Эмотив — это слово, актуализация которого требует определенного эмоционального состояния говорящего, которое, в свою очередь, способно заразить и слушающего. Таким образом, мы имеем дело с двумя различными видами сем референциализации эмоций языковой личности — денотативными семами, указывающими на эмоции, и коннотативными семами, воспроизводящими (выражающими) эмоции в эмотивном речевом акте (тексте) (см. подробнее: [Шаховский 1994]).

Вместе с тем, нельзя не признать следующий факт: слова, называющие эмоции, имеют в своем значении довольно яркий эмпирический компонент, они прочно ассоциируются в нашем сознании с теми и/или иными эмоциональными проявлениями (жестами, мимикой, интонациями). Поэтому вероятность актуализации ассоциативных виртуальных эмотивных сем, имеющих у каждого слова, у данной лексико-семантической группы более велика, чем у остальных единиц лексикона любого языка. Можно выявить и синтаксические конструкции, в которых лексика эмоций всегда является носителем эмотивного смысла, например: «Ты моя + название конкретной эмоции (радость, счастье, любовь)». Что за + X!; Ну и + X!; Вот это + X! и т. п.

По нашему мнению, лексика, обозначающая эмоции, занимает промежуточное положение между собственно эмотивной лексикой и неэмотивной, поскольку она — потенциально — скорее эмотивна, чем совершенно нейтральна.

Таким образом, по нашей концепции, эмотивный смысл может выражаться в тексте (в речи (*sic!*)), но не в словарном состоянии семантики и собственно эмотивами, и словами, обозначающими эмоции, и эмотивно нейтральной в словарном состоянии лексикой. Последний случай традиционно относится учеными к сфере окказионального в языке, но результаты ряда психолингвистических экспериментов, т. е. в другой парадигме исследования, свидетельствуют, что эмоциональная нагрузка может присутствовать у любого предъявляемого информанту слова (слова как единицы языковой способности человека), поскольку она связана с индивидуальным языковым сознанием [Мягкова 1990: 10, 30].

Всё выше сказанное позволяет определить эмотивный личностный смысл как эмоциональную нагрузку слова в индивидуальном семантическом пространстве *Homo loquens*, *Homo ludens*.

Опираясь на тезис о единстве рационального и эмоционального в мышлении и сознании, мы с неизбежностью должны прийти к выводу о том, что любое слово не только теоретически, но и практически является эмоционально окрашенным. Яркость этой окраски может быть различной в зависимости от эмоционального состояния человека, но она всегда присутствует в ядерной или периферийной части семного поля слова, «высвечиваясь» с большей или меньшей интенсивностью. Эмотивный личностный смысл пронизывает всю сферу сознания, играя важную роль в процессе вербального мышления и общения.

Эмотивный личностный смысл (ЭЛС) в сознании человека постоянно варьируется как по интенсивности, так и по качеству. А. А. Потебня отмечал, что жизнь мысли длиннее жизни чувства, человек может возвращаться вновь и вновь к одной и той же мысли, но его эмоциональное отношение к предмету мышления будет меняться [Потебня 1989: 90]. С течением времени ЭЛС словесного знака может поменять свой знак на противоположный в зависимости от эмоционального опыта человека (ср.: коммунист, демократия, нацист и мн. др.).

Вместе с тем, как показывают эксперименты, словарные эмотивы, а также слова, обладающие устойчивыми эмоциональными ассоциациями, имеют относительно постоянную эмоциональную нагрузку. Например, отмечается большое совпадение оценок таких слов, как «война», «гнусный», «рабочничек» и др. [Мягкова 1990: 47–49]. Эмотивный смысл словарных эмотивов более интенсивен и постоянен для разных носителей языка; в отличие от него, у нейтральной лексики эмотивные смыслы, во-первых, менее интенсивны, а во-вторых, они

могут достаточно сильно варьироваться от одного носителя языка к другому. Можно предположить, что эмоциональная нагрузка таких слов, как «война», «голод», «разруха», «перестройка», «инфляция» и т. д., будет сильно различаться у людей, переживших эти события (состояния), и у людей, которые в жизни с ними не сталкивались.

На роль жизненного опыта в формировании личностного смысла обратил внимание Л. Кэрролл в статье «Алиса на сцене», где он писал о счастливом детстве своей героини «когда всё ново и хорошо, а Грех и Печаль всего лишь слова, пустые слова, которые ничего не значат» [Кэрролл 1991: 11]. Разумеется, десятилетнему ребенку уже известны значения слов «грех», «печаль», но Л. Кэрролл имеет в виду не знание абстрактного понятия, а эмоциональные переживания, связанные с этими словами, вызванные реальными жизненными ситуациями.

Эмоциональная нагрузка словарных эмотивов входит в системную часть личностного смысла словесного знака и составляет его семное ядро. Что касается слов, которые в системе языка являются эмотивно нейтральными, то их эмоциональная нагрузка является компонентом индивидуальной, периферийной части личностного смысла, где она существует в виде виртуальных личностных эмосем.

В индивидуальной части ЭЛС следует различать эмоциональную нагрузку слова, как результат личного опыта и его эмоциональную окраску, как результат впечатления, производимого звуковой оболочкой слова, которое бывает особенно ярким в процессе овладения языком у детей:

Еще я набрал с собой мелких свеколок и морковок и время от времени бросал ими в угол и отпугивал всех, кто мог там быть из нечистой силы, из домовых и прочей шантрапы. Слово «шантрапа» в нашем селе завозное и чего оно обозначает, я не знаю. Но оно мне нравится. «Шантрапа! Шантрапа!» (В. Астафьев).

В процессе речевой актуализации слова могут реализовываться как системные (у словарных эмотивов), так и личностные эмотивные смыслы. Но если в случае реализации системного эмотива говорящий может рассчитывать на адекватное понимание, то употребление системно неэмотивных слов в эмотивном смысле часто приводит к коммуникативным помехам и коммуникативному провалу:

— *Говорят, германцы в последнее время сильно преуспели в этой области?*

— *Да, немцы в этом наши учителя, — небрежно отвечал Базаров.*

Слово «германцы» вместо «немцы» Павел Петрович употребил ради иронии, которой, однако никто и не заметил (И. Тургенев. Отцы и дети).

Создание эмотивного смысла художественного текста путем раскрытия семантического потенциала слов и особого построения предложений традиционно относится к сфере лингвостилистики.

Подробный анализ стилистических приемов не входит в задачи данной работы. Отметим только, что использование этих средств рассчитано на то, чтобы вызвать у читателя интеллектуальные и эстетические чувства, которые, по мнению Б. И. Додонова [1978: 117–119], входят в десять базовых групп эмоций, к которым стремится человек.

Всякий ли текст можно считать эмотивным? Мы выделяем следующие компоненты эмотивного текста: *я з ы к о в ы е* — эмотивная лексика и фразеология (аффективы и коннотативы), набор эмотивных конструкций, лексически выраженные эмоциональные «кинемь», «фонацемь» и «просодемь», разнообразные эмотивные стилемы: метафора, гипербола, эпитеты, оксюморон, ирония и др. и *н е я з ы к о в ы е* — эмоциональная ситуация, включающая эмоциональную пресуппозицию, эмоциональные намерения, эмоциональные позиции коммуникантов в момент общения, графическое оформление эмотивного текста. Все эти компоненты формируют интонационные, лексические и синтаксические сигналы эмоциональности, позволяющие отличать эмотивный текст от неэмотивного (подробнее см.: [Шаховский 1987б и след.]).

При анализе категории эмотивного смысла нами было замечено, что сфера реализации словесного знака в том или ином эмотивном смысле может быть различной. На основании этого факта мы предприняли попытку выделить несколько классов эмотивных смыслов, которые, в свою очередь, могут подразделяться на типы. Как было показано выше, языковой смысл (как личностный, так и актуальный) является синтезом общественного и личностно-эмпирического знания, выраженного в виде денотативных и эмотивных сем. Принадлежность той или иной эмотивной семы к сфере общечеловеческого, национального, группового или индивидуального явилась основанием для деления эмотивных смыслов на классы и типы.

Исходя из того, что любой мыслительный и коммуникативный акт пронизан эмоциями, следует прежде всего выделить слова, имеющие сходную эмоциональную нагрузку у всех людей, на каком бы языке они ни говорили. Например, слова, обозначающие восторг, отвраще-

ние, трусость, предательство. Ласкательные формы и инвективы будут иметь сходную эмоциональную окраску во французском, русском, китайском и других языках. Этот пласт лексики образует интернациональные или общеязыковые эмотивные смыслы. Их существование обуславливается общечеловеческими ценностями и моральными установками, см., например, [Жельвис 1997].

Но, как показывают наблюдения писателей и лингвистов, слова с одинаковым денотативным компонентом значения могут иметь в разных языках и разный эмотивный смысл. Наиболее известным примером может служить различие в коннотативной семантике слова «болото» в русском и финском языках. Если в русском «болото» ассоциируется с гнилью, тлением, застоем, то в финском «болото» — место надежного сохранения, поэтому известный финский лингвист сравнивает свой родной язык с болотом, в котором подобно сучьям деревьев веками сохраняются древние заимствования [Общее языкознание 1983: 49]. Различие в восприятии солнца и луны русскими и узбеками, обусловленное различием климата, отразилось в эмоциональной окраске этих слов в русском и узбекском языках. В узбекском, как и в арабском языке, не могло возникнуть ласкательной формы «солнышко» для номинации палящего немилосердного светила; напротив, луна для узбека — символ всего красивого и желанного, что для русского слуха кажется непривычным (ср.: «Кругла, красна лицом она, // Как эта глупая луна // На этом глупом небосклоне» (А. С. Пушкин)).

Следующую ступень составляют групповые эмотивные смыслы. Они рождаются в сознании и реализуются в речи носителей языка, живущих на определенной территории или вовлеченных в совместную деятельность, и незнакомы другим носителям данного языка, «Словарь королевского английского языка», в котором собраны диалектизмы штата Северная Каролина (США) выделяет целую группу «красочных выражений», которые гости штата могут услышать, общаясь с его коренными жителями. Выражения этой группы представляют собой образные сравнения с сильным эмоциональным зарядом: *as mad as fire, as poor as Job's turkey*, etc. Словарные дефиниции многих из них содержат указание на эмоцию: *out — generally used facetiously or in expressions of endearment; can indicate puzzlement, agreement, encouragement to continue, or melancholy endorsement.*

Метаязыковыми эмотивными смыслами обладают семемы, входящие в состав профессионального и воровского сленга, а также детских секретных языков. По свидетельству Ионы и Питера Оупи, мно-

гие английские дети используют выражения *almond rocks* вместо *socks*, *turtle dove* вместо *glove*, *tea-leaf* вместо *thief* и др.

Другим способом создания «секретных языков» является введение в состав всех произносимых слов лишнего слога, чтобы сделать речь непонятной для посторонних. Причина создания подобных языков — реакция обиды на то, что взрослые порой не хотят, чтобы дети понимали, о чем они говорят [Ори 1987: 321].

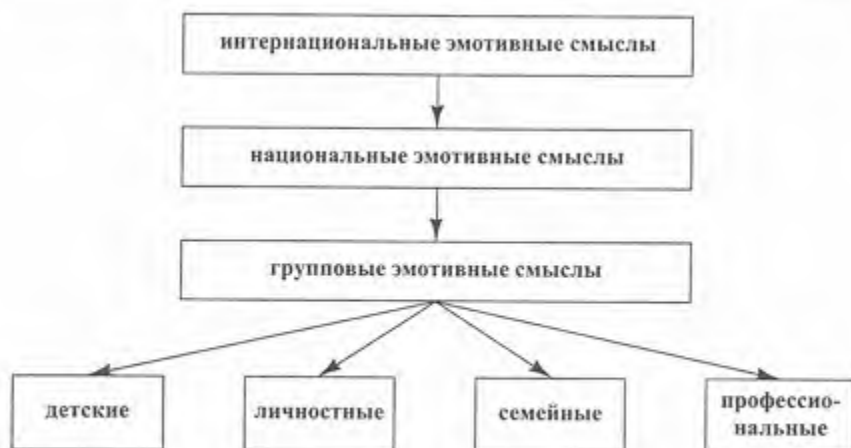
У людей, вовлеченных в общую деятельность, часто возникают общие эмотивные номинации, непонятные без перевода остальным носителям языка. Целая система таких номинаций сложилась у «столбистов» — скалолазов-любителей в заповеднике «Столбы» под Красноярском: *турики* — туристы, никогда не занимавшиеся скалолазанием, приезжающие в заповедник на короткое время, *хитрушка* — прием лазания, *остолбенеть* — стать «столбистом», *поломаться* — получить травму и др.

Групповые эмотивные смыслы могут возникнуть в рамках «семейного языка». В атмосфере доверия и взаимопонимания в общении близких людей появляются нестандартные, образные номинации: *столбик* — высокий шкаф, *лазилки* — детский спортивный комплекс, *орешек*, *слононок* — название супов. Помимо коммуникативной функции, общей для всех слов, исследователи выделяют у слов «семейного языка» функцию борьбы с рутинной и однообразной, которое появляется, добавим мы, в придании дополнительного эмотивного смысла словесному знаку: *стирмашка* — стиральная машина, *режница* — ножницы, *четвертьклиника* — поликлиника и под. [Язык и эмоции... 2004: 92].

И, наконец, на нижней ступени нашей классификации располагаются личностные эмотивные смыслы, актуализирующиеся в тексте в виде личностных семем или неологизмов (окказионализмов).

В современной разговорной речи отмечается появление эмотивных личностных неологизмов, тропов, цитат, клише, вкрапление иностранных, диалектных, жаргонных слов и других элементов, не свойственных данному стилю. Цель такого «выскакивания» за рамки стиля — осуществление индивидуальной эмоциональной референции: «Хотели как лучшие, а получилось как всегда» (В. Черномырдин), *дөрмөвочна*, *дөрмөкраты*, *демрмөкратды*, *демөкратура*, *семибанкирицина* и т. п.

Выделенные эмотивные смыслы можно представить в виде схемы:

Таким образом, мы получаем четыре уровня эмоционального смыслового пространства, где каждый нижестоящий уровень включает в себя эмотивные смыслы вышестоящих уровней. Так, на уровне отдельной языковой личности мы встречаем, помимо личностных, групповых, национальных и интернациональных эмотивных смыслов, на уровне отдельного языкового коллектива, помимо групповых, также национальные и интернациональные эмотивные смыслы, а в национальное эмотивное пространство входят также и интернациональные эмотивные смыслы.

Категория смысла получила разные определения в разных науках. В данной работе мы отталкивались от утвердившегося в лингвистике понимания смысла как содержания слова в контексте речевой ситуации (актуальный смысл слова) и с эмотивных позиций рассматриваем эмотивный смысл в тексте.

То значение, которое слово имеет в системе языка, преломляется в языковом сознании человека через призму его личного опыта и семантизируется в форме личностного смысла [Мыркин 1994]. Эмоциональный компонент личностного смысла, который составляет большую его часть, получает название эмотивного личностного смысла, который существует в индивидуальном языковом сознании и реализуется в речи (тексте) в виде личностных эмотивных сем.

Личностные эмотивные семы составляют ядро эмотивного смысла в речи (тексте), так как всё языковое сознание и любой речевой акт проникнуты эмоциями, а использование системных средств создания эмотивного смысла (словарных эмотивов) ограничено нормами язы-

кового поведения и требуют определенного эмоционального состояния говорящего. Главными средствами реализации эмотивного смысла в речи (тексте) является интонация (или ее маркеры в тексте) и синтаксис. При определенных условиях к ним присоединяются словарные эмотивы, использование которых во многом обусловливается особенностями отдельной языковой личности, т. е. автора текста.

Эмотивный актуальный смысл возникает в тексте либо за счет реализации системных эмотивных сем (у словарных эмотивов), либо за счет наведения и актуализации личностных эмотивных сем (у всех остальных единиц словарного состава языка). Характер наведения эмотивных сем зависит от ситуации и коммуникативной интонации автора текста (см. подробнее: [Шаховский 1994]).

Таким образом, эмотивный смысл является особой семантической категорией, своеобразие которой в большой степени зависит от индивидуальности «создателя», его жизненного опыта и эмоционального настроения (тренда, индекса).

Категория эмотивного смысла еще только начинает изучаться в лингвистике. Детальной разработки требуют вопросы семного состава эмотивного смысла, соотношения в нем системных и личностных компонентов, возможности передачи эмотивного смысла с одного языка на другой, прагматической направленности эмотивного смысла и многое другое.

§ 6. Эмоциональная доминанта в тексте

Проблемы эмотивного текста — это проблемы психолингвистики, текстолингвистики, филологической герменевтики и лингвистики эмоций (эмотиологии). Они актуальны в связи с проблемами изучения языка, культуры, эмоционального мышления, сознания. В современной литературе прослеживается тенденция представлять содержательную сторону текста как слагаемое всех его смыслов. Эмотивные смыслы текста предстают как его доминирующая окраска [Белянин 2000], ведущий мотив [Кинцель 2000], результирующая наложения эмоций разных уровней текста — эмотивного фона и эмотивной тональности [Ионова 1998]. Доминирующая эмоция текста определяет намерение автора «раскрасить» свой текст, т. е. придать ему нужный оттенок (изменить модальность, оценить, высказать свое мнение).

Проблема доминанты, предложенная А. А. Ухтомским, активно разрабатывается в трудах В. А. Пищальниковой и ее учеников (см.,

например, [Пишальникова 2003: 117–120]). По мнению А. А. Ухтомского, сама жизнь является доминантой, любая активность (в том числе и речевая. — *В. Ш.*) всегда возникает и существует благодаря доминанте, которая придает определенную форму жизненной активности человека [Ухтомский 2002].

Доминанту можно представить в поле человеческого сознания в виде яркой пульсирующей точки или идеи как центра возбуждения активности [Каликанов 2003: 33]. Именно благодаря физиологической основе доминанты человек концентрируется на более важном для него вообще и в каждый данный момент отбирает те или иные способы восприятия и реагирования на мир и обеспечивает условия его удачи/успеха.

У доминанты много общего с эмоциональным дейксисом человека. Это прежде всего векторность (избирательность и концентрация), определенная установка как центр интереса, а следовательно, и определенная позиция во всех видах вербальной и невербальной жизни человека. Однако эмоциональный дейксис — всего лишь компонент доминанты, которая намного содержательнее дейксиса, так как, по А. А. Ухтомскому, жизнь человека — доминанта по своей природе. Именно доминанта является механизмом, обеспечивающим сознательное, целенаправленное действие человека в мире, и одновременно — органом его осуществления, «прибирающим человека в единство действия» [Каликанов 2002: 35].

Благодаря работам философа А. А. Ухтомского проблема доминанты с недавних пор привлекла внимание и лингвистов-психологов, текстологов и семасиологов (А. И. Новиков, С. В. Ионова, А. В. Кинцель и др.). Поскольку вся деятельность человека сопровождается словом, его роль в формировании, презентации, экспликации динамики эмоционально-смысловой доминанты требует от современной лингвистики более пристального внимания. Исходя из тезиса А. А. Ухтомского о том, что доминанта держит в своей власти всё поле душевной жизни человека, проблема целенаправленного ее формирования, т. е. воспитания в человеке, и прежде всего через культивирование его совести, в том числе и через художественное слово, должна возвратиться в фокус современной педагогики.

Совесть как доминанта в современном российском обществе отсутствует в основном по всей вертикали власти (и законодательной, и исполнительной), а также и по горизонтали — в бизнесе, образовании, искусстве, СМИ. На пересечении эмотивных векторов наблю-

дается реверсия шкалы нравственных ценностей. В результате — жестокость, месть, зависть, бессовестность, бесстыдство, коррумпированность, предательство, наглость, воровство, взяточничество и т. п., даже в интеллектуальной сфере (даже вузовская наука становится всё больше и больше криминальной). Ни библейские заповеди Нагорной проповеди Христа, ни церковные заповеди не являются больше ценностными сверхдоминантами, сдерживающими физиологические инстинкты. Ни КГБ, ни партии, ни Бога, ни милиции, ни прокуратуры люди, от которых зависит Бытие остальных людей, больше не боятся и не сдерживаются ни в чём. Свобода и честность, порядок, справедливость, наказуемость оказались несовместимыми с современным сознанием многих людей. Даже Свобода Слова оказалась разрушительной: почти вся Россия говорит на прилагательном жаргоне. А поскольку школьники и студенты не читают высокохудожественной литературы и не слышат из СМИ, кино-, аудио-, видеофильмов, театральных спектаклей и от окружения образцов культуры речи, то они и воспроизводят только то, что слышат, и в их языковом сознании/мышлении ничего другого и не будет: границы их мира — в круге их языка.

Константные/временные доминанты у людей бывают не только личностными, но и групповыми и социальными. Достаточно напомнить национальную доминанту патриотизма у граждан США, гордость у советских людей (первый атомный ледоход, первый полет в космос, победа в ВОВ и мн. др.), сменившуюся доминантой горечи и разочарования россиян после распада СССР и сменой политико-экономической модели государства. «Новая социальная реальность рождает концептуальное напряжение» [Вепрева 2002: 289], которое меняет концептуальные рефлексивы социальной идентификации россиян в доминантной дихотомии «свой – чужой». Эти трансформации в условиях глубокого классового расслоения граждан отражаются, фиксируются и воспроизводятся и в языке, и в поведенческих актах. В определенном смысле можно говорить даже о тирании социальной доминанты.

Личностные доминанты поведения человека (в том числе и речевого) легко просматриваются его окружением (доминанты лживости, нечестности, недобросовестности, приспособленчества, корыстолюбия и т. п., с одной стороны, и доминанты добролюбия, правдолюбия, искренности, трудолюбия и т. п., с другой). И как бы человек ни прятал свои личностные доминанты, его язык всё равно выдает их через специфический для каждой доминанты ментальный стиль, через лек-

сические, синтаксические, стилистические и просодические речевые решения.

Доминанты личностных взаимоотношений также не константны и легко трансформируются под влиянием бытовых или служебных причин: пока учитель помогал ученику подняться до собственного уровня и статуса, он был ему нужен, и ученик твердил учителю о том, что самый большой грех — неблагодарность. А возвысившись, начал топтать того, кто «поднял» его. Дети и родители, сестры и братья, коллеги и их руководители: почти всегда доминантные эмоции их взаимоотношений со временем нарушают их коммуникативную гармонию, запускают в межличностное общение механизмы эмотивного радикализма. В таких категориальных эмоциональных ситуациях все правила, принципы, максимы, постулаты вежливости, искренности, кооперативности, релевантности, истинности и толерантности «летят под откос» и остаются всего лишь теоретическими пожеланиями (как библейские и церковные заповеди). Личностные эмоциональные доминанты не позволяют политикам следовать заповедям, уводят их с заповедных маршрутов слова, дела и совести. Объяснить этот факт можно тем, что их базовые личностные ценности почти никогда не совпадают с нормативными (с социальной сверхдоминантой), и тем, что в моменты особой эмоциональной напряженности (паники, страха, ликования, успеха и т. п.), личностные эмоциональные доминанты не подчиняются социальным сверхдоминантам. Этикетные установки отбрасываются физиологией человека. Вот почему мы еще раз утверждаем: «Вначале была эмоция...».

Эмоция рождает ситуацию, в которой происходит эмоциональное вербальное общение. Именно поэтому внешний мир воспринимается вначале нашими чувствами/эмоциями, которые руководят вербальным кодом и его эмотивным потенциалом в рефлексии и интерпретации/комментировании мира общения. Чувство идет впереди события, индуцирует его. «На самом деле мы думаем чувствами, а не мыслями. Мысли только помогают передать информацию» [Лазарев 2001: 168]. Поэтому необходимы не только мысленные (вербальные) движения, но и чувственные/эмоциональные (например, в прощении обид).

Есть мнение, что мысль рождается из эмоций. Без эмоций существование человека просто невозможно. Эмоция обобщается, трансформируется — и появляется мысль, например, «уничтожить», как в рассказе «Ярость» (S. Barstow), или «чтобы быть свободной и счастливой, надо избавиться от опостылевшего мужа» (K. Chopin).

Современная педагогика (ее теория полностью оторвалась от практики воспитания) не дает нарочитых установок на принуждение, вмешательство, дисциплину, на переделку своего поведения и самого себя, на преодоление в себе физиологических доминант [Ухтомский 2002]. И, к сожалению, педагогика сегодня не учитывает фaszинативный, суггестивный, воспитательный потенциал Слова (реального и художественного). Люди, общаясь друг с другом, прежде всего, облачают в словесную упаковку свои чувства (эмоции, образы), которые легко запоминаются, воспроизводятся и транслируются коммуникантами, в отличие от букворядов, которые их упаковывают. Букворяды никто не может запомнить и воспроизвести: «...получается, если душевные чувствования напрямую связать с этими значками (буквами алфавита. — В. Ш.)... душа заставит эти значки стать в такой последовательности, чередуя комбинации из них, что читающий впоследствии почувствует душу писателя» [Мегре 2003: 102–103]. Современные теории алфавита считают, что он однозначно соответствует иной системе, но пока неизвестно какой; что вся кириллица составляет сплошной текст; что каждая буква алфавита представляет собой сжатый смысл [Длясин 1998: 16, 43]. Отсюда и магия того факта, что «языки (русский и латинский. — В. Ш.) — разные, слова, имеющие одинаковое значение, абсолютно непохожие друг на друга, но внутренние законы, выявляемые на уровне букв и звуков, *оказываются едиными*» (курсив мой. — В. Ш.) [там же: 28]. На это наглядно указывает совмещенная мандала систем кириллицы и латиницы, приведенная Г. Г. Длясиным [там же: 29].

Общеизвестно магическое чувственное воздействие текстов молитв, заклинаний, заговоров. Оно объясняется их эмоциональной фоносемантической/графической доминантой, сформированной и упакованной в определенные последовательности сочетаний букв алфавита и повторов (как стилистического приема). Воспитание у человека способности выстраивать букворяды, индуцирующие в нем и в его партнерах светлые доминантные чувства, должно, на мой взгляд, стать приоритетной педагогической и филологической задачей, которая требует интеграции этих двух отраслей науки в лингвопедагогическую (или лингвоэкологическую, лингвовалеологическую).

В. А. Пищальникова уже неоднократно отмечала появление в лингвистике конца XX века нового направления — исследования личностного смысла высказывания — текста (см. также: [Шаховский 1998: 58–68 и др.]), который всегда или чаще всего эмоциональный и домини-

рующий. Этот факт объясняется тем, что адресант (продуцент) речи всегда отягощает свое творение личностным интересом, своей эмоциональной позицией, своей субъективной картиной мира, по собственному вектору переструктурирующей семантику лексических, грамматических и стилистических решений, упаковывающих осмысление коммуникативных ситуаций. Исходя из гипотезы, согласно которой люди общаются с помощью концептов (а облигаторным компонентом содержания концепта, в отличие от понятия, как уже определено, является эмоциональная составляющая), можно сделать логичный вывод, что этот компонент «довольно часто выступает фактором, актуализирующим смыслы текста (и высказывания. — *В. Ш.*), определяющим характер его восприятия и понимания» [Пищальникова 2003: 118].

Другими словами, этот компонент является доминантным и в реальной, и в художественной коммуникации. Основные вопросы эмоциональной доминанты вербальной деятельности рассмотрены в цитируемой выше работе В. А. Пищальниковой.

По ее мнению, доминантная эмоция всегда порождается ее мотивом, а по моим данным, еще и эмоциональным дейксисом — константным или ситуационным, — а также конкретной эмоциональной ситуацией, эмоциональным интеллектом языковой личности и ее эмоциональной и человеческой компетенцией. Их совокупность определяет характеристику доминанты той или иной языковой личности. На мой взгляд, именно этим, а не мотивом только, объясняются различия в селекциях и комбинациях языковых и стилистических средств репрезентации эмоциональных доминант и их элементарных смыслов.

«Ведущая эмоция, фиксированная в тексте (и в высказывании тоже. — *В. Ш.*), проявляется для реципиента как эмоциональная доминанта текста, а производные — как модификации доминантной» [там же: 119]. Мои наблюдения (см., например, приводимый ниже анализ рассказа «The Fury») позволяют утверждать, что помимо производных эмоций в вербальных актах функционируют и эмоции, нагнетающие эмоциональную доминанту, т. е. преддоминантные, а также постдоминантные, т. е. гасящие доминанту. Естественно, всё, что здесь говорится о самой эмоции и о ее доминанте, относится к ее вербалике: экспрессии, номинации, дескрипции и к ее концептуализации, т. е. к ее содержанию в личностных смыслах (смыслы всегда личностны, в отличие от значений, которые системны и социологизированы). Доминантные, пред- и постдоминантные эмоциональные смыслы совместно с имплицитными и ассоциативными смыслами эмотивного дис-

курса образуют подвижное *ассоциативно–смысловое поле доминантной эмоции* (термин В. А. Пищальниковой) с размытыми границами. Это поле в личностной сфере каждого говорящего (реального или художественного) различно, что и объясняет постоянные расхождения в динамической эквивалентности эмотивных смыслов в головах коммуникантов в одной и той же эмоциональной ситуации их общения.

В. А. Пищальникова права, когда утверждает, что суггестивный потенциал эмоции может быть произвольно усилен в процессе эмоциональной аттракции ассоциаций [там же]. Действительно, анализ художественной литературы как на русском, так и на английском языке подтверждает подвижность качества эмоциональной доминанты и ее потенцию к трансформированию в сверхдоминанту. Данный случай хорошо наблюдается, например, в рассказе Л. Н. Толстого «Смерть Ивана Ильича» [Шаховский 1999].

Известно мнение, что вся деятельность человека является текстом, написанным Богом, а художественные тексты — реальности, создаваемые людьми [Балла 1999: 27–38]. У этих людей (писателей) разные эмоциональные дейксисы, входящие в их личностные сферы, свои доминанты, как факторы, определяющие их вербальное поведение, их ментальный стиль и стиль их жизни, который, в свою очередь, оказывает мощное влияние на их вербалику и менталитет. Примером может служить книга В. Жданова «Любовь в жизни Льва Толстого» [Жданов 1993], наглядно и ярко вскрывающая эту зависимость. В силу этих различий тексты, создаваемые людьми, — всего лишь личностные интерпретации текста, созданного Богом, а не его дублирование или копирование.

Неоспоримо, что никакая географическая карта не способна отразить всех деталей территории, верно и то, что язык, «хотя и предназначен для передачи человеческого опыта», но «по своей природе неспособен это сделать» (перевод наш. — В. III.: «Language is supposed to communicate experience, yet by its very nature it is incapable of doing so» [Korzybsky, цит. по: Farb 1973: 169–170]). Это мнение особенно справедливо для картирования эмоциональной территории человеческого опыта, которое всегда приблизительно и неточно, и только благодаря доминантам в коммуникативных событиях мы осознаем субъективно-волевою истину *Homo sentiens* и степень его эмоциональной напряженности.

Варьирование (комментирование) вербально-эмоционального картирования мира человеком бесконечно, особенно на уровне межкуль-

турной коммуникации, в которой нередко смена доминант и часто степень аппроксимации естественно увеличивается до такой степени, что иногда можно подумать, что язык больше вообще не отражает реальную картину мира. Это особенно справедливо для языковой игры как проявления вариативности, для политического дискурса, в котором доминантны ложь и виртуальность, для театра абсурда и для поэзии (литературы) нонсенса и т. п. Прав был Ф. И. Тютчев в своем мнении о мысли, которая, будучи изреченной, превращается в ложь. А может быть, она уже была ложью и до изречения, особенно если она эмоциональна (подробнее см.: [Шаховский 2003а]).

«Эмоциональная доминанта играет роль регулятора, направляющего восприятие реципиента на фиксированный в доминантной эмоции путь» [Пищальникова 2003: 119]. Это в целом так и одновременно не совсем так, поскольку эта регуляция зависит от перечисленных ранее характеристик эмоциональной языковой личности реципиента. К тому же У. Эко убедительно доказал наличие единого эмоционального пространства у автора и читателя, однако различающегося у разных читателей. Этот вывод можно экстраполировать и на реальную коммуникацию в эмоциональных ситуациях: общеизвестно, что в зависимости от особенностей партнера в типовых эмоциональных ситуациях (например: семейный, служебный, транспортный, социальный конфликты) эмоциональные доминанты значительно варьируются по силе, яркости, длительности и вербальным/авербальным упаковкам.

Ценной, на наш взгляд, является и гипотеза В. А. Пищальниковой, позволяющая осмыслить роль эмоциональной доминанты в становлении смысла текста и личностных смыслов у его агентов и клиентов, т. е. автора, читателей и персонажей [там же: 120]. Вслед за У. Эко их всех следует считать «одной компанией», включенной в поток сознания автора и в единую концептуальную систему художественного произведения, в том числе и так называемой массовой литературы.

Новые исследования, проведенные среди американских учащихся, доказали, что песни с агрессивными текстами способны возбуждать агрессивные настроения среди молодежи. Этот факт убеждает в справедливости тезиса об огромном манипулятивном потенциале языкового кода и его влиянии на смену эмоциональных доминант в обществе и в его отдельных социальных группах. Длительное прослушивание музыки с агрессивными текстами провоцирует агрессивность и асоциальность поведения подростков, так как воздействует на их еще не сформировавшиеся ценностные доминанты.

Смысловая доминанта любого текста не константна для его клиентов (читателей, зрителей) в целом. Так, для любого телерепортера/режиссера извечен вопрос, «с какого угла» снимать и показывать фильм (см. также: 14 камней японского сада Рёандзе). Во-первых, снятое/переданное с разных позиций телекамеры (даже несколькими камерами одновременно) являет собой новое произведение с меняющимися доминантными смыслами автора, оказывающими различное влияние на ощущения, представления и образы восприятия. Во-вторых, уже известно, что на пленку не записывается (и, естественно, не воспроизводится) то, что происходит во время спектакля в душах актёров и зрителей, их внутренний контекст переживаний (эмоций) и взаимодействие внешней и внутренней просцирующей эмоциональной доминанты, индивидуальной для каждого клиента. Именно по этим двум причинам добиться единого восприятия (эмоционально-динамической эквивалентности) любого текста у всех его потребителей невозможно, отсюда — полиэмотивность, полидоминантность смыслов одного и того же текста уже внутри данной лингвокультуры.

Все вышеизложенные теоретические постулаты являются результатом не только аналитико-синтетического осмысления зарубежной и отечественной литературы по концептуализации, категоризации, экспрессии, номинации и дескрипции (а)вербальных эмоций (см., например, библиографию в: [Шаховский 2003; Щирова 2003; Филимонова 2001 и др.]), но и результатом лингвистического эксперимента, касающегося наблюдения за восприятием художественных текстов как стилизованных репродукторов реальной жизни людей. Художественные коммуниканты воспроизводят весь потенциал эмотивного кода языка, а через них эмоции, которые, в отличие от языковых (материальных) знаков, являются скрытыми сущностями, опредмечиваемыми в этих знаках и в физиологических симптомах (*body language of emotions*), опредмечиваются в языковых знаках и с их помощью транслируются за пределы художественной литературы.

§ 7. Эмоции-мысли в художественном тексте

Лингвистами доказано, что все высказывания окрашиваются эмоциями, что все лексиконы языков содержат специальные эмотивы и что вся остальная лексика потенциально тоже эмотивна. В связи с этим в современной эмотиологии довольно актуально стоит вопрос о средствах номинации, экспрессии и дескрипции эмоций, а также о сред-

ствах их эвокации с помощью вербального кода эмоций. Не менее важна для адекватного эмоционального общения и компетенция языковых личностей в области так называемого *body language of emotions*, т. е. владение авербальным кодом эмоций.

Одним их наиболее доступных и реально работающих средств отражения (фиксации) обоих кодов эмоционального общения является художественная литература. Художественная литература отражает жизнь как картину мира в субъективно-эмоциональном преломлении конкретного автора. С этих позиций художественная литература как *performance of words* (R. Frost) отражает реальную/вымышленную жизнь людей, которая полна эмоций. Общеизвестно, что во многих случаях *Homo loquens* вообще стремятся только лишь к эмоциональной фатике. В художественной литературе эмоции персонажей наблюдаются читателем не прямо, а через специальные эмотивные знаки языка, которые уже наблюдаемы непосредственно.

Оязыковляя эмоции говорящей личности, авторы художественной литературы делают их идентифицируемыми для других языковых личностей — читателей этой литературы. В процессе оязыковления эмоций происходит их концептуализация и лексикализация. Но, к сожалению, языковое пространство не покрывает всё жизненное пространство человека. Поэтому многие оттенки эмоций не имеют номинаций вообще и, следовательно, не поддаются дескрипции. К тому же номинации одних и тех же эмоций и средства их выражения не всегда совпадают в различных языках, что прагматически важно для ксенокультурного читателя и для перевода художественной литературы как средства межкультурного общения.

Поскольку одна из функций художественной литературы — идентифицировать и произвести имянаречение человеческих эмоций, бушующих на ее страницах, художественную литературу с полным правом можно определить как депозитарий имен эмоций и эмоциональных ситуаций, а также как незаменимое учебное пособие по скрытому воспитанию культуры вербального и авербального общения языковых личностей в условиях различных эмоциональных коммуникативных ситуаций.

Проблема отраженной эмоциональной жизни человека является чрезвычайно актуальной для глобального изучения эмоциональной картины мира. Этой проблеме посвящено огромное количество исследований. Наиболее разработана в современной лингвистике проблема языковых и стилистических средств выражения эмоций (напри-

мер, [Бабенко 1990; Быдина 1994]). Плодотворно разрабатывается проблема дескрипции эмоций как вербальных, так и невербальных на материале художественных произведений (например, [Болотов 1981; Болотнова, Волкова 1997]).

Отдельной проблемой, которая еще не привлекала внимание лингвистов, является проблема презентации мыслей-эмоций как стилистический прием характеристики персонажа и как средство эвокации эмпатии читателя.

В реальной (естественной) коммуникации мысли-эмоции, сопровождающие речевые акты, как правило, остаются невербализованными и скрытыми. Поэтому они не влияют на речевого партнера, поскольку остаются неизвестными для него. Общеизвестно, что чаще неважно, что люди говорят, важнее то, что они думают: в большинстве случаев эти два информационных компонента не совпадают на эмоциональном уровне общения. Вербализуя свои мысли, языковая личность обычно фильтрует их внешнее оформление сообразно коммуникативной ситуации [Shakhovsky 1996].

В художественной (литературной) коммуникации их овнешнение производится другим фильтром — автором художественного произведения. Их экспликация устанавливает особые взаимоотношения между автором и читателем, который благодаря этой экспликации больше знает о персонажах, чем они друг о друге. Такой стилистический прием также важен и для литературной герменевтики, так как он помогает разграничивать планы автора, персонажей и читателя, который как бы незримо присутствует в художественном произведении в качестве третьей стороны этой необычной коммуникации — стороны молчаливого, но чувственно-мыслительно не безразличного соучастника.

Успехи информационного освоения мира несколько не поколебали фундаментальную истину: человек не только познает мир, но и переживает его, он есть существо чувствующее.

Эмоции — мощный рычаг, помогающий открыть завесу над непонятым, расширить кругозор, приобрести новые навыки, умения, знания. И важно, что удовлетворение интереса не ведет к его угасанию, а, наоборот, оставляет глубокое напряжение, вызывает сосредоточенное продолжительное внимание к внутренней эмоциональной жизни персонажей художественного произведения.

Эмоциональная система языковой личности изучается чаще всего в терминах вербальной презентации и в контекстах жизни и смерти художественного произведения. Когнитологи уже не сомневаются в

том, что эмоции человека меняются в зависимости от изменения знаний, идей и мыслей и что сами мысли могут быть эмоциональными.

Художественная литература вскрывает языковые маршруты эмоций, а поскольку мысли существуют не только в вербальных упаковках, но и в ассоциативных образах, то художественная литература вскрывает (обнаружает) и неязыковые мысли-эмоции. Эти последние также участвуют в экспликации эмоционального континуума персонажей художественного произведения.

Мы теперь все знаем, что язык — это не абстрактная структура, она возникла и поднялась из труда, забот, радостей, привязанностей, симпатий и антипатий многих поколений человека говорящего. Дж. Байрон как-то заметил, что всю человеческую жизнь можно выразить пятью-шестью междометиями: «Ба!», «Ой!», «Ого!», «О-о-о!» и «Тьфу-тьфу!»

Манифестация человеческих эмоций через мысли, физиологические проявления, речевые поступки и различные акции позволяют автору художественного произведения эмоционально представлять читателю и характеризовать своих персонажей этим специфическим и убедительным способом. С помощью этого способа автор может обосновать для читателя мотивы и оправдания эмоциональных поступков и мыслей его персонажей.

Авторские описания их мысленных эмоциональных переживаний, которые более адекватны и искренни, по сравнению с вербальной рефлексией, особенно важны для понимания внутреннего мира персонажей.

Именно раскрытие внутренних эмоциональных мыслей персонажа позволяет снять мистическое покрывало с его облика. Так в рассказе К. Chopin «The Story of an Hour» Миссис Маллард сидит с горестным видом после известия о гибели ее мужа, но радостно, вожделенно думает, что она наконец получила свободу: «Свободна, свободна, свободна!» Это те самые эмоции радостного освобождения, которые героиня рассказа не может вербализовать или авербализовать в присутствии родственников и друзей: ее ликование скрыто за кодированной маской симуляции эмоций горя и отчаяния. Именно благодаря этому выдвиганию эмоциональных мыслей героини открывается истинное отношение миссис Маллард к мужу. Только этот пассаж позволяет читателю правильно понять реальную причину неожиданной смерти этой героини, когда после череды сладостных для нее, скрытых для всех остальных персонажей, планов на ее прекрасное, восхититель-

ное будущее без мужа, которые она эмоционально промышливает, перед ней появляется живой муж, в полном неведении о катастрофе того поезда, в котором он должен был ехать и на который опоздал.

Доктора поставили диагноз: «Умерла, увидев живого мужа, от переполнившей ее сердце радости». Для всех родственников и друзей этот диагноз был единственным, но только не для читателя, который знал, что она не выдержала мгновенного разрушения всех ее иллюзий о наконец-то счастливой и свободной жизни без «любимого и нежно-го мужа». Миссис Маллард умерла и унесла с собой свой истинный эмоциональный мир, оставив о себе память горячо любящей супруги.

Авторское описание эмоциональных мыслей персонажей художественного произведения является довольно существенной информационной добавкой к его эстетическому и когнитивному смыслу. Так, в рассказе Фланнери О'Коннор «Everything That Rises Must Converge» автор постоянно вскрывает (только для читателя, а не для окружения персонажа!) внутренние эмоции Джулиана, сына героини рассказа. И в результате этого читательское внимание фиксируется на эмоциональной подаче этого персонажа: он, во время поездки на автобусе вместе с матерью, внешне — вербально с ней, но внутренне эмоционально противопоставляет себя ей, осуждает ее за всё — за ее внешний вид, поведение, высказывания. Мысленно сравнивая себя со своей матерью, Джулиан считает себя более «продвинутым» (advanced). Авторская экспликация его повышенной самооценки помогает читательскому эмоциональному пониманию того, как Джулиан оправдывает свое неуважительное и высокомерное отношение к матери. Читатель благодаря таким экспликациям понимает: то, что Джулиан считает своими объективными попытками «образовать» (изменить через его «лекции») свою мать к лучшему, фактически являются эмоциональными всплесками, предназначенными для издевательств над нею. Но это понимает только читатель, а не героиня. Читательский взгляд на обнажение эмоций-мыслей приводит его к эмоциональному открытию: все эмоциональные поступки и ремарки Джулиана инстинктивно направлены на его мать не зря, хотя он и уверен (увы, ошибочно), что не она, а он — протагонист, что не она, а он доминирует в их семье.

В этом рассказе, как и вообще в художественной литературе, только через вербализованные мысли-эмоции персонажей возможно полное эмоциональное понимание авторского замысла.

Если же такая вербализация отсутствует, то это тоже может быть стилистическим приемом автора, который добавит элементы мистики

к образу того или иного персонажа. Примером может послужить рассказ Уильяма Фолкнера «A Rose for Emily». У. Фолкнер ни разу на протяжении всего рассказа не предоставил читателю возможности проникнуть в мысли-эмоции протагониста. Поэтому читатель не знает, какие эмоциональные страсти бушуют в голове Эмили, и как результат — атмосфера мистики всё более накаляется по мере того, как читатель безуспешно пытается между строчек, на уровне импликации (затекста, подтекста) обнаружить хотя бы какие-либо следы, отсвет ее мыслей-эмоций. Но они остаются за пределами рационально-эмоционального понимания и потому до конца рассказа непонятно, что же произошло с ее женихом Гомером и в чем секрет запертой на многие годы комнаты — их бывшей спальни.

Стилистический прием значащего отсутствия вербализованных мыслей-эмоций был использован автором для создания образа персонажа и в рассказе Элизабет Тэллент «No One's Mystery». Джек и его безымянная девушка характеризуются автором только через их внешнюю речь и поступки. Мысли этих персонажей не эксплицируются и, видимо, этим можно объяснить тот факт, что у читателя вообще не возникает эмпатии по отношению к ним. Все эмоции, которые вербализованы в их высказываниях, направлены только друг другу, а читатель в них не вовлечен: он — третий лишний, ему уготована роль постороннего наблюдателя.

В качестве противоположного случая можно назвать короткий рассказ А. П. Чехова «Дама с собачкой», в котором автор постоянно «снабжает» читателя описанием эмоциональных мыслей-переживаний главного персонажа Гурова. Благодаря этому читатель как бы из первых рук следит за тонкими трансформациями его эмоционального «make up» от рассчетливого волокиты-донжуана, который никогда никого не любил, до отчаянного влюбленного, который не представляет себе, как он сможет вынести жизнь без своей возлюбленной.

Через описание мыслей-эмоций обоих персонажей А. П. Чехов вызывает у читателя сильное эмоциональное сопереживание (эмпатию), что делает этот рассказ эстетически бесценным для читателей, принадлежащих к разным культурам, ибо тема любви и связанных с нею коллизий понятна любому человеку.

Таким образом, презентация эмоций через мысли персонажей, вместо их эмоциональных высказываний или в дополнение к ним, к эмоциональным действиям, поступкам персонажей и к описанию физиологических проявлений эмоций является специфическим стили-

стическим приемом эмоциональной характеристики персонажей и эвокации эмоционального сопереживания у читателя. Этот прием позволяет персонажу интерпретировать собственные эмоции-мысли, а читателю — получить такую эстетико-эмоциональную информацию о персонаже, которая никакими другими средствами и способами не может быть вскрыта и доведена до него.

Языковой анализ (лексем, синтаксиса, семантики) вербализованных мыслей-эмоций персонажа этого художественного произведения выявляет их корреляцию с эмоциональным аспектом автора как языковой личности, его собственного мысленного эмоционального пространства. Смыслы эмоций автора, вложенные в головы его персонажей и озвученные, воспроизведенные как их собственные мысли, обладают интенциональной прагматикой. Они «разворачиваются», эмоционально заражая читателя, индуцируют аналогичные мысли в его голове, а любой читатель, если у него нормальная психика, является эмоциональной языковой личностью, способной к переводу языка мыслей на язык слов и обратно.

Рассмотрим еще один пример. Ни один человек не может лицезреть факт своей смерти, так же как не может он смотреть на солнце широко открытыми глазами. Рассказом «Смерть Ивана Ильича» Л. Н. Толстой подтверждает это мнение через экспозицию мыслей. Принимая силлогизм: Кай — человек, люди смертны, и потому Кай смертен, Иван Ильич никак даже в мыслях своих не проецировал этот силлогизм на себя: он был не Кай и вообще не человек, которого этот силлогизм касался. Как только Иван Ильич осознал факт серьезности своей болезни, все его мысли стали сопротивляться его приравниванию к Каю:

Кай точно смертен, и ему правильно умирать, но не мне, Ване, Ивану Ильичу, со всеми моими чувствами, мыслями, — мне — это другое дело. И не может быть, чтобы мне следовало умирать. Это было бы слишком ужасно.

Иван Ильич со всё усиливающимся ужасом (а это ключевое слово-эмоция в описании Л. Н. Толстым эмоций-мыслей о его приближающейся кончине) не может примириться с этим ужасным фактом. По сути дела, большая часть рассказа посвящена его тщетным эмоциональным мыслям-усилиям отрицать, избежать и отодвинуть неизбежный ужас своей смерти. Читатель вместе с ним остро сопереживает этот ужас, но, естественно, эти сопереживания не адекватны друг другу.

Перед самой смертью Иван Ильич наконец пришел к успокоению и пониманию смысла жизни, на все вопросы, которые так мучили его, в эмоциях-мыслях о смысле жизни он сам нашел ответы:

Ему открылось, что жизнь его была не то, что надо, но что это еще можно поправить... И поправить это можно своей смертью, т.к. за длительный период болезни он измучил всю свою семью. ... Жаль их, надо сделать, чтобы им не больно было. Избавить их и самому избавиться от этих страданий. ... «Как хорошо и как просто», — подумал он...

Эти эмоции-мысли изгнали, наконец, из его души привычный страх смерти. Его больше не было, потому что и смерти теперь не было, вместо нее был свет. Впервые за долгое время страданий, страха, ненависти, злости Иван Ильич подумал и озвучил «свою последнюю в его жизни мысль: “Какая радость!”». Как показывает В. Жданов в своем анализе личных дневников Л. Н. Толстого, эта мысль, многократно повторяясь в дневниках, постепенно материализовалась в толстовском принципе отношения к смерти: «Поскольку жизнь ужасна и бессмысленна, какое блаженство, что она кончается. Смерть есть благо». Эти мысли-эмоции самого автора в данном рассказе отражены в эмоциональных размышлениях Ивана Ильича о своей смерти.

В концентрированном виде они изложены задолго до написания Л. Н. Толстым этого рассказа в одной из его дневниковых записей:

«Случилось то, что случается с каждым заболевающим смертельной внутренней болезнью. Сначала появляются ничтожные признаки недомогания, на которые больной не обращает внимания, потом признаки эти повторяются чаще и чаще и сливаются в одно нераздельное по времени страдание. Страдание растет, и больной не успеет оглянуться, как уже осознает, что то, что он принимал за недомогание есть то, что для него значительнее всего в мире, что это — смерть» (цит. по: [Жданов 1993: 126]).

Все эти этапы наглядно представлены в вербализованных мыслях Ивана Ильича и потому есть все основания утверждать, что в этом рассказе Л. Н. Толстой описал свои собственные душевные (мысленные) страдания, прикрыв их страданиями умирающего чиновника. Осознает его герой и безграничное зло, которое царствует (по мнению Л. Толстого) в семье этого чиновника (как и в семье самого Толстого), так как там построено всё на лжи. В первоначальном варианте этого рассказа приведены такие мысли-эмоции Ивана Ильича:

«Шестую ночь я не сплю, и не от телесных страданий. Они все-таки давали мне спать, но от страданий душевных, ужасных, невыносимых. Ложь,

обман, ложь, ложь, ложь, все ложь. Все вокруг меня ложь, жена моя ложь, дети мои ложь, я сам ложь, и вокруг меня все ложь» [цит. по: [Жданов 1993: 466]).

Эмоциональная интенция автора включает эмоции персонажа, а они вместе индуцируют эмоции читателя, что образует эмоциональный континуум, эмоциональную ауру, в которой живет языковая личность:

Трое суток ужасных страданий и смерть. «Ведь это сейчас, всякую минуту может наступить и для меня», — подумал он (друг Ивана Ильича. — В. Ш.), и ему стало на мгновение страшно.

Мысли-эмоции персонажей и протагониста этого рассказа транслируются через авторские ремарки, например:

Первая мысль каждого из господ, собравшихся в кабинете, была о том, какое значение может иметь эта смерть на перемещения или повышения самих членов или их знакомых». Кроме этого, «самый факт смерти близкого знакомого вызвал у всех, узнавших про нее, как всегда, чувство радости о том, что умер он, а не я. «Каково, умер, а я вот нет», — подумал или почувствовал каждый. Близкие же знакомые, так называемые друзья Ивана Ильича, при этом подумали невольно и том, что теперь им надобно исполнить очень скучные обязанности приличия и поехать на панихиду и к вдове с визитом соболезнования.

Обнажение этих мыслей-эмоций близких Ивана Ильича безжалостно вскрывает эгоизм и лицемерие людей. Мысли-эмоции транслируются и через описание языка телодвижений, просодии и фонации персонажей:

Шварц, с серьезно сложенными, крепкими губами и игривым взглядом, движением бровей показал Петру Ивановичу направо, в комнату мертвеца» (выделено мной. — В. Ш.). Началась панихида — свечи, стоны, ладан, слезы, всхлипывания. Петр Иванович стоял, нахмурившись, глядя на ноги перед собой.

Наиболее часто, однако, мысли-эмоции подаются в виде внутренней речи протагониста, которая в силу ее эмоциогенности может проливаться во внешнюю речь:

Ее одежда (жены Ивана Ильича. — В. Ш.), ее сложение, выражение ее лица, звук ее голоса — все сказало ему одно: «Не то. Все то, чем ты жил и живешь, — есть ложь, обман, скрывающий от тебя жизнь и смерть».

Эмоциогенность такой мысли описывается Л. Н. Толстым так:

И как только он подумал это, поднялась его ненависть и вместе с ненавистью физические мучительные страдания и с страданиями сознание неизбежной, близкой гибели ... он закричал: «Уйдите, уйдите, оставьте меня!»

Эмоции-мысли Ивана Ильича передаются читателю также и через их диалог друг с другом. Такой стилистический прием чрезвычайно экспрессивен и эффективен: Иван Ильич «прислушивался не к голосу, говорящему звуками, но к голосу души, к ходу мыслей, поднимавшемуся в нем:

«Чего тебе нужно?» — было первое, ясное, могущее быть выражено словами понятие, которое он услышал. — «Что тебе нужно? Чего тебе нужно?» — повторил он себе. — «Не страдать. Жить» — ответил он (мысленно. — В. Ш.).

И опять он весь предался вниманию такому напряженному, что даже боль не развлекала его.

«Жить? Как жить?» — спросил голос его души.

«Да, жить, как я жил прежде: хорошо, приятно».

Анализ всех случаев выдвижения мыслей-эмоций как стилистического приема показывает, что мысли протагониста вербализуются через имена эмоций и их дериваты: ужас, страх, отчаяние, страдание, злорадство, ненависть, разочарование и др.

Приведу некоторые примеры:

а ф ф е к т и в ы: «Уу!»; «Не хочу!»; «Оставьте меня!»; «За что?»; «Зачем?»; «Но за что?»; «Боже мой!»; «Неужели смерть?»; «Ахнуть» и др.;

э м о т и в ы: *страдать, ужасная истина, ужасно, ужасный обман, ужасное одиночество, раздражать, мучительные страдания, блестящий страх, мучать, врать, ужасно, жалко и др.;*

к о н н о т а т и в ы: (самое частотное для этого рассказа слово *смерть* в многочисленных сочетаниях и дистрибуциях высоко эмоциональных контекстов, *плакать, умирать больно, мучения, одиночество, ложь, обман, утешать, скука, вздыхать, мрачны и молчаливы и др.*).

Все эти и им подобные слова несут жизнеотрицание, темные и тяжелые вибрации смыслов. Они продуцируют эмоциональные темные эмоции в сознании языковой личности.

Особую роль в трансляции мыслей-эмоций в данном рассказе Л. Н. Толстого играет стилистический прием персонификации:

Боль, сосущая, непроходящая, ужасная, смертельная так измотала и напугала Ивана Ильича, что в своих эмоциях-мыслях он стал размышлять о ней как о живом существе — своем двойнике.

Л. Н. Толстой выделяет графически слово, *она*, табуировав в мыслях Ивана Ильича само слово «боль» и заменив его на «она», «нее», «о ней», «ее», «нею» во всех падежах русского языка:

*он не мог избавиться от нее,
он смотрел на нее, прямо ей в глаза,
она проникала через все, и ничто не могло заслонить ее,
вдруг она мелькнула через ширмы, он увидал ее,
он надеялся, что она скроется,
она явственно глядит на него из-за цветов,
с глаза на глаз с нею, а делать с нею нечего,
смотреть на нее и холодеть.*

Достаточно одного взгляда на дистрибуции слова «она» в этих микроконтекстах и в этой эмоциональной ситуации, чтобы убедиться в открывшейся эмотивной валентности [Шаховский 1984] нейтрального местоимения «она». Грамматическая стилистическая транспозиция и стилистический прием персонификации превратили это нейтральное слово в контекстуальный аффектив, индекс эмоциональных мыслей Ивана Ильича, символ его сознания [Мамардашвили, Пятигорский 1997].

В данном разделе был рассмотрен частный вопрос лингвистики эмоций — эмотивный аспект мыследеятельности языковой личности. Изученный материал убедительно доказывает объективное существование следующего: литература отражает и интерпретирует эмоциональную жизнь человека. Эмоциональное мышление языковой личности как психофизиологическая и психологическая категория — еще одно доказательство огромной роли эмоций в ее жизнедеятельности. Напомню, что Л. Н. Толстой считал главным назначением искусства передачу эмоций человека, а художественная литература — один из видов искусства.

Художественная литература как главный рефлектор реальной жизни через эмоции читателя учит его наиболее наглядно понимать, что природа истины всегда находится в определенном контексте, а поскольку контексты различны, истина всё время поворачивается к эмоциональному читателю своими иными гранями. Она со временем помогает читателю преодолеть его черно-белый дуализм, дуализм правды-неправды и перейти к разноцветному плюрализму, к контекстуальному релятивизму, стохастическому и толерантному мышлению и поведению, в том числе и вербальному.

Поэтому художественная литература — это учебник человеческих эмоций и эмоциональной жизни языковой личности. В ней приводятся термины эмоций, показан набор эмоциональных ситуаций и паттерны их (а)вербальной экспрессии и дескрипции. Этот учебник несомненно учит, как узнавать (идентифицировать) те или иные эмоции, как их называть и выражать прямо или косвенно при их экстерииоризации.

Этот компонент знаний как часть языковой компетенции обогащает языковое исполнение и повышает культурный уровень эмоциональной внутри- и межъязыковой коммуникации.

Художественные тексты, фиксирующие эмоциональный мир человека в универсальных темах «жизнь», «любовь», «смерть» фиксируют сведения об эмоциональных состояниях сознания человека как хронотопное отражение его эмоционального тренда в определенный период жизни (см подробнее в: [Шаховский 1997а; 1997б]).

Подход к тексту как средству художественной коммуникации включает в себя ряд актуальнейших проблем эмотиологии — изменение в эмоциональном сознании человека в плане диахронии, временные изменения и константы в интерпретации эмоциональных концептов (например, [Вежицкая 1997; Степанов 1996 и др.]), варьирование эмоциональных смыслов сознания при межкультурной коммуникации (см. подробнее в: [Шаховский 1997 и след.] и др. Их исследование может приблизить ученых к формированию лингвистической концепции эмоций.

Часть III
КОММУНИКАТИВНОЕ
ПРОСТРАНСТВО ЭМОЦИЙ

Эмоции в актах межличностного
и институционального общения

Лингвокультурология эмоций

Эмоции в игровом коммуникативном
пространстве

ЭМОЦИИ В АКТАХ МЕЖЛИЧНОСТНОГО И ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОГО ОБЩЕНИЯ

§ 1. Эмоции в политическом дискурсе

Сегодня ни у кого уже нет сомнений в том, что язык и общество находятся в постоянном диалогическом единстве и в том, что (как утверждали лингвисты до недавнего времени) язык отражает всё, что происходит в данном языковом обществе. Среди различных способов употребления языка лингвистика различает дескриптивные, эмотивные, поэтические и риторические, которые по-своему участвуют в создании дискурсивного пространства культуры социума.

В русском политическом дискурсе, как устном, так и письменном, менее всего наблюдается поэтическое использование языка, целью которого является создание определенного положительного эмоционального настроения адресата. Проявление остальных способов использования языка в политике динамично, так как язык современной русской внутри политической жизни характеризуется чрезвычайной подвижностью, особенно в сфере деривации (напомню, что деривация языка является одной из форм его движения).

Анализ текстов политического дискурса (газет, телекомментариев, парламентских речей (выступлений) и т. п.) обнаруживает значительную роль эмоционального фактора динамики языкового употребления. Антиномия экстралингвистических и лингвистических факторов, помноженная на антиномию *ratio* и *emotio*, с одной стороны, и антиномию плана выражения и плана содержания, с другой, а также на антиномию стандартного и экспрессивного, с третьей стороны, в современном политическом дискурсе оказывается направленной в сторону его явной экспрессивизации.

Язык политики существует, чтобы выражать профессиональные мысли общественных деятелей и политиков. Естественно, что у каждой политической языковой личности вербальные установки сознания индивидуально специфичны (ср., например, речи В. В. Жириновского и В. С. Черномырдина). Общая ситуация политической и экономической нестабильности является сильным эмоциогенным фактором,

определяющим психологическую неуравновешенность русского языкового сообщества. Учитывая природный экспрессивный характер русского самосознания, можно понять и объяснить ярко выраженную речевую эмоциональность российских политиков.

Следует заметить, что каждая языковая личность в своей политической вербальной деятельности представляет определенный институт (например, партию) и, следовательно, мыслит в парадигме его установок. Но в то же время каждая личность — продукт своего сообщества, и в ее языковом сознании доминируют бытовые, клишированные формы, вырабатываемые в повседневной практике общения. Это приводит к известным случаям интерференции, к сбоям, переходу с политического дискурса на язык бытового общения, а ряде случаев — на жаргон:

Алик (Альфред Кох, бывший председатель Госкомимущества.— В.Ш.) — высококомпетентный профессионал и честный человек! (из речи А. Чубайса);
А черт его знает, куда они (деньги, направленные в Чечню.— В.Ш.) деваются?! (из речи президента);

Гуляйте ребята! (из речи А. Чубайса);

Те, у кого руки чешутся, чешитесь в другом месте (из речи экс-премьер-министра В. С. Черномырдина);

Эти грязные, вонючие деньги... (из речи А. Чубайса);

Достанем всех и каждого! (прощальная речь А. Чубайса на похоронах друга предпринимателя Маневича);

Ну, вы даете! (В. С. Черномырдин);

Мы не только дадим, но дадим ... этой программе пинка! (из выступления председателя правительства).

Анализ огромного количества газетных статей («Известия», «Волгоградская правда», «Российская газета», «Аргументы и Факты» и «День за днем: Царицын-Сталинград-Волгоград») и более тысячи заголовков за 1999–2006 гг. позволил зафиксировать ряд интересных языковых моментов, которые не были типичны для русского политического дискурса 80-х гг. XX в.. Они явно противоречат известной английской поговорке: *if something is a cat, it is sure not a dog*. В российском политическом дискурсе это правило не срабатывает: в нем кошка может быть собакой и наоборот, в нем уживаются логика и парадокс, терминология и образность. Окказиональные и оксюморонные с точки зрения нормативного языка и речи словосочетания становятся привычными и превращаются в клише современного политического дискурса: «отечество минус вся Россия»; «дружить против ОБР»; «криминальная информационная группировка» (про ОПТ); «информацион-

ное киллерство», «киллерско-журналистская этика»; «спецоперация ОРТ»; «кремлевские чудеса»; «родовой признак элиты»; «политический легковес/тяжеловес»; «абсолютная узколобость»; «сола для веника», «хилая демократия»; «молодежность ТВ»; «единорусское море»; «вылететь из правительства»; «националисты просели между двух кресел» и др.

Примеры говорят о том, что в обращение запущены лексика и синтаксис, эксплицирующие большое языковое сознание политической «элиты», что язык политиков (профессиональный язык) стал излишне экспрессивным и сниженным. Практически без закавычивания или специальных помет в текстах политического дискурса используются жаргонизмы: «крыша», «наезды», «ксива», «опустить», «обуть», «прикольный сюжет», «мочить» (*Заказной киллер Доренко, сегодня он «мочит» Лужкова*), «деньги отстегнули», «играть на лапу с Березовским», «сила семейного ханка», «раскрутить Аксененко», «прикалываются», «прикид», «прикрывать», «сдавать своих» и т. д.

Газеты, начиная с конца прошлого века, избилуют свободным выражением эмоций политиков по отношению друг к другу и оценками-прозвищами: «розовый реваншист Примаков», «романтический либераллиссимус Лукашенко», «отмороженный телекиллер Доренко», «вольный стрелок Сванидзе», «блефун Явлинский», «запасной президент Путин» (он же «правильный престолонаследник»), «сладкоголосая морская птица — Горелов» (ведущий телепрограммы), «кремлевские небожители», «азартный насильник на улице» (Леонтьев), «карманные масс-медиа», «отвязанный хам Доренко», «ильюхинско-мизулинский импичмент», «главный российский манипулятор телевизионными образами» (о Березовском), «артиллерия Березовского», «телевидение — столь похабное зрелище».

Такая вербализация характеризует истинное эмоциональное состояние современной политики — эмоциональная неуравновешенность, агрессия. Вопреки постулатам общения (Дж. Лич, П. Грайс) приметой коммуникации в сфере политики стал стиль вербальной диффамации, сопровождающийся отсутствием эвфемизации языкового сознания, ментальной неспособностью и открытым нежеланием соблюдать правила межличностного общения и публичной речи. Как заметил в одной из своих программ В. Познер, наши политики соревнуются в том, «кто больше накрутит сальто-мортале, кто хлестче скажет».

Контент-анализ политического дискурса выявляет характерный для него двунаправленный процесс — «бытовизацию» политических

текстов, с одной стороны, и политизацию бытовой речи рядовых граждан, т. е. использование ими лексикона политических деятелей в бытовом общении, с другой.

Любой текст, в том числе текст политического дискурса, имеет план выражения и план содержания. В обоих планах автоматически фиксируются и регулярно воспроизводятся все параметры его автора как языковой личности. Внешней формой выражения внутреннего эмоционального напряжения являются вербальные и авербальные языковые знаки: экспрессивный вокабуляр, экспрессивный синтаксис, стилистические приемы. Среди них большое место по частотности занимают эпитеты, метафоры, сравнения, антитезы, риторические вопросы, а также ирония и сарказм.

В качестве характерной черты политического дискурса можно назвать конвергенцию функциональных стилей, экспрессивных средств и стилистических приемов в одном тексте, что значительно повышает его воздействующую силу, т. е. его прагматику. Названные выше и другие средства экспрессивизации речи в политическом дискурсе, как показывает его контент-анализ, направлены на решение ряда задач. Одна из них — сделать политический текст (выступление политика) ярким, броским, привлекательным, интересным, чтобы более эффективно воздействовать на *ratio* и *emotio* адресата; другая функция — реализация интенции самовыражения политического деятеля или аналитического обозревателя (см. особенности речи известных и популярных в свое время политических комментаторов С. Доренко и С. Сорокиной).

Текстолингвистика рассматривает любой текст как мост между действительностью и человеком. Этот мост человеческой жизни заполнен аксиологическими моментами. Основною чертой текстов политического дискурса является их ситуативность: они представляют собой описание какой-либо типичной ситуации, неразрывно связаны с ней и адекватно интерпретируются только в ее контексте. Представляемая в политическом тексте ситуация, как правило, аксиологически маркирована: «оценивается то, что нужно физически и духовно человеку и человечеству», «оценка представляет человека как цель, на которую обращен мир» [Арутюнова 1988]. Существенной ментальной характеристикой современного политического дискурса является превалирование в нем отрицательных эмоций, которые выражаются и вызываются текстами. Голос эмоций с отрицательной семантикой их экспрессии в политическом дискурсе является доминирующим и актуализируется в многообразных формах:

1. Метафоры: *ремонт в квартире* (о ходе развития страны); *кони на переправе*; *раскачивание лодки*; *государственный корабль*; *общий дом* (*организм*; *путь*); *депутатские майданы*; *самоубийственные аргументы*.

2. «Горячий» вокабуляр (просторечные и жаргонные элементы вместо литературных): *«из-за кремлевской дури»*; *штурмовали нас профессионалы, но командовали ими идиоты* (о больнице в Буденновске.— В.Ш.); *«пьяная кремлевская политика»*; *«чеченская политика Кремля как шизофренический кошмар»*; *«так размазать любого политика, что он себя до конца жизни не узнает»*; *«единороссы наехали на милицию по всем правилам дорожного движения»*.

3. Ирония: *«Ельцин взял Чубайса на сохранение. Как долго он будет его сохранять?»*; *«завлабы, прыгающие в министры и премьеры»* (о Гайдаре); *«страной управляют секретари...»*; *«сидит чиновник и теишится над этими строками: пиши, пиши, кукарекай — все равно не рассветет»*; *«министры односторонних дел»*. Кавычки как маркеры экспрессивного употребления единицы оформляют вербемы, используемые не в основном значении, а в ироническом смысле, и потому в результате такой стилистической транспозиции они реализуют свой отрицательный оценочный потенциал:

а) *6-го августа в программе «Израэлита» Киселева между выступлениями Говорухина на каком-то здании промелькнула пятиконечная звезда и, как всегда, двумя рогами вверх. Это где же такие «часики»? (Газ. Колоколь, 12.08.95);*

б) *Туда прилетели В. Ерин (министр внутренних дел), шеф ФСБ С. Степашин и прочие «достойные лица» (А. Мосякин. Уроки Чеченского СМ 2/12,97);*

в) *Три дня «славное воинство» во главе с Ериным и Степашиным устраивало «танец с саблями», вокруг буденновской больницы, за которым, затаив дыхание, следил мир (там же). Здесь «достойные лица» и «славное воинство» означают прямо противоположное исходному смыслу словосочетаний, т. е. денотативное и коннотативное значения являются случаем экспрессивной антонимии (т. е. энантиосемией).*

4. Повторы: *«лгал, лжет и будет лгать Павел Грачев», «министр обороны лгал своему главнокомандующему, а, как известно, единожды солгавши...».*

5. Аллюзии: *«Президент пролетел Россию и его никто не разбудил»*; *«Их дом — «Газпром»*; *«Партнеры во Христе»*; *«Дела давно минувших рублей».*

6. Эпитеты: «загнанный, задыхающийся, недоубитый народ», «нордический Чубайс»; «амурские войны»; «конституционная анархия»; «формально убыточный губернатор»; «совмещательный голос».

7. Фразеология: «вызвать на ковер», «быть первой скрипкой»; «гоняться за призрак (коммунизма.— В.Ш.); «войти в одну и ту же речь дважды» и др.

Особенностью политического дискурса является то, что оценочная составляющая в нем легко моделируется и поэтому может быть сознательно искаженной, ложной. Мотивом такой оценки может быть либо провокация, либо самозащита. К сожалению, ложь в России стала средством общения власти с гражданами. Ее вербальное проявление многолико, и одним из таких проявлений является искажение фактов (см. информацию о событиях чеченской войны, обещания, которые не выполняются, указы президента, которые не исполняются и т. п.). В результате прагматика политических текстов часто бывает обратной — им никто не верит.

Манипулирование общественным сознанием, игнорирование властями вербализованного гласа народа привело к обесцениванию свободного слова и деформировало семантику многих привычных слов, обозначающих доминирующие концепты политического дискурса: «демократия», «перестройка», «реформа». Политическое сознание в потоке вербальной лжи правительства претерпело изменение, аналогичное преломлению весла в воде. Так, в официальной прессе слова «правительство» и «власть» в ряде случаев заменяется безликим — «государство»: не власть, не правительство, а «государство» втянуло сотни тысяч мальчиков в кровавую бойню в Чечне, а потом бросило их на произвол судьбы и забыло о них. Ранее другие политические тексты утверждали (лгали), что «государство» — это мы, т. е. народ.

Ложь в политике представляет собой специфический вид обмана, ибо она имеет целью не только ввести в заблуждение, но и облегчить жизнь тому, кто ею пользуется, при этом манипулируя сознанием других людей. Однако лингвистическое манипулирование российским общественным сознанием у наших политиков далеко не всегда имеет успех. Теперь уже многие россияне знают, что соединение любых двух элементов в предложении может быть использовано для порождения произвольных смыслов, а значит, для жульничества. И поэтому вербальный «мусор», которым наши политические деятели загрязняют информационное пространство, больше не завораживает и не вызывает почтительного доверия к их пользователям: *консенсус, инаугура-*

ция, секвестр (см. стилистически безупречную статью-издевку И. Петровской в газете «Известия» «Секвестером по рейтингу»), *деноминация, эмиссия, рейтинг, дилер, саммит* и т. п. Многие из этих слов, политических и экономических терминов, «пахнут» ложью.

Политический дискурс разрушает, а не защищает единое политическое пространство страны, поскольку вместо плюрализма мнений и многообразия эмоций в его структуре формируются анархия идеологий, действий, стилей. Он зарождает эмоционально стрессовые настроения. Отсутствие объединяющей Россию политической идеи, которая бы формировала здоровый политический смысл ее граждан, отражается на качестве эмоциональности политических текстов: в них практически нет интенсивных и стойких эмоций, страстей, а преобладают сиюминутные вербальные эмоции и экспрессивное самовыражение эмоций автора. Перенос акцентов с содержательной эмоциональности на эмоциональность презентационную способствует формированию соответствующего эмоционального опыта россиян, в котором находят место и концептуализируются преимущественно презентационные формы выражения эмоций. Это понимают и политики: народу важен не столько смысл сказанного, сколько эмоции, рожденные сказанным. Перечисленные факты наводят на мысль о том, что российским политикам необходимы лингвистические имиджмейкеры, чтобы сместить в позитивную сторону вектор оценочного знака политического дискурса и повысить веру адресатов в действительно благие намерения политиков.

Главное лингвистическое наблюдение над политическим дискурсом можно было бы сформулировать совсем неожиданно: его экспрессия является не стилистическим приемом или средством, а нормативным фактором его синтаксиса. Даже в тех случаях, когда экспрессивы являются заполнителями номинативных лакун (речь идет о феномене контекстных эмотивно-экспрессивно окрашенных понятий, подобных следующим: «красные бароны» (о директорах предприятии), «красноперые» (о коммунистических демонстрантах в посткоммунистические времена), «кавказский криминалитет» и т. п., они — явление не стилистики, а синтаксиса политического дискурса).

Политический дискурс — это язык сегодняшней власти, и естественно, что язык не сам по себе обладает властью, но с его помощью пользователи языка могут получить ее. Поэтому проблему «Язык и политика» нельзя недооценивать: манипулирование общественным сознанием россиян власть осуществляет посредством языка, исполь-

зую при этом его мощный эмоциональный потенциал. О. Есперсен когда-то назвал слова мильными вехами истории («words are milestones of history»). Своеобразной вехой можно считать лексику русского политического дискурса конца XX – начала XXI в., но мы — современники сегодняшних *milestones* — ощущаем эту лексику всеми органами чувств по цвету, запаху, вкусу. А поскольку мы не только — *Homo sapiens*, но и *Homo senties*, то эти *milestones* мы еще и переживаем и эмоционально их рефлекслируем, ибо они — эмоциональны.

Политические тексты уже в течение многих лет настроены только на одну эмоциональную волну. Эта волна, по сути, является информационной войной общения политиков друг с другом, с народом, с правительством, с администрацией президента. В этой интерактивной войне стираются морально-этические нормы ведения диалога, сметаются нравственные устои публичной речи, которые формировались в России на протяжении длительного времени. Главной целью «политического удава» (и текстов, обслуживающих интересы властных структур) является, при полном равнодушии правительства, эксплуатация низменных инстинктов и чувств людей, превращение населения в кроликов («Я другой такой страны не знаю, где людей сознательно превращают в кроликов» — И. Петровская. Изв. 30 окт., 1999).

Информационный разбой приводит к тому, что русский язык сегодня функционирует в российском политическом дискурсе в своем вульгарном варианте. Лингвистической науке общеизвестна роль слова в формировании языкового/речевого сознания и в формировании картины мира, а через нее и самого мира (Л. Вейсгербер, В. Гумбольдт, Э. Сэпир и Б. Уорф). Но этот мир формируется в сознании человека не сам по себе, а с помощью человека. Этот механизм учеными уже не оспаривается: язык₁ → человек₁ → мир₁ → язык_{1a} → человек₂ → мир₂ → язык_{1b} и т. д. Цифры указывают на трансформацию моделируемого разными языковыми личностями мира. При этом и сам язык, и человек также изменяются. С помощью слов можно подействовать на общественное сознание: оно открывает новые, иные, но в основном негативные реалии в российском политическом дискурсе. Эти инновации по-иному перераспределяют фрагменты русской языковой парадигмы мира и смешивают их на иные рубрики ценностной шкалы в этой картине.

Российская политическая картина мира красочна, она наполнена ложной информацией, интригами (см., например, ироничный заголовок статьи, посвященной изменениям в руководстве Центризбиркома:

«Центризмбирком пролил свет на черный пиар за закрытыми дверями» — Коммерсант от 21.04.07), площадной бранью и возгонкой эмоций на всём политическом пространстве. Сегодняшняя российская политическая картина мира иллюстрирует процесс уничтожения политических традиций, корректности, совести представителей власти, многие из которых совершенно не сдерживают своей озлобленности и не контролируют свое вербальное и авербальное поведение:

Экс-президент с экрана телевизионных каналов постоянно строил своим согражданам угрожающую физиономию, демонстрируя неприличные даже среди слесарей ЖЭУ жесты и интонации («Неправильно сидите!»; «Вот такая загогулина») и без всяких эвфемизмов и дипломатии посылает в открытый эфир со злобной интонацией и мимикой «Это вранье!» (по поводу сообщения о разногласиях между Ельциным и Путиным; из телепередачи в 2006 г.).

Известные жаргонизмы «сортир» и «мочить» на долгое время стали знаковыми для российского политического дискурса, придав ему соответствующий «сортирный запах». Первые лица государства, таким образом, задают тон и стиль общения политиков друг с другом и с народом. Поэтому генерал-штабист и отвечает журналистам, указывающим ему на иные факты, привезенные С. Доренко из Чечни: *«Насрать мне на вашего Доренко!»* И всё это воспроизводит и тиражирует для своих читателей газета «Известия».

В этот тон и стиль прекрасно вписывается и В. Жириновский, который стал явным для всех, но не для правительства и компетентных органов, политиком-террористом (обливающим оппонентов соком, водой, таскающим дам Госдумы за волосы, заталкивающим неугодных в машину, разрывающим и топчущим красные флаги, делающим вульгарные высказывания с целью диффамации оппонентов, угрожающим, проклинающим, прибегающим к предвыборным мошенничествам). Такой «Петрушка» должен быть представлен в ролевой структуре политики: он развлекает, отвлекает, критикует, но всегда голодает «за». Это и особый типаж языковой личности, соответствующий характеру современного политического дискурса.

Судя по вербалике политиков, их дискурс предназначен только для обслуживания их собственных интересов. Они прекрасно обходятся без мнения читателя/зрителя, которых они превратили в пассивных наблюдателей своего *puppet show*. Наше гражданское, народное, личное мнение не имеет значения, мы исключены из политического дискурса сознательно. Российские политики знают, что народ их ненави-

дит (см. заявления об этом В. Рыжкова-младшего в 1999 г. с экрана первого канала), но они продолжают оставаться «самопровозглашенным братством Садового кольца».

Анализ лексики, семантики, синтаксиса и прагматики речевого поведения российских политиков подтверждает тезис о диффамации и дезвфемизации современного российского дискурса. Языковые средства, избираемые политиками для общения друг с другом и своим электоратом, эксплицируют уровень их языкового сознания, скрытого от внешнего наблюдения.

С этих позиций русский язык добросовестно выполняет свою разоблачительную функцию: реализация единства языка и мышления/сознания через вербалику языковой личности рисует ее красочный политический автопортрет. А совокупный языковой/речевой продукт дает образное представление о новом виде языковой картины мира — российской политической картине, которая зачастую дурно пахнет, изобилует отрицательными оценками, излишней экспрессивностью, эмоциональной нестабильностью, агрессией.

§ 2. Эмоции в научном дискурсе

В научном (в том числе и в лингвистическом), как и в любом ином виде дискурса, эмоции представлены достаточно ярко.

Противопоставление *ratio* и *emotio*, традиционное для исследований эмоций в сфере научной коммуникации (см. работы отечественных и зарубежных ученых начала и середины XX в.), в современной науке не поддерживается. Эмоциональное давно уже признается, наравне с рациональным, равноценным конституентом интеллектуального; доказано существование эмоционального мышления и эмоционального интеллекта [Goleman 1997]. Признаются эмоциональные жанры, эмотивные речевые акты, эмоциональные вкрапления, и не только в художественный дискурс, но и в научный. И хотя требования к научному функциональному стилю исключают использование кодовых и авторских эмотивов — аффективов, коннотативов и потенциативов [Шаховский 1988], а сама наука (*ratio*) считалась несовместимой с эмоциями бесстрастного исследователя и автора, представляющего результаты своих штудий, в XXI веке становится всё более и более очевидным, что и первое, и второе мнение является заблуждением.

В качестве аргумента в пользу этого утверждения приведу такие факты. Как известно, научный функциональный стиль маркирован

повторяемостью пассивных конструкций, номинализацией, определительными высказываниями со словами *это, является* и др. индикаторами этого функционального стиля. Однако во многих современных научных сочинениях всё чаще обозначается языковая и эмоциональная личность их авторов через личное местоимение *Я*, через когнитивно-эмоциональную позицию автора, через его эмоциональную аргументацию. Интерес является одной из самых распространенных рациональных эмоций *Homo sapiens* и поэтому, даже упакованные в рациональные языковые формы, научные суждения всегда явно или имплицитно эмоциональны по своему коннотативному содержанию.

Уверен, что Ш. Балли был совершенно прав, говоря о доминировании эмоций во всех суждениях говорящего и пишущего. Приведу лишь одну цитату из его многочисленных работ о роли эмоций в жизни языка: «Аффективность есть естественное и спонтанное проявление субъективных форм нашей мысли: она неразрывно связана с нашими жизненными ощущениями, нашими желаниями, прихотями, нашими оценочными суждениями; она — что тоже самое — внешнее выражение личного интереса, который мы проявляем к действительности» [Балли 1961: 113].

В своих работах Ш. Балли довольно пристрастно доказывал, что язык нельзя понимать только как рациональную операцию. Этот факт каждый исследователь, и особенно каждый лингвист, постоянно ощущает на себе, ибо, никто из учёных не живет чистым сознанием: он всегда пристрастен к материалу, предмету и объекту своего исследования, он всегда эмоционально переживает свои достижения и неудачи. Представляя на суд научной общественности в докладе или в публикации свои результаты, он всегда, как неосознанно, так и осознанно, использует эмоциональную аргументацию в их защиту.

Мне уже приходилось писать и говорить об эмоциональных мотивах человеческого сознания [Шаховский 2003б: 215–222]. Ученые — тоже люди, им свойственны эмоции, поэтому наряду с логической аргументацией эмоциональная аргументация является одним из способов доказательства исследователями выдвигаемых теоретических положений. Опыт показывает, что только жанр научного реферата как вторичного текста более или менее безоценочен и безмотивен, а отзывы-рецензии на диссертации, монографии и сборники всегда эмоционально и эмоционально маркированы.

Я поддерживаю идею о разграничении эмотивности *vs* эмоциональности высказываний [Ларина 2003: 164–165]. Эмоциональность

автора представлена в научном дискурсе в виде естественной актуализации его эмоционального дейксиса или эмоционального тренда [Шаховский 2002]. Достаточно прочесть всего несколько работ, например, профессора В. Н. Телия, чтобы убедиться в огромной силе эмоционально-образного мышления этого современного лингвиста, проявляющегося как через имплицитное эмоциональное обрамление и композицию всех ее работ, так и через вербальную упаковку излагаемого ею научного материала (см.: [Телия 1985; 1996; 1999 и др.]). Это же можно заметить и во всех трудах проф. Н. Ф. Алефиренко (см.: [Алефиренко 2002; 2005; 2006]) и многих других ученых. Эмоциональность и эмотивность в форме индивидуальной синергетики авторов проявляется в особой манере (стиле) изложения материала, в специфическом отборе уже известных лингвистических знаний и в их собственной интерпретации и адаптации для учебников, в эмоциональной заряженности, личных пристрастиях к анализируемому.

Эмоциональность любого ученого является его природным инстинктом [Pinker 1994], мотивационной основой всех его штудий и категоризации его знаний через их эмоционально осмысленную вербализацию, а его эмоциональный интеллект [Goleman 1997], который также является облигаторной сутью *Homo sapiens*, превращают ученого в *Homo sentiens*, что не может не прорываться в язык и стиль его научных публикаций и выступлений. Другими словами, эмоции ученого носят естественный спонтанный характер, т. е. являются, по мнению Т. В. Лариной [2003], открытой демонстрацией чувств и, по моему мнению, неконтролируемой демонстрацией, экспликацией авторского эмоционального дейксиса.

В тех же случаях, когда авторы используют свои эмоции преднамеренно, как специфическую аргументацию в тактике и стратегии научного изложения (см.: [Шаховский 2005: 174–203]), как реализацию их эмоционального коммуникативного поведения с целью воздействия на читателя, их эмоциональность трансформируется в эмотивность.

Исходя из предложенной дихотомии все научные тексты, по моему мнению, являются в большей или меньшей степени эмотивными, независимо от наличия/отсутствия эмотивных знаков, так как все авторы пристрастны в своем желании убедить читателя в достоверности собственных доводов. Другими словами, научный дискурс является одновременно примером и эмотивной, и эмоциональной коммуникации исследователей друг с другом.

Ученые разных специальностей доказали, что и приоритеты разрабатываемых ими проблем, и акценты их рассмотрения, равно как и методы/методология, всегда были детерминированы не только социально-экономическими, политическими (вспомним труды Т. Д. Лысенко, Н. Я. Марра, И. В. Сталина и др.), но и психологическими и этическими предпосылками: вся наука субъективна. Все новые знания промежуточны, многие последующие знания эмоционально отменяют или корректируют предыдущие. Менталитет и научный стиль мышления любого исследователя, и прежде всего гуманитария, эмоциональны и эмотивны, что проявляется, например, в противоречивости, гипертрофированности, авторитаризме российской науки.

Всё изложенное выше позволяет считать неоправданным отнесение научного функционального стиля и научного дискурса только к логической (рациональной) сфере человеческой коммуникации.

Как уже неоднократно отмечалось, можно предположить, что в начале было не Слово, в начале была Эмоция, которая и создала Слово, служащее для фиксации (номинации), хранения, трансляции и воспроизведения эмоции *Homo sapiens/sentiens* в процессах бытовой и научной коммуникации. И взаимодействие трех фундаментальных функций мозга ученого — когнитивной, эмоциональной и коммуникативной — объясняет дихотомию *эмоциональность vs эмотивность* и доказывает обязательность данных категорий для построения текстов научного дискурса.

§ 3. Эмоции в медиальном дискурсе

В последнее время в речевой оборот современных средств массовой информации вошло достаточно много точных и лаконичных новообразований: *СМИсители, период дожития, внезапный миллионер, бомбист, блокпост, лица в масках* и др. В них, с одной стороны, отражаются тенденции к экономии языковых средств, к примитивизации средств выражения, свойственной периоду глобализации, к гибридизации понятий и форм их представления, как, например, в текстах Интернет- и мобильного общения. С другой стороны, в этих примерах проявляются изменения, касающиеся эмоционального наполнения текстов современных СМИ, их ярко выраженной эмотивности. Данные черты, характерные для медиального дискурса в целом, сегодня приобретают особую значимость и подвергаются значительным количественным и качественным трансформациям.

Данные преобразования объясняются бурными, глобальными событиями в мире (которые требуют наименования, характеристики, интерпретации), широкими открытыми контактами между народами и все усиливающейся тенденцией к агрессивности в отношениях внутри одной страны и между разными странами (см.: Северный Кавказ, Ирак, Израиль и Ливан, Иран и др.) [Агрессия... 2004]. Эта агрессивность не может не вербализоваться даже в дипломатическом языке, что ведет к нарушению стилевого канона (см., например, заявление министра обороны С. Иванова о том, что страны Чехии и Словакии вдут переговоры с нами «для балды»).

Широкое использование эмоций объясняется и общим, глобальным эмоциональным раскрепощением человека, который перестал бояться открыто проявлять свои эмоции в обществе. Теперь уже является общепризнанным такой вид коммуникации, как эмоциональная коммуникация, и такие речевые акты, как эмотивные [Городникова 1985; Филимонова 2001 и др.].

Источником эмоций в текстах современных СМИ являются ежедневные негативные события в стране и мире, природные катаклизмы, тяжелое положение во всех сферах социальной жизни. Для их обозначения часто не хватает существующих узувальных обозначений, поэтому в такие периоды особенно активизируются креативные возможности языка, позволяющие отразить многообразие понятий, возникающих в новой российской коммуникации: *оборотни в погонах, словесные протезы, выборы на крови, регулируемая демократия, говорящие головы* (о телекомментаторах), *«генацвалить» с больной головы на здоровую, положить лицом на асфальт* и др.

Особенно заметны языковые механизмы креативного переосмысления в использовании и порождении лексики и окказионального слово- и фразообразования: *монетизация (льгот), амнистия (дачных участков), телефонный терроризм, осиротелые родители, обманутые вкладчики, ходячее удобрение, лицо кавказской национальности, однорукий бандит, выходцы с Северного Кавказа, ракета в огороде, бандформирование* и др.

Появившись в игровом облике, такие новообразования сразу активно вступают в систему словоизменения русского языка, включают механизм порождения вторичных дериваций: *криминальный — криминал, криминалитет, криминализованный, криминирующий; попса — попсово, попсовики, поп-история, поп-арт, поп-патриотизм* и др.) (см. [Шаховский 1998]). Обрастая новыми значениями, данные новообра-

зования приобретают дополнительные дистрибутивные свойства, расширяя привычные сочетаемостные возможности слов.

Кроме того, ряд контекстуальных понятий, привязанных к ситуации, к определенному тексту, становятся устойчивой аллюзией к ним: ср: *Курск, Норд-Ост, Беслан, Буйнакск, Чечня*. При многократном воспроизведении данные лексические обозначения актуализируют в сознании соответствующие категориальные эмоционально-отрицательные ситуации и огромный эмоциональный пласт лексики ассоциаций, чувств, субъективных переживаний, неразрывно связанных с названными понятиями. При употреблении в ином дискурсе данные обозначения иррадируют на весь текст, привнося в него информационное и эмоциональное содержание исходного контекста.

Как нами отмечалось ранее, всё речевое поведение человека эмоционально опосредованно. Эмоциональная рефлексия на события, происходящие в обществе, не могут не изменять человека и его язык. Новые эмоциональные доминанты пронизывают наше общение, определяют векторы понимания высказывания. Часто в речи превалируют сиюминутные вербальные эмоции автора, находящие выражение в знаках его экспрессивного самовыражения, что в полной мере отвечает современному принципу медиального и политического дискурсов: важен не смысл сказанного, а эмоции, рожденные сказанным. Именно поэтому новые контекстуальные понятия следует рассматривать как результат эмоциональной концептуализации политического и социального опыта россиян, их понимания и оценки жизненных ситуаций.

Как уже отмечалось, формой выражения внутреннего эмоционального напряжения и эмоциональных всплесков являются вербальные и авербальные языковые знаки: экспрессивный вокабуляр, экспрессивный синтаксис, многочисленные стилистические приемы. Среди них большое место по частотности занимают эпитеты, метафоры, сравнения, антитезы, риторические вопросы, ирония с закавычиванием и раскавычиванием слов и фраз, сарказм, издевка. Наиболее глубокими являются семантические механизмы образования новых контекстуальных понятий, которые отражают когнитивные процессы концептуализации типичных эмоциональных ситуаций нашей жизни. Одним из наиболее активных способов семантического усложнения слов является образование словосочетаний на базе соединения непривычных, редко сочетаемых или противопоставленных понятий: *Куски вертикали* (о коррупции власти), где, согласно словарной дефиниции, *вер-*

тикаль — иерархическая последовательность, единство, система политического устройства [Минкин 2003].

Подобные заголовки строятся в соответствии с привычными канонами жанра публицистической статьи: информация + оценка, выраженная в экспрессивной форме. В основе их — политические события в стране, которые, однако, выражаются не нейтральными знаками языка, а эмоционально маркированными. Эмоция коммуниканта — это всегда реакция на значимое для него событие, авторская эмоция — мотив для выбора языкового знака, который, воспроизводя эту эмоцию вновь и вновь, делает первичный текст прецедентным: ср. новообразования на базе прецедентных высказываний: *Сами с ушами; Министры без штанов; Жизнь Суркова; По уши в волне* (публикации А. Минкина в 2003–2006 гг.).

Изображенная в СМИ ситуация часто более концентрированно и целенаправленно воспроизводит события и факты и поэтому является катализатором для более интенсивных эмоций. Так авторское сознание, его креативные возможности способствует активизации новых семантических валентностей языковых единиц и порождают новые контекстуальные понятия, например, путем контаминации и гибридизации понятий (*телепередача пасхального яйца, шоу еды, раздолбай-сервис*), порождения новых эпитетов, акцентирующих важные, значимые в том или ином отношении свойства обозначенного объекта (*честные чиновники, Орден правды, фальшивая оппозиция* — А. Минкин, 2005 г.) или оценочные компоненты актуальных социально-нравственных понятий (*ампутация совести, родной товар* (о судьбе отечественного производителя) — А. Минкин, 2004–2006 гг.).

Эмоции руководят отбором средств в языковой игре, регулируют творческие процессы в языке, а также активно порождают социально значимые и этические понятия, актуализирующие оценочные валентности привычных нам слов (ср.: экспрессивный вариант *ампутация совести* — и маловероятный вариант *ампутация стола*).

Эмоциональная концептуализация — процесс двусторонний, она не только задается автором (ср. окказиональные композиты, не получившие статуса прецедентных: *Сакс-скандал* (языковая реакция на единичную ситуацию увольнения известного саксофониста Г. Гараняна), но и поддерживается эмоциями и языковым сознанием читателей, которое привносит в авторские понятия эмоциональные оттенки, транслирует их во всё новые контексты, расширяя смысл известных выражений в соответствии с новыми ситуациями: *Страна-малина* (о

Рублевке, о России), *Не дай себе засохнуть* (и в отношении проблемы реформы образования, и по поводу проблемы выноса тела В. И. Ленина из Мавзолея). Подобно лексической полисемии, высказывание может иметь референцию к разным ситуациям, умножая семантику этих сложных композитов и обеспечивая их понимание читателем в любой ситуации, а не только в первичном контексте (ср. выше пример использования слогана рекламного текста).

В нравственном и экономически здоровом обществе в общении должна превалировать лексика положительного оценивания (*Родина, герой, гордость, честь, совесть, человеческое достоинство, достижения, трудовые успехи* и т.п.). Эмоции, как показано нами в работах [Шаховский 2003; 2005], являются мотивационной основой сознания. Однако сегодня слова *гордость, рекорды* (за исключением спортивных), *совесть, дружба*, к сожалению, вышли из русского речевого обихода, практически «обесценились» такие «высокие» понятия, как *демократия, перестройка, реформа*, так как семантика обозначающих их слов сегодня искажена под влиянием новых контекстов употребления. Некоторые из исконных понятий используются в противоположном и ироническом значении: *патриот, патриотический* (см. ситуации многочисленных случаев убийства иностранных студентов представителями так называемых «пропатриотических» группировок).

Приметой нашего времени становится использование современными СМИ лексики, заряженной преимущественно отрицательными эмоциями, которые отражаются в семантике, коннотациях и ассоциациях используемых слов, коррелируют с определенной категориальной ситуацией российского социума. Скрывая истинную сущность происходящего, многие официальные источники в своих СМИ маскируют негативные явления «благонадежными», по их мнению, номинациями: *транспортировка тел убитых солдат — цинковый гроб — груз 200 — печальный груз — черный тюльпан; боевики — выходцы с Северного Кавказа; торговля оружием — Росвооружение; массовые уничтожения — наведение конституционного порядка — зачистка; фашистские организации — патриотические формирования* и др. Однако подобные «эвфемизмы» лишь усиливают негативное содержание обозначаемых реалий, втягивая в круг эмоционально отрицательных обозначений новые, в том числе образные средства.

Образование новых контекстуальных понятий — явление не новое для речевой практики, это один из путей развития языка. Но в современном коммуникативном пространстве российского общества

оно становится не только средством обогащения языка, но и средством закрытия эмоциональных лакун, а также способом порождения новых понятий для маскировки многообразных негативных социальных ситуаций, которые намеренно не называются их авторами прямо, а получают косвенные (эвфемистические) номинации.

§ 4. Эмоции в художественной коммуникации

Художественные коммуниканты воспроизводят весь потенциал эмотивного кода языка, а через них эмоции, которые, в отличие от языковых (материальных) знаков, являются скрытыми сущностями, опредмечиваемыми в этих знаках и в физиологических симптомах (*body language of emotions*), которые также опредмечиваются в языковых знаках и с их помощью транслируются за пределы художественной литературы.

Естественно, что все языковые знаки никогда полностью не соответствуют реальным эмоциям (переживаниям), они являются их весьма приближенной копией. Ю. А. Сорокин прав, когда пишет, что «художественные коммуниканты можно рассматривать как совокупность аффективно-чувственных комплексов, но комплексов особого рода. Их, пожалуй, допустимо квалифицировать в качестве переориентированных <...>, воздействующих на нас не прямо, а косвенно, не точно, а со смещением в ту или иную сторону нашего Я, что позволяет переживать их несколько отчужденно/дистанционно, но все-таки заинтересованно: игра на чужом поле — это, тем не менее, познавательнокатарсическая игра». Прав Ю. А. Сорокин и в том, что эмоции в художественном тексте соседствуют друг с другом, переходят друг в друга, образуют неразложимый суггестив. Однако мой анализ ряда эмоциональных ситуаций художественных текстов всё же позволяет проследить процесс зарождения той или иной эмоции, ее динамику, деривацию, комбинирование, усиление, угасание и не позволяет согласиться с Ю. А. Сорокиным в том, что аффективно-чувственные комплексы весьма затруднительно разложить на ведущие и производные состояния. Если каждый из таких комплексов рассматривать изолированно от дискурса, то с таким мнением можно согласиться. Но если идти по стопам его зарождения и становления, быть в курсе разных причин, мотивов и эффектов, то, несомненно, будет осознаваться и осмысливаться и начальная (стартовая), и промежуточные, и доминантная, и все деривационные эмоциональные состояния художествен-

ных коммуникантов на каждом новом витке эмоциональной напряженности в ее динамике.

Текстовые знаки фиксируют эту динамику, в том числе и через различные типы эмоционально-окрашенных и эмоционально-сущностных деталей. Многочисленные эксперименты И. А. Щировой, приведенные в ее монографии [Щирова 2003: 46–73], подтверждают мой тезис о возможности расщеплять склеенные текстовые эмоции и анализировать их функционирование.

В рассказе «The Fury» (автор — Stan Barstow) воспроизведен семейный конфликт, основанный на неприятии женой хобби ее мужа — разведении кроликов, которых, по ее мнению, он любит больше ее. Рассказ небольшой, но комплекс эмоций, втянутых в этот конфликт, очень значителен. Прямо названные, имплицитные, выраженные через аффективы, коннотативы и потенциативы, а также через описание эмоций языка тела, они формируют плотное эмоциональное пространство текста, в которое оказывается вовлечен и читатель. Эмоциональное картирование рассказа позволило вычленить несколько ситуаций старта, развития и результата данного семейного конфликта. В зависимости от большей/меньшей детализации можно выделить 5 или 10 ситуаций, в которых просматривается формирование доминантной эмоции ярости, которая и приводит протагониста к иррациональному поступку (она убивает всех кроликов мужа) и о котором она, вернувшись в русло рационального сознания, ужасно сожалеет: *Oh, why hadn't she listened? Why, why, why? If only she had listened and heard him in time! For now this moment was all she had. There could be no future: nothing past the morning when he would go out and find the rabbits slaughtered in their hatches.*

В этом финальном абзаце, воспроизводятся мысли-эмоции миссис Флетчер: сожаление, отчаяние, страх.

Рассказ построен так, что читатель не сразу узнает о том, куда ревность завела миссис Флетчер. Это происходит уже после примирения супругов и после их, скорее всего, последней ночи в их спальне. Тем эмоциональнее эффект обманутого ожидания у читателя: эмоциональная деталь объяснения мистера Флетчера в любви к своей жене в ситуации примирения, получает внезапный оксюморонный доминантный смысл в ситуации, из которой читатель узнает о том, какой жестокий, беспощадный удар ожидает мистера Флетчера, для которого кролики были всем в его жизни, от женщины, которой он накануне в который раз объясняется в любви.

Доминантной эмоцией, которая формируется в рассказе постепенно, но достаточно быстро (действие происходит в пространстве двух суток) становится ярость. Эмоциональное поле, в котором она быстро возрастает, состоит из более чем 30 эмоциональных мозаик: *admiration, pride, interest, tenderness, desire, discontent, annoyance, irritation, excitement, anxiety, alarm, jealousy* (к кроликам и к неизвестной женщине — потенциальной подруге мужа), *anger, enmity, malice, despair, hatred, rage, fury, etc.*

Такова динамика эмоций миссис Флетчер и их трансформация в аффект, во время которого она совершает безрассудный поступок, за которым следует уже иной комплекс эмоций: *pity, regret, remorse, despair, fear, guilt, repentance*. Экспликация этих и других эмоций художественных коммуникантов в этом рассказе происходит либо через прямое их называние в авторских ремарках: *She felt a strong desire to abuse him, in her talk, but pride held her tongue; His ignoring of her maddened Mrs. Fletcher almost more than she could bear etc.*; либо через прямую речь: *«I know how it is when you get mad»*; либо через описание эмоционального языка тела (данный способ явно превалирует в этом рассказе; более 40 эпизодов-фрагментов семейного конфликта Флетчеров представлено через описание эмоциональных просодем (фонацем)): *She was sitting by the fire, the wireless blaring unheard, her knitting needles flashing with silent fury; she watched him, eyes glittering, mouth a thing trap of temper; she grabbed the pokes and stabbed-savaged at the fire; he avoided her eyes as he went to the passage and had up his overcoat (embarrassment); her cheeks flamed suddenly (rage); I told you, he said with throaty anger; She clenched and unclenched her hands at her sides, her eyes seeking widely as the fury roared impotently in her; He strode across the room and grabbed down his coat, etc.*

Все эти и другие описания легко декодируют испытываемую коммуникантами конкретную эмоцию, даже, если она и не называется прямо (*fury, rage, shame, regret, etc.*) или не дается косвенно (*maddered, stormed, resented, grimly, etc.*) за счет эмотивных пропозиций и включенности наблюдателя-читателя в динамику эмоциональных ситуаций как шаговых фрагментов конкретного семейного конфликта. Эмотивные пропозиции, смена эмоциональных ситуаций, набор эмоциональных деталей именно данного семейного конфликта, вербальная упаковка вербальных и авербальных эмотивов, вовлеченность читателя, как наблюдателя за этим конфликтом и его эмпатия/антипатия составляют эмотивный дискурс этого конфликта. Естественно, что значи-

тельную часть эмоциональных переживаний, состояний и отношений художественные коммуниканты передают читателю через эмотивные речевые акты и соответствующие лексические, грамматические и стилистические решения (повторы, аффективы, эмфазы, риторические вопросы): *What's up? What's up? How can you find the face to sit there with your feet up and ask me that? You must think I'm daft altogether; but it's you at's daft, if you did but know it. Did you think you could get away with it? Did you really think so?* В контексте семейного конфликта, и в данной конкретной эмоциональной ситуации, они указывают на гнев, презрение как результат мощного возмущения миссис Флетчер: *«You liar, you!»... «You'll tell me nothing any more. It's all lies, lies, lies every time you open your mouth. Well, I've finished!»* (гипербола, повторы, эмотивы).

Состояние бешенства полностью сняло самоконтроль у женского персонажа, и ее эмоциональное сознание упаковывается в поток аффективов: *fat tot, blasted, a row of buttons, a raving lunatic, mucky vermin, a doo-lal, aye! Oh!* etc. Аффективом в устах миссис Флетчер становится и второе ключевое слово рассказа, фактически кролики — третий главный персонаж, так трагически пострадавший от ревности, перешедшей в ярость (дериват ревности): *«It was the rabbits»*; *«Your blasted rabbits»*, *«His rabbits, you know» Her husband thought more of his rabbits, than anything else in the world: more than meat and drink, more than tobacco and comfort, more than her...), with the rabbits, ... and finds the rabbits slaughtered in their hatches.* Это последнее употребление слова *rabbits* в заключительном предложении рассказа «The Fury» производит шокирующий эффект. Поэтому главное стилистическое средство у этого рассказа может быть определено как эффект обманутого ожидания, превращающего нейтральное слово «rabbits» в контекстуальный эмотив. Вся палитра дискурса этого рассказа наводит на это слово эмотивные семы, сгусток которых делает его доминантный смысл эмотивным.

Эмотивно-смысловое поле дискурса этого рассказа плотно насыщено эмотивами-коннотативами с потенциативами (имплицативами): *passionate, put the thickness of the door between, clung, vigour, lingered, courting, stupid, drawn blood, brazen it out, rival, throwing the paper, threatened, bluster draining out of him, reassert her claims, draw the line at fancy women, so sad, a steady faith, I've done listening to you, resented, stirred, strode across, dragged down, discarded, a raving lunatic, gulped (water), traipse about, a husband of her own, slung, nostrils dilated,*

quivering with rage, too handsome, plucked a vase, dashed it to pieces in the hearth, the wireless blaring, clenched and unclenched her hands, flashing with silent fury, seeking wildly, gallivant, roared impotently, muttered, tightened involuntarily, tight and unnatural, maddened, lingering anger, stormed, sheepishly, eyes glittering, a thin trap of temper, colour deepening and spreading, trance-like, grimly, his slamming, threw down his shoes, awkwardness of a man, throaty, harping on, hung on me like mad, grabbed, brazen baggage, stabbed savagely, proper nasty towards the end, lovely, awful, abuse him, a clout of summate, pride held her tongue, to snap inside, shot a look, little bust-up, flamed suddenly, nip out, indulgently, slaughtered, etc.

В формировании эмоционально-смысловой доминанты «ярость» в рассказе участвуют многочисленные стилистические средства: эпитеты (*dark, secret warmth, rightful possession* (о своем муже)), *lingering anger*); перенесенные метафоры (*knitting needles flashing with fury, cheeks flamed suddenly*); повторы (см. примеры выше), градация (*more than meat and drink, more than tobacco and comfort, more than her — or the other woman*); вопросы в повествовании (*what was she up to? She knew very well... Oh, why hadn't she listened? Why, why, why?*); параллельные конструкции (*cleaning the hutches, feeding the animals, grooming his two favorite*); эллипсы (*you liar, you...*) и мн. др.

Исследование формирования и динамики личностных эмоциональных смыслов в художественном дискурсе перспективно для многих лингвистических проблем. Уже результаты, представленные в данном разделе работы, позволяют заключить, что аффективность художественных коммуникантов руководит организацией их языкового сознания, которое вербализуется в их когнитивно-эмотивных метаморфозах. В художественном (всегда эмотивном) дискурсе через языковые/речевые знаки эксплицируется семантический портрет конфликта (и любого аффекта) и семантический образ эмоциональной доминанты текста на базе всех личностных доминант как их интеграции, и вскрываются для читателя все причины их формирования.

Практические исследования эмоциональных личностных смыслов и доминант дают материал для разработки теории доминанты, поскольку через эмотивный дискурс вскрываются коммуникативный и смысловый параметры эмоций Homo sentiens. Этот факт, в свою очередь, позволяет подтвердить гипотезу о специфической связи психоэмоциональных состояний со способами и средствами конструирования речевого поведения.

Эти же исследования подтверждают справедливость в прошлом гипотезы [Шаховский 1984], а теперь уже аксиомы о бесконечности мотививной валентности и формируемого на ее базе корпуса речевых мотивов.

Следует согласиться с замечанием Ж. Вандриеса о том, что для лингвиста чувства приобретают значение только тогда, когда они выражены языковыми средствами. Вербализованные аффекты как никакие другие эмоции вскрывают для читателя внутренний семантический мир коммуникантов, так как аффекты (конфликтные психоэмоциональные ситуации) вытаскивают из подсознания неуправляемые *ratio* смыслы и упаковывают их в неожиданные даже для самого продуцента вербалии и авербалии (как это, например, показано в рассказе «The Fury»).

Изучение эмоциональных доминант по художественным текстам может, как я предполагаю, позволить составить библиотеку конфликтных ситуаций, их речевых моделей, кодированных сигналов-стартов конфликта. И хотя практика показывает, что даже осознание начала конфликта не останавливает коммуникантов от его развития, всё же в коммуникативной, человеческой и эмоциональной компетенции через научающую коммуникацию должны быть заложены все необходимые знания о способах эвфемизации, мейозиса и погашении (прекращения) вербальной дуэли. В современных условиях обучения этот раздел может войти в теорию и практику коммуникативистики.

Плодотворным для формирования теории эмоциональной доминанты может быть и вывод о том, что эмоциональные состояния коммуникантов не ситуативны, а составляют облигаторный компонент их устойчивых качеств. А следовательно, иррациональное (бессознательное) в эмоциональной доминанте вербального поведения само является доминантным, а потому и трудно управляемым (чаще неуправляемым). Знание этого тоже должно входить в коммуникативную компетенцию адресата, чтобы он мог «притормозить» свое заражение аффективностью адресанта, обнаруженной через ее сигналы-старты.

Соотношение сознательного и бессознательного в языке может получить плодотворное изучение через материал вербализованных эмоциональных доминант высказываний/текстов. Возможно, когда Homo loquens овладеет тайнами управления своим языковым поведением, язык перестанет быть злом, так как будет поддаваться укрощению, хотя бы иногда.

ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЯ ЭМОЦИЙ

§ 1. Социокультурный аспект эмоциональной коммуникации

Эмоции относятся к числу таких феноменов, которые проявляются в любом общении. Проблемы языковой эмотивности получают всё большую коммуникативную реализацию, и сегодня никто уже не оспаривает тот факт, что любое проявление языковой личности в коммуникации сопровождается проявлением эмоций. Характер и сила эмоционального речевого поведения человека определяется рядом психологических и социокультурных факторов (возрастных, гендерных, образовательных, профессиональных, религиозных и др.), которые находят выражение в языке.

О неразрывной связи языка и культуры написано достаточно много. Возможно, наиболее точно данная зависимость отражена В. Н. Телия, которая писала, что «культура “включена” в язык», что язык как средство коммуникации «вбирает в значения (номинативных единиц в форме энциклопедического, концептуально-эпистемологического содержания знака или ассоциаций с акциональными или ментальными фреймами) все, что связано с культурно-традиционной компетенцией его носителей, транслируемой благодаря языку из поколения в поколение» [Телия 1996: 84].

Наиболее активно данный тезис разрабатывается в связи с исследованием проблем межкультурной коммуникации, однако содержание самого этого термина, как представляется, требует дополнительных пояснений. Сегодня предпринимаются многочисленные попытки установить границы исследования межкультурной коммуникации. Так, указывается, что межкультурная коммуникация имеет место, если отправитель сообщения является носителем (членом) одной культуры, а получатель его — носителем (членом) другой культуры. Но для определения межкультурной коммуникации этого будет недостаточно, необходимы еще и объективные критерии — дефиниции для таких понятий, как культура, культурная принадлежность (см. об этом: [Леонтович 2002; Шамне 1999]).

Сегодня перед современной, активной (по Р. Барту), лингвистикой встает проблема эффективности межкультурной коммуникации: а) внутри одного языкового сообщества; б) между разными языковыми сообществами. Многочисленные исследования позволяют сделать вывод о том, что межкультурная коммуникация — это фактически межличностная коммуникация в контексте культуры, т. е. в такой ситуации, когда один партнер естественно обнаруживает культурное отличие от другого. И тогда получается, что современная лингвистика ошибочно ограничивает рамки межкультурной коммуникации только общением людей из разных стран или на разных языках. Фактически же межкультурное общение — это и общение людей на одном и том же языке внутри одной и той же страны, общение людей, отличающихся по возрасту, месту жительства, полу, профессии, культурному уровню, то есть по языковому паспорту и по тому, что теперь называется культурной компетентностью говорящего. С такой точки зрения все участвующие даже в бытовой коммуникации будут межкультурными коммуникантами, ибо все они обладают разной культурной компетенцией.

Данный раздел работы посвящен рассмотрению возможных подходов к изучению эмоционального/эмотивного компонента межкультурной коммуникации, протекающей внутри одного языкового сообщества.

Известно, что эмоции могут облегчать/затруднять общение в зависимости от уровня эмоциональной/эмотивной компетенции участников процесса коммуникации как носителей определенных социокультурных признаков. В. В. Красных в своих работах показала, что «культурное содержание» зачастую не осознается и не рефлексивируется самими представителями той или иной культуры [Красных2003: 297]. В связи с этим слабовыполнимой становится задача целенаправленного моделирования необходимых эмоций у инокультурного речевого партнера в конкретной категориальной ситуации. Эта коммуникативная задача осложняется еще и тем, что эмоции не только зарождаются и реализуются в эмоциональных ситуациях, но и сами создают такие ситуации.

Социокультурные правила экспрессии конкретных эмоций, естественно, различаются и у индивидуумов (например, возрастные, гендерные особенности, нормы воспитания), и у представителей социальных групп (профессиональных, образовательных, политических, религиозных и др.). Известно, например, что представители высоко-

образованных социальных групп в любой европейской культуре (или США и Канаде) в совершенстве владеют техникой вербального сокрытия эмоций, в отличие от представителей более низких социальных слоев, у которых степень внешней выраженности таких эгоцентрических эмоций, как страх, гнев, удовлетворенность, гораздо выше. Разумеется, перечень таких правил в каждой культуре существует, но не описан, не протранслирован на другие культуры. Поэтому эмоциональные проблемы в реальной коммуникации неизбежны.

Выражаются они, в лучшем случае, в лакунарности «эмоционального поглаживания» и в индивидуальной толерантности речевых партнеров при непонимании тех или иных эмоциональных проявлений друг друга. В худшем случае, наблюдается полное непонимание друг друга, за которым могут следовать обиды и вербальные дуэли в виде «эмоциональных ударов» или провалов в общении и в его прерывании.

Одним из ярких проявлений социокультурных особенностей эмоциональной коммуникации является гендерность. В рамках гендерной лингвистики особое внимание последнее десятилетие уделяется изучению различий в вербалике/авербалике разнополюх коммуникантов, что находит отражение в гендерно-стратегических моделях речевого поведения, которые составляются после изучения социо-психологических, коммуникативно-речевых, лексико-синтаксических различий вербалики/авербалики мужчин и женщин (см. например, работы R. Lakoff, J. C. Pearson, R. L. West, L. H. Turner, S. S. Zeldin, J. Wood).

Гендерный фактор всегда препятствует однозначному взаимопониманию вообще, а при эмоциональном общении мужчин и женщин может стать причиной коммуникативной неудачи. Например, во франко-культурных правилах языка тела мужчины используют эмоциональную мимику чаще, чем женщины. Так, установлено, что мужская улыбка там чаще сигнализирует об эмоции радости, а у француженок помимо этой эмоции, еще и эмоцию грусти или гнева. В случае улыбки под прессом гнева и печали у француженок она выполняет функцию защитной реакции, смягчающей нервно-психическое состояние речевого партнера и помогающая «спрятать» истинную эмоцию. Зато своими глазами француженки способны выразить всю гамму человеческих эмоций, на что их мужчины не способны (вспомним для сравнения 80 семантик улыбки Анны Карениной, описанных Л. Н. Толстым).

Как уже установлено, в коммуникативном поведении мужчин и женщин выявляются различия по вербальным и авербальным параметрам. Так, особая гендерная кодовость проявляется в проксемике

(личное пространство, расположение в пространстве), в кинесике (участие глаз, выражение лица, положение тела, жесты), способность к осязанию, паралингвистические способности (высота, тембр голоса), умение управлять коммуникацией (умение держаться темы разговора, выдерживать симметрию времени говорения, способность к интерпретации речевого и др. поведения партнера) и т. д. (подробно см.: [Gender Communication 1995]).

Интересные наблюдения можно сделать, исследуя категориальные эмоциональные ситуации в художественных текстах. Их языковая упаковка, варьирование их кластерного наполнения, сравнение доминирующих эмоций, коммуникативных смыслов и средств вербализации позволяет выявить типологические признаки речевого поведения разнополюх коммуникантов в различных ситуациях общения и подтвердить тезис о том, что базовые эмоции универсальны для всех лингвокультур, но различаются они этнокультурным и гендерным языковым/речевым проявлением.

Фактически любой речевой акт можно считать эмоциональной адаптацией коммуникантов друг к другу. А если эта адаптация по разным причинам осложняется, то партнерам по коммуникации требуется применить особые усилия, чтобы любая бытовая ситуация не перешла в вербальную дуэль, сопровождающуюся эмоциональными строуками (ударами). Гендерная коммуникация требует особой эмоциональной толерантности от одного или обоих партнеров.

Экспериментально установлено, что на всех этапах коммуникативного процесса гендерные различия усугубляют эмоциональный фактор и приводят к дуэльности (нетолерантности) общения (см. подробнее: [Гетте 2002]). Так, например, установлено, что женские партнеры по общению на многие вербалии и авербалии реагируют обидой, более склонны к фатическому (чисто эмоциональному) общению, к разговорам «по душам», эмоционально реагируют на прерывание их звукового потока. Их коммуникативная активность осуществляется в основном за счет эмоциональной составляющей.

Коммуникативная эмоциональность характерна и для мужчин, но у них порог самоконтроля (эмоциональной сдержанности) значительно выше. Этот факт положительно влияет на степень взаимной толерантности во время вербальных дуэлей, так как является антистимулирующим фактором для продолжения конфликта (хотя не всегда и не для всех коммуникативных эмоциональных ситуаций это справедливо). Гиперболизация как положительных, так и отрицательных эмо-

ций у женских и мужских коммуникантов (как вербальных, так и просодических) часто препятствует толерантности обеих конфликтующих сторон в эмоциональной коммуникации.

Как установлено гендерной лингвистикой, процесс коммуникации у женщин, в отличие от мужчин, всегда является выражением их чувств, поэтому у них очень высокий уровень вербализации эмоций при более низком (в сравнении с мужчинами) уровне эмоционального самоконтроля. Отсюда зачастую такое бурное эмоциональное реагирование на ситуации: злость, ненависть, ярость, мстительность. Такая яркая гендерная идентификация эмоциональной вербалики женщин позволяет говорить об их эмоциональном гендерлекте, отличном от эмоционального гендерлекта мужчин, более толерантного в целом, но варьирующегося от одной коммуникативной эмоциональной ситуации к другой. Данное наблюдение подтверждается множественными примерами как реальной, так и художественной коммуникации.

Эмоциональные рефлексии на нетолерантность в общении общеизвестны. Лесть всегда приятна и принимается даже в случаях, о которых говорят: «Облить грязью похвал». Критика всегда неприятна и обидна. С ней обычно не согласны вербально бурно или молчаливо (со страстями внутри).

Поскольку шкалы ценностей у разных людей не совпадают, то проблема «Я vs Другой» — это проблема «Свое vs Чужое» («Хороший vs Плохой»). Никто из людей не знает себя достаточно хорошо. Как утверждает К. Хорни, самый странный для человека незнакомец — это он сам. Отсюда порой и неожиданные для самого человека его эмоциональные вербалии.

В речевом поведении коммуникантов проявляются их человеческие взаимоотношения. Согласно этике общения в результате любого речевого контакта у всех коммуникантов должно произойти повышение (улучшение) самооценки. Но в жизни так бывает — «градусы» эмоциональной толерантности у всех разные. Оба речевых партнера всегда должны эти градусы адаптировать друг к другу (в соответствии с принципом кооперативности П. Грайса). Помощь в этом процессе может оказать знание техники амортизации (по М. Е. Литваку) — соглашаться с оскорблениями и при этом не высказывать ответных, как бы «дуэлянт» и не заслуживал их. И эмоции в данном случае могут выступать в функции психологической разрядки одного из речевых партнеров и в функции коммуникативного стимула для другого (а также наоборот). Ими обоими создается эмоциональная ситуация, ко-

торая и управляет их (а)вербаликой и сменой их стимулов. Этот момент представляет одну из существенных проблем в коммуникации.

Итак, находясь в одинаковых условиях, люди имеют разные личностные картины одного и того же мира, т. е. фактически живут в разных мирах. Называя даже одни и те же объекты единого мира, они выражают разное к нему эмоциональное и рациональное отношение — вплоть до противоположного. Один только этот факт показывает возможность нарушения баланса эмоциональной толерантности в общении людей друг с другом, так как только по этой причине они уже недопонимают друг друга. Различный эмоциональный дейксис у языковых личностей, различающихся социокультурными признаками, в еще большей степени препятствует их эмоциональной толерантности. Человек не может выйти из своего языкового круга, формирующего мир общения, как из своей кожи [Литвак 2002: 267], поэтому ему трудно терпеть других, легче быть нетолерантным.

§ 2. Эмоции в национальном характере и стереотипах

В традициях гуманитарного знания долгое время доминировало мнение, что концепт «национальный характер» достаточно полно объясняется всего лишь историческими причинами формирования человеческого общества. При этом игнорировалась значимость роли научения национальному компоненту через вербальное поведение как внутри своего родного здания Культуры, так и за его пределами. Поворот к антропологической парадигме в XX веке привел к выделению в рамках проблемы «Культура и личность» кросскультурного направления, которое активно занимается изучением феномена «национальный характер» в парадигме межкультурной коммуникации, привлекая научные методы ряда наук — социологии, культурологии, психологии личности, лингводидактики, общей лингвистики, а в последнее десятилетие и лингвокультурологии, коммуникативистики в отечественной традиции (см. работы Е. М. Верещагина, В. Г. Костомарова, В. И. Карасика, В. В. Красных, Е. Г. Крейдлина, Т. В. Лариной, О. А. Леонтович, Н. Л. Шамне и др.).

При этом исследователи долгое время не уделяли внимания изучению эмоционального компонента межкультурного общения, который, как представляется, всегда выступает в качестве специфического доминантного тренда в национальном характере и в национальных стереотипах любой культуры.

Являясь ценностным континуумом языка, категория эмотивности пронизывает все сферы жизнедеятельности (человеческого бытия), и, в частности, оказывается в центре проблемы понимания языковой личности [Shakhovskiy 2000: 195–202]. Любая человеческая деятельность обязательно имеет в своей основе эмоциональные переживания, которые привносят в лексику и фразеологию языка едва уловимую химическую субстанцию [Барт 1999: 181], варьирующую их эмоциональные смыслы в различных коммуникативных ситуациях и их интерпретацию речевыми партнерами.

Объективация эмоционально-непосредственных смыслов может происходить в самом необычном материале — слове, камне, железе, холсте, красках, звуках [Волкова 1997]. Эта мысль позволяет предположить, что категория эмотивности является общеметодологической для изучения различных контекстов культуры, поскольку базовые эмоции универсальны, общечеловечны. Существование типовых эмоционально значимых ситуаций человеческого общения, как внутрикультурного, так и межкультурного, обуславливает возможность выявления общих эмоциональных тем общения: смерть, опасность, власть, любовь, секс и пр. (см., например, о любовном дискурсе [Барт 1999]).

Общее эмоциональное пространство человечества предполагает существование общего (инвариантного) эмоционального смыслового поля, которое кодируется и воспринимается в лексических и фразеологических знаках языков. Эти эмотивные знаки обеспечивают как внутри-, так и межкультурное общение *Notio loquens* на эмоциональном уровне.

Отсюда становится понятно, что эффективность эмоциональной коммуникации полностью зависит от эмоциональной компетенции партнеров, которая включает обширные знания об эмоциях, их функциях, знание эмотивного фонда своего языка (и чужого), знание средств номинации, выражения и описания своих эмоциональных переживаний в контекстах конкретной культуры коммуникативного локуса.

Уже общеизвестно, что эмоции являются таксоном культуры, и что их вербализация в различных языковых культурах не всегда совпадает по форме, объему и качеству эмотивных смыслов. Всё множество эмотивной лексики и фразеологии конкретного языка передает национальную картину чувств, а определенная группировка эмотивных знаков по исходным эмотивным смыслам отражает глобальную эмоциональную картину чувств (подробнее см.: [Мягкова 2000]). Эти

знания об эмоциях существенно влияют на речевое поведение в обоих типах общения — внутри- и межкультурном.

Только недавно лингвисты стали выделять эмоциональную/эмотивную субкомпетенцию как константную составляющую коммуникативной компетенции [Шаховский 2003а], а признание того, что эмоции являются мотивационной системой человеческого сознания, имянаречения и всего вербального и авербального общения *Homo sapiens*, привели к разработке в лингводидактике аффективной методологии в интенсивном обучении неродному языку [Шаховский 1996а].

Поскольку мы все — *Homo sapiens* и *Homo loquens* — переживаем в общем одни и те же эмоции (злость, страх, горе, радость, раздражение, восхищение и т. п.), можно утверждать, что мы все в этом отношении одинаковые человеческие существа. Представители определенной культуры вполне понимают и разделяют национальные фреймы референции. Однако известно и другое утверждение, с которым трудно спорить: было бы неверно утверждать, что все люди, даже внутри одной культуры, чувствуют и мыслят одинаково, «под копирку», тем более представители разных культурных групп. Это не означает, что каждый индивид — представитель той или иной культуры — знает ее историю и владеет ее фактами, идеями и ценностями в такой степени, что может осознанно и адекватно вербализовывать их в соответствующих коммуникативных ситуациях..

Следующие фразы: «We Dutch are honest», «Americans are incurable optimists», «Русские долго запрягают, но быстро едут», «Умом Россию не понять» и многие другие — указывают на неоспоримое существование психологических различий между национальными культурами, в особенности по шкале эмоционально-оценочной маркированности. Часто о той или иной нации мы думаем как о культуре, например о русской или американской, в то же время допуская, что общенациональная культура складывается из более мелких систем, характеризующих субкультуру отдельных групп. С этих позиций говорят о Восточной или Западной культуре, о Китайской, Японской, Индийской или о Французской, Итальянской, Немецкой культурах, а с другой стороны, — о субкультуре знаменитостей, банкиров, панков, бандитов, звезд и т. д.

Полагаю, что конкретную культуру объединяет общая история и что каждая культура в определенной степени сама осознает свое отличие от других культур. Это происходит потому, что каждая культура имеет свои размеры, свой шейп и свой взгляд на ценности. Сложность

изучения этнических ценностей, в том числе и эмоциональных, заключается в том, что *Homo sentiens*, с одной стороны, является источником этих ценностей, а с другой, — их инструментом (и актером-имитатором).

Кросскультурный подход к изучению эмоциональной сферы языковой личности показывает, что различные доминирующие эмоции целой культурной общности и ее индивидов детерминируют вербальное наполнение эмотивной функции их языка. Эта общность эмоциональных чувствований не означает, однако, что популярные стереотипы — стимулы этих и других эмоциональных реакций — воспроизводятся всеми представителями данной культуры с абсолютной корректностью.

Уже точно известно в лингвокультурологии и во внешней коммуникативистике, что нормы своих ценностей нельзя применять к иным национальным характерам/культурам в ситуации межкультурной коммуникации. Суждениям и действиям в «чужом» стане должна предшествовать информация (знания) о морально-этических и культурных правилах этого стана, их корнях, этнокультурных отличиях и о последствиях их игнорирования для успешной коммуникации.

Любое общение разных культур всегда сопровождается эмоциональными модальностями, и знание/незнание культурно-вариативных правил этих модальностей речевыми партнерами не может не влиять на эффективность их общения. В эти правила входят такие базовые знания, как знания об индивидуальном эмоциональном дейксисе и национально-этническом тренде речевого партнера. Так, например, у всех американцев доминируют патриотизм, гордость за свою страну, чувство превосходства над другими народами, которые не всем нравятся, но которые необходимо учитывать в общении с ними во избежание «эмоционального удара» по ним или от них.

Знание межкультурных правил эмоционального общения — это проблема сознательного формирования эмотивной компетенции через обучающую коммуникацию, которая должна предшествовать реальной. Среди факторов успешного общения в последней особую роль выполняет такой эмоциональный фактор как глорификация, заключающаяся в повышении самооценки речевых партнеров в результате их общения друг с другом. Это возможно при условии соблюдения всех правил, максим, принципов вежливого общения П. Грайса, Дж. Лича и др. на межкультурном уровне. Однако практика общения людей и его стилизованная репрезентация в художественной литературе пока-

зывает, что соблюдение всех этих правил невозможно по множеству причин, главной из которых является слабая управляемость эмоциями и отсутствие соответствующих знаний о чужой культуре эмоций у речевых партнеров.

Для преодоления коммуникативной неудачи речевые партнеры в идеале должны иметь представление об эмоциональном потенциале чужого языкового кода и иметь сходное представление об основных эмотивных доминантах в коммуникативном поведении, к примеру, англичан в сопоставлении с русской лингвокультурой [Стернин 1994; Ларина 2003].

Т. В. Ларина в качестве примера, аргументирующего существование этой эмоциональной проблемы, приводит разное использование принципа Вежливости разноязычными речевыми партнерами, отмечая, что это становится серьезной проблемой эмоциональной ин(а)культурации русских и англичан [Ларина 2003].

Поскольку в процессе межкультурного общения коммуниканты используют не только язык слов, но и язык тела, т. е. невербалику, то ее культурные различия тоже создают специфические эмоциональные проблемные зоны: мимические, фонационно-просодические и жестовые. При отсутствии соответствующей авербальной компетенции в этой сфере у межкультурных партнеров возникают неадекватные эмоциональные речевые реакции, снижающие эффективность (прагматику) их общения. Прежде всего, назову социальную улыбку англичан и американцев. С моей точки зрения, представителя русской культуры, они слишком много улыбаются. Семантика улыбок у русских и американцев различна: у русских — это искренняя радость, симпатия, добродушие, а у американцев — демонстративная вежливость к речевому партнеру.

Общеизвестны следующие примеры:

1) Американцы, как правило, очень приветливы с иностранцами при первой встрече, но при последующих встречах общаются с ними уже без прежних эмоций, которых ожидают от них инокультурные партнеры. Это обескураживает последних и приводит к их ситуативному замешательству, неловкости.

2) В отличие от русской речевой культуры, американцы, согласно национальным правилам, всегда должны быть оптимистичны, радостны, они не должны жаловаться. В правила их эмоциональной (а)вербалики входит постоянная демонстрация оптимизма, успешности, энтузиазма, патриотизма, здоровья. Для русскоязычных партнеров это

правило создает определенные коммуникативные проблемы в общении с американцами.

3) В американской традиции — открытость и эмоциональная поведенческая интерактивность. Сами они эти национальные правила объясняют многочисленными стрессовыми ситуациями в их мегаполисной жизни. Через (а)вербальную шумность, эмоциональность они снимают эту стрессовость и такая внутрикультурная норма их общения друг с другом переносится ими на инокультурных партнеров.

4) К эмоциональным проблемам межкультурной коммуникации относится и проблема интерференции прагматики отправителя и получателя, которые, как правило, могут не совпадать из-за того, что значения слов находятся не в языке, а в головах коммуникантов, на которые влияют их сердца (т. е. их эмоции): поэтому при общей упаковке одни и те же соотносительные слова у межкультурных коммуникантов могут означать не одно и то же, особенно в области эмотивных коннотаций, передаваемых и воспринимаемых слов и фразеологических единиц (ср.: *friend* и *друг*, *страх* и *Angst*, *When pigs fly* и *Когда рак на горе свиснет*).

5) Национальное варьирование эмоции как базовой межкультурной ценности по шкале «контролируемость (скрытость) – неконтролируемость (открытость)» тоже не может не оказывать воздействия на успешность межкультурного общения. Потому в целях ин(а)культурации все правила, регулирующие эмоциональное речевое поведение в различных культурах, должны быть изучены и описаны не только в целях лингвокультурологии, но и в лингводидактических целях.

Общее содержание сообщения достигается, как известно, совокупностью лингвистических и паралингвистических, в том числе и невербальных средств. Поэтому наступила пора при обучении иностранному языку научать всем коммуникативным субкомпетенциям: лингвистической, страноведческой, культурологической, эмотивной/эмоциональной и авербальной (паралингвистической). Только на их совокупной базе возможно формирование истинно коммуникативной компетенции, позволяющей ускорить ин(а)культурацию и инсоциализацию обучаемого. Решение этой методологической задачи требует разработки новых учебно-методических проектов и новых лингвокультурологических справочников предписывающего типа.

Как представляется, перед эмотиологами и лингвокультурологами стоит настоятельная необходимость развивать сопоставительные исследования культуры эмоций разных этнических сообществ (напри-

мер, англоговорящих и русскоговорящих языковых личностей), зафиксированные в их национальном характере и в (а)вербальных стереотипах, постепенно собирая материал для словаря нового типа — словаря различий в эмоциональном поведении этих языковых/коммуникативных личностей (или ксенофонных коммуникантов). Именно через национальный характер и национальные стереотипы (гетеро- и ауто-) осуществляется экспликация национально-специфических ценностей и способов, средств описания, классификации, наблюдения, понимания и предчувствования своей реальности и своих мифов внутри нее. Использование такого словаря в образовательных учреждениях (школах и вузах) внесло бы существенный вклад в совершенствование, в том числе и в интенсификацию, обучающей коммуникации.

§ 3. Эмоциональные культурные концепты: параллели и контрасты

В данном разделе работы на материале человеческих эмоций, доминирующих на национальном и личностном языковом уровне, оспаривается тезис А. Вежбицкой о духовном единстве человечества. Объектом сопоставления являются некоторые культурные концепты США и России, упакованные в соответствующие языковые формы и эксплуатируемые языковыми личностями двух стран.

А. Вежбицкая в ряде своих работ выдвигает и обосновывает гипотезу о существовании универсальных культурных концептов человечества, которые она определяет как алфавит ментальных атомов (семантических примитивов) [Вежбицка 1996]. Благодаря этому специфическому алфавиту обеспечивается межъязыковая коммуникация в различных формах. С этим утверждением спорить нельзя. Что же касается ее мнения о тождественности способов мышления и восприятия у разных этносов, равно как и ее утверждения о духовном единстве человечества [Semantics and Lexical Universals 1994], то с этим трудно согласился. Если осмыслить особенности эмоционального восприятия мира представителями разных национальных культур (его фактов и событий), можно заметить не только параллели, но и довольно резкие контрасты, не позволяющие признать тезис о духовном единстве ни всего человечества, ни отдельно взятой страны¹. Сегодняш-

¹ О различии бинарных (Россия) и тернальных (Америка) культур подробно см.: [Лотман 1992: 257, 268]; об отсутствии идеального всеобщего языка, адекват-

ние межкультурные конфликты и непонимание лишней раз подтверждают это: например, непонимание друг друга бывшими национальными республиками СССР, Ossi и Wessi в Германии (где внутри одной нации существуют ментально и соответственно в языковом отношении различающиеся социумы, что связано с влиянием различных в недалеком прошлом идеологий и социальных систем), постоянные конфликты между Ирландией и Англией, Палестиной и Израилем, в Афганистане, Ираке, Чечне, Турции и др.

Говорить о духовном единстве человечества, по-моему, неправомерно и потому, что культурные концепты разных этносов вербализуются не только и не столько в языковых кодах, сколько в памяти об исторической протяженности их существования. А эта память фундаментально различна у разных языковых обществ. Об этом неоднократно писал М. Бахтин, который считал, что только в терминах хронотопов (пространственное и временное окружение фактов, событий, речений и т. п.) можно понять любые высказывания. Хронотопы, как общеизвестно, национально специфичны, поэтому, как справедливо подчеркивает Ю. М. Лотман, если у коммуникантов будет общим только языковой код (искусственная структура, созданная договоренностью), но не будет общей памяти, то их общение может быть адекватным, но ценность информации будет минимальной, а сама информация — ограниченной, так как коммуникантам не о чем будет говорить [Лотман 1992: 14]. Идеальным примером такой коммуникативной ситуации является передача команд.

Еще одним доказательством ошибочности мнения А. Вежбицкой о тождественности способов мышления и восприятия мира может служить и такой факт, замеченный еще Ю. М. Лотманом, как «смысловое пространство» культуры и любого языка — «глыба, границы которой образуются из множества индивидуальных употреблений» [там же: 35]. Выходит, что языковые личности, естественно, не могут в различных этносах, с помощью различных языковых кодов, замешанных на различных «памятях» об исторической протяженности этих этносов, одинаково отражать, картировать и интерпретировать мир, который, вопреки бытующему в науке мнению, у разных этносов, увы, не один и тот же. Соответственно и система понятий (культурных концептов) просто не может быть только национальной и тождествен-

но отражающего запредельную действительность [там же: 15], об отсутствии идеального понимания (даже при внутреннем общении самого с собой, не говоря уже о межэтническом (межкультурном) понимании) [там же: 14].

ной. У каждого этноса существует огромное количество контекстных понятий, так как рождение бесконечных новых смыслов связано с индивидуальным сознанием языковых личностей. По Ю. М. Лотману, смысловое пересечение есть взрыв, рождающий новые смыслы и новые понятия, которые довольно часто невозможно выразить в системе других языковых кодов. Поэтому каждая языковая личность многократно индивидуальна в своих культурных концептах (языковой код, история, бытовое и научное сознание, ассоциации, импликации, гештальты, фреймы, мифы, символы и др.). Всё это должно множиться на фактор динамичности языкового пространства и фактор чрезвычайной сложности пространства многочисленных взаимосотнесенных (и не соотнесенных) «Я» языковых личностей. Нельзя исключать и фактор динамичности человеческого интеллекта. Даже в пределах короткого временного отрезка, когда мы слушаем одну и ту же запись или читаем один и тот же текст несколько раз, «меняется не то, что передается, а тот, кто принимает. Структура человеческого интеллекта исключительно динамична» [там же: 241].

Особенно это касается бурного словотворчества в сфере эмотивной номинации [Шаховский 1987: 124–139], которая уникальна не только по семантической упаковке, но и по креативной непредсказуемости обозначаемого, контекстного культурного концепта. Например, *sexual harassment* (США), *красноперые* (о российских коммунистах-демонстрантах в посткоммунистическое время), *Japanese stop* (Англия), *особо одаренные неуспевающие, способные умственно неполноценные* (Канада) и мн. др.

О межязыковых различиях в эмотивной семантике языковых единиц мне уже приходилось писать не раз [Шаховский 1987; 1989 и след.]. Оно также объясняется различиями в эмоциональных ассоциациях культурных концептов, в их эмоциональных осмыслениях и оязыкованиях.

Стоит хотя бы упомянуть о серьезных различиях в структуре культурных концептов разных этносов, обусловленных таким компонентом культуры, как религиозные конфессии («нации не являются едиными по конфессиональному признаку») [Мечковская 1996: 71]. Этот признак тоже влияет на менталитет нации и стилистику вербального и авербального эмоционального поведения ее представителей (ср. всепрощение русских христиан и газават (джихад) у мусульман, поскольку он входит в общественное сознание народа, в его менталитет). Замечено, что специфика азиатской лингвокультуры совершенно не улав-

ливается категориальным аппаратом современной прагмалингвистики [Кобозева 1996: 15]. Конечно, имеются и «бесчисленные проявления межкультурной общности языков мира как основа взаимопонимания их носителей» [там же: 52]. Тем не менее, этих проявлений недостаточно для признания духовной общности человечества.

Вряд ли об общей духовности человечества говорят сегодняшние события в бывших национальных и автономных республиках СССР (Прибалтике, Чечне, Украине) и отношении бывших союзников России по соцлагерю.

Против тезиса А. Вежбицкой свидетельствует и этническая функция языка, обособляющая в известных пределах одну нацию от другой. Например, лексически фон разных лингвокультур, как известно, никогда не совпадает (примеры см.: [Мечковская 1996: 54]). Не совпадают во многих случаях и их стилистические (регистровые, ситуативные) фоны [Шаховский 1989; Верещагин, Костомаров 1990; Томашева 1995].

Многие зарубежные психологи долгое время предполагали, что человеческая природа одинакова везде на земном шаре. Но, как свидетельствуют факты, реально существуют глубочайшие психологические различия между культурами. Концентрирование внимания ученых на общем в человеческой природе привело к игнорированию довольно серьезных различий, прежде всего в сфере человеческой психологии и особенно между Западом и Востоком.

Именно этими различиями объясняется генезис некоторых специфических эмоциональных проблем, существующих в одной части света и отсутствующих или ослабленных в другой. Например, *agoraphobia* (боязнь покидать свое жилище) или *anorexia* (навязчивая идея похудения) как эмоциональные тренды национального уровня, типичные для Запада. Практика «*Koro*» наблюдается только у жителей (и мужчин, и женщин) восточной Азии. Например, в 1995 г. всплеск этого национального феномена наблюдался в юго-восточной части Китая. И даже депрессия и шизофрения, которые распространены во всех культурах, имеют в разных культурах разные симптомы.

Следует признать правоту А. Вежбицкой, когда она провозглашает единство человеческого духа, но только относительно Западной культуры, к которой сама принадлежит. Западная и Восточная (например, Азиатская) культуры сильно различаются в воспитании эмоций. Традиционные культурные концепты воспитания детей здесь прямо противоположны. Ср.: «*Individual self*» в Америке (т. е. эмоциональная

отрешенность) или «Family self», «Spiritual self» (отстраненность) американских детей от родителей и неразделенность их эмоций против эмоциональной привязанности детей Востока к родителям (унифицированной и прозрачной, представленной как авербально, так и вербально). Поэтому общеизвестно, что межличностные эмоциональные взаимоотношения (в том числе и речевые) в Азиатских странах более тонкие и более сложные, чем на Западе. Языковые личности Азиатских стран ожидают друг от друга большую степень сенсуальности, проявляющуюся в том, что каждый чувствует, что происходит в душе речевого партнера и без его вербальной экспликации своих эмоций (в отличие, скажем, от русской традиции вербально описывать, смакуя, свои переживания по какому-либо поводу, заводя себя и разжигая свою сенсуальность).

Существует даже такое понятие, как «культурный шок», известное, например, многим русским, впервые попавшим в Америку или Японию, основанием для которого является непонимание их культурных реалий. Приведу всего лишь один пример: в Азии люди могут говорить совершенно разные вещи об одном и том же в зависимости от коммуникативной ситуации, в частности, от их взаимоотношений с речевым партнером. Для жителей Запада это выглядит как лицемерие, в то время как для азиатов это норма — единственно правильное поведение.

Проблема языка и культуры, как синтезирующая частные проблемы «язык и история», «язык и общество», «язык и народ», а с недавних пор «язык и личность», является, прежде всего, проблемой этнолингвистики. Разумеется, отдельные аспекты этой проблемы успешно разрабатываются социо-, психо-, паралингвистикой и переводоведением. Этнолингвистика по отношению к названным разделам науки о языке выступает в роли синтезатора всех знаний об этносе в зеркале его языка.

Тезис о прямом влиянии культуры этноса (и составляющих ее концептов) на его язык находит многократное подтверждение и в лексике, и в семантике, и в грамматике языка, а также в его фонетической ткани. Отсюда, различие языков объясняется различием культур, различием концептуальных кодов и ментальных стилей у различных народов. Получается, что утверждение о наднациональном характере понятий (концептов), столь прочно бытующее в логике, философии и лингвистике до настоящего времени, является очередным наивным заблуждением. Ведь всем известно, что внутри одной языковой общ-

ности у разных языковых личностей наблюдается различный ментальный стиль, обусловленный их индивидуальными кодами культурных концептов. Это языковое, ментальное различие становится существенным на уровне различных языков за счет национально-специфических концептов, входящих в их культуру. Различия в национальной специфике культурных концептов особенно разительны, как уже отмечалось выше, у народов Запада и Востока, у которых и языковые различия максимальные (начиная с графических). Фактически Восток и Запад — это две ментальные планеты (Азия и Европа) на земном шаре, со своими кодами культурных концептов, обуславливающих «полушарные» ментальные стили населяющих их народов.

Когда В. фон Гумбольдт писал о внутренней форме языка он, по мнению М. М. Копыленко, подчеркивал национальное своеобразие мотивов названий в разных языках [Копыленко 1995: 9]. А это тоже аргумент в защиту тезиса о национальном характере понятий (разумеется существуют и межнациональные и наднациональные понятия, благодаря которым и осуществляется межъязыковая коммуникация). Но дух народа и сознания его отражены в культурных концептах, мотивирующие языковое сознание, ментальный стиль, называемый национальным менталитетом.

Поэтому, с одной стороны, язык — это средство выражения мысли и средство ее создания и оформления. А коль скоро культурные концепты, включающие гештальты, фреймы, символы, мифы, обряды, ритуалы и пр., у разных народов отличны друг от друга, то и их менталитеты и языковые реализации последних различаются.

Естественно, что этот фактор значительно влияет на интерпретацию, понимание и оценку одних и тех же фактов, событий, текстов представителями Европы и Азии, и далее — различными народами внутри Европы и внутри Азии.

Всё вышеизложенное позволяет, наконец, открыто признать глубоко справедливым утверждение Э. Сепира и Б. Уорфа о том, что миры, в которых живут различные существа, — отдельные миры, а не один мир, использующий разные языки. Тем более что язык — это не только лексика и грамматика, это и история и культура народа, который говорит на этом языке (см.: [Гийом 1992]). Одним из аргументов, подтверждающим справедливость так долго преследовавшегося советской идеологией мнения Сепира и Уорфа, было искусственное насаждение русского языка в бывших национальных республиках СССР. «Виртуальный» мир в этих республиках сознательно строился на язы-

ковых нормах русского языка (и глубже — русской культуры, и еще глубже — русского менталитета). А бессознательно он — этот мир — всё время конфликтовал с реальным, т. е. национальным духом (его культурой и народным менталитетом). Поэтому победил дух народа и его собственный язык во всех без исключения бывших советских республиках, не принявших в свою народную культуру, в свой национальный семантический код чужеродное тело — русский язык как язык национального общения. Материальные факты русского языка не стали знаками концептуальных фактов — национальных языков СССР. Русский язык мог служить только средством межнационального общения, как английский или немецкий на международной арене, но никак не полнокровным заменителем родных языков тогдашних граждан СССР.

Культурные концепты вербализуемы на родном языке. Что же касается их вербализации на иностранном языке, то, увы, далеко не все они находят там языковое выражение (см. об этом в: [Крысин 2003; Карасик 2002 и др.]). Примерами являются так называемые культурные и языковые лакуны, а также эмотивные лакуны [Томашева 1995]. Эти типы лакун тесно взаимосвязаны, так как язык — тоже элемент культуры (одно из их проявлений), как и эмоции конкретной языковой общности — общенациональные и индивидуально-личностные.

Но язык еще является и орудием культуры и орудием (средством) эмоций. Эта многоплановость взаимодействий языка, культуры и эмоций манифестируется по-разному в разных национальных и географических сферах. В языковой семантике присутствует не только общечеловеческий культурный компонент, но и облигаторный национальный, неповторимый. Поэтому в межъязыковом общении существует лингвокультурный барьер, ведущий к коммуникативным помехам, как *minimum*, или к коммуникативным провалам, как *maximum*. Другими словами, культурные концепты, будучи национальными по духу, могут быть непереводаемыми (неперевыражаемыми) на другие культурные планеты, что и объясняет языковую лакунарность (безэквивалентная лексика тому яркое доказательство, наравне с таким аргументом, как лакунарность лексическая или семантическая). Эта лакунарность особенно ощутима в сфере человеческих эмоций, как в их номинации, так и в средствах их выражения (см. подробно: [Томашева 1995]).

Различаются языки и культуры своими ассоциативными фонами, которые тоже ведут к коммуникативным помехам и провалам на межъязыковом уровне. Всё это — достаточно известные факты, поэтому я

и не даю примеров. Моя цель в данном случае — другая: опровергнуть вышеприведенное утверждение А. Вежбицкой и показать, что не такие мы уж и единые по духу, как ей кажется, и также назвать только некоторые факторы этой неединности. Эти факторы многообразны и в языковой и в запредельной для языка области.

В последние десятилетия значительно увеличился интерес к исследованию эмоций самыми разными сферами науки [Мечковская 1996]. Каждый человек на уровне бытового сознания понимает, что имеется в виду, когда говорят об эмоциях. Но их научную дефиницию до сих пор никто дать определенно не может, поскольку они представляют собой довольно размытый многоликий феномен с множеством функций.

Принимая во внимание их коммуникативную функцию можно предложить следующую рабочую дескрипцию эмоций — как специфическую форму человеческого отношения к действительности и его языковое (и праязыковое) выражение (интерпретацию). Аналогично, существует большое количество рабочих определений такого понятия, как «культура». Один из значительных по важности элементов культуры нередко упоминается особо: наши мысли, речь, поступки, верования всегда сопровождаются эмоциями — эксплицитно или имплицитно, сознательно или бессознательно, вербально или невербально.

Уже давно установлено, что люди всех культур (этносов) являются одновременно и лингвистическими животными. Это значит, что речь, мысли и эмоции сплавляются в процессе человеческой коммуникации и что баланс между *ratio* и *emotio* в человеческом поведении довольно часто нарушен и *emotio* превалирует. Этот тезис справедлив по отношению к целой лингвокультурной общности (стране, этносу), так и по отношению к отдельной языковой личности.

Поскольку каждая языковая личность, независимо от ее культурных различий, переживает одни и те же базовые эмоции, это объединяет людей. Эмоции являются центральной частью, которая делает людей разных культур более/менее похожими друг на друга. Но та же самая центральная часть человека делает каждого из нас уникальными в силу индивидуального варьирования базовых и других эмоций.

Как психические индивиды мы выражаем, передаем, скрываем с помощью языка все эмоции сугубо специфично. Эта специфичность предопределена индивидуальным эмоциональным трендом и национальным индексом данной культуры.

Если сравнить Америку и Россию по общенациональному индексу, то первое что бросается в глаза, — это эмоциональная стабильность в одной стране и эмоциональная разбалансировка в другой. Это первый экстралингвистический контраст в сфере эмоциональной жизни русских и американцев, влияющий и на их речевое поведение: самоуверенные, снисходительные, радостные интонации американцев против раздраженных, неуверенных, горестных и т. п. у русских.

Яркими культурными знаками американцев являются гордость и патриотизм. Дело в том, что процветающая и притягивающая к себе Америка уже давно в зарубежных культурах считается страной-метафорой будущей жизни многих стран, и не без основания. Иностранец в США ежедневно слышит гордые фразы как : «This is America!», «Only in America!», «Made in America».

Американцы могут многим гордиться: своими красивыми бесчисленными дорогами и автомобилями, супермаркетами и молами с многочисленными чистыми и бесплатными restrooms, реальной компьютеризацией, многоканальным и многопрограммным круглосуточным телевидением, обилием университетов и их доступностью для всех слоев населения, концепцией глобального образования [Bridging Cultures 1996: 9–26].

В целом Америка — страна с комфортно организованной жизнью. В ней почти всё предусмотрено для удовлетворения запросов, нужд, желаний и амбиций людей. Америку по праву во всем мире называют страной с неограниченными возможностями и именно поэтому сюда стремятся люди со всех уголков земного шара, из разных культур, чтобы остаться в ней навсегда. Америка — «melting pot», «плавильный тигель», в котором переплавляются многие культуры мира.

Эмоциональные чувства гордости и патриотизма как общенациональные индексы США проявляются в вербальных и невербальных символах во всех уголках этой мультинациональной страны: *Old Glory* — государственный флаг развевается круглый год даже на частных особняках (в России такое исключено), его символ можно увидеть на бейсболках, кепках, майках, трусах, обуви, пластиковых пакетах и на других товарах массового потребления. Миллионы копий этого флага можно встретить во многих странах мира. Американцы гордятся своим флагом и чтят его как святыню. Отсюда и уважительная номинация — *Old Glory*.

Гордость за страну (США — мировой лидер по всем жизненным показателям) проявляется у американцев в манере говорить (уверен-

но, решительно, напористо, громко, быстро, в бытовой речи нередко афонетично и аграмматично, т. е. небрежно). Это объясняется открытостью данного многорасового лингвокультурного сообщества для всего мира, доминированием идеи свободы выбора, уверенностью в правовой защищенности. Американцы осознают мировой статус своей страны в раскрепощении индивидуальностей граждан и знают, что их страна являет собой предмет зависти народов многих стран мира. Влияние Америки на другие культуры через бытовые предметы с торговой маркой «Made in America» огромно: blue jeans, rock music, авто «Ford», «General motors», «Chrysler» и т. п. Торговая марка «Made in America» как вербализованный культурный концепт символизирует всему миру лучшее качество и технологию. Небоскребы Манхэттена, которые многие десятилетия отличали архитектуру города Нью-Йорк, — еще одна гордость американцев.

Язык как средство вербализации и трансляции культурных концептов США, представляет собой модификацию British English. В силу престижности самой страны American English активно экспандирует во все лингвокультурные общности, в том числе и в русскую, участвуя в процессах образования лавины англицизмов (американизмов): *киллер, дилер, бармен, менеджер, лейбл, дистрибьютер, хилер, менеджмент* и мн. др., не говоря уже о молодежном новоязе: *герла, пэренты, бездник, фазер, лузер* и мн. др.

Социально-экономическая ситуация в России открыла все шлюзы американскому импорту, который заполонил своей рекламой все СМИ, улицы, магазины и киоски наших городов, а также и великий русский язык. Вместе с американизмами русский менталитет в настоящее время проживает и инвазию американских культурных концептов (ярчайшим примером является концепт «менеджер»). Эта инвазия — факт языковой порчи — является весомым аргументом тезиса о влиянии экономических и социальных стандартов на языковые колебания и изменения и на общенациональный эмоциональный индекс.

Если вспомнить недалекое прошлое, то для американцев и россиян преобладающими эмоциональными символами были словосочетания «образ врага» и «империя зла». Эти символы культивировались в менталитетах обоих лингвокультурных обществ официальной идеологией бывших правительств обеих стран. Она породила также такие уродливые межнациональные культурные концепты как «железный занавес», «холодная война», «Берлинская стена», «диссидентство» и мн. др. Вербальная упаковка этих и им подобных культурных концеп-

тов навсегда сохранит эмотивную коннотацию отчуждения, опасности, угрозы жизни в своей семантике. Доминирующими эмоциями обеих лингвокультур этих стран в эти долгие годы были ненависть и боязнь друг друга, что нашло отражение и в лексиконах русского и американского народов: *сотти*, *дядя Сэм*, *янки* и многое другое.

Эмоциональный индекс российского народа никогда не был стабильным, в отличие от американского. После победы большевиков в 1917 г. непродолжительное время властвовали эмоции энтузиазма, радости, надежды, что отразилось и в словаре (см. многочисленные работы, касающиеся лингвистических особенностей советизмов). Искажая исторические факты, большевики создавали и пропагандировали миф о том, что Россия была первым государством, в котором был сброшен царизм и установлена «власть рабочих и крестьян». Государственным символом стал «Серп и Молот». Новые культурные концепты, идеологизированные «от и до», получали вербализацию и запускались в бытовое сознание и речь. С их помощью большевистский, а позже коммунистический режим манипулировал и контролировал поведение, в том числе эмоциональное, всего общества. Нам с помощью этих большевистских идеологических концептов внушали, что мы во всём самые первые и самые лучшие. И всё у нас самое лучшее, что мы самые богатые и что даже часы у нас самые быстрые. Целью этой массивированной официальной лжи было воспитание гордости — быть советским («у советских — собственная гордость, на буржуев смотрим свысока»).

Время от времени эта эмоция получала эпентезы (подпорки): победа в Отечественной войне (1945 г.), экспансия социализма в Европу, на Кубу и Дальний Восток, запуск первого космического спутника (1957 г.). Русское слово — посол культурно-технического концепта страны Советов — «спутник» влетело навсегда в словарный состав английского языка! Для всего мира это событие было свидетельством грандиозного успеха нации и технологии страны Советов, который вызвал бурные эмоции на мировой арене: восхищение, смешанное с завистью, и удивление, смешанное с недоверием. А эмоциональный индекс у граждан нашей страны стремительно взлетел ввысь: гордость, смешанная с ликованием, счастьем, воодушевлением и новым приливом энтузиазма.

Однако с конца 60-х годов и в 70-е годы вектор эмоционального индекса россиян перемещается на разочарование, неверие, неудовлетворенность как контроверза чувству «глубокого удовлетворения» офи-

циоза. Социально-экономические причины всем известны. Прав был К. Маркс, когда написал, что бытие определяет сознание. Добавлю — обыденное и эмоциональное тоже. Возмущение и презрение советских людей к Политбюро ЦК КПСС, правительству становятся всё более открытыми и доминирующими. И тогда — новая партийная ложь в виде привлекательных эмоциональных концептов «перестройка», «гласность», «демократия». И так же, как спутниковый период, эти культурно-идеологические концепты «подперли» упавший эмоциональный индекс страны и послужили очередной инъекцией эмоций энтузиазма и надежды. А лексикон многих языков, в том числе и английского, обогатился русскими словами *glasnost*, *perestroika*, *khorocho*, *Gorbi*.

Но период этого эмоционального подъема и уважительного отношения к новым культурным концептам был очень кратким: у каждой очередной правительственной лжи ноги становились всё короче. И вышеперечисленные составляющие (эмоциональный индекс страны) трансформировались в открытую ненависть народа к лицемерной идеологии Горбачева, его игре в благородные концепты и к его манипулированию благородными чертами российского народа: долготерпением, доверием, выносливостью. В русском речевом лексиконе происходит взрыв эмотивной номинации: *коммуняки*, *демокрады*, *демократура*, *разгул демократии* и др., которые вербализуют новые для русской культуры концепты — эмоциональные реакции на «перестроечные стимулы». В американском лексиконе появляются эмотивные дериваты *terrorstroika*, *Borisstroika*, *Gorbonomics* яркой негативно-эвалюативной коннотацией.

Сегодняшние доминирующие эмоции на российском национальном уровне — психологическая депрессия, вызванная потерей национальной гордости, панический страх за будущее, пессимизм, ностальгия по прошлому «развитому социализму», хоть с каким, но порядком и социальной защищенностью.

Эти психологические концепты находят свое отражение не только в вербальном языке, но и параязыке: хмурные, недружелюбные взгляды, редкие улыбки, озлобленность (особенно у старшего поколения, прожившего в «коммунистическом раю»).

Если перейти к сопоставлению эмоциональных индивидуальных трендов среднего американца и среднего россиянина, то их разброс внутри шкалы эмоций будет более широким и сфера вербализации эмоциональных концептов в целом будет тоже обширной. Бросающие-

ся в глаза различия касаются, прежде всего, сферы эмоциональной фатики. Американский речевой лексикон изобилует клише фатического политеса. Американец в 95 % улыбается не потому, что ему лично в данный момент приятно, а для того, чтобы сделать приятное речевому партнеру. Этой же цели служат и фатические эмотивы типа: «*Have a nice/good day/weekend*», «*How are you?*», «*How is everything with you?*», «*How is life treating you?*», «*How doing?*», «*Relax*», «*Take care*», «*Take it easy*» и др., которые, в большинстве случаев, несут только фатическую эмотивную коннотацию и не являются смысловыми. Бодрое, жизнерадостное, улыбчивое *Hi!*, которым там все друг друга приветствуют каждый раз при встрече даже в течение одного дня, обращение друг к другу по первому имени, даже в официальной обстановке и нередко в диминутивной форме: *Torn, Bill, Dick*, бесконечное и вездесущее «*Sorry*», «*Excuse me*», «*Thank you!*» выполняют социальную функцию — создания имиджа жизнерадостного, веселого, довольного всем, приятного и предупредительного американца. Как пояснил один из моих американских собеседников: «*I smile at somebody not because I am pleased to see him but because I know that my smile is pleasing him*».

Хорошо, что взрослые таким примером естественно научают своих детей приятным словам, словам любви, поддержки, которые создают комфорт в межличностном общении. Однако это лишь внешняя форма, которая, тем не менее, значима, особенно для иностранца. Не сразу осознаешь, что это лишь языковая игра: американцы зачастую совсем не имеют в виду то, что говорят и о чем спрашивают. Перед нами типичный американский культурный концепт «заформализованная эмоция вежливости», вербализуемая в десятках кодовых знаков, в том числе чисто звуковых. Больному, пробывшему два дня на обследовании в Good Samaritan Hospital, вручают чек на 5000 долларов и с очаровательной улыбкой нежно говорят: «*We'll miss you here, Victor, very much*». На это так и хочется очень вежливо и улыбчиво ответить: «*Very Good! and very Samaritan! Indeed!*»

Но, увы, Америка не является дамой приятной во всех отношениях. Там тоже случаются эмоциональные истерики, довольно отталкивающие. После многодневной телевизионной трансляции в октябре 1995 г. из зала суда процесса над О. Дж. Симпсоном, который подозревался в убийстве жены и ее любовника, когда был оглашен вердикт: «*Not guilty*», Америка взорвалась, и на ее спокойном до этого времени небосклоне вспыхнул многокрасочный салют эмоций. При-

веду примеры только из одной статьи журнала Newsweek. В подзаголовках к этому событию — эмоциональная антитеза: *Decision and Division; Cheers and Tears; Whites and Blacks* (Newsweek, October, 16, 1995, p. 24–26). В статье широко представлена эмоциональная вербализация реакции черной и белой Америки на это событие. У белых американцев — *passionate misunderstanding, gasps and mutterings of disgust, vented with rage, fumed, felt a profound sense of despair, extremely saddened, mystified, felt angry and stunned, sobs of disbelief, etc.* Реакция черного и цветного населения: *celebrated, whoops and yells of approval, screaming and dancing for joy, honked their horns, cheered and the news.* Обе Америки бурно переживали *fierce emotions*. На глазах у всех четко проявилась *racial solidarity*, лакмусовой бумажкой которой выступило решение суда присяжных.

Общенациональный эмоциональный индекс в миг стал противоречивым. Но... через два дня об этом никто уже и не вспоминал, даже в частных беседах. Вся, опять внешне объединенная Америка, спешила забыть о неприятном и продолжать радоваться жизни.

И вновь улыбки, вежливые и ласковые слова, дружеские вопросы (риторические). А это значит — инстинкт самосохранения, как часть культуры данного общества, направлен на оптимизм, рациональное восприятие эмоционального.

Один из примеров культурных различий между российской и американскими духовностями касается Пасхи. Пасха — общий народный праздник, но далее начинаются различия. В отличие от России, где правильным цветом пасхальных яиц считается красный, в США доминирует синий. Красный цвет символизирует для правоверных россиян страдание (кровь) Христа, для американцев — вознесение (цвет неба). Тем самым проявляются духовные различия в их национальных характерах: пессимизм русских и оптимизм американцев. Да и сама процедура празднования этого общего для двух наций праздника совершенно различна. Если в России большая часть населения связывает этот праздник с мифологией предков (язычеством, бытовым и сезонным паганизмом), а меньшая часть населения — с православной мифологией страдания и искупления вины, то в США для большинства населения это веселый семейный праздник. И в России, и в США символическими знаками праздника становятся куличи/кексы и пасхальные яйца, но ритуалы, связанные с праздником, — разнятся (ср.: традицию детского пасхального праздника, связанную с поиском пасхальных яиц, которую лично поддерживает президент США на лужайке

перед Белым домом, а также такие культурные концепты как *Easter egg*, *Easter Bunny*).

А. Солженицын в своей последней книге, изданной в Америке перед возвращением на Родину, определяет традиционный русский характер как принципиальный элемент русской культуры следующим образом: открытость, прямота, естественность, повышенная простота, сговорчивость (уступчивость), доверчивая примиримость с судьбой, терпеливость, выносливость, отсутствие сильного желания внешнего успеха, готовность к самоунижению, самобичеванию и покаянию, смирение, покорность в героических подвигах, сочувствие, великодушные, самоограничение в желаниях [Solzhenitzin 1996].

Конечно, этот список черт, покрывающих определенную частичку пространства русских культурных концептов, можно продолжить: щедрость, добросердечность, участливость в чужих проблемах, стремление поделиться своими заботами и проблемами. Естественно, что все эти и многие другие традиционные черты русского характера закреплены во множестве культурных концептов, вербализуемых на лексическом, фразеологическом и синтаксическом уровнях, а равно и в жестовом языке.

К отрицательным чертам русского характера можно отнести отраженные в следующих пословицах: «Гром не грянет, мужик не перекрестится», «Надейся на добро, а жди худа», «Только бы пить, да гулять, да дела не знать», «Пуститься во все нелегкие», «Поглазеть, погулять, да мошну повытрясти», «Русак умен, да задним умом», «Русский человек любит авось, небось, да как-нибудь» [Даль 1984: 199, 257, 96]. Иностранец должен иметь их в своей лингвокультурной компетенции, чтобы адекватно рефлексировать русский характер и не попадать в коммуникативные невнятности.

Многолетние наблюдения за особенностями концептуальной картины мира американцев позволяют мне сделать некоторые собственные обобщения. Американцы весьма прагматичны, любят хвастать, но не количеством книг в их домашней библиотеке, а количеством комнат (спален, туалетов) в их особняках. Они не терпят критику, от других ждут только комплиментов, очень любят задавать вопросы: «А у вас это есть?», «Как вам нравится в нашей стране?» (при этом ожидается только восхищение). Они считают свою демократию лучшей в мире и искренне удивляются, когда узнают, что можно быть умным, но не богатым: «If you're so smart and know very much, how come that you are not rich?».

Чувство превосходства над остальным миром у американцев носит явно гипертрофированный характер. «Мы остаемся страной, незаменимой для остального мира с точки зрения продвижения к процветанию, свободе и безопасности...» (Б. Клинтон) (цит. по: К. Ковалев. Карфаген). Они не любят Европу, так как в Англии, Франции, Италии американцев не почитают, но любят Африку, Латинскую Америку, Восточные страны, где они — кумиры, перед которыми преклоняются. Американцы не хотят изучать иностранные языки: «Why? English is the international language. Let other peoples learn English and speak it with us!». Но, с другой стороны, нас, лингвистов, поражает их фонетическая, лексическая, грамматическая небрежность, неаккуратное обращение с языком.

Особой культурной доминантой американской культуры можно признать умение сдерживать эмоции (и слезы) в момент горя и утраты. Известно, что когда убили 35-го президента США Дж. Кеннеди (здесь уместно напомнить, что по количеству убитых президентов Америка занимает первое место в мире), то его супруга Жаклин совсем не плакала на его похоронах и за это американцы наконец ее «зауважали».

Отдельное место в концептуальной картине мира занимает концепт «sex». С ним здесь связано много лицемерия и ложно-стыдливой эмоций: все осознают биологическую значимость секса, но поиск любви, поиск интимного партнера сопровождается глубокими психологическими проблемами (могу здесь напомнить читателю о ряде кинофильмов, которые получали различные кинопремии как образцы высокого киноискусства США — «Eyes Wide Shut» с Томом Крузом и Николь Кидман, «The American Beauty» с Кевином Спейси и Анеттой Бенинг, ироничный «French Kiss» с Кевином Кляйном и Мэг Райан, сериал «Sex in Big City» и др., а также о скандально-известном романе Э. Лимонова «Это я — Эдичка», в котором представлена довольно эмоциональная палитра изощренного секса в Америке). Особые психолого-социальные проблемы связаны с концептом «sexual harassment». К счастью, россияне пока в этом аспекте отстают от Америки.

Американцы весьма прагматично относятся к чтению, мало читают, в их домах почти нет книг, их заменило многопрограммное телевидение, компьютер, Internet. У них доминируют культ телеразвлечений и культ еды (*ice-box, boobtube* etc.). Отчасти это объясняет причину одной из главных проблем современной Америки — ожирение, которое стыдливо прикрывается эвфемизмами *overweight, big people*.

Кроме того, русского поражает безразличие простых американцев к своей внешности и своей одежде (т. н. *casual dress*), в этом мы очень с ними расходимся.

Американцы обожают автомобиль и большую часть жизни проводят в нем, это их второй дом. В первую очередь это средство передвижения: автомобиль делает их мобильными и помогает заработать деньги; во-вторых, это демонстрация социального статуса.

Американская традиция общения существенно отличается от русской. Они дружелюбны, но у них не принято приходить без приглашения, разговаривать о болезнях, обсуждать свои или чужие проблемы публично. Все названные выше и многие другие различия русских и американцев детерминируют этнические стереотипы (а)вербального поведения [Денисова 1993].

Специфичным для коммуникативной культуры США является концепт «*political correctness*». Данный культурный концепт является американским вариантом языкового и социального табуирования и эвфемизации, это — результат эмоционального реагирования на отдельные вербальные знаки. Кочующим примером политкорректности долгие годы была замена слова *nigger* на слово *black*. Но к концу XX века слово *black* стало коннотатировать оскорбительную эмоцию и потребует замены на *Afro-American*, *Black American*.

Соответственно, бедных людей согласно канонам политкорректности в Америке нельзя называть бедными (*poor*), их называют *socially underprivileged*. Другие примеры см. в [Земкая 1996: 28–29]: про умственно неполноценных там говорят «судьба бросила вызов их умственному развитию», про гомосексуалистов и лесбиянок — «лица альтернативной сексуальной ориентации», про очень толстых людей несколько лет назад в Америке говорили *big*, а сегодня политкорректность требует такой языковой упаковки этого смысла: «проблемы в горизонтальном измерении».

В российской культуре (и соответственно — в русском языке) политкорректность как исконно национальный культурный концепт отсутствует. Однако под влиянием прессингового процесса американизации русской культуры и языка, к сожалению, ведущего к их засорению чужеродными стереотипами мышления, в современном русском языке тоже появляются кальки-клише типа «альтернативная культура» или «сексуальные меньшинства».

Разумеется, данные наблюдения не распространяются на всех жителей США, но перечисленные здесь и многие другие черты до-

вольно наглядно представлены в ее культуре и языке. При таком разнообразии национальных и индивидуальных черт характера и эмоционального духа только этих народов вряд ли можно говорить о духовном единстве всего человечества. Вербализованные различия только некоторых культурных концептов США и России убедительно показывают, что культура и язык внутри этноса едины, а между этносами — нет (межнациональные культурные концепты, несомненно, имеются, но они пока не изучены).

Отсутствие в языковой компетенции речевых партнеров знания об эмоциональных культурных концептах и их субкультурных маркерах неизбежно ведет к рациональным помехам в межъязыковом общении и к так называемому культурному шоку. Даже признание одного только этого феномена в межкультурной коммуникации уже не позволяет согласиться с тезисом о духовном единстве человечества.

Завершая данный раздел, отмечу, что прав был Г. Гийом, полагая, что лингвистика более всех других наук продвигает человечество вперед в познании средств, с помощью которых нашему мышлению удастся самому яснее понять свои собственные действия [Гийом 1992: 17]. Единственным свидетельством этих достижений является язык, который и является объектом нашей уникальной науки и который вербализует свои и иноземные культурные концепты. В этом заключается одна из важнейших, глобальных функций языка, которая, к сожалению, не упоминается ни в одном из лингвистических справочников. Это гуманизаторская функция, с помощью которой язык участвует в постоянном прогрессе и возвышении человека через осмысление культурных концептов и включает их в национальные, межнациональные и индивидуальные фреймы и гештальты.

Язык — это не только лексика, фонетика и грамматика, это и система представлений своих и чужих культурных концептов и их эмоциональное осмысление и переживание (подробно см.: [Язык и эмоции 1995; Денисова 1993]). Великий Гумбольдт утверждал, что разные языки — это разные видения мира. Стоит только к этому добавить — и разные культурные концепты, сквозь призму которых язык упаковывает эти видения. А может быть, и наоборот: эти разные видения, обусловленные языковыми различиями, формируют различные культурные концепты? Это одна из неразрешимых научных проблем, подобных тому, что было раньше — слово или понятие, слово или значение, яйцо или курица).

§ 4. Существуют ли неэмоциональные лингвокультурные концепты?

Обращение лингвистики к культурным ценностям, доминантам, лингвоконцептам как к культурам, в понимании В. Г. Гака, позволило наиболее полно осознать, что язык является формой самовыражения народа и что эта форма — национально специфична и асимметрична [Гак 1998: 139–145], и поэтому при межкультурном общении возникают коммуникативные сбои.

Самую большую трудность в таком общении представляют различия в эмоциональных формах самовыражения межкультурных партнеров.

Если принять мнение о том, что концепт, в отличие от понятия, облигаторно имеет эмоциональную окрашенность, то получается, что все концепты — эмоциональны, как универсальные, так и этнические. Известно, что эмоции накладывают свой неизгладимый отпечаток на все результаты человеческой деятельности. А поскольку язык эти результаты упаковывает в свои формы, то он упаковывает в них и этот эмоциональный отпечаток, который также национально специфичен, оригинален, то есть неповторим.

Психолингвисты, в том числе и отечественные (А. А. Залевская, Т. А. Гридина, Е. Ю. Мягкова, Р. М. Фрумкина и др.) уже давно выдвинули альтернативную к традиционной в лексикологии и стилистике точку зрения об оппозиции между эмоциональной и нейтрально окрашенной лексикой. С их точки зрения, вся лексика языка эмоционально окрашена (см., например, [Мягкова 2001]). Понимание концепта как имеющего облигаторную эмоциональную составляющую в своем смысловом содержании является существенным аргументом в пользу справедливости мнения психолингвистов. Вербализация концептов рефлектирует их эмоциональные составляющие и фиксирует их в семантике языковых знаков, репрезентантов концептов.

Исследование П. С. Волковой показало, что во внутреннюю форму языка/слова входят эмоции [Волкова 1996: 6]. Уточнение понятия «внутренняя форма языка» как экстралингвистического феномена позволило ей рассматривать эмотивность в качестве ядра диалектического взаимодействия внутренней и внешней формы языка и провести обоснование эмотивности условием организованности рефлексии, контролирующей поиск построения новых средств и орудий мышления *Homo loquens/sentiens*.

В этой связи отмечу актуальный и перспективный в современной когнитологии биологический взгляд на язык и на теорию познания, достаточно точно представленный А. В. Кравченко, согласно которому основной функцией языка является не коммуникативная, а репрезентативная и адаптивная. По А. В. Кравченко языковая презентация структур знания в виде концептуализации и категоризации является функцией биологической системы, служащей адаптации организма к окружающей среде (то есть формированию более релевантного типа поведения) [Кравченко 2001: 157–194; Хомская, Батова 1998].

Среди множества функций у эмоций также отмечается регулятивная и адаптивная функции. Всё это позволяет предположить, что эмоциональная составляющая латентно присутствует во всех языковых знаках, во всех продуктах когнитивной деятельности, то есть и в когниции, и в ментальных и в речевых репрезентациях. (Эту мысль я уже высказывал ранее в: [Шаховский 1986а].)

Язык как трансмутатор тончайших биологических энергий не может не огрублять эмоции человека в процессе их упаковки в свои формы. Эмоция — недискретная сущность, а языковой эмотив — дискретен. Но эмотив — это всегда метонимия реконструируемой эмоции. Эмотив как языковой знак — это весьма условный и очень приблизительный репрезентант эмоции потому, что его культурным референтом в различных коммуникативных ситуациях может быть целый комплекс переживаний (рефлексий). Эмоции имеют изменчивую непрерывно-зонную структуру, их практически невозможно разграничить в самом акте переживания и поэтому Е. Н. Винарская [2001], со ссылкой на Дж. Уильяма, считает, что их вообще нельзя исчислить.

Мнение интересное, но не новое: до сих пор в биологии и в психологии отсутствует глобальная библиотека эмоций (их инвентарий) и ученые всё еще не единодушны в своих классификациях эмоций по признаку положительные и отрицательные (типа: любовь — это хорошо, а ненависть — плохо). Линейная градуальная бивекторная шкала эмоций не выстраивается потому, что концептуальная система эмоций оппозитивна: любовь и ненависть в смысловом содержании смыкаются друг с другом (ср. современный хит «Я люблю и ненавижу тебя» и немецкий ном Hassliebe). Скорее всего, теоретики-эмоциологи должны попытаться построить круговую шкалу эмоций, а теоретики-эмотиологи круговую шкалу их номов.

Поскольку каждый народ в соответствии со своим духом (по Л. Вейсгерберу и В. фон Гумбольдту) на один и тот же реальный мир

набрасывает свою собственную сетку эмоциональных координат (индексов, трендов, дейкисов), то в результате создается впечатление о Вавилонской башне эмоционально-языковых различий, препятствующих межкультурной эмоциональной коммуникации. Эта проблема помимо культурных различий осложняется еще и тем, что никакое общение без эмоций практически невозможно. Для межкультурного общения эмоции как культурные референты в силу этнических особенностей их смысловых языковых форм действительно представляют серьезное препятствие для коммуникативного успеха. При этом необходимо различать две сложности, которые могут накладываться друг на друга: понимание эмоционального инокультурного высказывания и эмоциональное понимание инокультурного высказывания (ср. *shut up, will you* и *shut up, won't you*).

Как отмечает А. Вежицкая, только носители языка знают разницу между этими двумя «тэгами» (tag): *shut up* с *won't you* звучит саркастично, но смягченно за счет столкновения грубой семантики *shut up* с вежливой семантикой *won't you*. *Will you* в аналогичных ситуациях и дистрибуциях сравнимо с употреблением бранной лексики и эксплетивов. Ср.: *So just move out, will you?* (жена, выбрасывая своего мужа из их дома) [Wierzbicka 1986: 156–160]. Иноязычный реципиент в своей эмотивной компетенции таких тонкостей может не иметь, и тогда его понимание этих фраз не будет эмоциональным и в общении возникнет лакуарность.

Для преодоления этого препятствия межкультурные партнеры — бикультурные языковые личности — должны обладать адекватной эмоциональной/эмотивной компетенцией. Она включает:

- 1) знание общих лингвокультурных кодов эмоционального общения;
- 2) знание эмоциональных доминант этих кодов в форме эмоциональных концептов;
- 3) знание правил *code switching* и их корреляцию с общечеловеческими/национально-культурными ценностями;
- 4) знание маркеров эмоционально-этнической идентификации речевых партнеров правил эмоционального общения с ними;
- 5) знание и владение средствами номинации, экспрессии и дескрипции своих и чужих эмоций в обоих лингвокультурных кодах.

Эмоциональная компетенция языковой личности приобретает через жизненный опыт и в реальной коммуникации, а эмотивная компетенция — через научающую и художественную коммуникацию [Шаховский 1999].

Поскольку эмоции оценочны, то все концепты содержат в себе и оценочную составляющую, которая отражает ценностность эмоционально рефлекслируемой культуры для данной языковой общности. С этой точки зрения концепт является камерой хранения эмоциональной памяти народа о ценности культуры, из которой все последующие поколения извлекают, как из энциклопедии, необходимую для эмоционального общения информацию, даже при наличии динамики содержания концептов в плане диахронии, которая неизбежна во времени.

Асимметрия смыслового содержания в национально-культурных вариантах одного и того же эмоционального концепта является значительно меньшим коммуникативным препятствием по сравнению с эмоционально-культурной лакунарностью. В кинофильме «Сибирский цирюльник» американка, прибывшая в Россию к своему дядюшке-изобретателю и всё время сталкивающаяся с культурными различиями, которые шокируют её, просит генерала — директора юнкерского училища раскрыть содержание русского слова «запой». Генерал, схватившись за голову обеими руками, отвечает ей экспрессивным междометием: «Это — о-оо-о-о!» (по образцу речевых моделей Элочки-людоедки). Объяснение этого слова требует пространного культурного комментария через подробную дескрипцию соответствующего эмотивного дискурса. И только войдя с помощью провокации этой американки в реальный вербальный и поведенческий акт запоя, генерал сумел продемонстрировать базовые признаки, идентифицирующие этот русский концепт.

Е. В. Димитрова на примере другого типично русского концепта «тоска» убедительно доказала, что он не имеет абсолютных эквивалентов во французской лингвокультуре. Его эмотивные смыслы транслируются туда посредством частичных — мозаичных эквивалентов, только в своей сверхсуммативности способных к репрезентации смыслового потенциала русского концепта «тоска» и его эмоциональной составляющей [Димитрова 2001: 4].

При этом процесс трансляции смыслов на ксенокультуру осложняется тем, что в различных эмотивных дискурсах актуализируется каждый раз всего лишь одна эмоционально-смысловая доминанта с параллельной активизацией в сознании русской языковой личности в качестве эмотивного фонда всех остальных смыслов. Эти последние в полном наборе на французскую ксенокультуру никогда не транслируются: туда передается либо один доминирующий смысл, либо групп-

па смыслов, которую, как справедливо и обоснованно отмечает Е. В. Димитрова, «нельзя охарактеризовать как отражающую весь спектр смыслов (в том числе и эмоциональных. — В. III.) русского концепта “тоска”» [Димитрова 2001: 4].

При межкультурном общении эмотивные потери неизбежны (см. подробнее: [Шаховский 1997а]) еще и потому, что иноговорящий реципиент при восприятии транслированных из русской лингвокультуры смыслов оперирует, т. е. переводит их с помощью *code switching* на свой культурный код, исключительно своими культурными коннотациями. А усугубляется эмотивная девиация смысла сообщения между языком-отправителем и языком-рецептором еще и тем, что системное значение слова в сознании обоих партнеров — носителей этих языков представлено их личностными смыслами, основанием для которых являются индивидуальные знания партнеров о семантических признаках эмоционально-культурной составляющей того или иного слова-концепта.

В. Набоков пишет: «На русском языке при помощи одного беспощадного слова можно выразить суть широко распространенного порока, для которого три других знакомых мне европейских языка не имеют специального обозначения» [Набоков 1993: 290]. В. Набоков совершенно прав в том, что отсутствие того или иного слова в словаре не всегда означает отсутствие соответствующего понятия (как и в выше приведенном примере со словом «тоска»). Однако это всегда мешает полноте и точности его понимания иноязычным партнерам (это доказано экспериментально в: [Высочина 2001: 18]). Как и в случае со словом-концептом «тоска», русское слово-концепт «пошлость» имеет множество смысловых оттенков, которые «рассыпаны в ряде английских слов и не составляют определенного (адекватного русскому набору смыслов. — В. III.) целого» [Набоков 1993: 291].

Проанализируем семантические идентификаторы этого слово-концепта в данном эссе В. Набокова, в словарных дефинициях и в переводных словарях:

а) через малый синтаксис (*пошлости мир, круг, струя, липкость, дух, демон; пошлость научная, общественная, легендарная, всемирная, вакуума*), через словообразовательное поле (*пошляк, пошлячка, пошлый, пошлятина, пошло*);

б) через толкование слова *пошлость* — «это то, что является пошлым (человек, общество, среда, анекдот, тон, усмешка и т. д.)»: — *низкий, ничтожный в духовном, нравственном отношении;*

- неприличный, непристойный;
- неоригинальный, банальный, избитый;
- безвкусый, вульгарный, грубый [БТС: 950];
- пошлый = низкий в нравственном отношении, безвкусно-грубый [СРЯ: 528];

в) через его перевод на английский язык:

- пошлый = *commonplaceness, banality, triteness*;
- какая пошлость = *how petty*;
- пошляк = *vulgar person* [РАС: 581];

г) через перевод на немецкий язык:

- пошлость = *Plattheit; Abgeschmacktheit*;
- пошлый = *platt, flach, abgeschmackt*;
- пошляк = *fader Kerl, Sie benehmen sich unanstaendig!* [РНС: 460].

Уже только этих дефиниций достаточно, чтобы носитель русской лингвокультуры убедился в том, что «всё врут словари»: в индивидуальном сознании гораздо больше эмоциональных смысловых оттенков слово-концепта, чем зафиксировано в словарях для воспроизведения и активации в процессах общения. Кстати, с другой стороны, уже только из словарных дефиниций и малого синтаксиса воспроизведений и активаций этого слово-концепта видна обширная сфера широко распространенного человеческого порока. Это подтверждает и художественная литература, и отечественная реклама по СМИ, и многочисленные ТВ-программы (например, «Большая стирка», «Пусть говорят» с ведущим пошляком А. Малаховым и многие PR-овские трюки, подпитывающие отечественную политпошлость как антипод политкорректности).

Анализ вышеперечисленных источников позволил составить семантический портрет слово-концепта «пошлость». Его эмоционально-составляющие индикаторы таковы: *банальность, бездуховность, фальшивость, манипулятивность, хитрость, липкость, безнравственность, грубость, безвкусность, неприличность, вульгарность, внешняя картинность*. Сферой реализации всех этих индикаторов в различных сочетаниях является неискренний эмотивный дискурс (например, рассмотренное Вл. Набоковым поведение П. И. Чичикова в «Мертвых душах» Н. В. Гоголя).

Пошлость всегда предусматривает игру на чувствах ее реципиентов, игру на внешних эффектах, скрытость, таинственность мотивов даже через внешнее самоуничижение и привлечение на помощь прописных истин, ложных предпосылок и лести. По словам В. Набокова,

в пошлости заключена дьявольщина: «С той поры, когда Россия начала думать, все образованные, чуткие и свободомыслящие русские остро ощущают вороватое, липкое прикосновение пошлости» [Набоков 1993: 29].

В английском языке отсутствует соответствующий языковой эмотив как специальное обозначение пошлости в русском смысле.

На этом примере достаточно убедительно видно, что сложнейшей проблемой интерлингвистики является проблема интерференции эмоциональных картин мира в головах межкультурных коммуникантов под влиянием различий в их эмоциональном интеллекте.

Подводя итог сказанному, отметим значимость знаний об эмоциях (в их этнокультурной и межкультурной специфике) в ситуации встречи культур:

1) эмоции человека являются таксоном культуры, который имеет концептуальное освоение через вербальный и/или авербальный язык и материализацию в их «телах» (вербальных и авербальных, соответственно);

2) отсюда, в системе концептов имеются, и даже преобладают, эмоциональные концепты (по причинам, названным выше);

3) эти эмоциональные концепты, имея культурно-национальную специфику, все имеют материальные экспоненты в языке, т. е. соответствующие имена — *радость, печаль, огорчение, любовь* и т. д. Процесс их имянаречения в каждом языке свой — в зависимости не только от структуры языка, но и от истории народа, его культуры, со всеми ее элементами-таксонами, включая эмоциональный фонд лингвокультурной общности. Этот процесс называется концептуализацией;

4) осознание эмоциональных концептов своего и чужого народа, введение их в языковую компетенцию и в исполнительскую деятельность (коммуникативную компетенцию-перформацию) осуществляется нами — преподавателями различных предметов — через научающую научную интерпретацию семантических примитивов, модальных рамок, через бытовое контекстуальное осмысление и введение в эмоциональную (видовую и индивидуальную) память наших обучаемых как языковых эмоциональных личностей.

§ 5. Эмоция как межкультурный референт

Лингвокультурологическая парадигма уточнила понятие «содержание слова» тем, что внесла в него семантический компонент «культурное содержание» и экстралингвистический компонент «культурный референт».

Известно, что эмоции не только являются способом отражения (преломления) действительности, но и сами могут выступать в качестве объекта отражения. На любом языке константой для *Homo loquens* является необходимость выражать свое эмоциональное отношение к миру и к себе в этом мире. В этом плане эмотивная функция присуща любому языку и потому в любом языке имеются специальные эмотивные знаки, входящие в эмотивный код этого языка как отдельная когнитивно-эмотивная структура его культурно-языкового кода. Владение этой функцией бикультурными языковыми личностями является важнейшим когнитивным компонентом ее коммуникативной компетенции.

Следует уточнить, что проявление универсальных эмоций — гнева, радости, печали, злости, восхищения и др. — сопровождается проявлением этнокультурных различий, так как сама эмоция является частью культуры любого народа. Тезис о психологическом, духовном и биологическом единстве человечества не может быть оспорен или подтвержден без опоры на лингвистику, поскольку концептуализация даже универсальных, базовых эмоций предполагает ее материализацию в лексических или грамматических формах.

Таким образом, эмоциональная компетенция предполагает знание базовых универсальных эмоций, средств их номинации, дескрипции и выражения на контактирующих языках, знание правил интра- и интеркорреляции средств с эмоциями как (культурными) референтами, а также знание когнитивно-дискурсивных правил эмоционально-этнической идентификации речевых партнеров. Поскольку все свои знания *Homo loquens* получает через язык, становится очевидным, что и его культурная компетенция формируется синхронно с языковой/коммуникативной компетенцией, важнейшим компонентом которой является эмоциональная компетенция.

Слепому от рождения невозможно объяснить, что значит слово *красный* или *зеленый*, сложно объяснить человеку и каков смысл концептов «страх», «печаль». Но, в отличие от слов *красный* и *зеленый*, слова *страх*, *печаль* и другие имена эмоций можно истолковать даже

слепому, поскольку каждый человек имеет эмоциональный опыт и переживает эти и другие эмоции в своей жизни. Общеизвестно также, что еще до осмысления фактуальной (рациональной) информации слушающий мгновенно, практически синхронно с речевым актом, осмысливает эмоционально-оценочную информацию: одобрение или неодобрение в их сотнях оттенков. Уже только эти факты указывают на исключительную роль эмоций в коммуникативной деятельности языковой личности.

По словам М. Полани, воспитанные внутри этой культуры усваивают ее, включая свой интеллект в ее структуру и переживая благодаря этому эмоции, которым их учит усвоенная ими культура. В свою очередь они передают эти эмоции следующим поколениям, и от того, насколько энергично те их воспринимают, зависит дальнейшее существование всего здания культуры. Из этого положения имплицитно выводятся две гипотезы. Первая: эмоции являются частью национального интеллекта (менталитета), в процессе межпоколенной трансляции которой возможны ее внутрикультурные девиации. Вторая: эмоциональная компетенция распространяется только на воспитанников своей Культуры, за пределами которой, внутри зданий других Культур, этим знаниям языковой личности надо специально научать как внешним.

А. Вежбицкая убедительно показала несовпадение сценариев эмоций в разных культурах, а следовательно, эмоциональное межкультурное общение должно быть неизбежно лакунарным. Однако практика реального и художественного общения на вербальном и авербальном языке показывает, что язык эмоций скорее объединяет, чем разъединяет нации: когнитивно-эмотивная доминанта варьируется в межкультурной коммуникации в пределах сохранения эмоционального смысла модусов отношения и состояния межкультурных коммуникантов. Этот факт обеспечивает эмоционально-динамическую эквивалентность реакций. Л. Витгенштейн считал: «границы моего языка означают границы моего мира». Эти границы определяются социально-культурными факторами, которые варьируют эмоционально-смысловую доминанту в кросскультурной коммуникации. В этом участвуют также эмоциональная компетенция, эмоциональный интеллект и эмоциональный дейксис говорящего.

Эмотивная система человека может быть и вскрыта, и проанализирована в терминах ее языковой манифестации через соответствующий лексикон эмоций и эмоциональный (эмотивный) лексикон. Лингвистикой эмоций (эмотиологией) установлено:

– что эмоции человека рефлектируют все социальные (в том числе и культурные) конвенции через ситуативные (в том числе и через культурные) аспекты;

– что эмоция имеет концептуальный каркас и концептуальную анкету;

– что каждую эмоцию можно представить в виде вербального сценария, т. е. открыть этапы, стадии и последовательность ее зарождения, актуализации: семантики, синтактики, мотивов и прагматики или в виде фрейма, включающего обобщенно все ситуации, связанные с определенной эмоцией и ее бесчисленными оттенками, все языковые и параязыковые средства ее проявления, все представления, образы, мифы, символы, стереотипы, эталоны и т. п., т. е. весь дискурс (весь экстраязыковой видовой контекст) данной эмоции.

Возможность «осценарить» и «офреймить» ту или иную эмоцию позволяет лингвистам вычленить ее семантические примитивы и на их основе смоделировать эмоциональные концепты. Напомню еще раз, что под *концептами* понимаются основные единицы ментальности, национального менталитета как образа мышления, сознания и самосознания. Признание факта существования эмоциональных концептов является значительным прорывом в научном знании, долгое время настаивавшем на исключительной логичности, нейтральности и наднациональности понятия как формы мышления.

Однако известно, что даже универсальные эмоциональные концепты в каждой лингвокультуре интерпретируются по-разному на основе внутриязыковой сочетаемости и образности их вербальных коррелятов. Лексико-семантическое пространство, другими словами, семантическая сетка в лексикализованной форме, включающая и функционально-стилистическое варьирование этих форм, коррелирующих с одним и тем же концептом, позволяет в некоторой мере снять эмоциональный концепт с этой сетки и очертить его границы, отделяющие его от других эмоциональных концептов, т. е. передать его через определенную номинацию.

Выдвижение эмоциональных концептов в центр исследовательской тематики лингвокультурологии позволяет уточнить ряд положений теории языка вообще и теории эмотивного языка в частности. Вопросы о том, как соотносится лингвистическое значение слова с понятием (см. Часть 2 настоящего издания), чем отличается понятие от концепта и другие вопросы могут быть рассмотрены на примере эмотивов.

В процессе общения люди используют не понятия и не концепты в целом, а лексические значения как внешнюю, более удобную форму ситуативно-контекстуального содержания и понятия, и концепта. При этом понятие коррелирует, на мой взгляд, с концептом следующим образом: понятие есть обобщенная совокупность наиболее существенных признаков предмета, а концепт есть содержание внутренней формы именованного предмета, расшифровка которой осуществляется через набор релевантных семантических примитивов. Эти признаки суть элементы семантического метаязыка, включающего субстантивы (*я, ты, кто-то, что-то, люди*), детерминаторы и квантификаторы (*этот, тот же, другой, один, два, много, все/весь*), ментальные предикаты (*знать, хотеть, думать, чувствовать, говорить*), действия, события (*делать, происходить/случаться*), оценку (*хороший, плохой*), дескрипторы (*большой, маленький*), интенсификатор (*очень*), метапредикаты (*мочь, если, потому что/из-за, не/нет, подобный/как*), время и место (*когда, где, после, до/раньше, под, над*), таксономию, партономию (*вид/разновидность чего-либо, часть чего-либо*), *нестрогость/прототип (подобный/как)*.

Разумеется, выше перечислены не сами семантические примитивы, а их вербализация, которая в разных языках получает различные звуковые и графические формы (например, субстантив: *я, I, ich* и т. д.). Кроме того, один и тот же семантический примитив может обозначаться в одном языке разными словами. Это явление носит в лингвистике семантических примитивов название аллолексии. Примером аллолексии является *this, someone, person* (*этот, кто-то, личность*). *Someone* выступает в виде *person, something* — в виде *thing, what* — в виде *anything, then* — в виде *at a time* или *sometimes*.

Различие между понятием и концептом становится еще более очевидным на фоне лексического значения слова как формы понятия и его лексикализации (сведение всех семантических примитивов концепта в одну систему значений, упакованную в ту же формально-звуковую форму, что и соответствующее понятие). Поэтому, как можно предположить, понятия могут быть наднациональными, а концепты нет, и тем более не может быть универсальных семантических примитивов. Отсюда естественен интереснейший для современного состояния науки о языке вывод о том, что значение любого слова в отдельно взятой лингвокультуре находится в ее носителе, а не в самом слове. Слово является формой существования понятия о предмете мира и вербальным коррелятом соответствующего концепта о смысловом со-

держании предмета мира и его смысловых и функциональных валентностях. У каждого говорящего о данном предмете имеется свое понятие, которое вербализуется в нормированной визуально-звуковой форме, ассоциируемой с индивидуальным рядом смыслов на фоне смыслового инварианта как кодового знака. Этот фон может быть достаточно затемнен индивидуальными, национальными, культурными вариантами, поэтому и трудно бывает выполнить совет Р. Декарта: «Определяйте значения слов — и вы избавите мир от половины его заблуждений».

Итак, в мире имеется определенный предмет как объект языкового отражения, имеется мыслительный конструкт-понятие о нем, имеется его концепт в виде существующих в сознании о предмете и понятии о нем мельчайших конституентов его идеальной сущности (семантики). Всё это знание о предмете — понятийное и концептуальное — проектируется на смысловое содержание их вербального коррелята (и понятие, и концепт — авербальны) в виде лексико-семантических вариантов и их семных наборов, которые, в свою очередь, состоят из признаков и конкретизаторов.

Когда язык называет какие-либо понятия, он их опредмечивает. Когда концепты расщепляются в целях научного анализа на семантические примитивы, по А. Вежбицкой [1999] или Ю. Д. Апресяну [1992], происходит их распредемечивание. Но поскольку семантические примитивы называются, т. е. лексикализуются, то через этот акт номинации происходит их новое опредмечивание. А общеизвестно, что форма значима, каждая из них включена в семантические и ассоциативные ряды, коррелирующие с национально-культурным духом языка. Уже на одном этом основании представляется ошибочным говорить об универсальных семантических примитивах в определенной вербальной упаковке: в каждом языке один и тот же смысл распределяется по разным в количественном отношении языковым знакам, каждый из которых имеет и другие семантические компоненты, вступающие в связи с приписываемым каждому из знаков семантическим примитивом. Такое соединение варьирует один и тот же семантический примитив, формируя различия в его смысловых объемах по языкам и культурам.

Именно в этом факте я вижу переводческие трудности и трудности в устном и письменном межъязыковом общении. Да и недопонимание друг друга в общении на одном и том же языке объясняется тем же фактом: мы все опредмечиваем и распредемечиваем одни и те же

смыслы, в том числе и эмоциональные, по-разному, с разной степенью их аппроксимации к мыслительному концепту как идеальной сущности, коррелирующей с понятием как наивысшей абстракцией, хотя и имеющей границы, но размытые в меньшей степени, чем у лексикализованных концептов.

Любая лексикализация есть некоторое искажение концепта, так как она останавливает его динамику и фиксирует лишь один из его смыслов, т. е. омертвляет концепт. Именно этим можно объяснить семантику известного афоризма «Мысль изреченная есть ложь». Перевод с языка мыслей на язык слов делает общение людей ущербным. Мысленная коммуникация представляется более адекватной и чистой для взаимного понимания. Примером такой межъязыковой авербальной коммуникации является музыка или пантомима. Психологами и лингвопсихологами давно уже установлено, что в сфере эмоциональной коммуникации наиболее быстро и полно семантика транслируется и наиболее адекватно воспринимается через авербальный язык, прежде всего через выражение глаз, лица, через улыбку.

Языковая реализация эмоционального понимания и понимания эмоционального в силу отсутствия абсолютного совпадения фреймов и сценариев концептуальных эмоций в языковой компетенции коммуникантов (собственно речевых или квазиречевых: автор – читатель), зафиксированной в текстах художественной литературы, особенно переводной, в очередной раз, но на новом уровне ставит вопрос о многообразии эмотивных лакун; о пересмотре всех толкований и межъязыковых переводов лексических форм эмоциональных концептов на базе более совершенной методологии, чем база семантических примитивов А. Вежбицкой и сценариев чувств Ю. Д. Апресяна. Таковую методологию лингвистам еще предстоит выработать совместно с представителями других наук.

Перспективы положительного решения этой проблемы убедительно указывают на всё возрастающую интегрирующую и объяснительную функцию лингвистики среди других отраслей науки и на место и роль эмотивности как средства этой интеграции.

В. Гумбольдт был совершенно прав, утверждая, что нельзя изучать язык без человека и изучать человека без языка, с одной стороны, а с другой стороны, язык как дух народа так тесно переплетается с особенностями времени и говорящего на нем народа, что поневоле и естественно сохраняет и осуществляет межпоколенную трансляцию национально-специфичных культурных таксонов. Именно этим объяс-

няется тот факт, что семантическое содержание высказываний как языковых образований может быть равно себе или быть меньше/больше в зависимости от коммуникативной компетенции культурной языковой личности.

Процесс и результат вербализации эмоциональных концептов в различных лингвокультурах настолько различается, что и информативная, и предписывающая функции современных словарей оказываются ненадежными и фактически способствующими коммуникативным помехам или провалам. Это особенно заметно при чтении переводной литературы и при попытках описать свои эмоциональные переживания (сиюминутные и особенно прошлые) в устных речевых актах. Даже видовой эмоциональный опыт языковой личности не снимает семантической нечеткости этого концептуального пространства из-за различного объема аппроксимации его понимания различными речевыми партнерами внутри той же самой лингвокультурной общности. Естественно, что при межъязыковом общении этот объем различий значительно множится за счет различных национально-культурных доминант, к которым относятся гештальты, образы, мифы, традиции и всё то, что делает родной язык символом национального самосознания, которое концептуализует и лексикализует наднациональные понятия (если они все же есть) по-разному в разных лингвокультурах.

Для интерлингвистики в связи с этим представляется чрезвычайно актуальной проблема лексикографического маркирования культурного компонента значения слова как формального коррелята культурного референта.

Для изучающих английский язык в этом плане является совершенно бесценным словарь Longman Dictionary of English Language and Culture (LDELС), с помощью которого действительно можно проникнуть в сердце этого глобального языка. В нем содержится 1500 культурных референций у 40 000 слов, т. е. почти каждое третье слово сопровождается культурной маркировкой.

Этот словарь выполняет важную роль в формировании межкультурной компетенции языковой личности, так как, в отличие от всех иных словарей, он не только регистрирует, но и предписывает, указывая на особенности употребления словарной единицы в связи с ее культурной референцией.

LDELС является словарем лингвокультурологического типа. Маркерами культурного компонента значения слов в нем выступают: 1) спе-

циальные пометы, через которые подается информация о культурно-профессиональной сфере их функционирования; 2) остенсивность (графическое, фотографическое изображение культуемы: *axe, hatchet, tomahawk*); 3) дескрипция культуемы (*turkey*); 4) культурная справка, с помощью которой словарь сообщает о национальных ассоциациях и стереотипах, инкорпорированных в значение слова (*civil servant*); 5) указание на культурный (региональный) вариант (например, BE, AE, etc.: *cornershop*).

Естественно, что незнание культурных референций приводит к нарушению адекватности в прагматике межкультурного общения, а значит, и к коммуникативным неудачам и к провалам в толерантности общения, ибо нарушение культурных референций приводит к межкультурному языковому террору, поскольку речевые партнеры из разных лингвокультур не могут в ситуации такого нарушения включить друг друга в свой дискурс «в качестве простого объекта, чтобы тем вернее исключить его из сообщества говорящих на сильном языке» [Барт 1999].

Без знания культурных референций говорящий на чужом языке никогда не почувствует себя хозяином этого языка, причастным к нему и будет постоянно попадать в его культурные ловушки — причину войны языков.

На материале русского языка для иностранцев культурологические комментарии были разработаны Е. М. Верещагиным, В. Г. Костомаровым [1990]. Для начинающей коммуникации и переводоведения такие словари давали возможность наряду со страноведческими словарями более или менее адекватно избегать коммуникативных помех и провалов, так как эти словари носили предписывающий характер, благодаря чему выполняли компенсирующую функцию в межкультурной коммуникации.

Новым словом в отечественной лексикографии стал выход в свет «Большого фразеологического словаря русского языка. Значение. Употребление. Культурологический комментарий», ответственным редактором которого является В. Н. Телия [БФСРЯ 2006]. Как убедительно показано в Предисловии и в словарных статьях отобранных фразеологизмов, все они обладают культурной памятью, транслируемой от поколения к поколению, и таким образом отражают важнейшие культурные концепты, сохраняющие корни родства русскоязычного общества.

Новым и необычным является предложенное в словаре измерение культурной ценности, отраженной в русском фразеологизме, на-

пример, *достойное/недостойное отношение к природе, к себе самому как личности, к социальному окружению, а также к мистически-духовно воспринимаемым первоначалам бытия всего сущего*. Можно говорить о том, что в этом культурном комментарии полностью декодировано всё содержание фразеологизма: предметное, образное, оценочное, экспрессивное, стилистическое, эмотивное, символическое (сакральное). Другими словами, распределена его семиотика и сфера употребления, вскрыт его архетип, обязательно включающий квалификацию анализируемой единицы с точки зрения его эмоциональной отнесенности (см. введенную в словарь систему помет: *реч. стандарт, неформ., фам., грубо-фам., книжн., прост.*; подразделение на высказывания о третьем лице, о собеседнике и о самом себе, что изменяет (варьирует) эмоционально-оценочные смыслы фразеологических единиц).

Тот факт, что человек, независимо от его национально-этнической принадлежности, является эмоциональным животным, подчеркивает биологическую общность *Homo sapiens*. Тезис о психологической общности всех людей нашей планеты может быть признан только в той его части, что имеется определенный набор базовых эмоций (в числе которых, однако, у ученых также единства нет, см.: С. Isard, В. Fehr, F. Plutchik, С. Kemper, J. Russel, P. Johnson-Laird, К. Oatley и др.), переживаемых всеми людьми разных культур и являющихся основой для эмоционального межкультурного общения.

Вычленение проблемы речевого поведения *Homo sentiens* в рамках гуманистической парадигмы (кросс)интерлингвистики актуально не только в теоретическом (как разработка теории эмотивности языков), но и в прикладном плане (в переводоведении, лингводидактике и лексикографии). В случае межкультурного общения речевые партнеры фактически должны владеть адекватно обоими кодами для более/менее успешного преодоления культурного различия между ними: они должны быть бикультурными языковыми личностями.

Именно поэтому сложнейшей проблемой интерлингвистики является проблема интерференции эмоциональных картин мира в головах межкультурных коммуникантов под влиянием их эмоционального дейксиса, эмоциональной компетенции и их эмоционального интеллекта.

На основе сказанного можно резюмировать:

1) Эмоции — это наднациональный, межкультурный референт, репрезентация и адаптация которого варьируются в разных лингво-

культурах и потому заслуживают изучения и осмысления через последовательное распредмечивание всех эмоциональных концептов.

2) Все лингвокультурные концепты эмоциональны (как национальные, так и общечеловеческие).

3) Для успешной межкультурной коммуникации необходимы эмоциональная и эмотивная компетенции речевых партнеров.

4) Оба вида этой компетенции — часть интеллекта/менталитета речевых партнеров. Они распространяются только на воспитанников своей культуры, за пределами которой, внутри зданий других культур, этим знаниям языковых личностей надо обучать специально как внешним знаниям.

§ 6. Национально-культурные особенности коннотативного компонента значения

Согласно традиционной точке зрения, информативна только денотативная функция языка/речи. Наблюдения над семантикой языковых единиц и их функционированием показывает, однако, что эмотивная и экспрессивная функции языка тоже информативны, т. е. коммуникативно релевантны, так как эмотивные и экспрессивные единицы языка семантически значимы. Мнение некоторых лингвистов и переводоведов о том, что эмотивные и экспрессивные компоненты семантики языковых единиц имеют лишь стилистическую природу и поэтому являются объектом стилистики, а не семасиологии, вызывает сомнение: положение об их смысловой окрашенности позволяет отнести коннотативные семы к смысловой стороне лингвистической проблемы. Тезис о коммуникативной релевантности экспрессивно-эмотивно-оценочных: фонологических, морфологических, лексических, фразеологических, структурных средств языка, а также и паралингвистических средств находит убедительное подкрепление при контрастивном изучении переводов с родного языка на иностранный и наоборот.

Оппозиция дружеская/недружеская межкультурная коммуникация предполагает синхронное знание ее правил в двух кодах, и отдельно в каждом коде, и в их межкодовой корреляции. Это знание возможно приобрести только при длительном естественном погружении в здания данных культур или через специальную обучающую коммуникацию в процессе переключения эмоциональных кодов и научения коммуникантов культурно-варьируемым правилам выражения эмоций в

условиях эмоционального комфорта/дискомфорта, как вербальных очагов напряженности.

Наиболее сложной частью языковых знаний, лежащих в основе межкультурных компетенции является знание специфики коннотативных значений лексики изучаемого языка. Рассмотрим данную проблему на материале зоолексики — разряда слов, где национальная коннотативно-семантическая специфика проявляется наиболее рельефно и разнообразно.

Наряду с одинаковыми или очень близкими коннотациями, положенными в основу метафорических употреблений зоолексики в разных языках (ср.: *живуч, как кошка = have as, many lives as a cat; хитер, как лиса = sly as a fox; глуп, как осел = stupid as an ass; смелый, как лев = brave as a lion* и пр.), мы наблюдаем и большие идеознтические расхождения в сопутствующих тому или иному зоониму эмотивных коннотациях. Так, в русском языке для семантики слова *кошка* характерны коннотации живучести и блудливости, но не характерна коннотация, которая есть у этого слова в английском языке: *melancholy as a cat*. Слово *cat* в английском языке имеет коннотацию ‘злости’ и ‘сварливости’, что позволяет употреблять его в переносном значении ‘a spiteful woman’: *...then he said: Mrs. MacAnder is a cat* (J. Galsworthy) — *Миссис Мак-Эндер — злобная дрянь!* В русском языке коннотация ‘злобности’, как и коннотация ‘меланхоличности’ в значении этого слова отсутствует.

Как правило, в разных языках наименования животных, широко использующиеся в предикатной (т. е. характерологической) функции, имеют различные коннотации. Ср.: *to stare at smth like a pig* = смотреть, пялиться на что-то как *баран* на новые ворота; *to buy a pig in a poke* = покупать *кота* в мешке. Морально-эстетическая направленность коннотации у одного и того же зоонима может быть полярной, например *коза, козочка* и *Ziege*. В русском языке переносное значение зоонима *козочка* основано на коннотации одобрения, а именно — восхищения милотой, резвыми движениями (*козочка — девочка*). В немецком языке зооним *Ziege* имеет неодобрительную коннотацию (глупости, разборчивости, привередливости): *dumme Ziege (alte, mager, wahlrisoh)*. Сходную коннотацию имеет эмотивное употребление зоонима *коза* в русской культуре.

Таким образом, различные эмоциональные отношения, т. е. реакции на один и тот же стимул (на зоонимы *коза, козочка*) в русском и немецком языках объясняется различными, в данном случае противо-

положными эмотивными оценками, сопутствующими зоониму в этих языках. Аналогичный пример: в русском языке зооним *слон* имеет неодобрительную коннотацию: 'излишне крупный и полный человек, неуклюжий', а у народов Индии — прямо противоположную, т. е. одобрительную коннотацию 'грация, изящество движений'. Зооним *верблюд* в арабских языках имеет одобрительную коннотацию 'красоты' (арабы сравнивают красивую женщину с верблудицей), а в русском и французском языках значение этого зоонима сопровождается коннотациями 'упрямство' и 'злость'.

Кроме того, внутри коннотации одной и той же направленности значение зоонима может быть основано на различных признаках. Например, значение зоонима *черепаха* в русском языке имеет коннотацию 'медлительности', а в китайском — 'неверности' (черепахой китайцы называют неверную жену). Зооним *крыса*, имея общую родовую коннотацию неодобрения, различается видами коннотации: в русском языке употребление зоонима основано на коннотативном признаке 'жадность', во французском языке — 'мерзость', в английском — 'нечестность'.

Третий тип соотношения коннотации в разных языках заключается в том, что у одного и того же зоонима в одном языке имеется эмотивная коннотация, а в другом она отсутствует (нулевая коннотация). Таким примером может служить зооним *лиса*. В русском и английском языках этот зооним имеет адекватную коннотацию неодобрения 'хитрость': *sly as a fox*. В немецком языке метафорическое употребление этого зоонима в значениях 'рыжая бабочка', 'рыжая лошадь', 'рыжий человек' (человек с рыжими волосами) основано не на коннотациях значения слова *Fuchs*, а на ассоциациях с красновато-коричневым цветом меха этого зверя.

Зоолексика — лишь частный случай идеоэтнических (т. е. национально-специфических) расхождений в коннотациях, основанных на различных ассоциациях и представлениях у разных народов о том или ином животном. Межъязыковые словесные коннотации можно наблюдать в других лексико-семантических группах.

1. **С о в п а д е н и е к о н н о т а ц и и.** Примером могло бы послужить английское слово *monster* и его заимствованный русский вариант *монстр*. На основе денотативного семантического компонента *abnormally huge size* и потенциальной семы *unpleasantness*, сопровождающей его, в обоих языках сохраняется адекватная эмотивно-оценочная коннотация с отрицательным знаком (*monster building/lorry/*

plane = здание-монстр, грузовик-монстр, самолет-монстр; *He is a monster* = он монстр (т. е. неприятный человек = *abnormally cruel or wicked person*).

II. Несовпадение коннотации:

а) У английского слова имеется коннотация, у русского такого соответствия нет. Например: прилагательное *continental*, кроме понятийно-четкого — *относящийся/расположенный на материке* (в отл. от островного, находящегося за морями — в географии и топологии): 1. *of, relating to, or characteristic of a continent*; 2. *(often) continental of or relating to the mainland of Europe*; *European*, получило негативно-презрительную коннотацию при сочетании с лексемой *breakfast* (о еде, о завтраке — хуже, чем дома): «...ни тебе овсяной каши, ни яичницы с беконом, ни кофе с булочкой» (В. Овчинников) (ср. с русским соответствием: *континентальный* = *материковый* (климат)).

Рассмотрим другой пример: *foreign* = *иностранный* (и потому плохо) — *...he threw up his chances... going off... for six months... and all for what? — to study foreign architecture — foreign! What could he expect!* (J. Galsworthy) — *...он отбросил все возможности... уехал... на шесть месяцев... и все ради чего? — чтобы изучить иностранную архитектуру — иностранную! Что он мог ожидать!* (перевод наш. — В. Ш.).

Аналогичная отрицательная эмотивно-оценочная коннотация сопровождает и производные от этого слова: *foreigner* (чужеземец, иностранец), *foreign-looking* (похожий на иностранца, чужеземца), базирующаяся на социально-закрепленном резко отрицательном, высокомерном отношении англичан ко всему неанглийскому. Ср. с русским нейтральным (с нулевой коннотацией) соответствием: *иностранный* = *заграничный, зарубежный, чужестранный* (СРЯ).

б) И то и другое слово, являясь общенациональными, различаются в разных языках по признаку наличие/отсутствие коннотации. Так, у эскимосов слово *белый* (о человеке) является презрительным прозвищем бродяг и бездельников, а в русском или английском корневом слове этой коннотации нет. Отрицательная эмотивно-оценочная коннотация иного, чем у эскимосов, семантического содержания появилась в 60-е годы в США у производного слова *whitey* = *a white man* (*U.S. slang; used as a common/proper noun*) — для презрительного обозначения белых неграми: *Some negroes, she says, feel as Billy does: that Durward has «sold out to white» by marrying a white girl* (S. Barnhart) — *Некоторые негры, — говорит она, — чувствуют так же себя, как и Билли, ведь этот Дурвард продался белым, женившись на их женщине.*

В британском варианте английского языка у слова *white* нет такой коннотации, как и в русском. Этот факт говорит о том, что и для внутриязыкового перевода (с американского английского на британский английский) коннотации коммуникативно значимы.

в) Русское слово может быть коннотативным, а его английское соответствие — нет. Так, слово *карьера* = *путь, ход, поприще жизни, службы, успехов* (Даль); *«путь к успехам, видному положению в обществе, на служебном поприще... продвижение по службе в личных интересах, стремление к личному благополучию»* (СРЯ), что имеет отрицательную эмотивную коннотацию, помеченную «неодобр.». Его английское соответствие: *career = course and progress of a person's life* (*карьера, успех*) никакой коннотации не фиксирует, так как ее просто нет у значения английского слова. Русское слово *карьера* отличается от своих синонимов (например, «трудовая деятельность») тем, что имеет в своем содержании сему «динамики», «пути, хода наверх» (и это само по себе хорошо), но «не гнушаясь при этом никакими средствами» (это плохо). В былые времена таких людей обзывали карьеристами. Слово «карьера» от когда-то делового, бесстрастного, звучания дошло до «неодобр.»: *Есть у людей желание работать лучше, есть какое-то здоровое честолюбие, а есть совсем другое качество — карьеризм, стремление любым путем и обманом показать себя в выгодном свете* (Р. Киреев, Волгоградская правда, 1982, 14 марта).

Из примера видно, что *карьеризм* — семантически достаточное слово с отрицательной оценкой, в то время как *честолюбие* требует определения, обнаруживающего оценочный знак его коннотации: здоровое честолюбие (и это хорошо), нездоровое честолюбие (и это плохо). В последнем случае *честолюбив* на коннотативном уровне является синонимом *карьеризму* при их денотативном различии. Справедливости ради следует отметить, что степень негативности коннотативного компонента значения лексемы *карьеризм* в русской лингвокультуре постепенно снижается.

г) Русскому нейтральному слову соответствует несколько слов с разной коннотативной семантикой: *слава = reputation* (нулевая коннотация); *fame* (положительная коннотация); *notoriety* (отрицательная коннотация). Это коннотативное несоответствие можно определить как случай коннотативной недифференцированности в русском языке и коннотативной дифференцированности — в английском. В иных языках наблюдается и обратное явление (как более частотное за счет аффиксальной системы коннотации в русском языке): *брат* — бра-

тик — братец — братушка — братишечка — братушечка — братан — братуха = brother, dear/old little brother.

д) Коннотации в различных языках у слов-соответствий противоположны. Ср.: русское слово *красный* употребляется в речи и в поэзии для обозначения чего-нибудь хорошего, яркого, светлого, ценного (СРЯ), а в английском оно несет эмотивную коннотацию неодобрительного отношения: *Red = Russian (русский), Soviet (советский), communist (коммунист); person favouring or supporting communism or the Soviet system (человек, выступающий за коммунизм или за Советскую власть)* (LDCE).

Примерами противоположных эмотивно-оценочных коннотаций в русском и английском языках являются многочисленные слова так называемого идеологического лексико-семантического поля: *Nazis (нацист), socialist (социалист), commie (derog. communist) (комму, презрит. коммунист), proletariat (derog.: lowest class of community) (пролетариат) (презрит. дно общества), depression (депрессия), crisis (кризис).*

Известно, по каким мотивам американская пропаганда называет национально-освободительное движение терроризмом: это слово несет неодобрительные эмотивно-оценочные коннотации. Данные и им подобные слова являются «крючками», на которые навешиваются идеологические оценки, после чего они становятся сигналами, вызывающими определенные эмоции: отсюда ясно, насколько важно учитывать идеологические коннотации.

е) У английского или русского слова нет коннотативного соответствия, так как они обозначают национально-специфические реалии: *Big Ben* (колокол часов-курантов на здании парламента в Лондоне), *Punch and Judy* (традиционное уличное кукольное представление с героем типа русского *Петрушки*; его главные действующие лица: горбун Панч с крючковатым носом — воплощение оптимизма — и Джуди, его жена, неряшливая и нескладная), *Mrs. Mop*, шутол. миссис Моп, прозвище домашней работницы (букв. миссис Швабра), с одной стороны, и *Кремль, спутник* (космический), *Иван* — с другой.

Как отмечает В. Г. Гак, в переводных словарях часто нет коннотативных слов, без которых «перевод превращается в бесплотный скелет и не становится литературным произведением» [Гак 1998: 101]. Таким образом, слова различных языков, означающие один и тот же денотат, могут совпадать по денотативному компоненту и не совпадать по коннотативному. Здесь, видимо, работает одна из семантиче-

ских универсалий, так как и психолингвистические исследования русско-французских, англо-немецких и русско-английских билингвов обнаруживают общую картину: слова-соответствия в разных языках при лингвистическом интервьюировании билингвы соотносили с разными степенями интенсивности и разными направленностями коннотативных окрасок при денотативной общности их значений.

§ 7. Особенности трансляции коннотативной информации в межкультурной коммуникации

Как правило, совпадающие данные нескольких переводов одного и того же произведения являются оптимально объективными: при сравнении планов выражения в исходном языке и в языке перевода устанавливается инвариант содержания, включающий денотативную и коннотативную информации и адекватность функциональной доминанты [Швейцер 1973] в денотативном и коннотативном проявлении. Теория функциональной доминанты при трансляции текста на иностранный язык получила некоторое освещение в общетеоретических работах ряда ученых-переводоведов и лингвистов.

Так, О. Каде выдвинул и обосновал идею о том, что текст на национальном языке и текст перевода находятся в отношении диалектической взаимосвязи, составляющей основу их эквивалентности [Каде 1975]. Используя эту идею при контрастивном изучении текстов оригинала и перевода, мы можем в их содержании установить: а) общее — функциональную доминанту (денотативную или коннотативную) и инвариантную семантическую информацию; б) особенное; идеозническое, в понимании С. Д. Кацнельсона [1972]; в) единичное (вариантные особенности семантической информации).

Развивая идею О. Каде, мы не можем не отметить диалектические взаимодействия и противоречия, с которыми сталкиваемся при проведении контрастивного анализа текстов. Это прежде всего противоречие между двумя коммуникативными компетенциями, а также между коммуникативными ситуациями, для которых предназначены оригинал и перевод (напомним, что их языки и адресаты неизбежно различны).

Эмоции, как известно, являются неизбежным компонентом человеческой деятельности. Вот почему при разработке лингвистической теории перевода эмотивный аспект коммуникации должен быть обязательно учтен. Без этого нельзя получить ни одной более или менее

адекватной модели трансляции на иностранный язык. Этот тезис был подтвержден еще в 1974 г. Х. Шмидтом, в чьем докладе убедительно показано, что именно коннотативные компоненты информации нередко определяют при переводе выбор того или иного актуального эквивалента [Шмидт 1974: 26]. Тем не менее проблема прагматической информации и прагматической ценности текста, важная как для лингвистики, так и для переводоведения, к сожалению, не нашла еще должного освещения в лингвистике, вероятно, вследствие семантической структуры коннотации.

Коннотативный компонент семантики слова имеет сложный набор характерологических сем, благодаря которым слово в языке/речи передает отношение говорящего к референту, а также дает информацию о состоянии говорящего и тем самым соотносится со сферой эмоционально-кваликативной деятельности человека. Наш анализ коннотативного компонента семантики слова в языке/речи показывает, что он состоит из семы, синтезирующиеся в речи в различные комбинации, состав которых управляется ситуацией и целью коммуникации. Среди них можно выделить несколько разновидностей.

А) Эмотивные семы², с помощью которых человек выражает свои эмоции. Маркером этих сем является наличие (эксплицитное или имплицитное) сем-индикаторов: «чувство», «эмоция», или терминов конкретных эмоций — сем-квалификаторов: «ласкательность», «уничтожение» и др. в словарных дефинициях. В речи их маркером является ситуация и контекст. Например:

*Louise took the bandaged hand tenderly in hers.
«Oh, the poor hand», she said «Does it hurt?»*

Слово *tenderly* является квалификатором эмоции нежности, выраженной Луизой, женой главного героя — Скобби — во фразе «*Oh, the poor hand*».

Б) Экспрессивные семы, благодаря которым отправитель речи целенаправленным (осмысленным) усилением степени качества семантики слова или созданием определенного образа воздействует на интеллект и чувства получателя речи в более сильной степени, чем с помощью только денотативных сем. Маркером этих сем, например, является эксплицитный или имплицитный элемент «очень», «более» в дефинициях языковых единиц. В речи каждый язык имеет свой на-

² Методика пеленгации эмосем показана в работе [Танькова, Шаховский 1974].

бор интенсификаторов, необходимый и достаточный для него, например:

«He sounds a bit of a swine», the boy said.

«I did love him, but he seems so very, very gone» (жена об умершем муже).

Для того чтобы убедиться в экспрессивной роли интенсификов *did, so* и *very, very*, достаточно провести элементарную трансформацию опущения: *«I loved him, but he seems gone»*.

В) Оценочные семы (апресемы), с помощью которых говорящий производит субъективную оценку референта. Эти семы обнаруживаются благодаря семам-квалификаторам «хороший», «плохой» в словарных дефинициях, а в речи так же, как и в случаях (а), (б), благодаря ситуации и контексту. Например: *Robinzon said, «When will this filthy weather break? The rains are late»* (отрицательное отношение к африканской духоте выражено эпитетом *filthy* и словом *this*, при дефиниционно-таксономическом анализе значения которых устанавливаем сему-квалификатор *bad*): *«Oh», she said, «to couple me with — that woman», she repeated, watching his eyes. «You'd never leave her, would you!»* (любовница Скобби выговаривает ему за то, что он не может порвать с женой). Эпитет *that*, как явствует контекст и ситуация, передает уничиительно-презрительную оценку благодаря апресеме *bad*.

Г) Стилистические семы, благодаря которым говорящий регулирует семантическое согласование в речевой цепи в соответствии с их функционально-стилевым фактором и фактором нормированности. Объективное существование стилесем, сопутствующих семантике слова, определяется либо по словарным пометам, либо по признаку — стилистическая правильность (неправильность) высказываний. Так, например, стилистически неправильными являются следующие предложения: рус. *Графьяна хлебаца ци с аннетумом*; англ. *He commenced to scratch his back*; нем. *«Neigen Sie Ihr Haapf»* (обращение парикмахера к рядовому клиенту).

Во всех приведенных примерах нарушены факторы функционально-стилевой нормированности: грамматически правильные высказывания являются стилистически неправильными — выделенные сочетания являются отклонениями от нормы и потому не могут стилистически согласовываться друг с другом. В 1-м и 2-м примерах различная стилистическая отнесенность слов, а в 3-м примере — ситуация (экстралингвистический фактор) налагают запрет на употребление (совстречаемость) выделенных единиц высказываний.

Несовпадение функционально-стилевых характеристик, составляющих аналогичные высказывания, как правило (если это не специальный стилистический прием, рассчитанный на определенный эффект) порождает нежелательный информационный шум (избыточность), препятствующий правильному декодированию интенции высказывания: «*Wie geht es Hirer Birne?*» (забота, шутка или оскорбление?)

Д) Прагматические семы, благодаря которым говорящий (пишущий) и слушающий (читающий) на одном и том же языке или на разных языках адекватно реализует фоновую (лингвострановедческую) информацию. Под последним понимается связь конкретного высказывания с культурным, историческим, политическим, этническим, социологическим и прочими идеозническими аспектами данного языка, составляющими его национальный колорит и формирующими его национальные стереотипы.

Без учета прагмем конкретного коммуникативного акта, например перевода, и без адекватного их декодирования реципиентом отсутствует так называемое информационное равенство, т. е. общая платформа, необходимая для общения. В результате нарушается динамическая эквивалентность информации текста оригинала и текста перевода. Например, патриотические чувства американца, когда он произносит фразу «*Old Glory*» (разговорное название государственного флага США), не вызывают адекватного сопереживания у представителя любой другой нации, даже если он знает значение этого устойчивого словосочетания. Это объясняется тем, что в его опыте отсутствует семантическая соотнесенность данной фразы с системой контекстов и норм американской культуры.

В структуре фоновой информации следует различать денотативные знания, необходимые для импрессивной речи, и коннотативные, необходимые для эмоционально-экспрессивной речи. Эти последние, формирующие так называемую суперлинейную семантическую значимость, и составляют наибольшую трудность для перевода, так как они чаще всего передаются не с помощью рационально-логического языка, а с помощью эмоционально-образного. Классическим примером значения коннотативной прагмемы для эмоционального сопереживания людей, принадлежащих к разным культурам и говорящих на разных языках, является рассказ А. А. Потемнина о греке, который пришел на берег моря и залел песню. А потом заплакал. Его попросили перевести слова песни. «Сидела птица, сидела, поднялась и полетела. Да-

леко-далеко», начал рассказывать он, затем он добавил: «По-русски ничего не выходит, а по-гречески очень жалко»³. Действительно, такой рационально-логический способ передачи содержания песни у иностранца не вызовет эмоционального сопереживания, его реакцию можно назвать нулевой. Необходимо знать как минимум следующие коннотативные прагемы этого содержания, чтобы понять слезы грека:

1. *Птица эта — Феникс, сжигаемая в огне и возрождающаяся из пепла, символ Родины для грека.*

2. *Песню поет грек-изгнанник на чужбине во время освободительной войны греков с турками.*

Но даже поняв грека, для того чтобы заплакать вместе с ним, надо быть на его месте. Эстетическая ценность трансляции греком содержания песни на русский язык практически равна нулю: этот перевод для русского человека не ассоциативен.

На идею передачи эстетической ценности перевода «работают» все коннотативные семы содержания оригинала: эмоциональные, экспрессивные, оценочные, стилистические и прагматические. Однако далеко не всегда можно найти их аналог или подыскать им адекватную замену в языке перевода. В таких случаях дается комментирование, осуществляемое в терминах логически-рациональной информации, что, тем не менее, не вполне адекватно эмоционально-образному содержанию.

Наблюдения показывают, что «особенное» и «единичное» в содержании текста оригинала и текста перевода реализуются преимущественно на коннотативном уровне перевода. Наибольшую сложность для понимания и адекватного восприятия при этом представляет личностный смысл эмотивного компонента, выступающий почти всегда в синтезе с оценочным и экспрессивным компонентом содержания текста и поэтому являющийся главным конституентами коннотативного уровня, его стержнем. Исходя из предложенной выше типологии сем коннотативного уровня, как можно предположить, становится понятным, что коннотативный компонент информации — это не некая вещь в себе, а принципиально познаваемое явление, которое в целях анализа может быть выделено дискретно или как варианты синтеза перечисленных сем в единицах различных уровней языка и речи.

Коннотативный компонент семантики может быть присущ системе, а не только синтагматике, он может быть одним из значений слова,

³ Пример заимствован из книги [Верещагин, Костомаров 1990].

лексико-семантическим вариантом (например, *poor, dear, swine*). Он может быть одним из имплицитных или эксплицитных семантических множителей (сем) значения (например: *that, some, notorious*) или единственным содержанием слова (*Oh! Hell! Damn! rotten, lovely*). В синтагматике коннотативный компонент значения, возникая в результате взаимодействия определенного контекста и ситуации, выступает как импликация: «*They took a little trip for a little weekend to a little cottage where they wrote little poem on a little theme*» (в данном случае — коннотация уничижения).

Следует различать направленность семантики коннотативного компонента (положительная – отрицательная), тип (любовь – уничижение, ирония, ненависть и пр.) и ее интенсивность (слабая, средняя, сильная).

Лексика и фразеология, имеющая в своем значении эксплицитно или имплицитно выраженную эмосему и ее сателлитов: апресему и экспресему в составе словаря, может быть объединена в лексико-семантическое поле «Эмоции и оценки», имеющее в качестве коррелирующего совокупного денотата (экстралингвистика) квалификативную сферу человеческой деятельности. Поскольку шкала эмоций является одной из общечеловеческих универсалий, такие поля, несомненно, существуют во всех языках. Другое дело, что их конфигурация и состав могут и должны различаться. Типологическое изучение, обобщение и описание этих полей лингвистикой окажет существенную помощь переводчикам в плане избавления переводов от коннотационных искажений.

Поскольку коннотативные семы А, Б, В могут быть семантическими параметрами некоторой части лексики и фразеологии любого языка, эти параметры должны быть отражены в лексикографическом справочнике, либо в дефиниции, либо в стилистической помете. В таком случае они обязательно будут учтены переводчиком при репрезентации в переводном тексте. С этой точки зрения проблема коннотативного компонента семантики языковой единицы и его локализации в словарных дефинициях становится объектом специальных исследований и лексикографов. Значительно сложнее дело обстоит с компонентом «Г». Задача создания би- и полилингвострановедческих словарей по-прежнему остается актуальной задачей современной лингвистической теории и практики.

Известно, что коннотативная информация наиболее активно по сравнению с другими семантическими компонентами сопротивляет-

ся передаче на иностранный язык из-за идеоэтнических различий языков. Так, например, средства и способы выражения одних и тех же эмоций в языках могут существенно различаться, поэтому переводчик фокусирует свое внимание не на соблюдении средств и способов, а на коммуникативной установке: направленности, типе, интенсивности эмотивного аспекта содержания подлинника. Как неоднократно отмечалось в переводческой литературе, тексты оригинала и перевода будут динамически эквивалентными, если будут адекватными не только интеллектуальные, но и эмоциональные реакции реципиентов текстов на них.

В качестве примера рассмотрим текста оригинала и его перевод:

О р и г и н а л: *Vozu den Leuten da unnötig Geld in den Hals schmeißen!*

П е р е в о д: *Чего ради отдавать ему лишние деньги!*

В предложении текста оригинала помимо денотативной информации содержится эксплицитная коннотативная информация, конституируемая стилесемой (разговорной окраской), эмосемой (эмоциональной окраской высказывания), апресемой (негативной оценкой факта информации), экспресемой (образной маркированностью, выразительностью). Этот «букет» сем содержится в немецком фразеологизме *In den Hals schmeißen* и в структуре высказывания.

При переводе информации, заключенной в немецком предложении, на русский язык сохранены стилесема (через разговорное сочетание «чего ради») и эмосема (восклицательный знак). Экспресема образности не передана вообще, а апресема негативности передана с меньшей степенью интенсивности, что вызывает нетождественные эмоциональные реакции реципиентов текстов оригинала и перевода. Рассмотрим другой пример.

О р и г и н а л: *Moved by this thought she paused and exclaimed: «Oh, isn't that just the classiest, darlingest little coat you ever saw!»*

П е р е в о д: *Взволнованная этой мыслью, она остановилась и воскликнула: «Ну, что за прелестный жакетик!»*

Контрастивный анализ информации, передаваемой английским и русским вариантами, показывает, что там, где речь идет о фактологической, т. е. денотативной информации (авторская ремарка), сравниваемые варианты эквивалентны, а в той части, где информация насыщена коннотациями (прямая речь), динамическая эквивалентность оригинала и перевода нарушена. Даже без скрупулезного анализа видно, что английский вариант более экспрессивен, чем русский: оформ-

ление эпитетов *class, darling* суперлативным суффиксом делает трехкомпонентное выражение положительной оценки неэквивалентным русскому эпитету «преlestный». Да и сама структура английского предложения (наличие усилителей *ever, just, isn't that*) более экспрессивна, чем его русский перевод. Таким образом, структурно-лексическое выражение эмоциональной оценки в тексте оригинала является более интенсивным, чем в переводе, и объективирует большую степень аффектации говорящего, чем это передано в русскоязычном варианте.

Различие в объеме и качестве коннотативной информации оригинала и перевода в обоих случаях составляет коннотативный остаток, из-за которого можно говорить лишь о соответствии предложения оригинала предложению перевода, но никак не об их динамической эквивалентности, так как эмоциональные реакции получателей этих предложений будут несколько различаться.

Таким образом, контрастивный анализ большого числа текстов переводов и оригиналов показывает следующее.

1. Корреляция этих текстов часто соответствует формуле: «то же, да не то же». По своей структурной формуле и по содержанию они варианты. Наибольшее варьирование наблюдается в плане коннотативной информации, так как коннотации наиболее трудны для перевода в силу идеоэтнических различий языков.

2. В связи с этим утверждение о принципиальной переводимости любого значения на иностранный язык, очевидно, можно распространить только на денотативные их компоненты. По причине коннотативных различий текстов оригинала и перевода их восприятие может быть относительно адекватным, но далеко не по всех случаях эквивалентным.

3. Традиционное противопоставление смысловой и эмоциональной информации, по нашему мнению, требует пересмотра, так как материалы контрастивного сопоставления содержания текстов оригинала и перевода позволяют отнести эмоциональную информацию к варианту смысловой. Осмысленный отбор тех или иных вербальных средств выражения эмоциональности в зависимости от коммуникативной интенции указывает на прохождение эмоций через сознание и, следовательно, на то, что эмоциональное может быть частью рационального. Поэтому эмоциональное и рациональное необходимо различать, а не противопоставлять, они не образуют бинарной оппозиции.

Изучение процесса передачи коннотативной информации с одного языка на другой (составление инвентаря средств выражения эмо-

тивно-субъективной оценки в каждом языке, установление системных связей между ними внутри каждого данного языка и между разными языками (типологический аспект), а также сведение полученных данных в специальные справочники для переводчиков) является далеко не маргинальной задачей переводоведения, лексикографии и методики обучения иностранным языкам.

§ 8. Идиоматика словных лингвокультурем

Эмоциональное сознание говорящего субъекта требует эмоциональной рефлексии и ее вербализации в лексических и фразеологических средствах языка. И те и другие могут быть идиоматическими, если они не семантизируются вообще или семантизируются коммуникативным партнером из другой культуры не полностью.

Компаративная методика изучения фразеологических коррелятов разных языков (например, русского, английского и немецкого) как языковых средств межкультурного эмоционального общения (в рационально-логическом общении фразеологические единицы, как правило, не употребляются, их введение в коммуникативный процесс уже свидетельствует об эмоциональной коммуникативной ситуации и о включении механизмов языковой игры) показывает, что лакунарными могут быть все семантические компоненты, характерные для фразеологических единиц в разных языках. Приведу несколько примеров:

cheap as dirt (очень дешевый) 'дешевле пареной пены';

get smth. out of one's blood (отрешиться от чего-либо) 'выбросить из головы';

be in (find oneself in, get into) the wrong box (быть (оказаться) в неловкой позиции) 'быть не в своей тарелке';

keep (wrap) smb in cotton wool (чрезмерно оберегать кого-то) 'держат кого-либо под стеклянным колпаком';

when pigs fly (никогда) 'когда рак на горе свистнет'.

Во всех этих и им подобных примерах расхождение в образах (внутренней форме) фразеологической единицы приводит к смысловым различиям в их эмотивной семантике, которые варьируют общую денотативную семантику и вызывают у межъязыковых коммуникантов различные эмоциональные ассоциации, обществуемые, однако, в пределах общего понимания денотативного смысла (ср. с мнением [Телия 1996]).

Аналогичные процессы наблюдаются и при сопоставлении русского, английского и немецкого фразеондов, например:

выпить ~ *заложить за воротник*; *to crack the bottle*; *ems zu legen*;
заянаться ~ *задрать нос*; *to grow too big for one's boots*; *die Nase em-
 gespannt*;

очень дорого заплатить за что-либо ~ *расплачиваться своей шкурой*;
to pay through the nose; *Haut zu Markte tragen*.

В этих фразеологических межкультурных параллелях при универсальности денотативного значения различны образы внутренней формы, которые вызывают в эмоциональном сознании говорящих на разных языках различные сопутствующие эмотивные смыслы (а это, как известно, — основа различных эстетических, экспрессивно-оценочных переживаний).

Сфера эмотивной фразеологии в межкультурной коммуникации — это в принципе сфера лингвокультурных лакун, связанных с эмотивной спецификацией национально-культурных образов, варьирующих семантику универсальных эмоций. Этот тезис справедлив и для многих словных эмотивов.

Категория эмотивности, которая проявляется в межъязыковом аспекте, позволяет расширить понимание фразеологии на уровне межкультурной дву- и многоязычной коммуникации. Собственный анализ проблемы трансляции эмотивных смыслов на иностранный язык [Шаховский 1996б: 138–152; 1998б: 58–69], а также анализ смыслов эмоциональных концептов А. Вежбицкой [1999: 306–404] позволяет утверждать, что *к эмотивной фразеологии может быть причислена и эмотивная, семантически непереводаемая лексика, идеоматическая для иной культуры*.

Примером такой фразеологической лексики выступает для европейской культуры номинат русского эмоционального концепта «*тоска*», который может быть передан во французском языке группой транслем, каждая из которых никак не соответствует смысловому содержанию русского слова *тоска* и его синонимам: *кручина*, *кручинушка*, *печаль*, *грусть*, *скука*, *томление*, *беспокойство* и др. Его словарный перевод *agnoisse* ближе к европейскому культурно-философскому понятию, которое в немецком языке обозначается словом *Angst*. Специальное исследование показывает, что во французском языке нет нужного слоеного или сочетабельного эквивалента и для трансляции его эмотивных смыслов на французскую лингвокультуру используются разные слова.

Е. В. Димитрова исследовала особенности перевода данного концепта, используемого в произведении Н. Бердяева «Самопознание», в котором имеется параграф под названием «Тоска». Во французском переводе этого произведения в каждом абзаце слово *тоска* транслируется по-разному. Это можно объяснить только тем, что эмотивное содержание этого русского слова прагматично для французов, и его отдельные конститутивные смыслы опредмечиваются в разных французских словах, совокупность которых методом сложения этих смыслов, возможно, и воссоздает эмоционально-смысловое поле русского слова [Димитрова 2001].

С этих позиций почти каждое слово, обозначающее не артефакты, а, например, универсальные или национально-культурные ценности (честность, порядочность, правдивость, уважение, забота, ответственность, мужество и др.), не могут иметь полного и адекватного набора эмотивных смыслов во всех языках. А. Вежбицкая продемонстрировала это на примере разных коллокаций английского слова *friendship* и русского слова *дружба*. Эти коллокации показывают, что практически все переводные словари являются в той или иной степени ложными друзьями переводчиков, так как они не дают представления об эмоциональных национально-культурных смысловых различиях. А это приводит к коммуникативным неудачам, помехам и провалам на уровне межкультурного общения, устного или письменного, реального или художественного. Именно этим фактом объясняются многочисленные переводы одного и того же художественного произведения на один и тот же иностранный язык как повторные попытки более точно трансляции эстетической информации, формирующейся идиоматическими эмотивными смыслами оригинала: например, *шагреновая кожа* — «кожа печали» у О. де Бальзака как конститuent семантики слова *тоска*).

Проиллюстрируем высказанные теоретические положения другим примером, сопоставив концепты «безделье» и «огорчение» и их репрезентации в русской и английской лингвокультурах. Заметим, что хотя оба концепта с разных аспектов представляют особенности поведение языковой личности (эмоциональная пассивность (*безделье*) и эмоциональная активность — переживание, внутренняя ретроспекция (*огорчение*)), оба они, в конечном счете, принадлежат к эмоциональной орбите языковой личности.

«Безделье» как концепт ассоциируется на уровне бытового сознания с нормативными отрицательными оценочными импликациями («и

это плохо»). Маска-типаж этого концепта оказывается эмоционально нагруженной. Этот факт свидетельствует о том, что в языковом сознании все концепты так или иначе сопряжены с оценкой, потому что все они антропоцентричны. «Оценивается то, что нужно (физически или духовно) человеку и человечеству. Оценка представляет человека как цель, на которую обращен мир». Эта цель всегда эмоциогенна. И потому так или иначе антропоцентрические концепты эмоционально маркированы и эмоционально мотивированы, даже если их внутренняя форма стерта и забыта в момент функционирования. Не зря среди лингвистов бытует мнение, что у каждого слова, соотносительно с определенным концептом, столько значений, сколько людей пользуется этим словом (имея в виду его смысловую полифонию в трактовке М. М. Бахтина).

Сопоставление языковых репрезентаций одного и того же эмоционального концепта в разных культурах, позволяет уяснить различия в его содержаниях. Это проявляется прежде всего в различных контекстах употребления и в различных сочетаемостях языковых знаков — «тел» одного и того же концепта. Сравним эти «тела» на примерке концепта *«безделье»* в русской и английской лингвокультурах: *гонять лодыря; лежать на печи; сидеть сложа руки (to sit on his hand); в решете воду носить (to carry water in a sieve (to plough the sand)); бить баклуши — to twiddle his thumbs; плевать в потолок; гонять ворон/собак; валять дурака (to let things glide); зрushi околачивать; ждать у моря погоды (to wait by the sea for the weather (to let the grass grow under one's feet)); налец о налец не ударить (not to strike one finger against another (not to raise/lift a finger)); делать ч.-л. снустя рукава (to do smth with one's sleeves lowered (to do smth. carelessly); without paying much attention to it; to fail to tend properly to; affairs; to do smth. in a slipshod manner).*

Почти все английские соответствия являются нефразеологическими версиями русских идиом и потому теряют в образности и эмоциональности (за исключением ФЕ *to twiddle his thumbs*). Уже по одному этому факту видно, что русский характер более эмоционален и вариативен, чем английский. Особенно важно заметить, что в русском менталитете безделье скрывается за многообразной имитацией активной (якобы!) деятельности по пустякам, осознанный смысл которой — «скрыть явное отсутствие цели действия».

Этот вывод подтверждают и многочисленные пословицы русского языка, отражающие русский менталитет во фрагменте «безделье»:

- *Мешай дело с бездельем, проживешь век с весельем;*
- *Трутни горазды на плутни;*
- *Из лука — не мы, из пицали — не мы, а зубы поскалить, язык почесать — против нас не устоять;*
- *Пошел черных кобелей набело переживать;*
- *Он состоит в комитете по утапыванию мостовой;*
- *Он служит за козла на конюшне;*
- *Пойду похожу, на добрых людей погляжу;*
- *Пойду погулять, на белый свет позевать;*
- *У него руки, вися, отболтались;*
- *Мух бить, меледу меледить, в лапоть звонить;*
- *Сидит Елеса, ноги свеса;*
- *Лежит на боку, да глядит за реку;*
- *Пилось бы да елось, да работа на ум не шла;*
- *Спишь, спишь, а отдохнуть некогда/не дадут;*
- *Ест руками, а работает брюхом;*
- *Дело не малина, в лето не опадет,*
- *Работа не волк, в лес не убежит;*
- *Работа не черт, в воду не уйдет;*
- *Дело не медведь, в лес не уйдет;*
- *У Бога дней впереди много, еще наработаемся;*
- *Лень мне и за ложку взяться, а не лень мне обедать;*
- *Хорошо на печи пахать, да заворачивать круто;*
- *Лежа на печи, прогладил кирпичи — и мн. др.*

Разумеется, что все эти, равно как и другие, пословицы русского языка (как вербальные тела концепта «безделье») отражают его многочисленные смысловые оттенки, отсутствующие в других лингвокультурах и создающие коммуникативные помехи в межъязыковой коммуникации.

Сравнение словарных дефиниций и вычленение семантических примитивов другого универсального для русской и английской лингвокультур концепта «огорчение» («distress») показывает, что и они не совпадают полностью:

<i>огорчение</i>	<i>distress</i>
– <i>неприятность, душевная боль</i>	– <i>great suffering of the mind or body</i>
(<i>причинить к.-л. огорчение</i>)	– <i>pain or great discomfort</i>
	– <i>suffering caused by lack of money</i>
	– <i>state of danger or great difficulty</i>

Толковый словарь русского языка в качестве примитивов для описания русского концепта «огорчение» называет такие операторы, как

«неприятность», «боль» (душевная), в то время как англичане под огорчением понимают значительно больший спектр эмоциональных реакций: «страдание», «боль» (как душевная, так и физическая), «дискомфорт», «опасность», «трудность», «переживания» (финансовые) и др. Отсюда явствует, что коммуникативные помехи в межъязыковой коммуникации просто неизбежны: мы общаемся друг с другом всего лишь на уровне значительной концептуальной нечеткости; степень аппроксимации в схеме «стимул – реакция» в каждом речевом акте каждый раз иная. Но, повторяю, речь идет всего лишь о коммуникативных помехах, а не о коммуникативных провалах, так как понимание (хотя и неполное) представителей разных лингвокультур всё же обеспечивается за счет некоторой общности самого концепта для обеих лингвокультур и универсальности его эмоционально-оценочного знака (индекса).

В терминах семантических примитивов А. Вежбицкой концепт «огорчение» раскладывается так:

Х чувствует что-то. Иногда человек думает примерно так:

Со мной происходит что-то плохое.

Я не хочу этого.

Поэтому я бы хотел что-нибудь сделать.

Я не знаю, что я могу сделать.

Я хочу, чтобы кто-нибудь что-нибудь сделал.

Поэтому этот человек чувствует что-то плохое.

Х чувствует что-то похожее.

Многу выделены оценочные, волитативные, сенсуальные предикаты этой интерпретации эмоционального концепта «огорчение». Думаю, что они являются достаточно типичными для обеих лингвокультур и именно благодаря им и осуществляется внутриязыковая и межъязыковая коммуникация языковых личностей и языковых обществ. Но А. Вежбицка права, когда утверждает, что сегодня пришло время для согласованных усилий лингвистов по выявлению общего набора понятий, лежащих в основе психологического единства человечества. Представления о таких понятиях кристаллизуются в языке эмоций — в эмотивной лексике, фразеологии, в эмотивном синтаксисе, в текстах малых форм — пословицах, поговорках, афоризмах. Снятая с этих языковых тел семантическая сетка формирует содержание соответствующих обыденных концептов — основы для речевого общения. Эта же смысловая сетка лежит и в основе невербального общения через музыку, живопись, балет и т. п., в которых, однако, «телами» смыс-

лов выступают иные по форме знаки. Таким образом, эмоциональный концепт является скрытой (непредметной) категорией, а язык (вербальный или авербальный) распредечает ее, овеществляет в различных «телах» — слове, звуке, жесте, образе и т. п., которые входят в лингвокультурные коды (более общие для искусства и несколько различные для языковых систем). Бесспорно, что образные основания, например, таких языковых «тел», как идиомы, подсказывают ходы к их культурной интерпретации. Бесспорно также, что содержание того/иного эмоционального концепта не имеет адекватного, одного и того же концептуального содержания у языковых знаков-коррелятов данного концепта. Это содержание распределяется между несколькими «телами», смыслы каждого из которых на межъязыковом уровне перераспределяются вновь по-иному, и так до бесконечности. А потому проблемой является то, какие именно факты, ассоциации и т. п. лежат в основе концептуализации (проблема мотивации концептов).

Смысловая полифония еще более варьирует концепт, делая межъязыковое общение проблемным, а перевод художественной литературы не таким уж «всевыразимым», как это утверждалось Дж. Сёрлем.

Рассмотрим еще один пример. Концепт «далеко» является, несомненно, универсальным. Однако если посмотреть на его вербализацию хотя бы в трех языках (русском, английском и узбекском), то можно увидеть, что этот концепт представлен в них разными идиомами. Например, в русском языке такими идиомами являются следующие: *у черта на куличках; за тридцать земель; куда Макар телят не гонял*. Все они объединены образом чужого пространства, неизвестного и отдаленного. Ни на одном из языков в таком составе семантических примитивов данный лингвокультурный образ передан быть не может, и, следовательно, в других лингвокультурах он имеет в качестве эквивалента специфическую лакуну. Нетрудно заметить, что и этот русский концепт эмоционально нагружен, что проявляется во время снятия семантической сетки с его вербализованных форм. Как отмечает В. Н. Телия, в узбекском языке фразеологическая вербализация этого концепта *у подножья горы Туплан, и там, откуда живым не возвращаются* актуализирует совсем иные эмоциональные образы-символы, не характерные для русской лингвокультуры.

Английский вариант концепта *far and near* ('далеко, насколько хватает глаз') вообще не имеет экспрессивно-образных соответствий и подчеркивает лишь прямолинейную отдаленность, правда, усиленную, но в то же время и ограниченную физическими возможностями

человеческого зрения. Русский язык оказывается фиксатором экспрессивно-эмоционального духа русской культуры даже в пределах этого концепта. Напомню, что А. Вежбицкая приводит много других языковых доказательств экспрессивно-эмоционального характера русского духа (обилие эмоционально-оценочных аффиксов, эмоциональной лексики, синонимов и стилистических вариантов нейтральных номинаций и мн. др.).

Резюмируя основные тезисы данного раздела работы, повторю, что эмотивность как семантическая категория языка является межъязыковым смыслообразующим феноменом. Этот феномен опредмечен в лингвокультурных разновидностях эмотивных знаков, которые в большинстве своем идиоматичны, эмоциогенны (эмоционально маркируют знания и смыслы, опредмеченные в них), должны входить в эмоциональную компетенцию межкультурных коммуникантов как эмоциональных языковых личностей.

Всё сказанное о категории эмотивности позволяет по-новому подойти к решению проблемы диалектики внутренней и внешней формы языка. Это позволяет рассматривать эмотивность в качестве основы для реконструкции содержания идиоматических единиц в полном объеме их семантики.

Полагаю, что в тезисе В. Н. Телия о едином методологическом основании анализа взаимодействия «языка культуры» с естественным языком в современной лингвокультурологии [Телия 1999: 19], семиотический подход к рассмотрению феномена культуры подразумевает эмотивную семиотику.

§ 9. Влияют ли заимствования на историческую судьбу России и русского языка?

Вопрос о языковых изменениях является традиционным для теоретической лингвистики (А. Мартине, О. Есперсен, Э. Косериу, И. А. Бодуэн де Куртенэ, А. А. Реформатский, В. Г. Гак и др.). Сегодня он приобретает особую актуальность в связи с общей тенденцией к демократизации языка, либерализации его норм [Крысин 2003; Костомаров 2005]. Активные процессы, которые происходят в системе современного русского языка, порождают опасения ученых и общественных деятелей: к прогрессу или упадку они ведут, к развитию или деградации языка? Английская исследовательница Дж. Эйтчисон в своей книге вновь подняла этот вопрос в связи с процессами глобализации

общества, появлением новых тенденций языкового развития, порождаемых взаимовлиянием культур [Aitchison 1985]. Наблюдая за изменениями в языке, на поставленный вопрос можно с уверенностью ответить следующее: даже негативные изменения в русском языке способствуют его прогрессу [Шаховский 2002].

В рамках лингвокультурологии эмоций, которую в первую очередь интересуют проблемы универсального и этноспецифичного в проявлении эмоций в языке и речи, существуют и другие, например, проблема интерпретации культурных концептов в контексте иной культуры и проблема влияния концептов одной культуры на сознание и эмоции представителей другой культуры.

Американизмы и их дериваты, входящие в пласт инноваций русского языка современного периода, активно используются не только в СМИ, но и в устном общении. Этот факт говорит об их высоком функциональном статусе. Уже одно это оправдывает повышенный интерес лингвистов к роли американизмов в русском языковом обществе и их влиянии на национальное сознание.

В связи с серьезной миграцией американских концептов и их именований в российское культурное пространство лингвисты выражают беспокойство по поводу их возможного негативного влияния на это пространство и возможное искажение системы ценностей. Однако анализ особенностей функционирования американизмов на лингвокультурном пространстве русского языка показывает, что они не оказывают серьезного влияния на его систему, а подчиняются этой системе и в фонетическом, и в словообразовательном, и в грамматическом, и в стилистическом аспектах. А подчинившись, американизмы, под влиянием системных факторов русского языка, изменяются сами и семантически, и стилистически, и грамматически. В итоге меняются и контексты их употребления и, в большинстве случаев, русифицированные американизмы перестают полностью совпадать с их прототипами. Этим самым подтверждается мнение А. Мартине о том, что «в сущности, знаки любого языка образуют структуру *sui generis*, другими словами, они противопоставлены друг другу таким образом, что точных семантических соответствий между двумя различными языками обнаружить не удастся» [Мартине 1963: 524].

Объясняется это отчасти тем, что фонд этнических культурных концептов отражает когнитивный стиль мышления (*mental style*) нации. У русских и американских этносов эти фонды различны, отсюда различны и ментальные стили и их вербализация, что влияет на осо-

бенности адаптации содержания заимствованного концепта в русском культурном пространстве. Приведу простой пример: в США слово *business* изначально означает 'думать', 'изобретать', 'вертеться' и этим зарабатывать. В России же до недавнего времени это слово представляло разновидность культурного концепта «воровство» («спекуляция» — перепродать и наварить).

Великий русский язык не позволяет «пристегнуть себя» к американскому новоязу (*new speak*) (об этом см.: [Земская 1996]). Он его русифицирует, и с этих позиций американизация русского языка — всего лишь временный исторический этап в его деривации. Весьма показателен в этой связи пример использования русифицированной формы имени культурного концепта *tomahawk* (относящегося к фонду концептов американских индейцев) в окказиональном словообразовании. Культурный концепт *tomahawk*, вербализуемый в метафорической номинации типа *ракеты* во фразе «Клинтон дважды томагавкнул» (речь идет о карательной операции США против Ирака в сентябре 1996 г., а именно о двух залпах американскими ракетами системы «Томагавк» по целям в Багдаде; Советская Россия, № 103 от 5 сентября, с. 7), вне соответствующего фрейма и контекста будет непонятен в русской культуре. Русский дериват «*томагавкнуть*» является ярким примером эмотивной деривации по способу телескопии (*blending*): *томагавк* + *гавкать* (о собаке, рус.).

Та легкость, с которой некоторые американизмы проникают в функциональную систему русского языка, объясняется в большей степени экстралингвистическими факторами, например, социальной ситуацией в России: глубокий экономический, политический, духовный кризис не позволяет русскому языковому обществу целенаправленно заниматься языковым строительством. Эта стройка, как и все другие в сегодняшней России, заброшена: оградительные (правовые, моральные, эстетические) «шлюзы» опущены, «очистительные сооружения» разрушены, никто языковые вкусы русскоговорящих в данный период не формирует.

Замечено, что под влиянием американизмов происходит некоторое изменение речи у русских элитарных языковых личностей. Так, в речи журналистов и ТВ-комментаторов исчезает такая особенность русского языка, как отчество, появляется несвойственная русскому языку восходящая интонация в конце повествовательных предложений и др. Но как бы ни велико было количество таких транскалаций, их употребление изначально ограничено разбиением по социально-

профессиональным сферам; политики, экономисты, компьютерщики, лингвисты, журналисты и другие социальные группы являются только частью русского языкового общества.

Другими словами, билингвизма в таких случаях не наблюдается, а дальнейшее влияние американизмов на ход языкового изменения определяется не потребностями русского языка, а совокупностью неструктурных факторов: например, незначительной длительностью американо-русского контакта, относительно малым количеством говорящих на взаимодействующих языках. Поэтому рассматриваемые транскаляции идут в основном в ограниченном групповом, а чаще в разрозненно индивидуальном копировании американизмов, что уже отмечалось в отечественной лингвистической литературе.

Напомним, что на русский язык уже было несколько инвазий немецкого и французского языков, следы которых находим лишь в художественной литературе и в мизерном количестве в словарном фонде русского языка. Русский язык выстоял в прошлые исторические эпохи и, без сомнения, выстоит и сейчас: он останется самим собой, слегка вобрав в себя лишь некоторые инновации, необходимые для его функционирования. Напомним, что в любом современном языке можно обнаружить следы ксеноязычного влияния. Этот общеизвестный факт позволил лингвистам (например, Г. Шухардту) говорить о смешанном характере всех языков мира. Однако следует отметить, что в языке каждого сообщества хранятся этнокогнитивные данные о специфике историко-культурных традиций каждого народа.

В связи с этим очевидным является тот факт, что овладение чужим (иностраным) языком невозможно без изучения культурных концептов иноязычной общности, включающих концепты языка, историю, традицию, гештальты, символы, мифы, которые и формируют этнические характеристики языка: лексическую (денотативную, коннотативную) безэквивалентность, фоновые различия (лексические, стилистические и психологические: ассоциативные, эмоциональные), его идиоматичность, специфику внутренней формы языка (по В. фон Гумбольдту), создающую национально-культурное своеобразие языков и речевого поведения их носителей. А различие в культурных концептах задает различие и в стилистике (а)вербального поведения этих носителей (см.: [Этнические стереотипы поведения 1985; Национально-культурная специфика речевого поведения 1977; Lado 1968]).

Как видно из имеющихся в нашем распоряжении материалов, это мнение справедливо и по отношению к семантически близким словам

в языке-источнике и языке-рецепторе. Этот факт — мощный аргумент в пользу силы системы русского языка, принимающей американизмы в изобилии, но подчиняющей их своим нормам и законам функционирования.

Обилие американизмов в лексиконе современного русского языка является фактом, который лингвисты должны признать не как порчу русского языка и национального культурного сознания, не как лингвистическую диверсию и не как лингвицид, а как естественный результат открытости русской лингвокультуры к социальному межкультурному взаимодействию.

Глава 3

ЭМОЦИИ В ИГРОВОМ КОММУНИКАТИВНОМ ПРОСТРАНСТВЕ

§ 1. Эмоции и коммуникативное игровое пространство языка

В лингвокультурологической парадигме современной науки проблемы «Игра и культура», «Игра и язык», «Язык и общество» оказываются тесно взаимодействующими и находящимися в центре внимания многих ученых.

Игра вообще (не только языковая) — одно из самых серьезных занятий, на которые только способен человек, ибо она находится в самом основании человеческого бытия. С ее помощью человек обретает новые смыслы в жизни и расширяет свое жизненное пространство [Шинкаренко 2003].

Определение понятия «языковая игра» находится в настоящее время в стадии разработки [Береговская 1999; Гридина 1996; Новикова 2000; Санников 1999; Пищальникова 2000; 2002; Шаховский 2005 и др.]. Этот процесс подробно рассмотрен в диссертации Е. Ф. Болдаревой [2002]. В этой работе языковая игра понимается как варьирование плана выражения и плана содержания языковых знаков вплоть до нарушения норм на разных уровнях языка с целью самовыражения, эмоционального воздействия на адресата и для получения гедонистического эффекта (т. е. эффекта удовольствия) от языковой импровизации.

Среди различных форм языковой игры как разновидности речетворчества выделены нонсенсы, пародии, парадоксы, анекдоты, шутки, палиндромы, заумь, каламбуры, интертекстуальная импликация и многие другие явления. Многообразие способов игры с языковыми знаками, эмотивными смыслами, использование фоносемантики, эмотивного словообразования, межъязыковой и внутриязыковой омофонии и возможностей языковых единиц различных уровней свидетельствует о широком распространении языковой игры в экспрессивной, манипулятивной и карнавальской (по М. М. Бахтину) функции. Мотивом всех этих случаев лингвопластики являются эмоции играющего с языком.

Языковая игра является одной из ведущих категорий эмоциональной коммуникации, которая в эпоху демократизации и либерализации отражает социальную свободу языкового сознания представителей различных лингвокультурных сообществ (русского, немецкого, английского, американского и др.). В основе языковой игры лежат эмоциональные категориальные ситуации и ситуации, мотивирующие появление эмоций языковой личности, которые находят выражение в разнообразных формах речевого поведения.

Через языковую игру реализуются лингвокреативные потенции Homo loquens, адаптирующего речевое поведение к эмоциональным контекстам общения. Языковые игры осуществляются внутри эмоциональной рамки высказывания, стартовой границей которой является эмоциональный мотив продуцента, а финальной — эмоциональный коммуникативный эффект: гедонистический для продуцента и, как правило, комический для реципиента. При этом реципиентом может быть как непосредственный (прямой) адресат, так и косвенный (то есть наблюдатель, слушающий, не адресат). Естественно, коммуникативные эффекты языковой игры у наблюдателей при этом могут не совпадать с заданными говорящим интенциями, если фоновые знания, объединяющие продуцента и реципиента, закрыты для наблюдателя.

Попробуем представить аргументацию для подтверждения данного тезиса через малоизвестные и малоизученные языковые формы. К их числу, по нашим наблюдениям, относятся следующие.

1. Межъязыковая омофония:

He lykком shit; семь bed — один ответ; береги chest с молодю; чем дальше в less, тем больше drove; walk в овечьей шкуре etc.

2. Концептуальные бленды:

Why God won't get tenure.

Only published one book.

It was in Herbew.

It had no references.

He did not published it in referenced journals.

Some doubt he even wrote it Himself.

He is not known for his cooperative work.

Sure, He created the world, but what has He done lately?

He did not get permission from any review board to work with human subjects.

When one experiment went awry, He tried to cover it up by drowning all the subjects.

When sample subject do not behave as predicted, He deletes the whole sample.

He rarely comes to class — just tells his student to read the Book.

It is rumored that He sometimes lets His Son teach the class.

Although He only has 10 requirements, His students often fail his tests.

He expelled His first two students for learning.

His office hours were infrequent and usually held on a mountain top.

Примером концептуальной языковой игры на текстовом и гипертекстовом уровне является, например, творчество В. Пелевина (см. «Пустота», «Омон РА», «Жизнь насекомых» и др.), Дж. Оруэлла («1984»), московских поэтов-концептуалистов: Д. А. Пригова, Л. С. Рубинштейна, Т. Кибирова и др.

3. Лексические бленды:

clousy: it was a clousy day (cloudy + lousy);

drismal (drizzy + dismal);

slore (slut + whore);

spotch (spot + blotch);

stampled (stamped + trampled);

stummy (stomach + dummy);

хруцать (хрюкать + пицать).

4. Синтаксические бленды:

no two doubts about it (no two ways about it + no doubt about it);

they are different as black and night (black and white, day and night);

I don't have my ear to the pulse (ear to the ground + finger on the pulse).

5. М а л а п р о п и з м ы (замена похожих по произношению слов и звуков):

He's been having sexual problems. His wife says he's impudent (impotent);

stud missiles (scud);

that got my dandruff up (kander);

My brain is clogged (drain);

A religious profession (procession);

Transcendental medication (meditation).

Замена одного единственного звука, по ошибке или намеренно, вызывает подмену слова и создает юмористический эффект. Дж. Эйт-

чисон дает такое объяснение этому феномену, моделирующему мал-апропизмы как вид языковой игры: «Слова группируются в ментальном лексиконе человека по признаку схожего начального, конечного звука и схожего ритмического паттерна» [Aitchison 1985: 127].

6. Опускание одного из двух идущих друг за другом одинаковых слогов:

stupidiot (stupid + idiot);
administrivia (administrative trivia).

7. Звуковая транспозиция:

tootie — good shoes вместо *goody two shoes*.

8. Фонетическое взаимовлияние двух слов/фраз:

radiar (radio + radar);
indivincible (invincible + indivisible);
petranoid (petrified + paranoid);
she has some sour gripes about that (some gripes + sour gripes);
beating a deadbush (beating a dead horse + beating around the bush);

9. Антитранскрипция (субституция сегмента, омофоничного названию определенной буквы, соответствующей буквой):

X-treme (слоган жевательной резинки);
Xplod (от explored 'проверено').

10. Графические преобразования:

КУЛЬТ-ура или бескультурье? (заголовок критической статьи о культурных портретах ВВП как признак верноподданничества и насаждения его культа);

ПроСочись на MTV (выиграй поездку в Сочи);
Fантастическая экзотика.

То, что приведенные выше и все остальные случаи языковой игры не являются оговорками или языковыми ошибками, указывает на их намеренное использование в целях эмоциональной разрядки, экспрессивизации общения и для развлечения. Конечно, возможны случаи оговорок или графических описок, приводящие к появлению незапланированного комического эффекта у наблюдателя, однако эти случаи не являются примером языковой игры автора с языком. Но если потом, осознав факт ошибки, он с удовольствием повторяет ее и в других случаях, ожидая того же эмоционального эффекта, то ошибка превращается в факт языковой игры. Механизмы такого процесса описа-

ны в рассказе Питера Флеминга «Advice to the Readers». В этом рассказе описан эпизод сочинения оды королеве Уэссекской. В процессе ее переписывания монахи допустили ошибку и «вместо того, чтобы взять чистую овчину и начать переписывать заново, они нарочно оставили опisku в тексте» (P. Fleming): монахи записали слово *byngorlichthan* (свистилень) как *byngorlochthan* (змеюра или дряжь). Описка, из-за которой можно было бы подумать, что параллель проводится между королевой и дряжью, делала всю оду не только бессмысленной, но и непристойной.

Однако переписчики нашли эту опisku очень смешной и в дальнейшем они «вовсю строчили» комические стихи и «очерки по случаю». Так в английской литературе появилось течение — юмористическое писание. Рассказ — это, конечно, не научное исследование, но он в фабульной форме представил такой вид языковой игры, как спунеризм.

Смысл спунеризма заключается в «случайной» замене начальных звуков или других частей у двух и более слов: «*a cat popped on its drawers*» вместо «*a cat dropped on its paws*»; «*cattleships and bruisers*» вместо «*battleships and cruisers*»; «*kisstomary to cuss the bride*» вместо «*cussomary to kiss the bride*»; «*well boiled icycle*» вместо «*well oiled bycycle*»; «*town drain*» вместо «*down train*»; «*a blushing crow*» вместо «*a crushing blow*»; «*my wife is stealing at the doors*» вместо «*my wife is dealing at the store*», etc.

Все эти примеры иллюстрируют комичность таких описок, их эмотивность и их несомненную нарочитость, намеренность. Следовательно, их порождение имеет когнитивно-эмотивную основу.

Особый случай языковой игры встречается в речи взрослых людей при их общении с детьми: фонетическая структура слов в русском и в английском языке в таких эмотивных дискурсах радикально меняется, создаются несуществующие в системе языка слова и словосочетания, абсурдная интонация. Попутно замечу, что детский вариант языка (как языковая игра взрослых) используется не только в общении взрослых с детьми, но и в их общении с животными, друг с другом в эмотивно-интимном дискурсе.

Языковая игра в форме «*speech disguise*» (секретный язык) — это тоже варьирование языка на всех уровнях. Такая языковая игра особенно хорошо изучена в сфере жаргона, аргю, блатной лексики (большой выбор соответствующих словарей тому свидетельство), например:

- Травка, трип-салон, клизматрон, транки* [СМЖ: 71];
КПСС Мир (Кто правит Советским Союзом? Миша и Рая); Красив до безобразия; Ля-ля-ля, три рубля [ЖР: 78, 89];
Blue nose certificate (запись в послужных списках о прохождении службы в условиях Крайнего Севера) [Судзиловский 1973: 88];
sandrat (окопник) [Судзиловский 1973: 161];
курдюнка (часть лица, включающая нос, зубы и щеки) [Флегон 1973: 337].

Среди детей, как русских, так и англоговорящих, широко распространены такие языковые игры, как *backslang* (обратный сленг, это означает, что слова воспроизводятся наоборот: *esuam*): в *Beggy-peggy* и *Pig Latin* дети добавляют к слову определенные, по договоренности друг с другом, слоги вначале, в середине или в конце слова и тем самым изменяют морфологическую структуру слова до неузнаваемости для непосвященных в их секрет. Удовольствие от такой игры непередаваемое.

Еще одним экзотическим видом языковой игры является палиндром, т. е. слово, фраза или стих, имеющие одинаковый смысл при чтении слева направо и справа налево (от греч. *palindromed* 'бегу назад') [Розенталь, Теленкова 1985: 87].

Этот вид языковой игры основан также на эмоциональных мотивах, но в данном случае подчеркнута структурно-семантическая симметрия палиндромного языка. «Вектор симметрии микроструктур в палиндроме определяющий. Он равновелик по своей силе и сумме всех векторов, в которых "заложены" законы языков» [Бубнов 1997: 8]. Разновидностью палиндрома является «оборотень», т. е. такое слово, фраза или текст, при обратном чтении которого эксплицируется тайный, как правило, аполитичный или явно критический смысл, например «*На Ритке снег*» — «*Генсек — тиран*» (К. Федин).

А. В. Бубновым составлена миниантология русского палиндрома, которая охватывает круг тем, образов, стилей и авторов [Бубнов 1997: 8–9]: *Я иду с мечем судия* (Г. Державин); *идем, молод, долом меди!* (В. Кирсанов); *я вижу бабу — жив я!* (А. Соснора); *дорого небо, да надобен огород* (Д. Авалиони). Примером палиндрома из английского языка может служить следующий: *Sex at noon taxes*. Некоторые из палиндромических построений являются примером лингвистической вольности, шаловства, равно как и лингвистической зауми (*немтичей и немечей зовет взыскущий суцел*), и лингвистического нонсенса («неотмеченные предложения»: *All animals are equal, but some of them are more equal than others* (Orwell); *вдруг из-под собаки лают ворота*;

...he sang his didn't he danced his did... (Cummings)). Все нонсены построены по принципу языковых нарушений, селективных, сочетаемых, логико-семантических коммуникативных несовместимостей, приводящих к семантической «невменяемости» и указывающих на «разорванное мышление» авторов нонсенсных речем.

Как отмечают исследователи нонсенса [Береговская 1999; Лисоченко 2000; Новикова 2000], нонсенс существует внутри лингвистического знака и в нонсенсе всегда отсутствует конвенциональное значение (*...noon and anyone earth by april/wish by spirit and if by yes...* (Cummings)). Примером нонсенса-текста является известная сказка Л. Петрушевской «Пуськи бятые», которая, как и все другие нонсенсы (в отличие от зауми, которая вообще не поддается никакой интерпретации), может быть проинтерпретирована за счет прошлого опыта адресатов и их ассоциаций, входящих в лингвистическую компетенцию как основу языковой интуиции.

Считаю своей современной мыслью коллеги А. Г. Баранова о том, что «назрела необходимость синтеза концептуального аппарата речевых жанров и языковых игр в единую теорию текстовой деятельности» [Баранов 1999: 10]. Фактически надо констатировать, что исследования языковой игры (игры с языком), смысловых игр (игр со смыслами) охватывают уже неопределенное множество ее сфер, что имеется особый тип коммуникации — игровой, что в любом коммуникативном акте существует установка на ту или иную разновидность языковой игры. Прав и Г. И. Богин, когда задает риторический вопрос: «Но где еще можно напридумывать столько смыслов, сколько их можно придумать в игре!» [Богин 1999: 58].

Современные молодежные хиты — тому яркое доказательство: *ее глаза — два алмаза, три карата; твоя раскосая улыбка в бархатном купается вине; — Подождем мою маму? — Подождем (,) твою мать и др.*

Бесконечная смысловая эмотивная валентность языковых знаков четко просматривается в многочисленных речемах Н. Фоменко на «Русском радио»:

– трансформированные пословицы: *не имей 100 рублей, а имей 100 баксов; долг платежом страшен; папуас папуасу — друг, товарищ и корм; и каламбуры: «Проваливай!» — буркнул студент экзаменатору; Дай Бог, черт возьми! Женщины бывают полные и пустые;*

– парадоксы: *один мальчик женился на старушке, а когда он умер, ей досталось все его состояние; жизнь коротка — потерпим немножко; новая, еще пахнущая нафталином мысль;*

– реминисценции: *все пчелы прилетели с медом, а одна такая маленькая и вредная — с дегтем; место клизмы изменить нельзя — I-я серия; наши пестициды самые пестицидные пестициды в мире;*

– слообразовательное балагурство: *на ногах ногти, на руках — рукти; если есть сексбомбы, значит должны быть и сексубежища; меняю электропроигрыватель на электровыигрыватель;*

– подмена букв (спунеризм): *обещанного три гада ждут; ни пука, ни пера; видно птицу по помету;*

– эффект обманутого ожидания: *Что же Вы так убиваетесь? Вы же так не убьетесь!; Меняю сорокалетнюю жену на двух двадцатилетних в разных районах и др.*

Синтез речевых опытов Н. Фоменко показывает, что в них используются практически все способы и средства языковой игры, вплоть до вульгаризации и опошления исходных базовых смыслов. Думается, приведенное здесь языковое творчество Н. Фоменко полностью подтверждает слова И. Хёйзинги о сущности игры: «Игра — свободная деятельность, представляющая собой некоторое излишество по отношению к обыденным функциям человека. Вместе с тем, она украшает жизнь, дополняет ее и вследствие этого является необходимой» [Хёйзинга 1987: 17–19].

Б. Ю. Норман в предисловии к книге «Лингвисты шутят» отмечает, что «игра для человека — не просто отдых и развлечение, это интеллектуальная разрядка и одновременно тренинг: играющий как бы примеряет к себе разные роли и маски, вырабатывает определенные навыки и мнения, которые могут ему в жизни пригодиться» [Норман 2000: 7].

Фактически надо признать, что все без исключения стилистические средства и приемы — конституенты языковой игры и что практически вся речевая деятельность *homo sentiens* — суть его языковая игра. В большей или меньшей степени мы выбираем, в зависимости от контекста общения, различные языковые знаки, стилистические приемы и средства и сочетаем их по-разному. Язык мыслей и язык слов ни у кого не совпадает — это является онтологическим основанием коммуникативности языковой игры изначально. Отсюда я делаю вывод: всё говорение *Homo loquens* — игра, более или менее искус-

ная, в той или иной степени явная и эффективная. Вся художественная литература, и особенно поэзия, — в некоторой степени языковая игра. Крайними случаями в их ряду являются, возможно, «Алиса в стране чудес», «Винни Пух», произведения упоминавшихся выше В. Пелевина и В. Хлебникова.

Многие, если не все, эмотивные новообразования (начиная с «*глохой куздры*») являются плодом языковой игры (*five-o-clockish, unkissable, bull of a man, talking glass, whyness, nemerбургеры*). Весь коннотативный пласт языка — результат игры смыслов на данном языке. Языковая игра является универсальным речемыслительным процессом, который реализует креативное мышление человека. Я полностью согласен с проф. В. А. Пищальниковой, которая пишет: «То, что называется языковой игрой, — отнюдь не отступление от закономерностей существования языка. Напротив, это один из древнейших механизмов существования языковой способности как неосознаваемого владения единицами и структурами языка. Языковые механизмы заставляют носителя языка обнаружить модельную аналогию неконвенционального характера. И в этом, кстати, одно из проявлений регулирующей суггестивной функции языка» [Пищальникова 2002: 111].

Итак, суммируем некоторые выводы:

1. Языковая игра — это особый вид речевого поведения *homo ludens*. Основано оно на моделировании и декодировании лингвистического кода в пределах норм данного языка.

2. Стратегия языковой игры ориентирована на достижение комического или гедонистического эффекта.

3. Реальность, именуемая языковой игрой, является варьированием когнитивно-эмотивных смыслов на огромном игровом пространстве данного языка.

4. Она свойственна в большей или меньшей степени любой языковой личности, но проявляется только в эмоциональной коммуникативной ситуации. Это объясняется тем, что языковая игра — биологическая целесообразность адаптивной функции языка.

5. В любом коммуникативном акте существует игровая установка и в этом плане можно говорить об игровой коммуникации.

6. Языковая игра входит в сферу стилистики эмоционального общения, так как ее энергетическим мотивом является эмоция *homo sentiens*.

7. Существуют стандарты и штампы языковой игры, которые воспроизводятся индивидуально и могут варьироваться.

Всё вышеизложенное позволяет утверждать, что языковая игра занимает большое место в эмотивных речевых актах и дальнейшие ее исследования будут расширять наши знания об эмотивных потенциях языка и коммуникативного поведения.

§ 2. Эмоциональный интеллект в языковой игре

Под эмотивным кодом языка современная эмоциология (эмотиология) понимает семиотическую систему корреляций между психическими состояниями (эмоциями) коммуникантов и их концептуализацией (семантизацией, вербальными упаковками, т. е. оязыковлением). Наличие эмотивного кода во всех живых языках подтверждается эмоциональной сущностью *Homo loquens*: человеком движет не сознание, не рациональность, а эмоция. Примеров тому множество — но модель поведения одна и та же: человек (осо)знает, что правильно, а что неправильно, но поступает за счет эмоционального решения часто именно неправильно: курить вредно, но курит; гимнастику делать полезно, но не делает; воровать, убивать нельзя, но...

Основываясь на теории универсальных глубинных структур языка Н. Хомского, мы предполагаем, что способность к языковой игре является одной из *a blue print for language*. По Н. Хомскому, дети с рождения владеют глубинными грамматическими структурами, как ходьбой (если они физически и ментально полноценны). При этом практика показывает, что эти структуры универсальны для всех или, по крайней мере, для большинства языков в области грамматики. Свидетельством этого предположения является тот факт, что дети могут изучить любой неродной язык, а также тот факт, что, не зная правил и даже не подозревая об их существовании, дети уже до обучения в целом правильно говорят [Farb 1993: 280]. А тот факт, что у детей разных лингвокультурных сообществ долгое время превалирует эмоционально-образное мышление в восприятии мира и себя в этом мире (что выражается в соответствующей лексике, грамматике и интонации) говорит об эмоциональной доминанте врожденных глубинных структур как компоненте врожденного эмоционального интеллекта человека [Goleman 1997]. Этот интеллект остается с человеком на всю жизнь, только его эмоциональная доминанта с возрастом ослабевает и у разных людей она либо уравнивается с рациональным компонентом интеллекта, либо уступает ему, либо продолжает превалировать, но со значительно меньшей долей по сравнению с детским возрастом.

Центральная роль эмоций в человеческой психике доказывается и тем, что интеллект никогда не остается один на один без эмоций (см. часть I данной работы [Goleman 1997]). Это последнее, в свою очередь, проявляется в том, что коммуникативная компетенция в качестве одного из важнейших ее компонентов включает эмоциональную/эмотивную компетенцию [Шаховский 2002б]. Поскольку нормальное общение в любом случае предполагает определенный интеллект, а общение без эмоций невозможно, то справедлив вывод о существовании эмоционального интеллекта как базы эмотивной/эмоциональной компетенции: *Heart Start is the emotional equivalent of the Head Start* [Goleman 1997: 195]. Попробуем прокартировать ее мозаику.

Эмоциональная компетенция включает: у м е н и е Homo Sentiens осознать свои эмоции и выразить их; у м е н и е видеть связь между своими и чужими мыслями, эмоциями и поступками; з н а н и е социальных правил эмоционального поведения и реагирования (чем обширней у человека выбор реакций на конкретную свою/чужую эмоцию, тем богаче его эмоциональная жизнь); з н а н и е способов/приемов управления своими/чужими эмоциями, их экспрессией, симулированием, имитацией, сокрытием; з н а н и е основного словаря их номинаций (по крайней мере, наиболее часто переживаемых эмоций); у м е н и е опознавать их в себе и в других, а также понимать их, их причины и, особенно, последствия; у м е н и е балансировать между уважением различий в эмоциональном поведении людей (каждый имеет право на свой эмоциональный дейксис [Шаховский, Жура 2002], на свое собственное проявление эмоций) и стремлением к сокрытию/замене травмирующих партнера эмоций; з н а н и е методов руководства эмоциональным обменом; з н а н и е средств и способов вербализации эмоций (номинации, экспрессии и дескрипции): чем богаче это знание, тем богаче стилистика эмоционального общения, чем больше коммуникативных возможностей избежать, разрешить конфликты, тем выше потенция айкидо, т. е. искусство примирения Homo sentiens.

Данный перечень знаний и умений, конституирующий эмоциональную/эмотивную компетенцию человека говорящего и чувствующего, естественно, далеко не исчерпывающий, но он достаточно полно представляет, что необходимо для адекватного внутрикультурного эмоционального общения. Её межкультурная дифференциация значительно усложняет правила эмоционального общения и эмоциональных референций, поэтому коммуникантов необходимо научать этим правилам, как внешним знаниям, в отличие от внутрикультурного об-

щения, которому человек, в большей степени, научается сам — как воспитанник внутрисоциального контекста (см. об этом (Шаховский 2002а, б)).

Приведенный перечень составляющих эмотивной/эмоциональной компетенции доказывает, что эмоциональная жизнь человека связана с его интеллектом и что эмоции интеллектуальны. Именно поэтому Д. Гоулман и пишет: «To be intelligent... puts emotions at the center of aptitudes for living» [Goleman 1997: xiii]. Все люди, вступающие друг с другом в социальные отношения, находятся в едином эмоциональном пространстве языка, вербального и невербального (Body language), через который у них вызываются разнообразные, осознаваемые ими эмоциональные изменения/заражения (положительные и отрицательные). Наличие эмоционального интеллекта подтверждает и огромное понятийное поле эмоциональной жизни человека, в котором эмоциональным являются: *мышление, картирование мира, благополучие, заражение, удовлетворение, восхищение, образование; эмоциональная: трансмиссия, привычка, цель, гармонизация, настойчивость, необходимость, интоксикация, грамотность, потенция, архитектура мозга, имитация, симуляция, дескрипция, экспрессия, номинация, поддержка, основа, память, дейксис, мозг, тональность, оценка* и т. д., в котором бывают эмоциональный кризис, беспорядок и т. д.

Уже только перечисленные термины и терминологические обозначения указывают на значительную роль эмоций в интеллекте человека. Д. Гоулман приводит общеизвестный факт в качестве аргумента данного тезиса: многие люди с высоким IQ беспомощны в сложных жизненных ситуациях, в то время как люди со средним IQ более успешно выходят из них. Всё дело, как считает Д. Гоулман, в эмоциональном интеллекте человека [ibid.: xii]. Каковы же ингредиенты эмоционального интеллекта человека? Частично они были отражены выше при рассмотрении компонентов эмоциональной/эмотивной компетенции.

Д. Гоулман считает, что эмоциональный интеллект зависит от взаимодействия между чувственностью, характером и моральными инстинктами человека. Психологами уже получено множество доказательств того, что фундаментальные принципы личности (*moral stances*) основываются на ее скрытых эмоциональных способностях. Это особенно заметно на таком параметре эмоционального интеллекта, как импульсивность, которая является медиумом эмоций. Способность контролировать свои эмоциональные импульсы есть свидетельство

воли и характера человека, т. е. его эмоционального интеллекта. Аналогично основой альтруизма является эмпатия, т. е. способность считывать эмоции других и сопереживать им. Если человек не способен почувствовать нужду или отчаяние другого человека, он не способен к заботе и вниманию [Goleman 1997: xii]. Уже только из этого анализа теоретических положений Д. Гоулмана видна тесная связь интеллекта и эмоций и то, что он постоянно маркирован эмоциями (положительными и отрицательными).

Другими ингредиентами эмоционального интеллекта, по мнению Д. Гоулмана, являются: самообладание, сострадание, гармония, увлеченность, энтузиазм. Выделяются эти ингредиенты эмоционального интеллекта косвенно, через их связь с когнитивной способностью человека с ранних лет его жизни, которые включают такие свойства, как доверие, любопытство (интерес), целеполагание, самоконтроль, нормальные взаимоотношения с другими людьми, коммуникативность [ibid.: 194].

Все эти составляющие интеллекта имеют эмоциональную базу и их вектор тоже эмоциональный: первый ингредиент ориентирован на помощь от других (как эмоциональное ожидание), второй основан на эмоциональном ожидании удовольствия от познания, третий связан с эмоциональным ожиданием успеха, четвертый — с чувством самоконтроля и его соответствия ситуации общения, пятый — с ожиданием понимания другими себя и других собой, шестой отражает эмоциональное ожидание удовольствия от вербального обмена идеями.

Этот перечень ингредиентов эмоционального интеллекта аргументирует неразрывную взаимосвязь Heart Start и Head Start в познании мира коммуникативной/языковой личностью. Другими словами в 1987 г. это выразил Фр. Данеш в своем тезисе о единстве когниции и эмоции, который многократно цитировался в работах отечественных специалистов по лингвистике эмоций.

А. де Сент-Экзюпери в «Маленьком принце» писал, что только сердцем человек видит правильно, ибо то, что существенно, как правило, не видно глазу. Поскольку понимание сердцем всё равно концептуализируется (осо-знается) и вербализуется, единство мыслей и чувств проходит через эмоциональный интеллект человека и получает экстернизацию в экспрессивных формах языковых единиц и текста.

Сама экспрессивная функция языка состоит из репрезентирующего адаптирующего компонентов (функций). Адаптирующая функция языка в последнее время, благодаря когнитивной методологии

лингвистических исследований, признается в качестве доминантной [Кравченко 2000]. На неразрывную связь экспрессивной, репрезентативной и адаптивной функций языка, равно как и многих других, указывает такая форма речевой деятельности, как языковая игра [Баранов 1999; Болдарева 2002; Гридина 1996; Пищальникова 2002; Санников 1999; Шаховский 2000а; 2000б; 2000в].

То, что языковая игра является формой выражения эмоций, не может вызывать сомнения, как и то, что она является особой формой этого выражения — высоко интеллектуальной. В ней наиболее явно ощущается проявление эмоционального интеллекта как (ре)продуцента языковой игры, так и ее реципиента. Для того чтобы построить речевую структуру языковой игры в одном из ее бесчисленных вариантов, необходима врожденная креативная способность, тонкое знание языка и его стилистики, лингвонациональнокультурных опор, составляющих его когнитивную базу, и, конечно же, умение декодировать эмотивный дискурс, в котором происходит игра с эмотивными смыслами [Шаховский 2000в].

На то, что языковая игра является когнитивным процессом, указывают и работы В. А. Пищальниковой. В своей новой работе этот автор рассматривает языковую игру с позиций психолингвиста как речесмыслопорождение, в основе которого находится различие «когнитивных структур формирующегося смысла и среды существования при соотношенности их с одним и тем же телом знака» [Пищальникова 2002: 73]. Она выделяет пять типов когнитивных структур, реализующих механизм языковой игры [там же: 74–75].

Типы и способы языковой игры описаны достаточно полно на материале русского языка В. З. Санниковым [1999]. Имеются попытки анализа лингвистической сущности языковой игры другими авторами [Баранов 1999; Гридина 1996]. Однако механизм языковой игры пока лингвистам не до конца ясен, и когнитивный подход В. А. Пищальниковой может оказаться плодотворным для экспликации внутренних механизмов языковой игры. Пока же филологи работают лишь с их внешним проявлением.

В предыдущем разделе книги я выделил десять форм языковой игры на основе: межъязыковой омофонии (*не лыком шит*), концептуальных [Оруэлл 1984], лексических (*clousy*), синтаксических (*no two doubts about it*) блендов; замены букв и звуков (малапропизмы), опущения слогов (*studiot*), фонетического взаимовлияния (*radiar образовано от radio + radar*), звуковой транспозиции (*tootie образовано от good*

shoes), антитранскрипции (*Xplod*), графических преобразований (*Fantastika*). В указанной работе В. А. Пищальниковой указано на пять ее видов (они выделяются только среди различных графических преобразований и могут рассматриваться как дальнейшая категоризация последнего типа). Кроме этого, к настоящему времени лингвистика эмоций накопила достаточный объем знаний о языковых кодах эмотивности [Шаховский 1988], о языковых средствах выражения эмоций [Палкин 2002; Харисов 2001 и др.], об их текстовой экспликации [Ионова 1998; Щирова 2002; Филимонова 2005 и др.], об их концептуализации [Апресян 1995а; Вежицкая 2001; Фомина 2006; Шаховский 2001 и др.], о психолингвистике эмоций [Винарская 2001; Мягкова 2002; 2001 и др.]. Эти исследования, безусловно, приближают нас к исследованию природы и внутренних механизмов языковой игры, но, тем не менее, следует сказать, что это явление еще находится в начальной стадии разработки. Как представляется, объединение когнитивного и эмотивного направлений в изучении феномена языковой игры способно принести существенные результаты, поэтому любые исследования языковой игры как формы проявления эмоций *Homo loquens/sentiens/ludens* добывают всё новые и новые знания для ее разработки.

На настоящий момент уже совершенно ясно, что языковая игра не является злокачественным нарушением языковых и речевых норм. Она — результат их оригинального, нестандартного варьирования на базе креативной компетенции коммуникантов в определенном эмотивном дискурсе. Я согласен с В. А. Пищальниковой в том, что языковая игра — «один из древнейших механизмов осуществления языковой способности как неосознаваемого владения единицами и структурами языка и порождения смыслов» [Пищальникова 2002: 73]. Картотека в две тысячи примеров языковой игры в русском, немецком и английском языках подтверждает и то, что каждый случай языковой игры останавливает экспликацию «становящегося смысла и новой неустойчиво-стабильной языковой структуры» [там же: 74]. Нередко такие смыслы всего лишь мерцающие. Так, в примере «*I could of // If I would of // But I shouldn't // So I doudn't*» (O. Nash) слово *doudn't* является изобретенным, смысл его мерцающий, что-то вроде «я не буду», «пусть-ки бьтые» Л. Петрушевской. Целый рассказ из таких изобретенных слов, подобно «глокой куздре» у Л. В. Щербы, можно найти у П. Фарба: *Furry jewelers create distressed stains* [Farb 1993: 280].

Такой вид языковой игры достаточно экстравагантен, поскольку не каждый реципиент готов расшифровать ее смыслы. В процессе ре-

чевого общения создание форм языковой игры и их дешифровка реципиентами представляется не всегда адекватной. Создание форм языковой игры осуществляется в рамках эмотивного кода данного языка (здесь не рассматривается межкультурный — иноязычный аспект этого явления, это отдельная проблема интерлингвистики). Коммуниканты среднего уровня IQ владеют, в основном, лишь денотативным кодом своего языка (на уровне предметно-логических, рациональных номинаций). Эмотивным кодом на уровне понимания языковой игры владеют языковые личности 4-го уровня коммуникативной компетентности (по Г. И. Богину). Эти языковые личности понимают, но сами порождают игровые тексты, высказывания или слова не способны. Вышшим, пятым уровнем эмоционального интеллекта (и эмоциональной компетенции, соответственно) обладают коммуниканты, которые не только понимают эмоциональные смыслы вербальных игровых форм, но и сами способны их порождать (Хлебников, Пелевин, Пригов, Глебов, Оруэлл, Задорнов, Nash, Cummings).

Поскольку при языковой игре происходит трансформация и денотата, и сигнификата и коннотата, а также когнитивных структур, то те же самые тела знаков получают в ней новую синергетику от ее продуцента, которую реципиент должен адекватно для себя означить и тем самым оживить. Только в этом случае происходит двусторонняя реализация гедонистической функции языковой игры.

Представляется возможным воспользоваться рассуждениями Л. Г. Васильева о том, как происходит понимание знака в рамках трансляционного плана, где содержанием для знака служит значение. Л. Г. Васильев пишет: «Значение служит мостиком для перехода к мыслительному уровню. Сначала реципиент обращается к референтной области сигнификата, где происходит распознавание объекта в целом, затем — к десигнативной конвенциональной части с определением общепонятных характеристик распознанного объекта. Далее процесс распознавания проходит по двум линиям. Во-первых, реципиент “вызывает” из памяти свои индивидуальные знания о данном объекте, формируя индивидуальное поле своего сигнификата и переводит его в операционный (трансляционный) план, соотнося его с образом тела знака и значением. Во-вторых, для того, чтобы декодировать индивидуальное поле сигнификата, реципиент сообщения должен обратиться к используемым отправителем сообщения кодировкам слова, высказывания и текста, которые отражают индивидуальное поле сигнификатов продуцента» [Васильев 1995: 15].

Эмотивная интрига языковых игр всех видов и форм как раз и заключается в модулировании между референтной областью сигнификата и денотативной конвенциональной частью (узнаваемой) и постигаемой (осмысляемой) реципиентом и продуцентом на уровне эмотивной динамической эквивалентности (т. е. при совпадении с максимальной аппроксимацией интенциональной и актуальной эмотивной прагматики языковой игры). Некоторые из «фоменкизмов» — яркий тому пример:

*В России — две беды. На одной из них я вчера женился.
Неправда, что у Кутузова не было глаза. Был у него глаз.
Любовь зла, а козлы этим пользуются.
Заслуженный артист без публики.*

*Столовые приборы — самые точные приборы в мире.
10 лет, которые потрясли мир (о президентстве Б. Ельцина).
Отрицательное обаяние новых русских (newrussianцы).*

Не дай себе просохнуть.

Зеленый змий — это «Спрайт»? (вопрос ребенка).

Недаром помнит вся Россия про день Бородина (о задержании П. Бородин в американском аэропорту).

Прости и ... пропусти (по песне И. Николаева «Прости и отпусти»).

Тематическая классификация языковых игр еще не создана, это перспективная область для дальнейших исследований лингвистов. Здесь можно лишь пунктирно обозначить игровые темы:

1) медицинская: *Мойте руки перед едой: помните, есть немытые руки опасно для здоровья;*

2) политическая: *Опрос общественного сомнения;*

3) криминальная: *Взяли с наличными;*

4) умственных способностей человека: *You may send a student to a college; but you cannot make him think;*

5) гендерных особенностей: *Мужчины способны на все, а женщины на все остальное; Если женщина молчит, то лучше не перебивай ее;*

6) профессиональные черты личности: *В искусстве шел по стопам великих, поэтому следов не оставил;*

7) любви: *Я душу дьяволу продам за ночь с тобой; У нее глаза — два брильянта, три карата;*

8) смерти (черный юмор): *It is not the cough //that'll carry you off. It is the coffin // That'll carry you off in; «Am I late?» — «Not you, sir. The Queen is, sir» (на похоронах английской королевы).*

Материал картотеки языковой игры показывает, что все сферы человеческой жизни могут подвергаться игровой номинации через ее языковую/речевую карнавализацию. Так, помимо названных тем в ней, несомненно, может присутствовать тема эротики, которая представлена и в русской, и в английской речевых лингвокультурах:

Неожиданно упал курс доллара. Вчера за него давали только в Рязани.

Ladies first → lady's first.

98 % военнослужащих мечтают попасть на гражданку. И только 2 % — на гражданина.

Судя по Камасутре, безвыходных положений не бывает.

Трусливые трусов не надевают.

Конец — телу венец.

Плох тот солдат, который не мечтает спать с генералом.

Не все то солнышко, что встает.

Если есть сексбомбы, то должны быть и сексубежища.

Петя идет на митинг, а Митя — на петтинг.

Какая же у Мэри попписи!

Библейская тема также является объектом отражения в языковой игре. Например, смысловому и языковому обыгрыванию эта тема подверглась в «Евангелии от Митьков» («Житие великого Митька Иисуса по кликухе Христос и о том, как он тащился и как его замочили враги»). Приведу фрагмент главы 1:

Вначале было все до фени.

И до фени было Богу.

И до фени был всем Бог.

В одном из концептуальных блендов (как вида языковой игры) легко опознаются 15 библейских аллюзий, объясняющих, почему Богу не дали теньюру (не определили срока пребывания в должности). На английском языке этот пример приводился в [Шаховский 2002в]. Ниже приводится его вариант на немецком языке:

1. Hat nur ein Buch veroeffentlicht.

2. Es war auf Hebraeisch geschrieben.

3. Es enthielt keine Quellenangaben.

4. Er hat es nicht in renommierten Fachzeitschriften publiziert.

5. Es gibt Zweifel, dass Er es selbst geschrieben hat.

6. Er es nicht gerade bekannt fuer kooperatives Verhalten.

7. Sicher, Er hat die Welt erschaffen, aber was hat Er in letzter Zeit getan?

8. Er hat von keinem Gutachterausschuss die Erlaubnis erhalten, menschliche

Versuchspersonen zu verwenden.

9. *Als ein Experiment schiefging, hat Er versucht das zu verbergen, indem er alle Versuchspersonen ertrinken liess.*

10. *Wenn sich ausgewaehlte Testpersonen nicht so verhalten, wie vorhergesagt, laesst er die gesamte Probe unter den Tisch fallen.*

11. *Er kommt kaum zum Unterricht — er fordert seine Studenten einfach auf, die Bibel zu lesen.*

12. *Geruechte gehen um, dass er manchmal seinen Sohn die Studenten lehren laesst.*

13. *Obwohl er nur 10 Anforderungen stellt, bestehen seine Studenten oft Seine Tests nicht.*

14. *Er hat seine ersten beiden Studenten wegen Lernens hinausgeworfen.*

15. *Seine Sprechzeiten fanden selten statt und wurden gewoehnlich auf einem Berggipfel abgehalten.*

В предыдущих разделах книги говорилось о понятии эмотивной валентности единиц языка как потенциальном смыслообразующем факторе и факторе расширения зоны сочетаемости единиц языка и речи [Шаховский 1984] за счет потенциальной эмотивной валентности как кодового компонента эмотивности языка, которая фактически является бесконечной, возможно безграничное речесмыслопорождение в бесконечных ненормированных сочетаниях. Для всех видов, типов и форм языковой игры эмотивная валентность является важнейшим внутрисистемным механизмом, входящим в эмотивный код языка.

Поскольку эмотивность уже неоспоримо является языковой категорией [Филимонова 2001: 37–38], а языковая игра без нее практически невозможна, можно утверждать, что еще одним механизмом языковой игры является совместная реализация категорий эмотивности и языковой игры, что и языковая игра является коммуникативной категорией. Эта гипотеза, хотя и очевидная из предыдущих рассуждений, нуждается в дополнительной аргументации, что может быть проблемой отдельной работы или нескольких работ.

Языковая игра как проявление лингвопластики выступает в роли коммуникативного локуса реализации эмотивного кода языка: это всегда одновременная реализация эмотивной и когнитивной, гедонистической, экспрессивной и прагматической функций языка:

Осколки последних 15 минут;

За четыре моря, за четыре солнца, ты меня увез бы...;

Перепишу любовь я вновь // и сочию ее наоборот // сложу мосты из новых нот;

В финале Монтекки и Капулетти, а также весь личный состав трагедии понес большие потери в живой силе и технике;

*Наш рулевой // вел нас прямо // дорогой кривой;
Хороши до безобразия, после безобразия и вместо безобразия;
Должен ли кусок масла называться нахлебником?*

Анализ категории языковой игры еще раз убеждает в том, что коммуникативная функция языка/речи никогда не реализуется в каком-либо одном аспекте: это всегда интеграция нескольких ее аспектов, в разных коммуникативных локусах — в различных их сочетаниях, производящих различные коммуникативные/эмоциональные эффекты.

Основные проблемы изучения феномена языковой игры, требующие специального исследования, можно было бы сформулировать в рабочем порядке следующим образом:

1. Языковая игра как средство формирования новых вертикальных контекстов когнитивной базы языка.
  2. Стратегии и скрытые правила языковой игры (хотя эмотивные валентности и бесконечны, но ограничения на сочетательные возможности единиц языка существуют: не всякое абсурдное сочетание есть языковая игра).
  3. Языковая игра как коммуникативная интеракция.
  4. Ритуальная, фатическая языковая игра и словесная дуэль как форма языковой игры.
  5. Механизмы и продукты языковой игры.
  6. Языковая игра как прием айкидо.
  7. Языковая игра как эмоциональный аргумент.
  8. Стилистика языковой игры.
  9. Гендерные языковые игры.
  10. Экология языковой игры.
  11. Непереводимость языковой игры (межкультурный аспект).
  12. Обратная коммуникативная связь в языковой игре.
  13. Языковая игра и вариации взаимоотношений между игроком, адресатом и темой.
  14. Целенаправленное моделирование эмоций посредством языковой игры.
  15. Невербальные знаки в письменной языковой игре.
  16. Роль невербального компонента в постижении смысла языковой игры.
  17. Языковая игра как социальный инструмент.
  18. Операторы языковой игры.
- Перечень данных проблем, как и ряда других, может послужить программой дальнейшего изучения и описания категории языковой

игры. Языковая игра — одно из проявлений манипулятивной функции языка/речи. А тот факт, что и (ре)продуцент и реципиент бессознательно владеют правилами языковой игры и понимают ее, указывает на ее кодированность и на врожденную способность человека играть с другим человеком с помощью языка.

Языковая игра — не только вид развлечения и эмоциональной фатики, фасцинации, это прежде всего форма проявления креативной способности языковой личности и ее эмоционального интеллекта. Играют все, но по-разному (писатели, поэты vs дети). Как пишет Б. Ю. Норман [2001: 12], «игра — постоянное состояние человека».

§ 3. Игровые тенденции в современном русском языке

Языковая игра присуща различным культурам, т. е. является универсальным феноменом. Наши исследования на материале русского, немецкого и английского языков и изучение работ других авторов о языковой игре позволяют согласиться с этим мнением. С категоричным же утверждением Й. Хёйзинги, считающего, что «можно со всей решительностью заявить, что человеческая цивилизация не добавила никакого сколько-нибудь существенного признака в понятие игры вообще и что животные играют точно так же, как люди» [Хёйзинга 1997: 21], согласиться нельзя.

Дело в том, что человеческие игры, в отличие от игр животных, носят не только биологический, но и социальный, ментальный характер. На это указывают и модели языковых игр, и правила языкового игрового поведения человека, и, прежде всего, их осознанность и понимаемость всеми коммуникантами данного языкового сообщества. В данном разделе мы остановимся на месте и роли языковой игры в процессе взаимодействия русского языка и среды его обитания.

Рассмотрение обширного материала игры с русским языком показывает, что этот процесс в настоящее время является в высшей степени социально направленным и довольно интерактивным. Это объясняется социально-экономической ситуацией в России: громадным расслоением общества, лживостью и безответственностью многих государственных чиновников, незащищенностью населения от произвола преступного и террористического мира и другими причинами. Чтобы этот негативный фактор нового социального порядка сгладить, СМИ выполняют задачу, направленную на максимальное развлечение насе-

ления. Слоган древних «Хлеба и зрелищ!» заменен сегодня на слоган «Зрелищ, зрелищ и зрелищ!». Количество юмористических передач на ТВ, развлекательных материалов в прессе уже не поддается исчислению.

В целом, хохот как рефлекс на «Аншлаг», «Кривое зеркало», «Задоринки», «Смехопанораму» и всех других «шоу» используется ТВ как психотерапевтические сеансы А. Чумака и А. Кашпировского. Их задача — психологическая, название которой сублимация. Сублимация — форма психологического воздействия на людей (т. е. манипулирование ими), при котором их чувства, стремления, интересы, желания, влечения, цели, которые должны быть направлены ими на один объект, направляются на другой [Литвак 2002: 346]. Ежедневный хохот, провоцируемый «мастерами цеха» через игру с языком, должен, видимо, отвлекать народ от осмысления неудачных экспериментов над страной, производимых представителями власти.

Из горького опыта мы знаем, что слово действительно уводит мысли: *риторика А. Гитлера* → к 2-й мировой войне, *риторика М. С. Горбачева* → к *лжеперестройке и лжесенному мышлению*, *риторика Б. Н. Ельцина* → к *расстрелу Белого дома, развалу СССР, распродаже страны олигархам*. Но лингвисты и философы также знают и то, что если бы мысль всегда определялась только словом, то откуда бы появлялись новые слова в языке?

То, как люди видят мир, определяет то, как мы о нем говорим, а то, как люди говорят о мире, определяется их эмоциями. Осмысление события, факта начинается с чувствования. Мы «думаем» чувствами, мысли лишь помогают передать чувственную информацию. Именно поэтому мы считаем, что все-таки вначале было не слово, а эмоция.

Отношение людей к социальной ситуации в России зарождается в их реакциях на эту ситуацию, проходит стадию осмысления. В начале чувственного, а потом ментального, по С. Пинкеру, — люди, особенно творческие (вообще думают не словами, а ментальными образами, т. е. «умственными глазами»). И только после этой стадии эмоционально осмысленные образы получают вербальную упаковку для удобства их фиксации, хранения и трансляции.

Эта теория подтверждается фактами языковой игры (игры с языком). Так, например, перестройка, начатая М. С. Горбачевым, обозначалась словом с интенционально положительной эмотивной коннотацией. После того, как люди поняли, что их в очередной раз обманули, они начали менять платя у этого слова — *узкоройка, расстройка*. А с

приходом нового реформатора смысл «обманная перестройка» получает одежды *бористройки, катастройки, терроростройки, прихватизации*. Каждое из этих словообразовательных игровых дериватов наполнено иронией и сарказмом, через которые россияне негативно оценили беспорядок, дезорганизацию, беспредел и особенно криминал, которые были этой горбонимикой и ельциномикой порождены в России. В этом же тематическом деривационном поле находим такие игровые новообразования, как: *Ельцингейт, Горбоельцин, Ель, Шумейкомыш, Шоховая терапия, Позорькин, Рыбкин-килькин, «оппозиция готовится объявить правительству Шахрай», «оттаскать его за Чубайс», «надавать по Черномырдин».*

К тому же периоду относится и игровое словообразовательное гнездо англо-русских гибридов с эмоциональной семантикой «вранье»: от английского слова *to fudge* ('врать') были образованы игровые варианты: *фуджировать, зафуджировать, передфуджировать, нафуджироваться*. Обращает на себя внимание та легкость, с которой русский язык позволяет играть со своими единицами. К этой же группе относятся и игровые гибриды-дериваты: *ньюрашенцы, пиарицик, отпиарить(ся), мэроворот, попса/совость, нобельер, джакузькина мать, полюсмен, румната, порноментарий, crewион, Леннон и теперь живее всех живых..., битлотекa (им. В. И. Ленина), ментхаус, старлетки (про «ТаТу»шек); Весь мой кодыак дрест по последней фэин; поматросинг-бросинг* (по нашим данным, при помощи самого популярного игрового заимствованного суффикса — *ing* в русском языке уже образовано более 250 гибридных дериватов).

В каждом таком игровом деривате (лексическом или синтаксическом) содержится эмоция игрока, а каждая его эмоция — это свернутый текст. Он не простой, так как является текстом-отношением, который коррелирует со своим дериватом (компакт-текстом). Такие компакт-тексты могут создаваться как по правилам (словообразования и преобразования, фразо- и сверффразообразования), когда все участники коммуникативного акта понимают эту игру и знают ее правила), так и не по правилам, в результате чего рождаются неожиданные дериваты: *никаковость, раскосая улыбка, лысорозовая тыква, зубы свободы* («Нельзя искоренить, нельзя вырвать зубы свободы, которые уже посеяны в обществе» — сказал Попцов в ТВ-интервью). Раньше говорили о зубах дракона, т. е. о зубах злости, вражды, разрушения. Не таковы ли зубы свободы по Попцову? (Сов. Россия № 103. А Бобров «Страшный свет»).

Ю. М. Лотман считает текст не только генератором новых смыслов, но и конденсатом культурной памяти. «Текст обладает способностью сохранять память о своих предшествующих контекстах» — пишет Ю. М. Лотман, называя этот феномен памятью текста. Поэтому в неологическом словосочетании «зубы свободы» спрятаны смыслы предшествующих контекстов слова «зубы» («злоба», «вражда», «разрушение») и поэтому оно оказывается оксюморонным, т. е. эмотивно-экспрессивным.

Языковая игра такого типа требует интертекстуальной компетенции и эмоционального интеллекта для осмысления и понимания (интерпретации) операторов игрового знака. И такая игра — не развлечение (в отличие от того, чем занимается Н. Фоменко и некоторые ведущие «Русского радио»: *должен ли кусок масла считаться нахлебником; изготовим портрет вашего врага на туалетной бумаге; мойте руки перед едой, есть невымытые руки опасно для здоровья; на ногах ногти, а на руках рукти; поженились, на том и разошлись; экзаменов не будет, все билеты проданы; «проваливай», — буркнул студент экзаменатору и др.*). Внешняя атрибутика языковой игры (метафоризация, переносы, иносказания), тип деривации (семантической, словообразовательной, синтаксической) и другие ее операторы, которые находятся на поверхности речевых актов, представляют богатый материал для анализа собственно глубинных механизмов творческого слово- и смыслообразования.

Языковая игра всегда заметна в коммуникативных ситуациях, так как она всегда экспрессивна (прагматична).

Языковая игра — это всегда изобретение новых или замена старых знаков языка, иное их употребление, отклонение от формальных правил, но в пределах нормы, что и делает ее узнаваемой всеми русскоязычными коммуникантами. По сути, русская языковая личность играет с нормами языка и с уже имеющимся в нем материалом. Н. Д. Арутюнова пишет: «Новое не первично. Оно осуществляет следующий за тем, что ему предшествовало, шаг. Новое всегда отсылает к прецеденту» [Арутюнова 1979: 725]. Справедливость этого мнения подтверждается и такими игровыми новообразованиями, как *корытники (о депутатах), сексликбез; кто хочет стать милиционером?; лицо музыкальной национальности; принц Гадский; жириноиды; бандидат; аристократия; демокрады; деньгоуборочный комбайн; главнюк; дерьмовочка.*

В. Г. Гак писал: «Язык должен быть организован так, чтобы на нем можно было все сказать, выразить даже то, для чего нет специального

обозначения в языке» [Гак 1998: 29]. Когда такого обозначения нет, Homo sapiens начинает играть с нормой языка. В этом окказиональном словотворчестве в зависимости от типа категориальной эмоциональной ситуации говорящий делает установку на оценку, на иронию или просто на удовольствие от игры. Установка же на экспрессию воспроизводится в любом случае, так как игровые неологизмы необычны, новы и потому поражают и воздействуют.

Итак, русскоязычные люди, протестуя против аномальности своего положения, униженности бытия, играют посредством языка (через сочетание эмотивной и когнитивной функции языка в особом виде своего речевого поведения в языковой игре), реализуя свои коммуникативные потребности, выражая эмоции и защищая свои интересы.

В заключение отмечу следующее:

1) Интерес к проблеме игровых окказионализмов определяется продуктивностью, многообразием и частотностью их актуализации в речевых актах.

2) Все рассмотренные в данном разделе факты языковой игры являются вербальной упаковкой социальных интерпретаций русской языковой личности и общества.

3) Они являются проявлением специфической (игровой) реализации человека в языке и объясняются стремлением Homo sapiens к всё новым и новым эффективным средствам емкого и экспрессивного выражения его эмоциональных мыслей.

4) Игра является доминантой современного эмоционального («шутливого») общения, в котором рождаются упаковки (шейперы) новых контекстуальных понятий русскоязычной культуры.

5) Языковая игра украшает вербальную жизнь, утоляет вечную жажду человека к экспрессии через игру с нормой и через глобализацию экспрессивных доминант в образах и картинах русскоязычного мира.

6) Лингвисты пока не знают, можно ли выявить и четко очертить круг существующих правил языковой игры.

7) В межкультурной коммуникации языковая игра лакунарна и поэтому в большинстве случаев она нетранслируема.

8) Языковая игра является одним из средств категоризации человеческого опыта и концептуализации современной российской действительности.

Эти тезисы в определенной мере отвечают на некоторые актуальные вопросы теории и практики языкознания и в то же время подни-

мают новые проблемы, стоящие перед этой наукой. Поистине справедливо древнеиндийское изречение: *Anataparam kila sabdasastram* — «Не имеет предела наука о языке».

§ 4. Языковая карнавализация эмоций

Понятие карнавализации благодаря работам М. М. Бахтина стало типологическим, применяемым к разным явлениям жизни, литературы, языка. Нами впервые данное понятие используется для характеристики особенностей языковой игры, присущих речевым произведениям, особенно текстам СМИ.

В известной работе М. М. Бахтина «Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса» ученый рассуждает об игре как словесном искусстве — «о ее месте в культуре, об игре-образе и образах игры, об игре-миросозерцании, игре-отношении, игре-позиции» [Апинян 2003: 287]. Словом «игра» исследователь обозначает «тот мировой слой, в котором происходят самые напряженные экзистенциальные процессы жизни и в котором осмысляются и борются между собой ценности разного порядка [Бахтин 1990: 10–11]. Исследуя художественную культуру средневековья, М. М. Бахтин отмечал особенности смеха, характерного для этого «темного» периода истории: «Всему дается веселое и улегчающее разрешение. Тайны и загадки мира и будущих времен оказываются не мрачными и страшными, а веселыми и легкими», «услышать мир в новом регистре, подойти к нему не как к мрачной мистерии, а как к веселой сатирической драме» [там же: 257].

Карнавальное начало смеха сегодня всё более отчетливо проявляется в современном игровом пространстве языка. Как уже отмечалось выше, языковая игра может быть не только гедонистической, но и социально обусловленной (сублимация необустроенности бытия большинства россиян языковой игрой), и поэтому лингвистически оформленной по протестному (см.: поэзия Пригова, Губермана, политические пейоративы и т. п.) или по карнавальному смеховому варианту («Кривое зеркало», «Аншлаг», «Смехопанорама» и т. п.). Она может быть следствием лингвистического произвола, баловства, саморазвлечения или социальной иронии.

Через языковые игры СМИ и правительство потешает и отвлекает народ: *курортиноватый, кресторан, свинтурист, предпринятель, дорубежье, отматфейн, жадлобный, стародёжь, гипнопертоник,*

усмехлыбнулся, красивозлая, самолучшая. А народ в ответ тоже играет и, развлекая себя, провоцирует себя необычными словами (словосочетаниями) на все новые и новые ощущения; благо эмоциональные валентности единиц языка и речи бесконечны: *тельавидение, телекиллер, старлетки, игроматы, игроманы, шоумен, ментхаус, филлениум, звездунчики, звездюки, звездануться, звездатый, съездюки, крышовать, пиарщик, отпиарить, ЕдРо, демократка (милицейская дубинка).* В коммуникативный оборот запущено огромное количество новых псевдопоговорок как игровых дериватов от прецедентных высказываний: *преьера Греф попутал; тюремным нарам все возрасты покорны; встречают по одежке, а провожают поутру; обещанного три гада ждут; БАБ — с воза, старухе легче; долг платежом страшен; видно птицу по помету; не всё то солнышко, что встает; не имей 100 рублей, а имей 100 баксов; скажи мне, кто твой друг, и я ему скажу, кто ты и др.*

Особое место среди способов игрового преломления действительности принадлежит заголовкам газетных статей, которые призваны привлекать внимание читателя, выражать позицию автора (издания), формировать их отношение к миру. Подключившись к фреймовой структуре сознания читателя, заголовок становится орудием управления им. При этом наиболее суггестивно острыми являются такие заголовки, которые в своей основе имеют прецедентные тексты, отсылают к прецедентным феноменам и ситуациям. Прецедентный фонд национально-лингвокультурных знаний в сочетании с новой информацией, приращенной к нему, выдает авторскую оценку события и интенционально прогнозирует читательскую реакцию на нее.

Этим объясняется творческий подход редактора к вербалике тщательного кодирования газетных заголовков. К числу наиболее популярных и распространенных формулировок заголовков, по нашим наблюдениям, относится языковая игра, построенная на импликациях, экспрессивизирующих прецедентные имена, высказывания и ситуации.

Анализ картотеки, включающей около тысячи примеров, позволил выделить в варьировании прецедентного феномена следующие виды вербальных прототипов:

1. Пословицы и поговорки: *«Кто не спрятался, Минобороны не виновато»; «Лучше в Луцке, чем никогда»; «Слово — не воробей, вылетит — ТЭЦ встанет»; «Каждому селу — по кошельку»; «Объявление дураков любит»* и т. п.

II. Литературные произведения: «Бомба для наших дипломатов»; «На милицейском фронте — перемены»; «Мертвый сезон военного строительства»; «Удавы и кролики»; «Козлы и капуста»; «На восточном фронте перемены» и т. п.

III. Песни советской эпохи: «Полицейский бывает лежачим»; «Брошу все и уеду в Урюпинск»; «Рейтинг отчаяния и рейтинг надежды»; «Зачем ты тогда зарделась в тишине»; «Окна дома моего»; «Ворона бывает кусачей»; «Не стареют игрой ветераны» и т. п.

IV. Искусство (живопись, кино и др.): «Опять двойка»; «В бой идут одни "старички"»; «Кировский стрелок»; «Три богатыря»; «Утомленные солнцем»; «Печки-лавочки»; «Ставка больше, чем жизнь»; «Следствие ведут сапожники»; «Не ждали» и т. п.

V. Революционные фразы: «Детская болезнь ксенофобии»; «Смена караула в алюминиевом дворце»; «Несвобода, неравенство, небратство»; «Бунт экспроприаторов»; «Генпрокуроры стран "восьмерки" создали свой интернационал»; «Из искры возгорелась...»; «Сентябрьские тезисы Примакова» и т. п.

VI. Религиозные тексты, имена: «Бойтесь идеи "козла отпущения"»; «Долги наши»; «Пасха на Покров»; «Бог с джойстиком»; «Разговор с Богом по интернету»; «Второе пришествие Жириновского»; «Аллах не велит избивать детей»; «Судный день настал»; «Око за око» и т. п.

VII. Фразы советской пропаганды: «Зеркало русской интеллигенции»; «Экономика не будет экономной»; «У кого это глазки бегают...»; «Выговор без занесения»; «Под куроводством партии Ленина-Сталина» и т. п.

VIII. Телевизионные программы и реклама: «Клуб без веселых и находчивых»; «Сам себе доктор, спасатель и дворник»; «Сергей Доренко и Павел Горелов — горькая парочка».

Среди других прототипов — прецедентные военные и научные звания, типовые формулы поздравлений, ситуации советского коммунистического времени и др.

В. А. Пищальникова отмечает, что «язык как семиотическая система не накладывает никаких ограничений на смысл». Эти ограничения накладываются «ментальными стереотипами, поведенческими нормами, социальными институтами». Потенции означивания у языка бесконечны, отсюда и «бесконечны сочетательные способности» [Пищальникова 2002: 74]. Нижеследующие примеры языковой игры иллюстрируют гипотезу о взаимодействии категорий эмотивности и

языковой игры в речесмыслопорождении и в порождении новых кодовых синтагм: *Кадры решают. Кадров решают* (про НТВ); *«Московские старости»* (программа «Эхо Москвы»); *«В рабочий полночь»* (радиопередача); *«Кому полночь»* (радиопередача).

Как и во всех остальных случаях, языковая игра здесь мотивируется эмоциями продуцента, они актуализируются только в эмотивных дискурсах (эмоциональных речевых ситуациях), которые провоцируют коммуникантов на языковую игру.

Разгерметизация текста (через аллюзии и реминисценции) актуализирует одновременно несколько эмотивных значений, и высказывание приобретает глубину. Ситуация в таком заголовке не просто отражается, она помещается в особый смеховой контекст, подвергается эмоциональным преобразованиям, превращаясь в «веселую сатирическую драму» (по М. М. Бахтину).

Как можно заметить, категориальные ситуации, избираемые для освещения в газетной статье и отражаемой заголовком всегда содержит проблему и потому, как правило, являются эмоционально отрицательно заряженными. Но форма, упаковка, в которую облекается это содержание, всегда активизирует положительно оценочные эмоции, которые порождаются ситуацией эмоционального контраста между содержанием и формой, ситуацией-прототипом и воспроизводимой актуальной ситуацией:

Кошкины мышки (ср. *играть в кошки-мышки — хитрить, лукавить, стараясь обмануть, провести кого-либо*);

Партийный кулачок — от *«партийный кулак»* (с привнесением иронической коннотации);

Война после победного конца (ср. известное выражение: *война до победного конца*) и др. (Примеры из материалов А. Минкина за 2003–2007 гг.)

Языковая игра, как правило, монологична, но одновременно и диалогична: ее вектор направлен на реципиента, который, по ожиданию, понимает ее и тем самым принимает в ней участие через репликовые шаги и авербалику. Декодирование прецедентных импликаций рассчитано на определенные интеллектуальные усилия читателя по оживлению определенных фреймов личностного когнитивного типа. Другими словами, от читателя ожидаются определенные общие с автором заголовка знания и усилия по их активизации и восстановлению прецедентных высказываний при помощи кодовых знаков. Но поскольку «новое поколение» читателей, увы, этих газет не читает («выбирает

пепси»), то у него часто отсутствует общий с авторами заголовков прецедентный фон и потому для него такой тип заголовков неассоциативен, неэкспрессивен, непрагматичен и даже бессмыслен.

Приведенные выше рассуждения и примеры показывают, что языковая игра, несомненно, является социальным инструментом, поскольку посредством ее возможно выражение и сознательное моделирование определенных эмоций в извечной оппозиции «мы» (народ) и «они» (бюрократические государственные структуры): *Рельсин, руководящий стакан, гениалисимум, недопрезиденты, лукашизм, кучмоведение, дядюшка Зю(ган), СНГовия, мордодел, гамбурггероподобный, пролужковость, путиниана, путиномика, путиночет, путинговать, Путина бояться — в сортир не ходить; НТВ (не твое, Вова).*

Обостряясь в периоды кризисов и политико-экономической ломки общественного строя России, языковое творчество в его смеховой, разоблачающей функции, по сути, выполняет ту же задачу, что и иные проявления смеховой народной культуры — «формирует карнавальное восприятие исторического процесса как игры», чтобы подготовить «трезвое и бесстрашное понимание» действительности [Бахтин 1990: 256]. Это не просто уход от тяжелой реальности, проблем в веселое и беззаботное существование, а «травестирование и низвержение» ее, превращение «мерзостей жизни» в муляж, пугало, веселое страшилище [там же: 261].

Картотека наших примеров показывает, что большинство экспрессивных игровых порождений маркировано радостно-шутливой или ироничной эмотивной коннотацией, т. е. вектор языковой игры чаще всего направлен на положительную эмотивную тональность. В этом — жизнеутверждающая прагматика языковой игры, указывающая на ее биологическую, когнитивную и социальную полезность, объясняющая ее плодотворность и коммуникативную активность.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проблема вербализации эмоций человека как *Homo sapiens* является сегодня тем исследовательским фокусом, в котором перекрещивается ряд парадигм современной лингвистики: коммуникативная, когнитивная, текстовая, прагматическая, культурологическая, категоризационная и др. Эта полипарадигмальность эмотиологии (лингвистики эмоций) является логическим развитием психологически ориентированной лингвистики, которая давно установила и объявила, что эмоции пронизывают всю ментальную, вербальную и авербальную деятельность человека (включая *body language*), что в языке всё движимо эмоциями. Теперь это не тезис и не гипотеза, это аксиома.

Оставшееся долгое время авторитетным мнение Э. Сепира о том, что эмоции не представляют никакого интереса для лингвистики (поскольку они не являются составляющими семантики слова и потому не присущи самому слову) и что лингвисты отказываются «терпеть» эмоции в своих исследованиях, сегодня не соответствуют действительному состоянию науки о языке. Эмотиология активно развивается в мировой лингвистике: с 70–80-х годов прошлого столетия написаны сотни монографий, тысячи диссертаций и статей об эмотивности языка, о роли эмоций в языковом поведении человека, об эмоциональной языковой личности *Homo sentience*, об эмоциональных концептах и др.

Анализ огромного количества работ, посвященных этим проблемам, позволяет обозначить широкое поле метаязыка этих исследований: *эмоциональный след/опыт/интеллект/дейксис; эмоциональная память/компетенция/компетентность/концептосфера/вербалика/авербалика/категориальная (типичная) ситуация/категоризация/личность/грамотность/культура/коммуникация/манипуляция/гендерная специфика/стилистика/тональность/картина мира; эмоциональное сознание/мышление/решение (выбор)/фактор; рационализация эмоций* и др.

Уже не оспаривается тот факт, что эмоции являются мотивационной основой сознания и языкового поведения. Фактически *Homo*

loquens является Homo sentience, так как люди в своем общении друг с другом не могут обойтись без эмоций. Коммуникативный успех, счастье, радость возможны только при условии адекватного общения людей друг с другом. Именно этим объясняется тот факт, что в многочисленных научных исследованиях специально или попутно затрагиваются вопросы теории и семиотики эмоций, их концептуализации и вербализации.

Ключом к изучению человеческих эмоций является сам язык, который номинирует эмоции, выражает их, описывает, имитирует, симулирует, категоризирует, классифицирует, структурирует, комментирует, изобретает искренние и неискренние средства для их экспликации/импликации, для манифестации и сокрытия, предлагает средства для языкового манипулирования и моделирования соответствующих эмоций. Именно язык формирует эмоциональную картину мира представителей той или иной лингвокультуры.

Вне зависимости от различий глобальная категория эмотивности представлена во всех языках на всех уровнях его системы и предстает в фонетическом, лексическом, фразеологическом, словообразовательном, морфологическом, синтаксическом, стилистическом, сверхфразовом, текстовом, гипер-, мега-, межтекстовом статусах. Психолингвисты давно уже утверждают, что весь язык эмотивен и что не существует эмотивно нейтральной лексики. Следовательно, и все высказывания человека в соответствующей ситуации общения эмотивно маркированы (эксплицитно или имплицитно), отличаясь степенью градации силы и яркости чувственности говорящего. Именно интегральность этой категории уверенно доказывает существование эмотивного кода у языка.

Естественно, что когниция и эмоция идут рука об руку, рядом друг с другом: эмоция мотивирует когницию, когниция облачается эмоциями; эмоции не только порождаются особыми ситуациями, но и сами порождают определенные ситуации. Они неотрывны от языка, их можно и нужно исследовать с помощью языка, и именно язык является и объектом и инструментом изучения эмоций.

Уже известно, что коммуникант, обладающий эмоциональной/эмотивной компетенцией, может адекватно распознавать вербалику/авербалику эмоций речевого партнера в естественной и художественной коммуникации; может адекватно выражать и описывать индивидуальные эмоциональные чувствования; может вербально манипулировать собственными и чужими эмоциями. Вот почему так важна со-

временная лингводидактика, которая способна разработать методику, научающую управлять вербальными эмоциями, способствовать адекватному резонированию настроения речевых партнеров.

Сегодня известны базовые (универсальные) эмоции, которые легко обнаруживаются в лексике и семантизируются даже вне контекста, так как они эмоциональны уже в словарном состоянии семантики. Такая лексика уже определена в лингвистической теории как эмотивная, а в семиотике — как кодировано эмотивная. Семиотика эмоций сегодня уже определилась в качестве фундаментальной области исследований в языкознании и смежных областях знания.

Эмоция всегда вызывается специфичной и абстрактной ситуацией, которую мы называем типовой (категориальной) ситуацией. Существует логика отношений между типовой ситуацией и эмоцией, и это соотношение делает такую ситуацию категориальной. Например, несправедливость вызывает гнев, предательство может вызвать ярость и т. д. Каждый это знает и может ожидать в качестве последствия определенных действий и поступков проявление соответствующих эмоций. Все категориальные эмоциональные ситуации градуированы, и знание теории эмоций позволяет говорящему моделировать топоры своей вербалики, снижать или усиливать силу эмоции, предвидя и предвосхищая эмоциональную реакцию партнера.

Окончательный вывод о выражаемой эмоции можно сделать только в конкретной ситуации, поэтому можно утверждать, что все эмоции дискурсивны и с этой точки зрения говорить о дискурсивном эмоциональном мышлении. Только единство семиотики, коммуникации и этики эмоций (трех систем) и их реализация в конкретной категориальной эмоциональной ситуации позволяет коммуникантам однозначно интерпретировать переживаемую и выражаемую эмоцию.

Правы те авторы, которые считают, что язык служит прежде всего для передачи актуальной информации, для рациональной обработки полученных знаний и для их межпоколенной трансляции. Но все эти процессы не могут не сопровождаться чувствованиями, переживаниями, желаниями и потому не могут не учитываться лингвистикой. Современное языкознание уже не может согласиться с мнением, согласно которому эмоции, язык и тело являются неизменными формами демонстрации всего лишь инстинктов, присущих животным, и поэтому не могут быть рассмотрены как культурный концепт. Вопреки этой точке зрения сегодня успешно разрабатываются проблемы эмоциональной концептосферы, культуры, толерантности, эмоциональ-

ного поведения, эмоциональной/эмотивной лакуарности во внутри- и межкультурной коммуникации.

Эмоции пронизывают всю коммуникативную деятельность человека с момента его рождения до ухода из жизни, эмотивность языка охватывает пространство от первого неосознаваемого крика ребенка до разных видов сознательного использования эмоций в речи взрослого человека, она касается выражения эмоций, их описания и обозначения в языке. Нормы выражения эмоций не являются универсальными для разных культур, эпох, социальных классов. Сегодня широкое использование эмоций объясняется общим, глобальным эмоциональным раскрепощением человека, который перестал бояться открыто проявлять свои чувства в обществе. Теперь уже является общепризнанным такой вид коммуникации, как эмоциональная коммуникация, и такие речевые акты, как эмотивные.

Художественная литература является депозитарием эмоций: она описывает эмоциональные категориальные ситуации, вербальное и авербальное эмоциональное поведение человека, способы, средства и пути коммуникации эмоций, в ней запечатлен эмоциональный видовой и индивидуальный опыт человека, способы его эмоционального рефлексирования. В этом плане вся художественная литература является бесценным учебником по воспитанию культуры эмоционального общения *Homo sentience*. Результатом такого обучения является совершенствование эмоциональной/эмотивной компетенции, воспитание эмоциональной толерантности в межличностном, групповом и межкультурном общении, а также умение адекватно следовать социализированным ритуалам эмоционального общения.

Лингвокультурология уже сформировала понимание структуры и содержания коммуникативной компетенции и признала, что ее неотъемлемой частью является культурно-языковой код, знание которого включает в себя эмоциональную компетенцию говорящего. В реальной и художественной межкультурной коммуникации отсутствие эмоциональной компетенции у речевых партнеров (или у одного из них) неизбежно ведет к эмоциональному неудаче (помехе или провалу). Под эмоциональной компетентностью понимается способность *Homo sentiens* действовать в соответствии с внутренней средой своих чувств и желаний. Под эмоциональным интеллектом — способность распознавать свои собственные эмоции, владеть ими, адекватно их манифестировать и понимать эмоции других людей, в том числе и людей, принадлежащих к иным культурам и людей иной гендерной

принадлежности. Под эмоциональным дейксисом языковой личности предлагается понимать ее личностно-ориентированную, доминантную эмоцию. Такая эмоция языковой личности является точкой отсчета всех ее вербальных и поведенческих поступков. Находится такая точка отсчета внутри эмоционального космоса языковой личности, в системе и структуре ее личностных координат, знаний, ценностей, т. е. входит в личностную (как дополнение к видовой) эмоциональную компетенцию, и в ее интеллект. Эта точка отсчета формирует эмоциональную позицию говорящего, его аутодейксис, влияющий на формирование эмоциональной картины мира языковой личности.

Исследование разноцветной палитры вариантов универсальных эмоций в разных национальных культурах позволяет нам говорить о возможности изучения и картирования эмоций конкретной лингвокультуры. Можно с уверенностью сказать, что это будет одной из проблем футурологической лингвистики, и отдельные тенденции в современной коммуникативистике уже сейчас подтверждают этот прогноз.

Как показало время, лингвистическая концепция эмоций, предложенная нами в 1987 г., а позднее уточненная и расширенная, оказалась верной. Она подтверждена в многочисленных трудах отечественных ученых, в том числе ученых волгоградской лингвистической школы эмоций. Предложенное нами единство трех основополагающих категорий (семиотики, коммуникации и этики эмоций), возможно не являясь исчерпывающим, позволяет, тем не менее, описывать, объяснять и интерпретировать эмоции посредством лингвистических единиц, исследовать механизмы реализации эмоций в категориальных коммуникативных ситуациях. Содержание книги показывает, что названные категории составляют суть теории эмотивности, что с их помощью возможно «укрошение» такого тонкого, динамичного и непостоянного явления, как эмоции, что эмотивному языку можно обучать и необходимо формировать эмоциональную коммуникативную этику речевых партнеров.

Несмотря на богатую историю и приобретенный исследовательский багаж, лингвистика эмоций и сегодня находится на стадии развития. В этой сфере еще много неопределенного: расплывчатые категории, полиморфные понятия и недостаточно четкие языковые маркеры. До сих пор не вполне точно определено понятие поля аффективности, а следовательно, и понятие аффектива. Отмечается фантастическое разнообразие средств, которыми обладает эмоциональная речь, что позволяет говорить о полистатусном характере катего-

рии эмотивности языка. Нет строгого разграничения между *ratio* и *emotio*.

Любое предложение вызывает у нас определенные эмоции, а это значит, что эмоции проникают во все уровни системы языка, однако пока невозможно установить точного соответствия между эмотивными высказываниями и их интерпретациями, однозначно дифференцировать эмоциогенный и эмотивный тексты.

Одной из проблем коммуникации эмоций, до сих пор не получавшей должного внимания ни в лингвистике, ни в филологической герменевтике, является проблема эмоционального понимания и понимание эмоционального. Недостаточно изучено соотношение между когнитивным, психологическим и лингвистическим уровнями эмоциональности говорящего.

Известно, что взволнованная речь не обязательно волнует, и наоборот, неземональная речь может сильно волновать слушателя, что выраженные и реально переживаемые эмоции не всегда совпадают. Некоторые способы аргументации также являются знаками выражаемой эмоции, то есть можно говорить об эмоциональном типе аргументации или об эмоциях как форме/способе аргументации. Это тоже часть лингвистики и семиотики эмоций, требующая самостоятельного исследования на материале разных языков.

И это далеко не всё, что еще предстоит исследовать ученым в области эмотивной лингвистике. Сегодня всё большее количество теоретиков языка, обращаясь к проблемам эмоциональной коммуникации, сходятся в едином мнении о том, что эмоции ставят перед лингвистикой важные проблемы и своим «скользящим» характером» бросают ей серьезный вызов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Теоретические источники

- Азнаурова 1973 — *Азнаурова Э.С.* Очерки по стилистике слова. — Ташкент, 1973.
- Алефиренко 2002 — *Алефиренко Н.Ф.* Поэтическая энергия слова (синергетика языка, сознания и культуры). — М., 2002.
- Алефиренко 2005 — *Алефиренко Н.Ф.* Спорные проблемы семантики. — М., 2005.
- Алефиренко 2006 — *Алефиренко Н.Ф.* Язык, познание и культура: когнитивно-семиологическая синергетика слова. — Волгоград, 2006.
- Апинян 2003 — *Апинян Т.А.* Игра в пространстве серьезного. Игра, миф, ритуал, искусство и другие. — СПб., 2003.
- Апресян 1995а — *Апресян Ю.Д.* Интегральное описание языка и его системная лексикография // *Избранные труды*. Т. 2. — М., 1995.
- Апресян 1995б — *Апресян Ю.Д.* Образ человека по данным языка: Попытка системного описания // *Вопросы языкознания*. — 1995. — № 1. — С. 37–66.
- Аристотель 1978 — *Аристотель.* Риторика // *Античная риторика*. — М., 1978.
- Арнольд 1981 — *Арнольд И.В.* Стилистика современного английского языка. — Л., 1981.
- Арнольд 1999 — *Арнольд И.В.* Семантика. Стилистика. Интертекстуальность: Сб. статей / Науч. ред. П.Е. Бухаркин. — СПб., 1999.
- Арутюнова 1976 — *Арутюнова Н.Д.* Предложение и его смысл. — М., 1976.
- Арутюнова 1979 — *Арутюнова Н.Д.* Языковая метафора: синтаксис и лексика / *Лингвистика и поэтика*. — М., 1979.
- Арутюнова 1980 — *Арутюнова Н.Д.* К проблеме функциональных типов лексического значения // *Аспекты семантических исследований*. — М.: Наука, 1980. — С. 156–249.
- Арутюнова 1988 — *Арутюнова Н.Д.* Типы языковых значений. Оценка. Событие. Факт. — М., 1988.
- Арутюнова 2005 — *Арутюнова Н.Д.* Предложение и его смысл: Логико-семантические проблемы. — М., 2005.
- Бабенко 1990 — *Бабенко Л.Г.* Русская эмотивная лексика как функциональная система: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. — Свердловск, 1990.
- Балли 1961 — *Балли Ш.* Французская стилистика. — М., 1961.
- Балли 2001 — *Балли Ш.* Общая лингвистика и вопросы французского языка. — М., 2001.
- Баранов 1999 — *Баранов А.Г.* Формы языковой игры // *Человек играющий: язык, личность, социум*. — М.; Тверь, 1999.
- Барт 1999 — *Барт Р.* Фрагменты речи влюбленного. — М., 1999.
- Бархударов 1975 — *Бархударов Л.С.* Язык и перевод (Вопросы общей и частной теории перевода). — М., 1975.
- Бахтин 1990 — *Бахтин М.М.* Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. — М., 1990.

- Беляева, Хомяков 1985 — *Беляева Т.М., Хомяков В. А.* Нестандартная лексика английского языка. — Л., 1985.
- Белянин 1988 — *Белянин В.П.* Психолингвистические аспекты художественного текста. — М., 1988.
- Береговская 1999 — *Береговская Э.М.* Специфика палиндрома как формы языковой игры // Фил. науки. — 1999. — № 5.
- Берлизон 1973 — *Берлизон С.Б.* Эмоциональность слова (фразеологической единицы) в плане дихотомии «язык – речь» // Актуальные проблемы лексикологии и словообразования. — Вып. 2. — Новосибирск, 1973. — С. 89–97.
- Богин 1999 — *Богин Г.И.* Текстопостроение как реализация игрового потенциала // Человек играющий: язык, личность, социум. — М.; Тверь, 1999.
- Болдарева 2002 — *Болдарева Е.Ф.* Игра как форма выражения эмоций: Дис. ... канд. филол. наук. — Волгоград, 2002.
- Болинджер 1987 — *Болинджер Д.* Истина — проблема лингвистическая // Язык и моделирование социального взаимодействия. — М., 1987.
- Болотнова 1994 — *Болотнова Н.С.* Лексическая структура художественного текста в ассоциативном аспекте. — Томск, 1994.
- Болотов 1981 — *Болотов В.И.* Эмоциональность текста в аспектах языковой и неязыковой вариативности. — Ташкент, 1981.
- Бондарко 1987 — *Бондарко А.В.* К истолкованию понятия «функция» // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. — 1987. — Т. 46. — № 3. — С. 195–207.
- Бондарко 2002 — *Бондарко А.В.* Теория значения в системе функциональной грамматики: На материале русского языка. — М., 2002.
- Брожек 1982 — *Брожек В.* Марксистская теория оценок. — М.: Прогресс, 1982.
- Брудный 1971 — *Брудный А.А.* Значение слова и психология противопоставлений // Семантическая структура слова. — М., 1971. — С. 19–27.
- Брудный 1972 — *Брудный А.А.* Семантика языка и психология человека. — Фрунзе, 1972.
- Бубнов 1997 — *Бубнов А.В.* Языковые особенности русского палиндрома: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. — Тамбов, 1997.
- Быдина 1994 — *Быдина И.В.* Движение эмотивной семантики поэтического слова: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. — Волгоград, 1994.
- Вайнрих 1987 — *Вайнрих Х.* Лингвистика лжи // Язык и моделирование социального взаимодействия. — М., 1987.
- Варзони 2004 — *Варзони Ю.Н.* Homo homini frater // Homo mendax: игра с личностью или со смыслами. — Тверь, 2004. — С. 19–22.
- Васильев и др. 1980 — *Васильев И.А.* Эмоции и мышление / И.А. Васильев, В.Л. Поплужный, О.К. Тихомиров. — М., 1980.
- Вежбицка 1996 — *Вежбицка А.* Язык. Культура. Познание / Пер. с англ. — М., 1996.
- Вежбицка 1999 — *Вежбицкая А.* Семантические универсалии и описание языков / Пер. с англ. — М., 1999.
- Вежбицкая 2001 — *Вежбицкая А.* Сопоставление культур через средство лексики и грамматики. — М., 2001.
- Вежбицкая 2003 — *Вежбицкая А.* Культурная обусловленность категории «прямота» vs «непрямота» // Прямая и непрямая коммуникация. — Саратов, 2003. — С. 136–158.

- Вежбицкая 2005 — *Вежбицкая А.* Универсальные семантические примитивы как ключ к лексической семантике (сфера эмоций) // *Жанры речи*. — Саратов, 2005. — Вып. 4. Жанр и концепт. — С. 156–181.
- Вепрева 2002 — *Вепрева И.Т.* Языковая рефлексия в постсоветскую эпоху. — Екатеринбург, 2002.
- Верещагин, Костомаров 1990 — *Верещагин Е.М., Костомаров В.Г.* Язык и культура. — М., 1990.
- Вилонас 1984 — *Вилонас В.К.* Основные проблемы психологической теории эмоций // *Психология эмоций: Тексты*. — М., 1984.
- Винарская 2001 — *Винарская Е.Н.* К проблеме эмоциональных концептов // *Вестн. Воронеж. гос. ун-та. Сер. Лингв. и межкульт. ком.* — 2001. — № 2. — С. 5–12.
- Виноградов 1930 — *Виноградов В.В.* О художественной прозе. — М.; Л., 1930.
- Виноградов 1959 — *Виноградов В.В.* О стиле художественной литературы. — М., 1959.
- Виноградов 1972 — *Виноградов В.В.* Русский язык. Грамматическое учение о слове. — М., 1972.
- Витт 1983 — *Витт Н.В.* Эмоциональная регуляция речевого поведения при общении: Текст лекций спецкурса. — М., 1983.
- Витт 1984 — *Витт Н.В.* Речь и эмоции. — М., 1984.
- Волкова 1997 — *Волкова П.С.* Эмотивность как средство интерпретации смысла художественного текста: Дис. ... канд. филол. наук. — Волгоград, 1997.
- Вольф 1985 — *Вольф Е.М.* Функциональная семантика оценки. — М., 1985.
- Воркачев 2007 — *Воркачев С.Г.* Лингвокультурная концептология // *Изв. РАН. Сер. Лит-ры и языка*. — Т. 66. — № 2. — 2007. — С. 13–22.
- Выготский 1968 — *Выготский Л.С.* О двух направлениях в понимании эмоций в зарубежной психологии в начале XX в. // *Вопр. психологии*. — 1968. — № 2.
- Высочина 2001 — *Высочина О.В.* Понимание значения иноязычного слова (психолингвистическое исследование): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. — Воронеж, 2001.
- Галкина-Федорук 1958 — *Галкина-Федорук Е.М.* Об экспрессивности и эмоциональности в языке // *Сб. статей по языкознанию*. — М., 1958.
- Галкина-Федорук 1962 — *Галкина-Федорук Е.М.* Современный русский язык. Ч. 1. Лексикология. — М., 1962.
- Гак 1968 — *Гак В.Г.* Проблемы лексико-грамматической организации предложения: Дис. ... докт. филол. наук. — М., 1968.
- Гак 1971 — *Гак В.Г.* Семантическая структура слова как компонент семантической структуры высказывания // *Семантическая структура слова*. — М., 1971. — С. 78–95.
- Гак 1977 — *Гак В.Г.* К типологии лингвистических номинаций // *Языковая номинация (общие вопросы)*. — М., 1977.
- Гак 1998 — *Гак В.Г.* Языковые преобразования. — М., 1998.
- Гальперин 1980 — *Гальперин И.Р.* Проблемы лингвостилистики // *Новое в зарубежной лингвистике*. — М., 1980. Вып. IX. — С. 4–12.
- Гальперин 1981 — *Гальперин И.Р.* Текст как объект лингвистического исследования. — М., 1981.
- Гийом 1992 — *Гийом Г.* Принципы теоретической лингвистики. — М., 1992.
- Гинзбург 1972 — *Гинзбург Р.С.* О взаимосвязи лингвистического и экстралингвистического в лексике // *ИЯШ*. — № 5. — 1972.

- Гладыо 2000 — *Гладыо С.В.* Эмотивность художественного текста: семантико-когнитивный аспект: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. — Киев, 2000.
- Горошко 2001 — *Горошко Е.И.* Языковое сознание (ассоциативная парадигма): Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. — М., 2001.
- Грайс 1985 — *Грайс П.* Логика и речевое общение // Лингвистическая прагматика: Новое в зарубежной лингвистике. — 1985. — Вып. XVI. — С. 217–237.
- Гридина 1996 — *Гридина Т.А.* Языковая игра: стереотип и творчество. — Екатеринбург, 1996.
- Гутман, Литвин, Черемисина 1977 — *Гутман Е.А., Литвин Ф.А., Черемисина М.И.* Сопоставительный анализ зооморфных характеристик (на материале русского, английского и французского языков) // Национально-культурная специфика речевого поведения. — М., 1977. — С. 147–165.
- Дарвин 1953 — *Дарвин Ч.* Выражение эмоций у животных и человека // Соч. Т. 5. — М., 1953.
- Девкин 1979 — *Девкин В.Д.* Немецкая разговорная речь. — М., 1979.
- Девкин 1994 — *Девкин В.Д.* Немецкая разговорная речь (Вступительная статья) // Немецко-русский словарь разговорной лексики. — М., 1994.
- Девкин 1998 — *Девкин В.Д.* Занимательная лексикология. — М., 1998.
- Деметрий 1978 — *Деметрий.* О стиле // Античные риторика. — М., 1978.
- Денисова 1993 — *Денисова М.А.* Народ и язык один без другого представлен быть не может // Русский язык в школе. — 1993. — № 5.
- Денет 2001 — *Денет Д.С.* Фон языка в мышлении // Когнитивные исследования в языковедении и зарубежной психологии. — Барнаул, 2001. — С. 190–198.
- Дённингхаус 1999 — *Дённингхаус С.* Под флагом искренности (лицемерие и лесть как специфические явления речевого жанра «притворство») // Жапы речи. — Саратов, 1999. С. 182–199.
- Димитрова 2001 — *Димитрова Е.В.* Трансляция эмотивных смыслов русского концепта «тоска» во французскую лингвокультуру: Дис. ... канд. филол. наук. — Волгоград, 2001.
- Длясин 1998 — *Длясин Г.Г.* Азбука Гермеса Трисмегиста или молекулярная точность мышления. — М., 1998.
- Додонов 1975 — *Додонов Б.И.* Классификация эмоций при исследовании эмоциональной направленности личности // Вопр. психологии. — 1975. — № 6.
- Долинин 1978 — *Долинин К.А.* Стилистика французского языка. — Л., 1978.
- Дуденков, Прозерский 1972 — *Дуденков В.П., Прозерский В.В.* Эстетика эмотивизма и буржуазная массовая культура // Ученые записки кафедр общественных наук вузов Ленинграда. — Л., 1972.
- Дыбовский 1983 — *Дыбовский А.С.* Универсальные свойства междометий и их лингвистическое описание. — Владивосток, 1983.
- Жданов 1993 — *Жданов В.* Любовь в жизни Льва Толстого. — М., 1993.
- Журавлев 1974 — *Журавлев А.П.* Фонетическое значение. — Л., 1974.
- Журавлев 1981 — *Журавлев А.П.* Звук и смысл. — М., 1991.
- Заботкина 1979 — *Заботкина В.И.* Образование новых предикатных лексико-семантических вариантов существительных в современном английском языке: Дис. ... канд. филол. наук. Минск, 1979.
- Залевская 1987 — *Залевская А.А.* Роль теории в экспериментальных психолингвистических исследованиях лексики // Психолингвистические исследования: звук, слово, текст. — Калинин, 1987. — С. 34–49.

- Запорожец, Неверович 1974 — *Запорожец А.В., Неверович Я.З.* К вопросу о генезисе, функции и структуре эмоциональных процессов у ребенка // *Вопр. психологии.* — 1974. — № 6.
- Звегинцев 1957 — *Звегинцев В.А.* Семасиология. — М., 1957.
- Земская 1996 — *Земская Е.А.* Клише новояза и цитация в языке постсоветского общества // *Вопр. языкознания.* — 1996. — № 3.
- Иванчук 2005 — *Иванчук И.А.* Риторический компонент в публичном дискурсе носителей элитарной и речевой культуры: Дис. ... д-ра филол. наук. — Саратов, 2005.
- Ионова 1998 — *Ионова С.В.* Эмотивность текста как лингвистическая проблема: Дис. ... канд. филол. наук. — Волгоград, 1998.
- Ионова 2006 — *Ионова С.В.* Аппроксимация содержания вторичных текстов. — Волгоград, 2006.
- Искоз, Ленкова 1958 — *Искоз А.М., Ленкова А.Ф.* Выражают ли междометия понятия? // *Уч. зап. ЛГУ. Сер. филол. наук.* — 1958. — Вып. 48. — № 260.
- Каде 1975 — *Каде О.* К основным положениям теоретического осмысления перевода как человеческой деятельности // *Теория перевода и научные основы подготовки переводчиков. Ч. I.* — М., Изд. МГПИИЯ им. М. Тореза, 1975.
- Казанцева 1995 — *Казанцева Л.П.* Человек в художественном произведении. Автор в художественном произведении // *Музыка начинается там, где кончается слово.* — Астрахань; М., 1995.
- Каликанов 2003 — *Каликанов С.В.* Философское содержание учения А. А. Ухтомского о доминанте // *Вестник Моск. ун-та.* — Сер. 7. Философия. — № 1. — 2003.
- Канке 2002 — *Канке В.А.* Философия. — М., 2002.
- Карасик 1992 — *Карасик В.И.* Язык социального статуса. — М., 1992.
- Караулов 1987 — *Караулов Ю.Н.* Русский язык и языковая личность. — М., 1987.
- Карцевский 1965 — *Карцевский С.О.* Об асимметричном дуализме лингвистического знака // *История языкознания XIX–XX веков в очерках и извлечениях. Ч. 2.* — М., 1965.
- Карцевский 1984 — *Карцевский С.* Введение в изучение междометий // *Вопр. языкознания.* — 1984. — № 6. — С. 127–137.
- Кацнельсон 1972 — *Кацнельсон С.Д.* Типология языка и речевое мышление. — Л, 1972.
- Кинцель 1996 — *Кинцель А.В.* Экспериментальное исследование доминантной эмоции текста: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. — М., 1996.
- Киселева 1973 — *Киселева Л.А.* Теоретические проблемы исследования языка как средства воздействия: Автореф. дис. ... докт. филол. наук. — Л., 1973.
- Китерман 1909 — *Китерман Б.* Эмоциональный смысл слова // *ЖМНП. Нов. сер.* — СПб, 1909. Ч. 19.
- Клаус 1967 — *Клаус Г.* Сила слова. — М., 1967.
- Клиненко 1996 — *Клиненко А.П.* Вопросы психолингвистического изучения семантики. — Минск, 1974.
- Кобозева 1996 — *Кобозева И.М.* Обзор проблематики конференции // *Вопр. языкознания.* 1996. — № 2.
- Когнитивная семантика: Материалы Второй и Третьей междунар. школы-семинара. — Тамбов, 2000, 2001.
- Колшанский 1976 — *Колшанский Г.В.* Некоторые вопросы семантики языка в гносеологическом аспекте // *Принципы и методы семантических исследований.* — М., 1976. — С. 117–126.

- Колшанский 1980 — *Колшанский Г.В.* Контекстная семантика. — М., 1980.
- Комиссаров 1973 — *Комиссаров В.Н.* Слово о переводе. — М., 1973.
- Коммуникативные единицы языка: Всесоюзная научная конференция [Тезисы докладов]. — М., 1984.
- Коммуникация: концептуальные и прикладные аспекты. (Коммуникация – 2004) // Материалы Второй международной конференции. — Ростов/Дон, 2004.
- Копыленко 1995 — *Копыленко М.М.* Основы этнолингвистики. — Алматы, 1995.
- Костомаров 1995 — *Костомаров В. Г.* Языковой вкус эпохи. — М., 1995.
- Костомаров 2005 — *Костомаров В.Г.* Наш язык в действии: Очерки современной русской стилистики. — М., 2005.
- Кошель 1980 — *Кошель Г.Г.* Оценочные предикатные номинации в современном английском языке: Дис. ... канд. филол. наук. — Л., 1980.
- Кравченко 1996 — *Кравченко А.В.* Язык и восприятие. Когнитивные аспекты языковой категоризации. — Иркутск, 1996.
- Кравченко 2001 — *Кравченко А.В.* Знак, значение, знание: Очерк когнитивной философии языка. — Иркутск, 2001.
- Красавский 2001 — *Красавский Н.А.* Эмоциональные концепты в немецкой и русской лингвокультурах. — Волгоград, 2001.
- Красных 2003 — *Красных В.В.* «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? — М., 2003.
- Крысин 2003 — *Крысин Л.П.* Русское слово: свое и чужое. — М., 2003.
- Крейдлин 2001 — *Крейдлин Г.Е., Григорьева С.А., Григорьева Н.В.* Словарь русских жестов. — М.; Вена, 2001.
- Кубрякова 1977 — *Кубрякова Е.С.* Словообразовательная номинация // Языковая номинация (общие вопросы). — М., 1977.
- Кубрякова 1985 — *Кубрякова Е.С.* Коммуникативная лингвистика и проблемы семантики // Коммуникативные единицы языка. — М., 1985.
- Кубрякова 1986 — *Кубрякова Е.С.* Номинативный аспект речевой деятельности. — М., 1986.
- Кубрякова 1994 — *Кубрякова Е.С.* Парадигмы научного знания в лингвистике и ее современный статус // Изв. РАН. СЛЯ. — Т. 53. — № 2. — 1994. — С. 4–21.
- Кубрякова 2004 — *Кубрякова Е.С.* Язык и знание: На пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения: Роль языка в познании мира. — М., 2004.
- Кун 1977 — *Кун Т.* Структура научных революций. — М., 1977.
- Лазарев 1999 — *Лазарев В.В.* К теории обыденного/когнитивного познания (от Коперника к Птолемею) // Вестн. Пятигорского гос. лингв. ун-та. — 1999. — № 2.
- Лазарев 2001 — *Лазарев С.Н.* Диагностика кармы. Кн. шестая: Ступени к Божественному. — СПб., 2001.
- Лайонз 1978 — *Лайонз Д.* Введение в теоретическую лингвистику. — М., 1978.
- Ларина 2003 — *Ларина Т.В.* Категория вежливости в английской и русской коммуникативных культурах. — М., 2003.
- Лебедев, Миронов 1998 — *Лебедев С.А., Миронов А.В.* Когнитивная социология // Вестн. МГУ. Серия филос. — 1998. — № 4.
- Левицкий 1973 — *Левицкий В.В.* Семантика и фонетика. — Черновцы, 1973.
- Левицкий 1975 — *Левицкий В.В.* Звукосимволизм в лингвистике и психолингвистике // Филологические науки. — 1975. — № 4. — С. 54–61.

- Лейн 1976 — *Лейн М.Д.* О структуре понятия, передаваемого эмоциональным значением слова, и методике ее исследования // Системное описание лексики германских языков. Вып. 1. — Л., 1976. — С. 102–104.
- Лекторский 1980 — *Лекторский В.А.* Субъект. Объект. Познание. — М., 1980.
- Ленин 1958 — *Ленин В.И.* Полн. собр. соч.: В 55 т. Т. 25. — М., 1958.
- Леонтович 2002 — *Леонтович О.А.* Русские и американцы: парадоксы межкультурного общения. — Волгоград, 2002.
- Леонтович 2003 — *Леонтович О.А.* Россия и США: Введение в межкультурную коммуникацию. — Волгоград, 2003.
- Леонтьев 1970 — *Леонтьев А.А.* Психофизиологические механизмы речи // Общее языкознание: Формы существования, функции, история языка. — М., 1970.
- Леонтьев 1971 — *Леонтьев А.А.* Психологическая структура значения // Семантическая структура слова. — М., 1971. — С. 8–14.
- Леонтьев 1974а — *Леонтьев А.А.* Психология общения. — Тарту, 1974.
- Леонтьев 1974н — *Леонтьев А.Н.* Общее понятие о деятельности // Основы теории речевой деятельности. — М., 1974.
- Леонтьев 1975н — *Леонтьев А.Н.* Деятельность. Сознание. Личность. — М., 1975.
- Лисоченко 2000 — *Лисоченко Л.В.* Языковая игра: когнитивный прагматический и собственно лингвистический аспекты // Филология на рубеже веков. Вып. 2. — Ростов-на-Дону, 2000.
- Литвак 2002 — *Литвак М.Е.* Из ада в рай. Избранные лекции по психотерапии. — Ростов-на-Дону, 2002.
- Ломинадзе 1982 — *Ломинадзе С.В.* Концептуальный стиль и художественная целостность // Контекст. 1981. Литературно-теоретические исследования. — М., 1982.
- Ломоносов 1986 — *Ломоносов М.В.* Краткое руководство красноречию // Избранная проза. — М., 1986.
- Лосев 1977 — *Лосев А.Ф.* О бесконечной смысловой валентности языкового знака. — Изв. АН СССР. Сер. Лит. и яз. — 1977. — Т. 40. — № 1.
- Лосев 1981 — *Лосев А.Ф.* О понятии языковой валентности // Изв. АН СССР. Сер. Лит. и яз. — 1981. — Т. 40. — № 5. — С. 403–412.
- Лосев 1982 — *Лосев А.Ф.* Диалектика творческого акта (Краткий очерк) // Контекст. 1981. Литературно-теоретические исследования. — М., 1982.
- Лотман 1992 — *Лотман Ю.М.* Культура и взрыв. — М., 1992.
- Лукашевич 2000 — *Лукашевич Е.В.* Представление экстралингвистических знаний в процессе лексикализации слова // Языковое бытие человека и этноса: психолингвистический и когнитивный аспекты. Вып. II. — Барнаул, 2000. — С. 87–94.
- Лукьянова 1976 — *Лукьянова Н.А.* О соотношении понятий экспрессивность, эмоциональность, оценочность // Актуальные проблемы лексикологии и словообразования. — Новосибирск, 1976.
- Лукьянова 1986 — *Лукьянова Н.А.* Экспрессивная лексика разговорного употребления. — Новосибирск, 1986.
- Маковский 1982 — *Маковский М.М.* Английские социальные диалекты (онтология, структура, этимология). — М., 1982.
- Мамардашвили 1997 — *Мамардашвили М.К.* Символ и сознание. Метафизические рассуждения о сознании, символическом и языке / М.К. Мамардашвили, А.М. Пятигорский. — М., 1997.

- Мартине 1963 — *Мартине А.* Основы общей лингвистики // Новое в лингвистике. Вып. III. — М., 1963.
- Матезиус 1967 — *Матезиус В.* Язык и стиль // Пражский лингвистический кружок. — М., 1967. — С. 444–523.
- Матурана 2001 — *Матурана У., Варела Ф.* Дерево познания. Биологические корни человеческого понимания. — М., 2001.
- Мечковская 1996 — *Мечковская Н.В.* Социальная лингвистика. — М., 1996.
- Минаева 1976 — *Минаева Л.В.* Лексикологическая фонетика английского языка как раздел лексикологии: Дис. ... канд. филол. наук. — М., 1976.
- Михель 1980 — *Михель Т.* Основы теории стиля // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. IX: Лингвостилистика. — М., 1980.
- Мурзин 1984 — *Мурзин Л.Н.* Основы дериватологии: Конспект лекций. — Пермь, 1984.
- Мягкова 2000 — *Мягкова Е.Ю.* Эмоционально-чувственный компонент значения слова. — Курск, 2000.
- Мягкова 2001 — *Мягкова Е.Ю.* Эмоционально-чувственный компонент значения слова: вопросы теории: Дис. ... д-ра филол. наук. — М., 2001.
- Набоков 1993 — *Набоков В.* Николай Гоголь // Романы. Рассказы. Эссе. — СПб., 1993.
- Национально-культурная специфика речевого поведения. — М., 1977.
- Никитин 1979 — *Никитин М.В.* О семантике метафоры // Вопр. языкознания. — 1979. — № 1. — С. 92–99.
- Никитин 1983 — *Никитин М.В.* Лексическое значение слова. — М., 1983.
- Новиков 1982 — *Новиков Л.А.* Семантика русского языка. — М., 1982.
- Новиков 2001 — *Новиков А.И.* Доминантность и транспозиция в процессе осмысления текста // Scripta Linguisticae Applicatae. Проблемы прикладной лингвистики 2001. — М., 2001.
- Новикова 2000 — *Новикова В.Ю.* Нонсенс как одна из разновидностей лингвистической игры // Филология на рубеже веков: Мат-лы межд. конф. Вып. 2. — Ростов-на-Дону, 2000.
- Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XIII. Логика и лингвистика (Проблемы референции). — М., 1982.
- Норман 2000 — *Норман Б.Ю.* Лингвистика и юмор // Лингвисты шутят. *Spesimina Philologiae Slavicae*. Bd. 126. — Munchen, 2000.
- Носенко 1979 — *Носенко Э.Л.* Специфика проявления в речи состояния эмоциональной напряженности: Дис. ... докт. филол. наук. — М., 1979.
- Носенко 1981 — *Носенко Э.Л.* Эмоциональное состояние и речь. — Киев, 1981.
- Общее языкознание: Формы существования, функции, история языка. — М., 1970.
- Ортони, Клоур, Коллинз 1995 — *Ортони А., Клоур Дж., Коллинз А.* Когнитивная структура эмоций // Язык и интеллект. — М., 1995. — С. 314–384.
- Павилёнис 1983 — *Павилёнис Р.И.* Проблема смысла: Современный логико-философский анализ языка. — М., 1983.
- Павлов 1951 — *Павлов И.П.* Избранные произведения. — М., 1951.
- Падучева 1985 — *Падучева Е.В.* Высказывание и его соотнесенность с действительностью (Референциальные аспекты семантики местоимений). — М., 1985.
- Палкин 2002 — *Палкин А.Д.* Лексико-морфологические средства выражения эмоций в онтогенезе речевой деятельности: Дис. ... канд. филол. наук. — М., 2002.

- Панфилов 1977 — *Панфилдов В.З.* Философские проблемы языкознания. — М., 1977.
- Панченко 1999 — *Панченко Н.Н.* Средство объективации концепта «обман»: Дис. ... канд. филол. наук. — Волгоград, 1999.
- Пенфильд, Робертс 1964 — *Пенфильд В., Робертс Л.* Речь и мозговые механизмы. — Л., 1964.
- Пиотровский 1980 — *Пиотровский Р.Г.* Инженерная лингвистика и проблемы «искусственного интеллекта» // Лингвистические проблемы «искусственного интеллекта» (Сб. научно-аналитических обзоров). — М., 1980.
- Пищальникова 1996 — *Пищальникова В.А.* Сборник предубеждений к разнообразным вещам. — М., 1996.
- Пищальникова 1999 — *Пищальникова В.А.* Психопозитика. — Барнаул, 1999.
- Пищальникова 2000 — *Пищальникова В.А.* Языковая игра как лингвосингергетическое явление // Языковое бытие человека и этноса: психолингвистический и когнитивный аспекты. Вып. 2. — Барнаул, 2000.
- Пищальникова 2001 — *Пищальникова В.А.* Общее языкознание. — Барнаул, 2001.
- Пищальникова 2003 — *Пищальникова В.А.* Эмоциональная доминанта текста: переводческий аспект // Эмотивный код языка и его реализация. — Волгоград, 2003.
- Плотников 1984 — *Плотников Б.А.* Основа семасиологии. — Минск, 1984.
- Плотникова 2000 — *Плотникова С.Н.* Неискренний дискурс. — Иркутск, 2000.
- Покровская 1998 — *Покровская Я.А.* Отражение в языке агрессивных состояний: Дис. ... канд. филол. наук. — Волгоград, 1998.
- Попова, Стернин 1984 — *Попова З.Д., Стернин И.А.* Лексическая система языка. — Воронеж, 1984.
- Прозерский 1983 — *Прозерский В.В.* Критический очерк эстетики эмотивизма. — М., 1983.
- Пузырев 1995 — *Пузырев А.В.* Анаграммы как явление языка. Опыт системного осмысления. — М.; Пенза, 1995.
- Разинкина 1972 — *Разинкина Н.М.* Стилистика английской научной речи (Элементы эмоционально-субъективной оценки). — М., 1972.
- Разинкина 1979 — *Разинкина Н.М.* Развитие языка английской научной литературы (Лингвостилистическое исследование): Дис. ... д-ра филол. наук. — М., 1979.
- Резников 1958 — *Резников Л.Д.* Понятие и слово. — Л., 1958.
- Рерих 1998 — *Рерих Н.К.* Твердыня пламенная. — Ростов-на-Дону, 1998.
- Розен 1984 — *Розен Е.В.* Общая и профессиональная лексика при обучении устной немецкой речи. — М., 1984.
- Розенталь, Теленкова 1985 — *Розенталь Д.Э., Теленкова М.А.* Словарь-справочник лингвистических терминов. — М., 1985.
- Русское культурное пространство: Лингвокультурологический словарь / Под ред. И.В. Захаренко, В.В. Красных, Д.Б. Гудкова. — М., 2004.
- Савченко 1972 — *Савченко А.Н.* Язык и системы знаков // Вопр. языкознания. — 1972. — № 6.
- Сазонов 1982 — *Сазонов В.А.* Рациональное и эмоциональное в лекции. — М., 1982.
- Санников 1999 — *Санников В.З.* Русский язык в зеркале языковой игры. — М., 1999.
- Седов 1999 — *Седов К.Ф.* О жанровой природе дискурсивного мышления языковой личности // Жанры речи. Саратов, 1999. Вып. 2. — С. 13–26.

- Семантическая общность национальных языковых систем. — Воронеж, 1986.
- Семантическая структура слова. Под ред. А. А. Леонтьева — М., 1971.
- Сердобинцев 1982 — *Сердобинцев Н.Я.* Структура стиля и структура стилистики // Основные понятия и категории лингвостилистики. — Пермь, 1982.
- Сердобинцев 1983 — *Сердобинцев Н.Я.* Соотношение разговорной и книжной речи, приемы введения элементов разговорной речи в нехудожественные тексты произведений первой половины XVIII века // Структура лингвостилистики и ее основные категории. — Пермь, 1983. — С. 56–69.
- Серебрянников 1983 — *Серебрянников Б.А.* О материалистическом подходе к явлениям языка. — М., 1983.
- Сковородников 1981 — *Сковородников А.П.* Экспрессивные синтаксические конструкции современного русского литературного языка. — Томск, 1981.
- Скробнев 1976 — *Скробнев Ю.М.* Очерк теории стилистики. — Горький, 1976.
- Смирницкий 1955 — *Смирницкий А.И.* Значение слова // Вопр. языкознания. — 1955. — № 2.
- Сорокин 2002 — *Сорокин Ю.А.* Межличностное общение и его этнокультурная специфика // *Hermeneutics and Rhetoric in Russia.* [Интернет ресурс] www.hermeneuticonline.net. 2002. № 1.
- Степанов 1975 — *Степанов Ю.С.* Основы общего языкознания. — М., 1975.
- Степанов 1981 — *Степанов Ю.С.* В поисках прагматики (проблема субъекта) // Изв. АН СССР. Сер. Лит. и яз. — 1981. — Т. 40. — № 4. — С. 325–332.
- Степанов 1996 — *Степанов Ю.С.* Константы. Словарь русской культуры. — М., 1996.
- Степанова, Хельбиг 1978 — *Степанова М.Д., Хельбиг Г.* Части речи и проблема валентности в современном немецком языке. — М., 1978.
- Стернин 1979 — *Стернин И.А.* Проблемы анализа структуры значения слова. — Воронеж, 1979.
- Стернин 1994 — *Стернин И.А.* Общие особенности коммуникативного поведения народа: реальность или фикция? // Язык, сознание, культура, этнос. — М., 1994. — С. 89–129.
- Стернин 2003 — *Стернин И.А.* Толерантность и коммуникация // Философские и лингвокультурологические проблемы толерантности. — Екатеринбург, 2003.
- Стивенсон 1985 — *Стивенсон Ч.* Некоторые прагматические аспекты значения // Новое в зарубежной лингвистике. — Вып. 16: Лингвистическая прагматика. — М., 1985. — С. 129–154.
- Танькова 1974 — *Танькова Г.В., Шаховский В.И.* Опыт вычленения эмотивной семы и анализ ее актуализации // Теоретические вопросы английской филологии (лексикология). — Горький, 1974. — С. 111–123.
- Телия 1981 — *Телия В.Н.* Типы языковых значений. Связанное значение слова. — М., 1981.
- Телия 1985 — *Телия В.Н.* Коннотативный аспект семантики номинативных единиц. — М., 1985.
- Телия 1991а — *Телия В.Н.* Экспрессивность как проявление субъективного фактора в языке и ее прагматическая ориентация // Человеческий фактор в языке: Языковые механизмы экспрессивности. — М., 1991. С. 5–36.
- Телия 1991б — *Телия В.Н.* Механизмы экспрессивной окраски языковых единиц // Человеческий фактор в языке: Языковые механизмы экспрессивности. — М., 1991. — С. 36–66.

- Телия 1996а — *Телия В.Н.* Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. — М., 1996.
- Телия 1996б — *Телия В.Н.* Роль образных средств языка в культурно-национальной окраске миропонимания // Этнопсихолингвистические аспекты преподавания иностранных языков. — М., 1996. — С. 82–89.
- Телия 1999 — *Телия В.Н.* Первоочередные задачи и методологические исследования фразеологического состава языка // Фразеология в контексте культуры. — М., 1999. — С. 13–25.
- Тихомиров 1969 — *Тихомиров О.К.* Структура мыслительной деятельности. — М., 1969.
- Тихомиров 1984 — *Тихомиров О.К.* Психология мышления. — М., 1984.
- Томашева 1995 — *Томашева И.В.* Эмотивная лакунарность художественного текста: Дис. ... канд. филол. наук. — Волгоград, 1995.
- Торопцев 1985 — *Торопцев И.С.* Язык и речь. — Воронеж, 1985.
- Травничек 1956 — *Травничек Фр.* Некоторые замечания о значении слова и понятия // Вопр. языкознания. — 1956. — № 1.
- Трофимова 1981 — *Трофимова Э.А.* Синтаксические конструкции английской разговорной речи. — Ростов-на-Дону, 1981.
- Уфимцева 2000а — *Уфимцева Н.В.* Языковое сознание и образ мира славян // Языковое сознание и образ мира. — М., 2000. — С. 207–220.
- Уфимцева 2000б — *Уфимцева Н.В.* Сознание, слово, культура // Коммуникативная лингвистика и коммуникативно-деятельностный подход к обучению языкам: Памяти Г.В. Колшанского. — М., 2000. — С. 44–45.
- Ухтомский 2002 — *Ухтомский А.А.* Доминанта. — СПб., 2002.
- Филимонова 2001 — *Филимонова О.Е.* Категория эмотивности в английском тексте (когнитивные и эмотивные аспекты): Дис. ... д-ра филол. наук. — СПб., 2001.
- Фомина 2006 — *Фомина З.Е.* Немецкая эмоциональная картина мира и лексические средства ее вербализации. — Воронеж, 2006.
- Фрейд 1992 — *Фрейд З.* По ту сторону удовольствия. — М., 1992.
- Фресс 1975 — *Фресс П.* Эмоции // Экспериментальная психология. Вып. 5. — М., 1975. — С. 112–195.
- Фрумкина 2000 — *Фрумкина Р. М.* Размышления о самосознании лингвистов и филологов (этические аспекты) // Интеллектуальный форум. — 2000. — № 3. — С. 153–171.
- Хазагеров 1977 — *Хазагеров Т.Г.* Некоторые вопросы семантики в свете теории информации. — Изв. АН СССР. Сер. Лит. и яз. — 1977. — № 1.
- Харисов 2001 — *Харисов Е.Б.* Эмотивность англоязычной детской речи, отраженной в художественной литературе: Дис. ... канд. филол. наук. — Волгоград, 2001.
- Хёйзинга 1997 — *Хёйзинга Й.* «Homo ludens». В тени завтрашнего дня. — М., 1997.
- Хомская, Батова 1998 — *Хомская Е.Д., Батова Н.Я.* Мозг и эмоции. — М., 1998.
- Хорошая речь / Под ред. М.А. Кормилициной, О.Б. Сиротининой. — Саратов, 2001.
- Частные вопросы автоматизированного анализа текстов. — Минск, 1972.
- Чейф 1975 — *Чейф У.* Значение и структура языка. — М.: Прогресс, 1975.
- Человек в коммуникации: аспекты исследований. — Волгоград, 2005.

- Честертон 1982 — *Честертон Г.К.* По обе стороны зеркала // Предисловие к книге Л. Кэрролла «Приключения Алисы в стране чудес. Сквозь зеркало и что там увидела Алиса, или Алиса в Зазеркалье». — М.: Правда, 1982. — С. 3–8.
- Шамне 1999 — *Шамне Н. Л.* Актуальные проблемы межкультурной коммуникации. — Волгоград, 1999.
- Шаронов 2004 — *Шаронов И.А.* Многоликая агрессия // Агрессия в языке и речи. — М., 2004. — С. 5–9.
- Шаховский 1978 — *Шаховский В.И.* О комплексном подходе к изучению эмоционального значения в языке. — Иностранные языки в высшей школе. — 1978. — Вып. 13. — С. 66–72.
- Шаховский 1979 — *Шаховский В.И.* О лингвистике коннотации // Семантико-системные отношения в лексике германских и романских языков. — Волгоград, 1979. — Вып. 9. — С. 39–49.
- Шаховский 1981 — *Шаховский В.И.* О способах эмотивной номинации // Семантико-системные отношения в лексике германских и романских языков. Вып. 10. — Волгоград, 1981. — С. 113–121.
- Шаховский 1982 — *Шаховский В.И.* Лингвистическое интервью как метод установления эмотивной адекватности оригинала и перевода // Средства выражения экспрессивности текста. — Ростов-на-Дону, 1982. — С. 94–108.
- Шаховский 1983 — *Шаховский В.И.* Эмотивный компонент значения и методы его изучения. — Волгоград, 1983.
- Шаховский 1984 — *Шаховский В.И.* Значение и эмотивная валентность единиц языка и речи // Вопр. языкознания. — 1984. — № 6. — С. 97–104.
- Шаховский 1985 — *Шаховский В.И.* Коннотация и ассоциация, их взаимосвязь и отношение к лексической семантике // Лексическое значение в системе языка и в тексте. — Волгоград, 1985. — С. 46–58.
- Шаховский 1986а — *Шаховский В.И.* Эмотивная валентность единиц языка и речи // Вопр. языкознания. — 1986. — № 6. — С. 97–103.
- Шаховский 1986б — *Шаховский В.И.* Экспрессивность и оценка — компоненты денотации // Образные и экспрессивные средства языка. — Ростов-на-Дону, 1986. — С. 57–64.
- Шаховский 1987а — *Шаховский В.И.* Отражение эмоций в семантике слова // Изв. АН СССР. Серия лит. и яз. — 1987. — № 3. — С. 237–243.
- Шаховский 1987б — *Шаховский В.И.* Соотносится ли эмотивное значение слова с понятием? // Вопр. языкознания. — 1987. — № 5. — С. 47–58.
- Шаховский 1987в — *Шаховский В.И.* Категоризация эмоций в лексико-семантической системе языка. — Воронеж, 1987.
- Шаховский 1987г — *Шаховский В.И.* Ономазиологический и семасиологический аспекты экспрессивности // Проблемы экспрессивной стилистики. — Ростов-на-Дону, 1987. — С. 40–47.
- Шаховский 1988 — *Шаховский В.И.* Категоризация эмоций в лексико-семантической системе: Дис. ... д-ра филол. наук. — М., 1988.
- Шаховский 1989 — *Шаховский В.И.* Национально-культурная специфика эмоций в языке оригинала и ее отражение в языке перевода // Тетради переводчика: Вып. 23. — М., 1989. — С. 74–83.
- Шаховский 1991 — *Шаховский В.И.* О роли эмоций в речи // Вопр. психологии. — 1991. — № 6 — С. 111–117.

- Шаховский 1994 — Шаховский В.И. Типы значения эмотивной лексики // *Вопр. языкознания*. — 1994. — № 1. — С. 58–66.
- Шаховский 1995 — Шаховский В.И. К теоретической и прикладной лингвистике эмоций // *Philologica*. — Краснодар, 1995. — № 7. — С. 49–51.
- Шаховский 1996а — Шаховский В.И. Гуманистическая методология обучения английскому языку в Англии // *Иностр. яз. в школе*. — 1996. — № 1. — С. 53–56.
- Шаховский 1996б — Шаховский В.И. Эмоциональные культурные концепты: параллели и контрасты // *Языковая личность: культурные концепты*. — Волгоград, 1996. — С. 138–152.
- Шаховский 1997а — Шаховский В.И. О переводимости эмотивных смыслов художественного текста // *Перевод и коммуникация*. — М., 1997. — С. 138–152.
- Шаховский 1997б — Шаховский В.И. Эмотиология в свете когнитивной парадигмы языкознания // *К юбилею ученого. Сб. науч. трудов, посвященный юбилею Е.С. Кубряковой*. — М., 1997. — С. 130–135.
- Шаховский 1997в — Шаховский В.И. Эмоции в языковом сознании и тексте // *Языковое сознание и образ мира*. — М., 1997. — С. 102–103.
- Шаховский 1998а — Шаховский В.И. Эмоции — мысли в художественной коммуникации // *Языковая личность: социолингвистические и эмотивные аспекты*. — Волгоград; Саратов, 1998. — С. 81–92.
- Шаховский 1998б — Шаховский В.И. Личностные эмотивные смыслы текста // *Текст и его когнитивно-эмотивные метаморфозы (межкультурное понимание и лингвозкология)*. — Волгоград, 1998. — С. 58–69.
- Шаховский 1999 — Шаховский В.И. Американская литература в эмоциональном осмыслении // *Americana: Вып. 3: Проблемы преподавания истории и культуры США*. — Волгоград, 1999. — С. 79–83.
- Шаховский 2000 — Шаховский В.И. Интеллектуальные импликации газетных заголовков как языковая карнавализация // *Актуальные проблемы психологии и лингвистики*. — М.; Пенза, 2000. — С. 32–33.
- Шаховский 2001 — Шаховский В.И. Когнитивные ресурсы эмоциональной языковой личности // *Языковая личность: проблемы когниции и коммуникации*. — Волгоград, 2001. — С. 11–16.
- Шаховский 2002 — Шаховский В.И. Эмоциональная/эмотивная компетенция в межкультурной коммуникации (есть ли неэмоциональные концепты) // *Аксиологическая лингвистика: проблемы изучения культурных концептов и этносознания*. — Волгоград, 2002. — С. 3–10.
- Шаховский 2003а — Шаховский В.И. Эмоции и игровое коммуникативное пространство языка // *Массовая культура на рубеже XX–XXI веков: Человек и его дискурс*. — М., 2003. — С. 46–56.
- Шаховский 2003б — Шаховский В.И. Эмоции — мотивационная основа человеческого сознания // *Языковое бытие человека и этноса*. — Вып. 6. — М.; Барнаул, 2003. — С. 215–222.
- Шаховский 2005а — Шаховский В.И. Человек лгущий в реальной и художественной коммуникативной ситуации // *Человек в коммуникации: аспекты исследования*. — Волгоград, 2005. — С. 173–204.
- Шаховский 2005б — Шаховский В.И. Эмоции во лживой коммуникации // *Язык, сознание, коммуникация*. — М., 2005. — Вып. 30. — С. 133–146.

- Шаховский 2007 — *Шаховский В.И.* Унижение языком в контексте современного коммуникативного пространства России // Проблемы речевой коммуникации. — Саратов, 2007. — Вып. 7. — С. 140–147.
- Шаховский, Жура 2002 — *Шаховский В.И., Жура В.В.* Эмоциональный дейкисс говорящего в межличностной коммуникации // Вопр. языкознания. — 2002. — № 5. — С. 38–56.
- Шаховский, Сорокин, Томашева 1999 — *Шаховский В.И., Сорокин Ю.А., Томашева И.В.* Текст и его когнитивно-эмотивные метаморфозы. — Волгоград, 1998.
- Швейцер 1973 — *Швейцер А.Д.* Перевод и лингвистика. — М., 1973.
- Швейцер 1986 — *Швейцер А.Д.* Теория перевода и лингвистика текста // Исследования целого текста. — Тез. докл. и сообщений. — М., 1986.
- Шейгал 1981 — *Шейгал Е.И.* Интенсивность как компонент семантики слова в современном английском языке: Автореф. ... канд. филол. наук. М., 1981.
- Шехтман 1977 — *Шехтман Н.А.* Семантическая редупликация и проблема тезауруса: Дис. ... д-ра филол. наук. — Л., 1977.
- Шинкаренко 2003 — *Шинкаренко В.Д.* Игра и культура // Социально-гуманитарные знания. — № 4. — 2003. С. 27–31.
- Шмелев 1969 — *Шмелев Д.Н.* Проблемы семантического анализа лексики: Дис. ... докт. филол. наук. М., 1969.
- Шмелев 1973 — *Шмелев Д.Н.* Проблемы семантического анализа лексики. — М., 1973.
- Шмелев 1977 — *Шмелев Д.Н.* Русский язык в его функциональных разновидностях. — М., 1977.
- Шмидт 1974 — *Шмидт Х.* Проблемы сопоставительного описания ограничения при стилистическом выборе // Теоретические вопросы английской филологии (лексикология). — Горький, 1974.
- Щирова 2003 — *Щирова И.А.* Психологический текст: деталь и образ. — СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2003.
- Щирова, Тураева 2005 — *Щирова И.А., Тураева З.Я.* Текст и интерпретация: взгляды, концепции, школы. — СПб., 2005.
- Эмотивный код языка и его реализация // Коллект. монография / Под ред. В.И. Шаховского. — Волгоград, 2003.
- Этнические стереотипы поведения. — Л., 1985.
- Язык и эмоции / Под ред. В.И. Шаховского. — Волгоград, 1995.
- Язык и эмоции: личностные смыслы и доминанты. — Волгоград, 2004.
- Язык. Сознание. Этнос. Культура: Тез. докл. / XI Всерос. симп. по психоллингвистике и теории коммуникации. — М., 1994.
- Язык и культура: Мат-лы Первой междунар. конф. — Киев, 1992.
- Якобсон 1975 — *Якобсон Р.* Лингвистика и поэтика // Структурализм: «за» и «против». — М., 1975. — С. 193–230.
- Яковлева 1976 — *Яковлева Е.Б.* Просодия атрибутивной синтагматики в современном английском языке: Дис. ... канд. филол. наук. — М., 1976.
- Ярцева 1986 — *Ярцева В.Н.* Сопоставительная лингвистика и проблема вариативности языка // Филологические науки. — 1986. — № 5. — С. 5–10.
- Ярцева В.Я., Коливанский Г.В., Степанов Ю.С., Уфимцева А.А. Основные проблемы марксистского языкознания. — М., 1974.

- Aitchison 1985 — *Aitchison J.* Cognitive clouds and semantic shadows // *Language and Communication*. — Oxford, 1985. — P. 69–93.
- Aitchison 1992 — *Aitchison J.* Words in the Mind: an Introduction to the mental lexicon. — Oxford, 1985.
- Alston 1967 — *Alston W.P.* Emotive meaning // *The Encyclopedia of Philosophy*, ed. P. Edwards. — V. II. — N.Y.; London, 1967. — P. 486–493.
- Anglistentag-1991. Düeseldorf // *Proceedings*-edit. by Wilhelm L. Busse. — Tübingen: Niemeier, 1992.
- Benson 1967 — *Benson John.* Emotion and Expression // *The Philosophical Review*, 1967. Vol. LXXVI. — No. 3.
- Block 1996 — *Block Ch.* Emotions and Discourse // *Text*. — Mouton de Greuyter. — Berlin. — N.Y. — 1996. — Vol. 16. — No. 3. — P. 323–341.
- Bonheim 1992 — *Bonheim U.* Emotions in Literature // *Proceedings...* Tübingen: Niemeier, 1992.
- Bolinger 1972 — *Bolinger D.* The Atomization of Meaning // *Language*. — 1965. — V. 41. — No 4. — P. 555–573.
- Bosmajian 1977 — *Bosmajian H.* The language of oppression. — Washington, 1977.
- Brown 1958 — *Brown Roger W. et al.* Language, Thought and Culture: The University of Michigan Press, 1958.
- Caffi, Janney 1994 — *Caffi C., Janney R.* Toward a Pragmatic of Emotive Communication // *Journal of Pragmatics*. — Vol. 22. — 1994. — P. 325–373.
- Cohen 1966 — *Cohen J.* Structure du langage poetique. — Paris, 1966.
- Crystal, Quirk 1964 — *Crystal D., Quirk R.* Systems of Prosodic and Paralinguistic Features in English. — Mouton, 1964.
- Danes 1987 — *Danes F.* Cognition and Emotion in Discourse Interaction: A Preliminary-Survey of the Field // *Preprints of the Plenary Session papers / XIVth International Congress of Linguists*. Berlin, 10–15 August 1987. — Berlin, 1987. — P. 272–291.
- Diller 1992 — *Diller H.J.* Emotions and the Linguistics of English // *Proceedings...* Tübingen: Niemeier, 1992.
- Edmondson 1992 — *Edmondson W.* Affect and Language Development // *Proceedings...* Tübingen: Niemeier, 1992.
- Ehninger, Gronbeck, McKerrow, Monroe 1982 — *Ehninger D, Gronbeck B.E., McKerrow R.E., Monroe A.H.* Principles and Types of Speech Communication. — N.Y., 1982.
- Empson 1951 — *Empson W.* The Structure of Complex Words. — London, 1951.
- Farb 1975 — *Farb P.* Word Play. — N.Y., 1975.
- Fehr, Russel 1984 — *Fehr B., Russel J.A.* Concept of emotion viewed from a prototype perspective // *Journal of Experimental Psychology: General*, 1984. V. 113. — P. 464–468.
- Filippov 1972 — *Filippov E.N.* Vogue suffix in presentday English. — ИЯЛЛ. 1972. № 5.
- Pastian 1965 — *Pastian G.* Primate Signaling System and Human Language. — N.Y., 1965.
- Gender Communication 1995 — *Gender Communication / Ed. J.C. Pearson, R.L. West, L.H. Turner*. — Boston, 1995.
- Goleman 1997 — *Goleman D.* The Emotional Intelligence. Why it Can Matter More than IQ? — Bentam Books, 1997.

- Gowedowskij 1972 — *Gowedowskij W.* Affixale konnotation im Deutschen und im Russischen. — Munich, 1972.
- Gray 1973 — *Gray W.* Emotional-Cognitive Structuring: A New Theory of Mind // Forum for Correspondence and Contact, 1973.
- Heller 1979 — *Heller A.* A Theory of Emotions. — Assen, 1979.
- Henie 1954 — *Henie P.* The Problem of meaning // Proc. and Addresses Amer. Philos. Assoc. 1954. P. 39–68.
- Hoffstede 2001 — *Hoffstede J.H.* National Character and National Stereotypes // Culture's Consequences: Comparing Values, Behaviors, Institutions and Organizations Across Nations, 2001.
- Isacenko 1972 — *Isacenko A.V.* Figurative Meaning, Derivation & Semantic features // The Slavic Word. Proceedings of the International Slavic Colloquium at UCLA, Paris, Mouton, The Hague, 1972.
- Isard 1980 — *Isard C.* Human Emotions. — MGU, 1980.
- Jakobson 1963 — *Jakobson R.* Essais de linguistique générale. — Paris, 1963.
- Johnson-Laird, Oatley 1987 — *Oatley K., Johnson-Laird P.N.* Towards a cognitive theory of the emotion // Cognition and Emotion. — 1987. Vol. 1. — P. 29–50.
- Johnson-Laird, Oatley 1989 — *Johnson-Laird P.N., Oatley K.* The Language of Emotions: an Analysis of a Semantic Field // Cognition and Emotion, 1989. Vol. 3(2). — P. 81–123.
- Kerbrat-Orecchioni 1977 — *Kerbrat-Orecchioni C.* La connotation. — Lyon, 1977.
- Kukhareenko 1986 — *Kukhareenko V.A.* A Book of Practice in Stylistics. — M., 1986.
- Lado 1968 — *Lado R.* Linguistics across cultures. — USA, 1968.
- Lakoff 1978 — *Lakoff R.* Language and Woman's Place — N.Y., 1978.
- Language of Emotions. — Amsterdam / Philadelphia, 1997.
- Language of Emotions. Conceptualization, Expression, and Theoretical Foundation. — Amsterdam / Philadelphia, 1997.
- Language, thought and culture / Ed. by Henie P. — USA: University of Michigan Press, 1958.
- Leech 1983 — *Leech G.N.* Principles of Pragmatics. — London, 1983.
- Leech, Short 1981 — *Leech G.A., Short M.H.* Style in Fiction. A Linguistic Introduction to English Fictional Prose. — Longman, 1981.
- Morris 1966 — *Morris Ch.* Signification and Significance. A Study of the relations of signs and values. — Cambridge (Mass.), 1966.
- Mouhiroud 1994 — *Mouhiroud C. et al.* Utilisation et expression des émotions dans la créativité verbale (outils de théorisation et résultats préliminaires). — Paris, 1994.
- Nikolas 1971 — *Nikolas J.* Diminutive consonant symbolize in western North America // Language. 1971. Vol. 47, No 4.
- Nischik 1992 — *Nischik R.* Betrayal psychohistorically: The Representation of emotions in the British Drama // Proceedings. — Ed. by Wilhelm L. Busse. — Tübingen: Niemeier, 1992.
- Noth 1992 — *Noth W.* Symmetries and Asymmetries between Positive and Negative Emotion Words // Proceedings. — Tübingen: Niemeier, 1992.
- Oddleifson 1995 — *Oddleifson St.* Contributions to the study of speech errors // Etymological Comments. — Missouri: Rolla Univ. — 1995, № 4.
- Ogden, Richards 1945 — *Ogden C., Richards J.* The Meaning of Meaning. — London, 1945.

- Pijstra, Zwaan, Graesser et al. 1995 — *Pijstra K., Zwaan R.A., Graesser A., Magliano J.* Character and Reader Emotions in Literary Text // *Poetics*. — Vol. 23. — 1995. — P. 139–157.
- Pinker 1994 — *Pinker S.* The Language of Instinct. How the Mind Creates Language. — N.Y., 1994.
- Riffaterre 1960 — *Riffaterre M.* Stylistic Context // *Word*. 1960, Aug. vol. 12.
- Robert 1996 — *Robert Amy K.* Associations in the Similarity and Categorization of Emotions // *Cognition and Emotion*. V. 10, № 1, 1996. — P. 27–46.
- Sapir 1921 — *Sapir E.* Language: An Introduction to the Study of Speech. — N.Y., 1921.
- Schahovskiy 1982 — *Schahovskiy V.I.* Zur linguistischen Analyse von Konnotationen // *Wissenschaftliche Zeitschrift*. — Zwickau. — 1982, Hf. 1. S. 82–90.
- Schahovskij 1987 — *Schahovskij V.I.* Lexikalische Bedeutung und Konnotation // *Zeitschrift für Phonetik, Sprachwissenschaft und Kommunikationsforschung*. — Berlin: Akademie Verlag, 1987. — № 6. — P. 80–91.
- Scott 1996 — *Scott R.* Who is Us // *Bridging Cultures*. — Volgograd, 1996. — P. 9–26.
- Semantics and Lexical Universals: Theory and Empirical Findings / Ed. by C. Gorbardt, A. Wierzbicka. — Amsterdam, 1994.
- Semin 2002 — *Semin Yuri R., Yorts Carien A. et al.* Cultural Perspectives on the Linguistic Representation of Emotion and Emotion Events // *Cognition and Emotion*. V. 16. № 1, Jan. 1, 2002. — P. 11–28.
- Shakhovsky 1996 — *Shakhovsky V. I.* Emotional Level of Human Communication // *Bridging Cultures*. Ramapo — VPU, Volgograd, 1996. — P. 112–121.
- Shakhovsky 2000 — *Shakhovsky V.I.* The Russian Language Personality and its Neologisms in Emotional Communicative Situations // *Imagination, Cognition and Personality*. Vol. 19 (2), Baywood Publ. Co. Inc., USA, 2000. — P. 195–202.
- Shakhovsky 2003 — *Shakhovsky V.* Emotional/Emotive Competence in Intercultural Communication // *Communication Studies*. 2003. Modern Anthology. — Volgograd, 2003. — P. 55–65.
- Solzhenitzin 1996 — *Solzhenitzin A.* The Russian Question at the End of the 20th Century. — USA, 1996.
- Sperber, Wilson 1986 — *Sperber D., Wilson D.* Relevance: Communication and Cognition. — Oxford, 1984.
- Stankiewicz 1964 — *Stankiewicz E.* Problems of emotive language // *Approaches to Semiotics* / Ed. by Sebeok, Jh. A. London. — The Hague; Paris, 1964.
- Sternina, Sternin 2003 — *Sternina M., Sternin J.* Russian and American Communicative Behavior. — Voronezh, 2003.
- Stevenson 1948 — *Stevenson Ch. L.* Meaning: emotive and descriptive // *Philosophical Review*. 1948. V. 57.
- Stevenson 1974 — *Stevenson Ch. L.* Some pragmatic aspect of meaning // *Reading in Semantics*. — Illinois, 1974.
- Stierle 1975 — *Stierle K.* Text als Handlung. — Munchen, 1975.
- Style in Language. — Mass., 1971.
- Tubbs, Moss 2000 — *Tubbs S.L., Moss S.* Human Communication. — Boston, 2000.
- Vachek 1971 — *Vachek K.* Modern English Lexicology and Stylistics. — Praha, 1971.
- Voiek 1987 — *Voiek B.* Emotive Signs in Language and Semantic Functioning of Derived Nouns in Russian. — Amsterdam / Philadelphia, 1987.

- Volek 1987 — *Volek B.* Emotive Signs in Language and Semantic Functioning of Derived Nouns in Russian. — Amsterdam; Philadelphia, 1987.
- Werner 1955 — *Werner H.* On Expressive Language // *Language*. 1955. Vol. 31, № 4 (part I), Oct.–Dec.
- Wierzbicka 1985 — *Wierzbicka A.* Different cultures, different languages, different speech acts // *Journal of Pragmatics*. No. 9. — 1985. — P. 13–36.
- Wierzbicka 1986 — *Wierzbicka A.* Human emotions: Universal or culture specific // *American Anthropologist*. — 1986.
- Wierzbicka 1995 — *Wierzbicka A.* Emotion and Facial Expression: a Semantic Perspective // *Culture and Psychology*, № 1, 1995. — P. 227–258.
- Wood 1994 — *Wood J.* Gendered Lives. — Belmont, 1994.
- Wurm 1996 — *Wurm Lee H.* Dimensions of Speech Perception: Semantic Associations in the Affective Lexicon // *Cognition and Emotion*. V. 10, № 4, July 1, 1996. — P. 409–424.

Лексикографические источники и принятые сокращения

- АРВС — *Судзиловский Г.А.* Сленг — что это такое. Англо-русский словарь военного сленга. — М., 1973.
- АРСС — *Апресян Ю.Д.* Англо-русский синонимический словарь. — М., 1979.
- БТС — Большой толковый словарь русского языка. — СПб., 1998.
- БФСРЯ — Большой фразеологический словарь русского языка: Значение. Употребление. Культурологический комментарий / Отв. ред. В.Н. Телия. — М., 2006.
- Даль — *Даль В.* Пословицы русского народа: В 2-х т. — М., 1984.
- ЖР — *Белянин В.П., Бутенко И.А.* Живая речь: Словарь. — М., 1994.
- ЛЭС — Лингвистический энциклопедический словарь. — М., 1990.
- ПЭ — Педагогическая энциклопедия. — Т. 4. — М., 1968.
- РАС — Русско-английский словарь / Под ред. Р.С. Даглиша. — М., 1975.
- РАФС — *Кулин А.В.* Русско-английский фразеологический словарь. — М., 1990.
- РНС — Русско-немецкий словарь. — М., 1977.
- СМЖ — Словарь молодежного жаргона. — Воронеж, 1992.
- СРЯ — *Ожегов С.И.* Словарь русского языка. — М., 1972.
- ССРЯ — *Александрова О.Е.* Словарь синонимов русского языка. 2-е изд. — М., 1969.
- ФЭС — Философский энциклопедический словарь. — М., 1983.
- Флегон 1973 — *Флегон А.* За пределами русских словарей. — London, 1973.
- AHD — *The American Heritage Dictionary of the English Language*. — Houghton 2002.
- BD — *The Barnhart Dictionary of New English since 1963*. — Houghton 1971; *Barnhart Dictionary of New English since 1963*. — New York, 1973.
- BRI — *Dubrovin M. I.* A Book of Russia Idioms. Illustrated. — Moscow, 1987.
- DCI — *Wood F.* Dictionary of English Colloquial Idioms. — London, 1979.
- DRO — *Dictionary of Russian Obscenities / Comp. by D.A. Drummond, G.Perkine*. — Berkeley, 1980.
- EWD — *Hamlyn. Encyclopedic World Dictionary*. — London, New-York, Sidney, 1972.

- HCU — Harper Dictionary of Contemporary Usage / Ed. by W. and M. Morris. — N.Y., 1975.
 ID — The Insult Dictionary (how to be abusive in five languages). — London, 1967.
 LDCE — Longman Dictionary of Contemporary English. — Longman, 1991.
 LDELС — Longman Dictionary of English Language and Culture — Longman, 1992.
 NWD — New Webster's Dictionary of the English language. — Springfield, 1971.
 OALD — Oxford Advanced Learner's Dictionary of Current English / Hornby A.S. — Impression, 1977.
 WEDE — The New Webster Encyclopedic Dictionary of the English Language. — New York, 1980.

Литературные источники

- Barstow S. The Fury // Moscow News, №3, 2001.
 Braine J. Room at the Top. — M., 1961.
 Bying a House (From «The Gullibility Gap») // Англия. — 1984. — N 2. — С. 106–108.
 Byron J.G. Don Juan. — London, 1949.
 Cassill R.V. The Wound of Love. — London, 1969.
 Christie A. The Seven Dials Mystery. — NY, 1978.
 Christie A. Secret Adversary. — London, 1973.
 Christie A. Puzzles. — M., 1983.
 Chopin K. The Story of an Hour // The Norton Anthology of Short Fiction. — N.Y., 1990. — P. 253–267.
 O'Connor Fl. Short Stories. — M., 1980.
 Dickens Ch. The Posthumous Papers of the Pickwick Club. — M., 1949.
 Dreiser Th. An American Tragedy. In 2 vol. — M., 1951.
 Fleming P. Advice to the Reader // Moscow News. 1983. № 10.
 Hemingway E. Men without Women. — NY, Cleveland, 1964.
 Legman G. Rationale of the Dirty Joke. — London, 1968.
 Maugham W. S. The Moon and Sixpence. — M., 1969.
 Maugham W. S. Rain and other Short Stories. — M., 1977.
 Maugham W. S. The Theater. — M., 1977.
 Maugham W. S. The Painted Veil. — M., 1981.
 Macdonald R. The Goodbye look. — London, 2000.
 Mitchell M. Gone with the Wind. — NY, 1979.
 Mozaika. Warazawa. 1982. No 4–6.
 Salinger J.D. The Catcher in the Rye. — M., 1968.
 Sillitoe A. Key to the Door. — M., 1969.
 Show G.B. Pygmalion. — M., 1972.
 Show I. At the Top of the Hill. — Lnd, 1993.
 Shakespeare W. Romeo and Juliet. — M., 1972.
 Wodehouse P.G. My Man Jeeves. — London, 1976.
 Wodehouse P.G. Very Good, Jeeves. — Harmondsworth, 1977.
 Астафьев В. Печальный детектив: Роман // Собр. соч.: В 15 т. Т. 9. — Красноярск, 1997. — С. 8–75.

Список литературы

- Айтматов Ч. И дольше века длится день // И дольше века длится день: Роман. Повесть. — М., 1986. — С. 5–296.
- Евтушенко Е. Ягодные места. — М., 1998. — С. 3–123.
- Ильф И.А., Петров Е.П. Двенадцать стульев. Золотой теленок. — Ростов-на-Дону, 1986.
- Ковалев К. Карфаген должен быть разрушен // Советская Россия, № 103 (от 5 сентября 1996).
- Крон А. Бессонница // Избр. произведения: В 2-х т. Т. 2. Бессонница: Роман, Вечная проблема: Очерк; Воспоминания. — М., 1980. — С. 8–127.
- Мегре В. Анастасия. — М.; СПб., 2003.
- Минкин А. Власть — народу! И лучше — наличными // Московский комсомолец (от 02.02.2005).
- Полный сборник приколов Н. Фоменко // www.fomenko.ru
- Станкин М.И. Эмоциональный самоконтроль позволяет менеджеру достойно выявлять радость и в беде // Коммерческие вести. 1997. № 12.
- Толстой Л.Н. Смерть Ивана Ильича // Собр. соч.: В 12 т. Т. 11. — М., 1984.
- Хинштейн А. Хроника вранья // Московский комсомолец (от 08.09.2004).
- Чехов А.П. Вишневый сад // Соч. в 4-х т. Т. 4. Пьесы и водевили. — М., 1984. — С. 500–552.

Терминологический указатель

- агрессия** (вербальная / невербальная) – 131, 169, 170, 179, 261, 268;
аллюзия – 263, 273, 370, 381;
амбивалентность эмотивная – 121, 122, 125, 152;
антиномия – 127, 129, 135, 259;
антитранскрипция – 356, 367;
аппроксимация – 37, 324, 346;
аффект – 38, 105, 133–134, 217, 221, 222, 278, 281;
аффектация чувств – 15, 340;
аффектив – 18, 47, 66, 75, 79, 80–82, 164–168, 183, 186, 191, 205, 208, 221, 222, 217, 233, 254, 255, 268, 277–279, 387;
бленд – 354: ~концептуальный – 354–356, 366–367; ~лексический – 355, 366; синтаксический – 355, 366;
валентность – 72, 116, 117–118, 274, 371: ~образная – 148, 164; ~оценочная – 148, 164, 274; ~эмотивная – 20, 23, 28, 29, 49, 71–72, 116–118, 120–126, 132, 142–148, 166–168, 213, 255, 281, 322, 359, 371, 379; ~эмоциональная – 145–147, 379;
вербальная эмоция – 133, 160, 265, 273;
вербальное общение – 136, 139, 174, 225, 231, 240, 289;
вербальное поведение – 128, 195, 243, 255, 287, 295, 309;
вербальное сокрытие эмоций – 284;
вербальный код эмоций – 128, 150, 161, 180, 184, 240, 245;
вербализация эмоций – 132, 165, 166, 226, 261, 270, 285–289, 324, 341, 363;
гендерлект – 286;
глорификация – 290;
дейксис (см. эмоциональный дейксис)
деноминация значения слова – 171;
диффамация – 175, 222, 261, 268;
дисконтакт – 154, 225;
дискурс – 17, 29, 36: ~медиаальный – 271–276; ~научный – 268–271; ~политический – 259–268; художественный – 276–281; ~когнитивно-эмотивный – 29, 36, 280, 318, 357, 366;
диссонанс эмоциональный – 37;
жаргонизм – 260, 261, 263;
идентификация – 19, 96, 143, 313–318;
импликационал – 60, 61, 69, 70, 90, 116, 124, 128, 129, 144, 145, 148;
инвектив – 17, 18, 47, 61, 80, 153, 234;
ингерентный потенциал эмоций – 30, 76, 120, 166, 211–214;
ин(а)культурация – 168, 291, 292;
инсоциализация – 292;
интенционал – 60, 116, 169;
интертекстуальность – 186–187, 353; 376;
ирония – 87–88, 233, 262, 263, 273, 275, 375, 377, 382;
иррадиирование эмотивности – 215–216;
каламбур – 353, 360;
карнавализация эмоций – 353, 370, 378–383;
категоризация эмоций – 27, 74, 83, 245, 354, 381;
кинесика – 136, 164, 192, 195, 223;
когнитип – 23, 381;
коммуникативная неудача (провал) – 284, 291, 324–325, 343, 348, 389;
коммуникативная помеха – 299, 324, 343, 345;
коммуникативное (речевое) **поведение** – 129, 175–176, 270, 284, 285, 291, 354, 362;
коммуникативное пространство – 129–130, 132, 275;
коммуникативный (речевой) **партнер** – 23, 26, 37, 129, 288, 341;
коммуникация эмоций – 136, 140–141;
компетенция – 127–129, 226, 229, 255, 291, 310, 318, 384; ~коммуникативная – 127, 176–179, 224, 281, 289, 290, 317, 318, 324, 333, 363, 368; ~меж-

- культурная – 318, 324–328; ~эмотивная – 25, 49, 127, 129, 178, 184, 224, 290, 327, 362–364; ~эмоциональная – 25, 178, 242, 281, 318, 319, 326–327, 362–364;
- коннотатив** – 47, 76–80, 81, 186, 233, 254, 320, 330, 333;
- коннотативность** – 53, 97–98, 100–104, 336, 337;
- коннотация** – 54, 60–66, 74–78, 80, 81–83, 86–90, 97–101, 105, 107, 110, (типология – 112–116), 150–152, 156, 166, 172, 200, 204, 206, 210, 214, 224, 275, 292, 303, 315, 327–332, 333–341, 374, 381, 382; (см. также – **эмотивная коннотация**);
- контекст** – 53, 56, 59, 61, 77, 113, 123, 124, 130, 138, 152, 156, 178, 184, 186, 194, 198, 211, 213–215, 229, 255, 262, 273, 275, 283, 295, 344, 349, 364; ~экспрессивный – 136–138; ~эмоциональный – 119, 203, 354;
- ксенокультура** – 314–315;
- культурема** – 311, 314, 324–326;
- культурная доминанта** – 302, 304–308, 324;
- лакунарность** – 20, 265, 284, 299, 313, 314, 323;
- лексикализация эмоций** – 24, 25, 27, 118, 246, 321–324; (см. также **манифестация эмоций**);
- лексикография эмотивности** – 20;
- лексическое значение слова** – 21, 25, 30, 37–38, 48, 54–56, 67–72, 73–80, 82–85, 89–90, 98–101, 104, 107, 112–114, 116, 144, 166–167, 320–322; 328, 340;
- лингвистика эмоций** – 13, 14, 22, 84, 129, 180, 237, 255, 319–320, 365, 367;
- лингвокультурный концепт** – 311, 327; (см. **эмоциональный культурный концепт**);
- лингвокультурология эмоций** – 20, 282;
- живые эмоции** – 168–169, 174–176;
- ложь вербальная** – 172–174; 264;
- малапропизм** – 355, 366;
- манипуляция эмоциональная** – 169, 175;
- манифестация эмоций** – 15, 112–113, 161, 248, 319–320;
- мейозис** – 178, 281;
- метафора** – 79–81, 91, 214, 233, 262, 273, 280, 328–329, 350, 376–377;
- моделирование эмоций** – 167–176, 373;
- наведение эмотивной семы** – 208–209, 216;
- национально-культурная специфика выражения эмоций** – 20, 41, 287–293, 309–310;
- номинативные потенции языка** – 48, 60, 74, 125;
- норма реализации эмотивов** – 148–157;
- омофония (межъязыковая)** – 353–356, 366;
- палиндром** – 353, 358;
- парадигма (коммуникативная)** – 23, 60, 74, 96, 129, 131, 132, 177, 226, 259, 266, 287, 318, 353;
- парадигматика (эмотивов)** – 30, 31, 210;
- парадокс** – 260, 360;
- паралингвистика эмоций** – 96–97, 284–285, 291–292;
- плотность эмотивов** – 197–198;
- повтор** – 94, 216, 242, 263, 279–280;
- полипарадигмальность** – 24, 45, 50;
- полистатусность эмотивности языка** – 20, 28–30;
- политкорректность** – 178, 309–310, 316;
- понятийно-семантическая соотношенность** – 53, 67, 69, 71–73, 144–146, 334–335;
- просодема** – 173, 181, 199, 233, 278;
- просодия** – 26, 42, 291;
- психосемантика** – 37, 90, 112;
- реакция прототипическая** – 59, 70, 140, 147, 162, 174, 193, 220;
- реверсия оценочного знака** – 152, 239;
- ремниисценция** – 360, 381;
- референция культурная** – 324–325;
- референция эмоциональная** – 161, 236, 274, 289, 325, 341, 364;
- ритуал вербальный** – 129, 366, 372;
- семантический потенциал** – 77, 89, 119, 211, 232, 263, 266;
- семантический фокус** – 116, 135;

- семиотика эмоций – 16, 18, 129, 130, 348;
- сигнификат – 59, 121–122, 144–145, 368, 369;
- ситуация категориальная эмоциональная – 13, 22, 25, 47, 54–56, 60, 77–78, 129–133, 140, 186, 199, 273, 275, 279, 283, 292–294, 312, 340–344, 377, 381, 385;
- ситуация общения / коммуникативная эмоциональная – 22, 25–26, 31–32, 49, 55–56, 71, 77–79, 94, 128–129, 132, 138, 141, 160, 163, 177–179, 197–200, 215, 218, 255, 273, 279, 285–288, 290, 292, 297, 381;
- ситуация конфликтная психоэмоциональная – 133, 169, 277, 281;
- ситуация прототипическая – 307, 377;
- смысловое пространство языковой личности – 20, 236, 264, 324, 349;
- спунеризм – 356–357, 360;
- социологизация эмоций – 69, 243;
- стилема – 37, 233;
- текстоллингвистика эмоций – 15, 16, 179, 237, 262;
- толерантность эмоциональная – 176–179, 284–297, 325, 363;
- трансляция эмоций – 13, 21, 39, 182, 255, 273, 323, 342;
- транспозиция эмоций (стилистическая) – 255–256, 263, 356, 366;
- транстекстуальность – 187;
- фатика – 176, 194, 246, 305, 373;
- фокализация – 135;
- фонация – 164, 177, 187, 192–195, 198, 223, 291;
- фоновое знание – 216, 354;
- фонацема – 233, 278;
- функции эмоций – 17, 21, 23, 28, 39, 42, 160–161, 177, 262, 285, 289, 318: адаптивная ~ – 23, 29, 36, 37, 312, 318, 361, 365; лингвокреативная ~ – 23; прагматическая ~ – 15, 16, 112–113, 372; фатическая ~ – 15, 192–193;
- функции эмотивного текста – экспрессивная ~ – 203–210, 327; эксплицирующая/наводящая ~ – 210–217; прагматическая ~ – 217–224; эмпатическая ~ – 225–226;
- характеризация – 68–69, 136, 247, 251, 272, 378;
- хронотоп – 29, 46, 256, 294;
- эвокация эмоций – 182, 246, 247, 251;
- эвфемизм – 95, 178, 261, 267, 275, 308, 319;
- экспрессив – 91, 94–98, 137, 139, 141, 205, 265;
- экспрессивная коммуникация – 96, 134, 140, 142;
- экспрессивность – 91–98, 99–103, 133–135, 141, 153, 168, 205, 208, 268;
- эмосема – 74, 81, 96, 102, 116–125, 213–216, 230, 334, 338, 339;
- эмотема – 186;
- эмотив – 19, 26, 30–31, 47–48, 56–59, 61–66, 67–75, 80, 98, 125, 148–153, 155–157, 161, 163, 166, 182, 192–194, 196–199, 200–202, 204–205, 215–216, 218, 220–224, 230–232, 237, 245, 254–255, 278–281, 312–313, 320, 341, 342; ~ – стимул – 153, 193; ~ – реакция – 153, 193;
- эмотивная интерпретация – 29, 59, 68, 73, 85, 166, 184;
- эмотивная компетенция – см. компетенция;
- эмотивная коннотация – 29, 30, 66, 74–78, 80–83, 86–90, 98, 100, 110, 112–116, 150–152, 156, 166, 204, 206, 211, 213, 224, 292, 303, 305, 328–333, 374, 382;
- эмотивная лакуарность – 16, 20, 180, 181, 190, 276, 284, 299, 313, 314, 341–342; (см. также – лакуарность);
- эмотивная лексика – 56–57, 61–62, 75, 79, 97, 117, 119, 135, 148–149, 185, 192, 202, 211, 214, 218, 223, 230, 233, 245, 314, 347;
- эмотивная маркированность – 29, 269, 274, 289, 339;
- эмотивная номинация – 30, 275, 295, 299, 304, 313, 350, 365;
- эмотивная fascinация – 29, 373;
- эмотивное значение – 29–30, 53–55, 57, 61, 63–67, 74–76, 80–81, 99–100, 113,

- 116–119, 123, 145, 151–153, 158, 166, 200, 206, 207, 211, 214, 223, 224, 229, 295, 334, 381;
- эмотивное семантическое пространство языка** – 20, 42, 275, 294, 320, 349, 364, 378;
- эмотивное функциональное поле языка** – 130, 243, 339, 342;
- эмотивность** – 17, 20–21, 28–30, 45, 47, 49, 50, 55–56, 69, 73–79, 87, 89, 96, 101, 121, 125, 154, 158–159, 168, 205, 216–218, 229–230, 270, 282, 288, 311, 342, 348, 371, 380, 384;
- эмотивность слова** – 19, 20, 67, 73, 76–78, 80, 82, 83, 89, 96–101, 151–155, 166, 204–206, 211–213, 344, 348;
- эмотивность текста** – 180, 182–188, 197, 202, 205, 211, 214–217, 265, 268, 271, 273, 371;
- эмотивный код языка** – 19, 29, 49, 54, 77, 127, 128, 141, 150, 154, 161, 172, 180, 184, 195, 204, 240, 244–246, 278, 298, 313, 318, 361–362, 367, 371, 384;
- эмотивный поступок (вербальный / авербальный)** – 84, 94, 130, 138, 162, 164, 172–173, 211, 225, 248, 251, 278, 291;
- эмотивный потенциал** – 30, 49, 78, 125, 128, 130–131, 166, 184–185, 210–214, 223, 230, 240, 263, 266, 276, 279, 291, 362;
- эмотивный сдвиг** – 126, 153, 154;
- эмотивный синтаксис** – 135, 136, 138, 185–186, 192, 196, 263, 265, 273, 346;
- эмотивный / эмоциональный смысл** – 21, 23, 26, 29, 33, 45, 48–49, 152–153, 215, 228–229, 231–234, 237, 280, 288, 315, 341–342, 361;
- эмотивный текст** – 21, 180–184, 187, 188–190, 200, 207–209;
- эмотивный фон** – 186, 197;
- эмотивный эффект** – 88, 107, 154, 178, 197, 221, 354, 372;
- эмотнология** – 15, 20–22, 24, 130, 237, 245, 256, 319, 362, 383; гендерная ~ – 21, 284–287; когнитивно-дискурсивная ~ – 21, 29, 270, 280, 318;
- эмоциогенность** – 22, 259, 344, 348;
- эмоциональная активация** – 27, 316;
- эмоциональная доминанта** – 21, 34, 44, 237–245, 291, 308, 362;
- эмоциональная импликация** – 69–70, 295, 338, 343, 379, 381;
- эмоциональная концептосфера** – 16;
- эмоциональная модальность** – 290;
- эмоциональная окраска (см. также эмосема)** – 20, 66, 99, 106, 185, 220, 227, 231, 232, 234, 237, 339;
- эмоциональная оценка** – 40, 41, 47, 58–61, 70, 78, 80–83, 262, 274, 331, 339–341, 344;
- эмоциональная память** – 34, 35, 132, 172, 204, 317, 325;
- эмоциональная рефлексия** – 14, 63, 168, 177, 181, 182, 187, 239, 240, 248, 273, 286, 311;
- эмоциональная реакция** – 69, 218–223, 274, 290, 291, 304, 328, 339, 340, 374;
- эмоциональная ситуация** – см. ситуация эмоциональная;
- эмоциональное мышление** – 27, 31, 37, 38, 40, 44, 56–57, 69, 238–239, 255, 270, 362, 364, 385;
- эмоциональное (речевое) поведение** – 16, 22–24, 28, 195, 208–209, 268, 270, 272, 273, 282–285, 290–292, 295, 363, 386;
- эмоциональное приращение смысла** – 21, 236–237, 243; *
- эмоциональное событие** – 22;
- эмоциональное состояние** – 17, 31, 36, 37, 40, 57, 61, 69, 78, 82, 98, 128, 136, 139, 166, 182, 191, 196, 197, 201–204, 208, 209, 218, 230, 231, 237, 256, 265, 279, 281; (см. также **аффект**);
- эмоциональность** – 16–17, 23, 29, 55, 56, 64, 100, 104, 128, 139, 143, 153, 182, 192, 233, 265, 269–270;
- эмоциональный дейксис** – 22, 24, 28–29, 31–32, 36–38, 127, 129, 238, 242–243, 270, 287, 290, 319, 326, 363;
- эмоциональный диссонанс** – 37;
- эмоциональный индекс** – 21, 46–47, 166, 181, 190, 217, 218, 226, 237, 255, 304, 306, 317, 346; (см. также – **эмоциональный тренд**);

- эмоциональный интеллект – 23–25, 31, 34, 36–38, 127, 242, 270, 319, 326, 362–365, 373, 376;
- эмоциональный (культурный) концепт – 25, 26, 274, 293–298, 301–304, 310, 317, 320–321, 325–326, 342–344, 346–347, 351;
- эмоциональный речевой акт – 17, 27, 42, 46–47, 49, 130, 134, 158, 161, 167, 172, 176–179, 205, 207–208, 214, 217, 229, 230, 233, 236, 247, 386;
- эмоциональный тренд – 21, 34, 46, 166, 181, 218, 226, 237, 256, 287, 290, 296, 304, 313;
- эмоция – 54–60, 63, 65–66, 67–72, 75, 79, 83, 93–96, 104–105, 110–111, 124–125, 130–132, 134–136, 139–141, 152–153, 160–162, 166, 167–172, 175–176, 184–185, 188, 197, 201–204, 208, 210, 214, 217, 223, 229–230, 233, 237, 242–243, 245–247, 252–253, 383;
- эмпатия – 43, 225, 247, 251, 278, 365;
- элитет – 110, 136, 170, 214, 215, 223, 233, 262, 264, 274;
- язык тела (body language) – 24, 36, 39, 169, 177, 364;
- языковая игра – 24, 128, 216, 353–362, 366–372, 373–378;
- языковая личность – 27, 28, 33, 39–41, 45–50, 132, 159, 166, 168, 173–174, 182, 184, 226, 230, 242, 246–248, 254–255, 260, 283, 288, 318, 324, 326, 343, 360–361, 373, 376–377;
- языковое сознание – 31–33, 49, 57–59, 64, 89, 102, 105, 107, 147, 171–173, 175, 188, 204, 225, 227–229, 231, 236, 239, 254, 260–261, 268, 280, 298, 343, 354

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	5
----------------	---

Часть I

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ЛИНГВИСТИКИ ЭМОЦИЙ

Глава 1. Что такое лингвистика эмоций	13
§ 1. Лингвистика эмоций: от концепции к теории	13
§ 2. Достижения и проблемы современной лингвистики эмоций	16
§ 3. Взаимодействие концепций в лингвистике эмоций	21
§ 4. Эмотиология в свете когнитивной парадигмы языкознания	24
§ 5. Полистатусная природа эмотивности	28
Глава 2. Эмоции как проблема антропоцентрической лингвистики	31
§ 1. Эмоции в языке и сознании: биологический аспект	31
§ 2. Эмоциональная основа языкового сознания: психологический аспект	32
§ 3. Эмоциональный интеллект: когнитивный аспект	38
§ 4. Языковая личность: эмоциональный аспект	45

Часть II

ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ РЕАЛИЗАЦИЯ ЭМОЦИЙ

Глава 1. Категоризация эмоций в языке	53
§ 1. Эмотивное значение слова и понятие	53
§ 2. Отражение эмоций в семантике слова	67
§ 3. Статусы эмотивной семантики	73
§ 4. Виды эмотивной номинации	84
§ 5. Эмотивность и экспрессивность слова	91
§ 6. Экспрессивность и оценка – компоненты денотации	98
§ 7. Звуковой символизм, ассоциативность и коннотативность слова ..	104
§ 8. Типология коннотации	112
§ 9. Эмотивная валентность единиц языка	116
Глава 2. Вербализация эмоций в речи	127
§ 1. Эмоции в контексте проблемы соотношения языка и речи	127
§ 2. Категориальная эмоциональная ситуация	129
§ 3. Экспрессивность речи и эмоции	133
§ 4. Эмоционально-оценочно-образный потенциал словарных знаков и его реализация в речи	142
§ 5. Нормы реализации эмотивов в речи	148
§ 6. Коммуникативная сущность эмотивной семантики слова	158

§ 7. Моделирование эмоций в процессе общения	167
§ 8. Коммуникативная компетенция и эмоциональная толерантность	176
Глава 3. Текстоллингвистика эмоций	180
§ 1. Понятие эмотивного текста и его признаки	180
§ 2. Закономерности эмотивной организации текста	188
§ 3. Текстобразующий потенциал эмоций	190
§ 4. Функции эмотивного текста	203
§ 5. Личностные эмотивные смыслы текста	227
§ 6. Эмоциональная доминанта в тексте	237
§ 7. Эмоции-мысли в художественном тексте	245

Часть III

КОММУНИКАТИВНОЕ ПРОСТРАНСТВО ЭМОЦИЙ

Глава 1. Эмоции в актах межличностного и институционального общения	259
§ 1. Эмоции в политическом дискурсе	259
§ 2. Эмоции в научном дискурсе	268
§ 3. Эмоции в медиальном дискурсе	271
§ 4. Эмоции в художественной коммуникации	276
Глава 2. Лингвокультурология эмоций	282
§ 1. Социокультурный аспект эмоциональной коммуникации	282
§ 2. Эмоции в национальном характере и стереотипах	287
§ 3. Эмоциональные культурные концепты: параллели и контрасты ...	293
§ 4. Существуют ли неземонациональные лингвокультурные концепты ..	311
§ 5. Эмоция как межкультурный референт	318
§ 6. Национально-культурные особенности коннотативного компонента значения	327
§ 7. Особенности трансляции коннотативной информации в межкультурной коммуникации	333
§ 8. Идиоматика словных лингвокультурем	341
§ 9. Влияют ли заимствования на историческую судьбу России и русского языка	348
Глава 3. Эмоции в игровом коммуникативном пространстве	353
§ 1. Эмоции и коммуникативное игровое пространство языка	353
§ 2. Эмоциональный интеллект в языковой игре	362
§ 3. Игровые тенденции в современном русском языке	373
§ 4. Языковая карнавализация эмоций	378
Заключение	383
Список литературы	389
Терминологический указатель	409

Научное издание

Виктор Иванович Шаховский

ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ ЭМОЦИЙ

ООО «ИТДГК "Гнозис"»

Бумага офсетная № 1. Формат 60 × 90/16.
Гарнитура «Times». Печать офсетная. Усл. печ. л. 26.
Тираж 2000 экз. Заказ № 1302

Отпечатано с готовых диапозитивов
в ОАО «Марийский полиграфическо-издательский комбинат»
424002, г. Йошкар-Ола, ул. Комсомольская, 112.

ISBN 5-94244-019-0

9 785942 440190